1 р. 90 к.

ВИЛИС ЛАЦИС

СЕМЬЯ ЗИТАРОВ IV–VI

ВИЛИС ЛАЦИС **СЕМЬЯ ЗИТАРОВ**

ВИЛИС ЛАЦИС

СЕМЬЯ ЗИТАРОВ

РОМАН
В ШЕСТИ ЧАСТЯХ

ЧАСТИ IV—VI

Издание 2-е (стереотипное)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗИНАТНЕ»
РИГА 197

L 2
Л 302

Печатается по собранию сочинений В. Лациса
(М., издательство «Известия», 1959)

Авторизованный
перевод с латышского М. Михалевой.

Художник А. Егерс.
Примечания С. Леви.

© Издательство «Зинатне», 1976 г., иллюстрации, примечания.

Л $\frac{70303-081}{М811(11)-77}$

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СИБИРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Шесть семейств со своими пожитками набилось в маленький товарный вагон. Двадцати странникам предстояло проделать длинный путь в несколько тысяч километров по необозримым российским просторам. Среди пассажиров были курземцы с берегов Абавы, двое с литовской границы, несколько рижан и жители видземского побережья. В дождливый октябрьский вечер они сошлись в этой тесной теплушке.

В обоих концах вагона были устроены в два яруса нары. Под ними все заложено тюками, мешками, ящиками и чемоданами беженцев; посреди вагона — чугунная печурка. Мужчины по очереди постоянно заботились об огне.

Зитары заняли одну из верхних нар. Эльза устроилась у окна, второе окно отвоевал Эрнест; остальные разместились посередине. У верхних нар были свои преимущества: там светлее, можно любоваться на мелькавшие за окном поля, луга, и вся семья чувствовала себя до некоторой степени обособленно. К тому же здесь не дуло от дверей.

Валтериене и Сармите устроились внизу, под нарами Зитаров. Там всегда царил полумрак, всегда что-то беспокоило, ворочалось и толкало, и в продолжение всего долгого пути человек чувствовал, что и он всем мешает. Рядом с Валтерами расположился какой-то одинокий старичок из Бауски и самый состоятельный человек в вагоне — Блукис. Он подъехал к станции на извозчике, как барин, — в черном пальто с каракулевым воротником и

с двумя солидными чемоданами. Он единственный из всех пассажиров всю дорогу пробыл при галстуке, в крахмальном воротничке и аккуратно через день брился. Когда все перезнакомились и разговорились, выяснилось, что Блукис занимался скупкой скота и всякими другими спекуляциями. У него водились деньжонки; он надеялся и на чужбине заняться выгодными делами. Ему могло быть лет сорок пять. Черные усы, круглое краснощекое лицо, массивная золотая цепь, растянувшаяся по животу, — все это резко отличало скототорговца от окружавших его полуразоренных людей. Но он, казалось, не замечал этого и старался ладить со спутниками.

В другом конце вагона пристроилась большая семья курземцев и две одинокие пары. Их нежные отношения походили на воркование голубков, и это служило постоянным поводом для шуток. Одна пара была уже средних лет, другая — совсем молодые люди. Были ли они женаты, этого никто так и не выяснил, но поведение молодой пары явно доказывало, что это их медовый месяц. Они целовались на глазах у всех, ведь не может же человек, обуреваемый такими чувствами, ждать несколько недель, пока представится возможность целоваться наедине. Вначале соседи зубоскалили, но скоро привыкли, так же как привыкли ко многому другому, что в нормальных условиях казалось бы невозможным и неприличным.

Сжатые, словно сельди в бочке, потерявшие родину и не знающие, что их ожидает в конце пути, — таковы были они, эти двадцать различных людей. Но нельзя сказать, чтобы они казались слишком подавленными и мрачными. Самым грустным был их первый вечер. Когда поезд тронулся и беженцы поняли, что они покидают родину, каждый горько задумался, осознавая всю огромность потери; он представил себе неизвестное, что ждет его впереди. Послышались вздохи, в темных уголках раздалось сдерживаемое всхлипывание. Только дети не горевали, их радовала монотонная песня колес. Для них начиналось долгожданное, интересное приключение.

Утром беженцы прибыли в Валку. Пасмурный, дождливый день, мокрые люди на перроне, несколько арестантских вагонов с решетчатыми окнами... И опять гудит паровоз, звенят, сталкиваясь, вагонные буфера и эшелон

катится дальше. На станциях еще изредка слышится латышская речь, затем она звучит все реже и реже и наконец исчезает совсем. Вместе с ней исчезли латышские усадьбы и поселки. Теперь за окнами мелькали бедные деревни с полуобвалившимися, замшелыми избенками. По грязной дороге брели крестьяне в лаптях. Лапоть, символ нищеты, властитель бескрайних просторов России от Пинских болот до Урала! Но не дальше. За Урал, как утверждает Мамин-Сибиряк, лапоть не осмелился шагнуть, потому что гордый, энергичный сибиряк не пустил его на свою землю.

Очень однообразно такое путешествие, несмотря на пестрое мелькание городов, рек, озер. Вначале еще привлекают внимание какие-то монастырские купола, колокольни, а потом человек уже не в состоянии воспринять всю огромную массу впечатлений и равнодушно взирает на незнакомые места. Хорошо, если у него есть какие-нибудь обязанности, какие-то повседневные дела. Впрочем, в этом у беженцев недостатка не было. Несколько раз в день приходилось доставать на станциях кипяток и пополнять запас дров. У каждой большой станции стояли поленницы дров, и, когда эшелон останавливался, из всех вагонов выбегали мужчины и спешили захватить по нескольку поленьев. В вагон, где ехали Зитары, натаскали столько дров, что их хватило бы на всю неделю. Дрова складывали под нарами и вокруг печурки. Во время движения поезда большие поленья пилили на короткие чурки. Топку печки поручили более пожилым мужчинам, которые не участвовали в добывании дров. Лучшим добытчиком топлива считался Эрнест Зитар. Как бы зорко железнодорожники ни охраняли поленницы, он всегда умудрялся выхватить у них из-под самого носа несколько плах. Но он не ограничивался только дровами, и это уже было хуже. Под Псковом парень чуть было не попался. Он «нечаянно» вместо полена схватил большой кусок брезента, которым был накрыт приготовленный к отправке груз. Несмотря на то что брезент никак не мог служить топливом, Эрнест свернул его и спрятал в вагоне. Кражу скоро обнаружили. Сторожа подняли шум, и неизвестно, как обернулось бы для Эрнеста дело, если бы поезд не тронулся. В такое время, когда все мешалось и рушилось, поведение Эрнеста никого не удивило. Но вот поезд остановился на следующей станции, и Карл

Зитар, к великому возмущению Эрнеста, отдал свернутый брезент дежурному по станции. Это был такой странный поступок, что даже Блукис недоуменно пожал плечами.

2

Каждая семья наметила себе конечный пункт своего пути, только у Зитаров и Валтериене с Сармите он был общий — далекий Владивосток. За исключением Блукиса, все ехали по этой дороге впервые, ни у кого там не было знакомых — будущее местожительство выбирали наудачу. Человек приходил в эвакуационное бюро записаться на отъезд. Там спрашивали, куда его направить, и он, мало разбираясь в географии громадной страны и не зная ничего об условиях жизни в той или иной местности, наугад называл первый попавшийся город.

Самый короткий путь избрала молодая парочка, — они собирались сойти в Перми. Пожилая пара записалась на Омск, семейство курземцев — в Красноярск, с тем чтобы оттуда направиться в латышскую колонию под Минусинском; старик, живший прежде на литовской границе, надеялся найти хорошую жизнь в Семипалатинске, а Блукис ехал в Иркутск. Столь же разнообразны были конечные пункты и у пассажиров остальных вагонов.

Когда волею обстоятельств незнакомые люди живут вместе несколько недель и среди них находится такой неумолчный говорун, как Блукис, то на скуку жаловаться не приходится. День-два еще проходят сравнительно тихо, пока едущие привыкают к обстановке, знакомятся друг с другом. Затем уже складываются группы. Молодежь находит товарищей среди молодых, старики — среди пожилых, «тонкие натуры» постепенно тоже организуют особый кружок. У каждой группы свои интересы, в ней достигнуто взаимопонимание, и она держится обособленно от других.

У каждого свой угол в этом доме на колесах, но человек не в состоянии пролежать всю дорогу. Днем нужно немного размяться, спуститься с нар, проведать соседей, принять гостей в своем уголке.

Янка на каждой станции выскакивал из вагона и спешил осмотреть все достопримечательности. Нередко он

уходил слишком далеко и не успевал на ходу поезда вскочить в свой вагон; ему случалось часто ехать в чужих вагонах или на тормозной площадке, к великому волнению матери, считавшей его уже отставшим.

Сармите днем часто взбиралась на верхние нары к Эльзе и часами любовалась проносившимися мимо поезда видами. На узловых станциях, где менялись бригады и поезд стоял долго, молодежь выходила погулять на перрон и по базару. Иногда к ним присоединялся и Блукис, этот молодящийся мужчина, которому льстило, что его называют молодым человеком. Он ехал по этой дороге не впервые и был осведомлен решительно обо всем: он знал, что здесь было раньше и что замечательного встретится в пути. Любезный человек, пожалуй даже излишне любезный, в особенности по отношению к Сармите. В вагоне он часто усаживался на какой-нибудь чурбан или на край нар, поближе к углу Валтеров, и старался втянуть Сармите в разговор. Всезнающий, он сомневался, стоит ли двум одиноким женщинам ехать во Владивосток. Что они будут делать в незнакомом городе? Иркутск, например, — дело другое, да если еще там будет состоятельный земляк, которому для разных торговых дел понадобятся свои люди.

— Я это просто так, между прочим, дело ваше...

Назойливая любезность Блукиса уже с первого дня не понравилась Карлу Зитару, в нем сразу проснулось недоверие и враждебность к спекулянту. Он старался скрыть эти чувства, чтобы не показаться смешным в глазах Эльзы, которая не упустила бы случая поиздеваться над его ревностью. Но когда Блукис и на станциях ни на минуту не оставлял его вдвоем с Сармите, Карл не выдержал и вежливо, но решительно заявил любезному земляку, что они в няньке не нуждаются.

— Господин Блукис, я знаю русский язык не хуже вас и надеюсь обойтись без переводчика.

Это случилось в Ярославле. Блукис обозлился и высказал слишком, пожалуй, резкое для добрососедских отношений суждение:

— Ну конечно, я в этом нисколько не сомневаюсь. Как же может не знать по-русски офицер русской армии! Иначе бы он не осмелился дезертировать с военной службы на чужбину.

— Дезертировал я с военной службы или еду с

разрешения военных властей, отчитываться перед вами не собираюсь, — обрезал Карл.

— Военному коменданту Ярославля вы бы таким тоном не отвечали... — продолжал Блукис.

— Нет, ему я предъявил бы документы. А вот вы, мне думается, не показали бы ему содержимое ваших чемоданов.

Это было сказано наугад, — ведь никто не знал, что везет Блукис в своих чемоданах, но слова Карла попали в цель. Блукис больше не произнес ни слова и отошел в сторону. В дальнейшем он избегал упоминать об отношении Карла Зитара к русской армии и на больших станциях не выходил из вагона, ссылаясь на ломоту в костях. Изредка он все же подсаживался к Валтерам и заводил разговор о том, насколько выгодно было бы Сармите и ее матери высадиться в Иркутске. Но он старался говорить об этом тихо, чтобы его не слышали на верхних нарах.

3

В Вологде к эшелону беженцев прицепили двадцать вагонов, прибывших из Архангельска. В них находились высланные из Англии русские подданные — моряки, эмигранты и беженцы военного времени. Большинство — молодые люди и мужчины призывного возраста: литовцы, эстонцы, поляки и изредка латыши. Все они были в одинаковой одежде: в синих бостоновых костюмах, с жокейками на голове и полосатыми платками на шее. У старого Зитара даже потеплело на душе, когда он увидел знакомую морскую форму и услышал прорывавшуюся кое-где английскую речь, — они были как бы посланцами родной ему стихии. Ему представилось на миг, будто поезд стоит в большом заграничном порту и мимо состава проходит веселая, шумливая толпа моряков. Эй, бравые ребята с гладко выбритыми лицами и татуировкой на руках! Ребята из Глазго и Ньюкасла, из больших доков и угольных копей, побывавшие в Европе! Как теперь там дела, как она выглядит?

Он поговорил с ними и узнал: они высланы в Россию за то, что отказались служить в английской армии. До

Архангельска их доставили на судне, затем посадили в поезд и теперь везут в Сибирь.

Деньги у них пока были — в продолжение всей войны они хорошо зарабатывали.

Зитарам эти парни показались дорогими, близкими, родными. Они надеялись поточнее разузнать что-либо об Ингусе, о его гибели. Нет, оказывается, никто не знал его — они даже не читали в газетах сообщение о гибели «Канадиэн Импортер».

Эти попутчики вдохнули новую жизнь в эшелон беженцев. Возле каждой станции большой северной магистрали раскинулось много ларьков. Жители ближних деревень продавали жареных гусей, пирожки с капустой, блинчики и рыбу. Ходили с корзинками продавцы молока, жареных подсолнухов и серых пшеничных булок. У беженцев были свои запасы, и они только изредка прикупали на станциях что-нибудь из продуктов. Эмигрантам же приходилось покупать все. На каждой станции, едва останавливался поезд, они тучей вываливались из вагона и взапуски бежали к ларькам. Окружив их, они кричали, требуя каждый свое, и значительная часть их оставалась ни с чем. Люди эти обладали волчьим аппетитом, они не пропускали ни одной остановки, не опустошив ларьки до конца.

Вначале они довольствовались тем, что торговцы успевали им отпустить за время стоянки поезда. Потом им показалось этого недостаточно, и они перешли на самообслуживание: как только поезд подходил к станции, толпа эмигрантов налетала на ларьки, более ловкие перескакивали через прилавок, на ходу выясняли у хозяина стоимость товаров и, не спрашивая разрешения, начинали торговать. Гуси и утки, караваи хлеба и пирожки разбирались моментально, и в несколько минут ларек пустел. Услужливый «иностранец» выкладывал перед торговцем вырученные деньги, благодарил, и поезд катил дальше, увозя веселых ребят. Могло, конечно, случиться, что в такой спешке какой-нибудь гусь и уплывал бесплатно, ибо недаром в этих случаях к эмигрантам присоединялся Эрнест Зитар, но в общем они действовали честно. Только позже, когда денежные сбережения их начали иссякать, они стали скупее при расчетах. И наконец на одной из станций некоторые торговцы не получили за своих гусей ни копейки. Провожаемый проклятиями и причитаниями,

эшелон отправился дальше. На следующей станции все ларьки оказались закрытыми. Торговцы сидели у дверей и отвечали набежавшим покупателям, что все распродано и сегодня торговать не будут.

То же самое повторилось на второй, третьей и четвертой станциях. Опасный эшелон опережало предостерегающее сообщение, и хозяева ларьков спешили застраховать себя от неприятных сюрпризов. Как только эшелон трогался, предусмотрительные торговцы открывали свои ларьки и становились за прилавки.

Но долго ли может так продолжаться? Эшелон проходит несколько сотен километров, на одной из станций дежурный забывает предупредить соседнюю станцию, и перед европейцами опять гостеприимно открыты ряды ларьков, где нет недостатка ни в жареном, ни в вареном. Голодные, обозленные парни теперь не щадят никого. По двое, по трое забираются они за прилавок и щедрой рукой раздают всем что кому нравится. После них не остается ни крошечки. Плачьте теперь, торговки и торговцы, сообщайте на следующие станции, и до скорого свидания на обратном пути, если эта честь будет вам оказана.

Так продолжалось до Урала и дальше — до самого Омска.

4

В Перми эшелон стал пустеть. Первыми из вагона Зитаров ушла пара молодых. В Екатеринбурге сошло несколько семей из других вагонов. Но большинство собиралось выйти в Омске, чтобы оттуда разъехаться в разные стороны: кто на Семипалатинск, кто вдоль Иртыша на север, где в Тарском уезде было несколько латышских колоний.

После нескончаемого однообразия равнин пейзаж становился все привлекательнее. Урал, скалистые горные хребты, на больших станциях ларьки с изделиями из уральского камня — все привлекало внимание эвакуированных. Они чувствовали себя путешественниками, отправившимися в продолжительное и интересное путешествие, забывая подчас о том, что они всего лишь беженцы и только волна бедствий занесла их на чужбину.

Скоро где-нибудь кончится это путешествие, и тогда они поймут, что романтике пришел конец и настали будни с их повседневными заботами и суровой борьбой за существование.

В Екатеринбурге появились первые китайцы, предвестники настоящей Азии. Дальше они встречались на станциях всех городов и уже в большом количестве. Одетые в национальные костюмы — мужчины с косами, женщины в синих шелковых шароварах, с маленькими, изуродованными колодками ногами, —они торговали жареными подсолнухами и папиросами, продавали изделия из цветной бумаги: веера, цветы, птиц, некоторые показывали фокусы и акробатические номера. В Ишимской степи изредка уже появлялись верблюды, а в Омске было много киргизов. Они расхаживали по базару и улицам в толстых стеганых халатах, характерных треухах, с медно-красными лицами.

Это уже была настоящая экзотика. Янка Зитар почувствовал, что сейчас начинается пестрая, богатая приключениями жизнь, о которой он мечтал еще со школьных времен. Правда, здесь не росли пальмы и посреди необъятных степных просторов не поднимался ни один коралловый атолл, но здесь были горы, большие сибирские реки, текущие с высоких гор и из далекой Монголии. А там дальше, у Амура, встретятся настоящие джунгли с тиграми и другими удивительными зверями. Все-таки стоило сюда приехать.

Самый большой сюрприз, который особенно потряс Блукиса, ожидал их в Новониколаевске. Поезд прибыл на станцию поздно ночью и под утро отправился дальше. Блукис находился в хорошем настроении и рассказывал, какие тоннели придется проезжать за Красноярском. Урал бледнеет по сравнению с теми горами, которые им предстоит увидеть. Поезд остановился на какой-то станции. Кругом расстилалась гладкая, покрытая снегом степь, и железнодорожная линия тянулась прямо на юг.

— Какая это станция? — спросил Блукис у проходившего железнодорожника.

— Черепаново... — ответил тот.

— Черепаново? — Блукис не помнил, чтобы на большой Сибирской магистрали была такая станция. — Далеко ли еще до Красноярска?

— Эта дорога не идет на Красноярск, — ответил железнодорожник. — Скоро будет Барнаул.

Блукис был потрясен, да и Зитарам это известие принесло разочарование: ночью, пока беженцы спали, эшелон по распоряжению эвакуационных учреждений был направлен на Алтай.

Большинство беженцев отнеслось к случившемуся довольно хладнокровно; только Блукис свирепствовал, словно разъяренный тигр.

— У меня направление на Иркутск! Позаботьтесь, чтобы я туда попал. В противном случае я буду жаловаться в соответствующие органы!

Но Блукису не удалось осуществить угрозу. Он немедленно притих и как-то сжался, когда прочел вывешенное на стене вокзала обращение к народу: в Петрограде, на берегах Невы, произошло великое, исторически важное событие, огромную роль и значение которого многие тогда еще не в состоянии были осознать, — Великая Октябрьская социалистическая революция двинулась победным шествием по всей стране!

— Временное правительство свергнуто!

— Керенский сбежал!

— В России провозглашена Советская власть!

— Во главе нового Советского правительства встал Владимир Ильич Ленин!

Капитан Зитар растерянно смотрел на Карла.

— Что теперь будет? Чего нам ждать от этой перемены?

— Я не пророк, но как для тебя, так и для меня ясно одно: произошло то, что должно произойти... — ответил ему Карл. — Восторжествовала справедливость. Теперь сам народ станет хозяином своей земли и начнет строить жизнь так, как это ему нужно.

Не один капитан Зитар в неведении и смятении смотрел навстречу новой жизни, спрашивая: «Что ты мне принесешь?» Но большинство людей не мучились сомнениями и догадками, их дальнейший путь был ясен с самого начала. Миллионы трудящихся, ни минуты не колеблясь, признали новую, Советскую власть своей властью и были готовы защищать ее своим пóтом и кровью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Железнодорожная станция Барнаул находилась в открытой степи. Здесь уже наступила суровая сибирская зима. Дул резкий восточный ветер, метя поземку по голой равнине. На улицах города снег лежал уже таким слоем, что извозчики ездили на санях.

Эшелон поставили на запасный путь, и беженцы стали выгружаться из вагонов. Некоторые нашли подводы и отправились в барак для беженцев, устроенный на городской окраине, другие, позажиточней, ушли в город искать пристанища. Зитары после нескольких недель, проведенных в вагоне, тоже с удовольствием расположились бы в отдельной квартире, ибо жизнь в бараках не обещала ничего хорошего. Но на всякий случай, чтобы потом не пришлось довольствоваться первым попавшимся углом, они решили отвезти вещи в барак и затем поискать жилье в городе.

Безотрадное начало — попасть из одной тесноты в другую, худшую. Барак оказался переполненным беженцами. Там находились поляки, литовцы, украинцы и белорусы из западных губерний, где шли военные действия. Они набились в барак до отказа, заполнили нары, расположенные в два яруса, семья к семье. Когда Зитары с Валтерами явились в это убежище, первое впечатление было настолько гнетущим, что они охотно вернулись бы обратно, если бы только было куда. Спертый кисловатый воздух, лохмотья и вши, плач детей, отборная брань — это было жуткое место.

Верхние нары оказались занятыми, поэтому Зитарам и Валтерам пришлось разместиться на нижних. Если за долгую дорогу кому-либо и удалось избегнуть насекомых, то здесь он неизбежно подвергался этому бедствию. Учуяв свежий запах, насекомые покидали свои грязные гнездилища, сотнями переползали через мешки с пожитками и жадно накидывались на прибывших. Противно было видеть их на платье других, а еще хуже оказаться самому в их власти. Старый Зитар позже в шутку говорил, что в его вязаном свитере в каждом очке сидела вошь и, когда он тряс его, они валились,

словно салака из сети. Вечером они сыпались на приезжих и с верхних нар.

В таком кромешном аду эти люди еще никогда не бывали. Поэтому даже самые бедные беженцы старались как можно скорее выбраться из барака, хотя это жилище было бесплатным и тут еще давали хлеб и суп.

В первый же день, как только вещи сложили в бараке, мужчины семьи Зитаров отправились в город и, разделившись попарно, обошли чуть ли не пол-Барнаула, разыскивая квартиру. Это оказалось нелегким делом: с год назад в городе был большой пожар. Выгорели лучшие кварталы, расположенные по берегу Оби. От красивых центральных улиц с большими магазинами и многоэтажными каменными домами остались лишь развалины и пепелища. Улицы еще загромождали обломки строений, осколки кирпича, изогнутые железные балки; повсюду валялись обгорелые вывески магазинов, железные ставни, дверные петли, печные дверцы, осколки стекла. Однако пострадала только самая богатая и, казалось, безопасная в пожарном отношении часть Барнаула — кварталы каменных зданий, тогда как улицы с деревянными домами уцелели. Теперь в зияющих отверстиях окон завывал ветер, и единственными обитателями развалин были голуби. Мимо этого запустения несла свои бурные и холодные воды Обь, которую уже одел ледяным покровом мороз. На противоположном берегу, насколько можно было охватить глазом, расстилалась бескрайняя степь с далекими богатыми деревнями. Там была житница Сибири, обширные поля пшеницы, и в город ежедневно прибывали вереницы груженых крестьянских подвод. Здесь еще не знали, что такое нужда и голод, лари на базарах ломились от громадных караваев пшеничного хлеба, от мяса и бочек с маслом. На приезжих с первой же минуты пахнуло скрытой мощью и красотой необъятных, похожих на океан сибирских просторов. Бородатый, тяжеловесный, в длинной, подпоясанной веревкой шубе и расписных валенках, шагает сибирский крестьянин, надев на руки громадные рукавицы, сшитые из собачьего меха. Вон с колокольчиками на дуге или бубенцами на сбруе вихрем мчатся сани богатого купца; несется пара огненных рысаков, стоя в санях, покрикивает лихой ездок, и все поспешно сторонятся.

Блестят на солнце купола церквей, слышится разноголосый звон соборных колоколов, и вдали за городом, на поросшей лесом возвышенности, сверкает снежной белизной стен монастырь. А на окраине у кладбища ютится серый барак, и сотни беженцев с нетерпением ждут момента, когда же они смогут вырваться из его зловонных стен на свежий сибирский воздух, рассыпаться по деревням и горным селениям и оплодотворить эту землю своим потом.

Два дня прожили Зитары и Валтеры в бараке. Наконец Карлу удалось найти на окраине города, у Оби, комнату. Они немедленно наняли подводы и третий вечер уже встретили в своей квартире, счастливые, что удалось наконец вырваться из барачного ада.

2

— Теперь мы настоящие азиаты, — пошутил Карл Зитар, когда оба семейства первый раз уселись ужинать в новом жилье. — Ни столов нет у нас, ни стульев. Сидим по-турецки, на корточках.

Они сидели на полу неправильным кругом, а еда стояла посредине на старом одеяле. Квартира состояла из двух помещений — комнаты и кухни с большой русской печью в углу. У внутренней стены комнаты устроили общую спальню, мешки для спанья положили прямо на пол. Остальные вещи оставили на кухне. Единственной мебелью, унаследованной от прежних постояльцев, оказалась старая деревянная скамейка, служившая теперь и кухонным столом, и полкой для посуды.

Перед женщинами встала трудная задача: как сварить еду без плиты — в кухне была только русская печь. После долгих и безрезультатных раздумий пришлось обратиться к хозяйке. Выяснилось, что у беженцев нет соответствующей посуды — чугунов, а латышские чугунные котелки здесь не годились. К счастью, Эрнесту по пути из дому пришла в голову мысль подобрать на дороге несколько брошенных солдатских котелков, они теперь очень пригодились, и все оценили дальновидность Эрнеста.

На следующий день началась генеральная уборка.

Женщины стирали белье, вытряхивали одеяла и вывесили на мороз всю верхнюю одежду, чтобы поскорее избавиться от паразитов. А под вечер все пошли в баню. Мужчины между тем добыли воза два дров и отправились искать работу. В это время из разваливающейся армии ежедневно возвращались домой солдаты, и найти работу было трудно, в особенности если не знаешь никакого ремесла. Легче было получить работу плотникам и печникам: кое-где на месте сгоревших домов возводили новые; изредка людей нанимали также на уборку развалин. Эльза Зитар тщетно надеялась на место в банке или в учреждениях. Отец все чаяния возлагал на весну, когда закончится ледоход и откроется навигация на Оби. Неужели для него, капитана дальнего плавания, не найдется место штурмана на здешних пароходах?

Эрнесту удалось устроиться первому. Он нанялся в работники к мяснику. Пятьдесят рублей в месяц на всем готовом, — о чем еще мог мечтать беженец? Вскоре и Эльза нашла работу у латышского спекулянта, торговавшего маслом на барнаульском рынке. Сам он разъезжал по деревням, скупал товар, и ему нужен был человек, который в его отсутствие стоял бы за прилавком и обслуживал покупателей. Эльза Зитар скоро освоилась и оказалась полезной помощницей предприимчивого земляка.

Сармите Валтер получила работу в одной латышской семье, приехавшей в Барнаул еще задолго до войны и успевшей путем разных коммерческих операций нажить состояние. Битениеки — так звали ее теперешних хозяев — имели недалеко от центра города двухэтажный дом и славившуюся в городе колбасную мастерскую, хотя сам Битениек явился сюда совершенно без всяких средств и не имел никакого представления о колбасном производстве. Он был выслан в Сибирь за уголовные преступления, что не помешало ему на новом месте жительства приобрести славу порядочного человека. По мере того как росло благосостояние, выяснилось, что жена его больше не может выполнять простую домашнюю работу, особенно сейчас, когда в Барнаул наехало так много соотечественников. Поскольку муж держал в колбасной нескольких рабочих, мадам потребовала себе тоже горничную и кухарку, иначе чего стоит звание мадам. К

тому же она делала доброе дело, принимая на работу бедную латышскую девушку.

Карл мог бы найти работу в первый же день, но ему пришлось несколько недель прожить без дела, чтобы дать возможность окончательно зажить ране. Как только состояние его здоровья улучшилось, он поступил заместителем начальника в одно из отделений барнаульской милиции. Несколькими днями позже капитан Зитар получил подходящую работу в ремонтной мастерской Обского пароходства: он должен был контролировать ход ремонта такелажа речных судов, находящихся на зимовке. Старому моряку такое дело было как раз по плечу.

3

У Битениеков собирались латыши — вначале только по вечерам в субботу или в воскресенье, а потом и в середине недели. Таким образом дом Битениеков превратился в своего рода латышский клуб. Молодые Зитары не пропускали ни одного такого вечера, а по воскресеньям туда приходил и сам капитан, чтобы поболтать с Битениеком и другими земляками. Пока молодежь в большой комнате обсуждала вопрос о создании драматического и хорового кружка, пожилые мужчины в соседней комнате играли в карты и предавались другим радостям жизни, о чем можно было судить по тому, что некоторое время спустя все они оказывались в благодушном настроении, становились разговорчивыми и шумными, а на обратном пути Эльзе и Янке приходилось поддерживать отца под руки — капитан Зитар напоминал моряка на судне во время штормовой качки.

За первым эшелоном беженцев последовали другие, и теперь в Барнауле собралось столько латышей, что на улицах постоянно слышалась латышская речь.

Служебные обязанности Карла Зитара часто мешали ему посещать вечера Битениеков, хотя его больше, чем кого-либо другого, тянуло туда — ведь там жила Сармите. В один из вечеров он встретил у Битениека Блукиса, который со времени приезда в Барнаул нигде не появлялся. Оказалось, что он уже успел совершить поездку по окрестным деревням, но, не найдя ничего

подходящего для спекулятивных операций, возвратился в город. Теперь он не пропускал ни одного вечера у Битениеков и прилагал все усилия к тому, чтобы сделаться в доме своим человеком. Зная пристрастие Битениека к крепким напиткам, Блукис никогда не являлся без самогона. И тогда оба они, старый сибиряк и приезжий, часами просиживали за бутылкой, беседуя, как старые друзья. Когда об этом узнал Карл, он поначалу думал, что Блукис торчит здесь ради Сармите. Но вскоре открылась настоящая причина его посещений, и Карл с веселым любопытством стал следить за ловкой коммерческой игрой, которую вел Блукис.

Битениек, помимо колбасного производства, в широких масштабах занимался торговыми операциями и считался одним из самых крупных спекулянтов Барнаула. Оставив колбасную мастерскую на попечение жены и помощников, он нагружал воз товарами и странствовал по соседним деревням. В окрестностях Барнаула его, как он выражался, знала каждая собака и каждый крестьянин величал Петром Егорычем. Он доставлял в деревни мануфактуру, сепараторы, сельскохозяйственные машины и всякую мелочь, в том числе жестяные иконы и книжки с описанием житий святых. Пользуясь предубеждением крестьян против бумажных денег, он менял свои товары на сельскохозяйственные продукты — кожу, масло, мед, скот. И такой товарообмен оказался очень выгодным.

Раз в году Битениек получал большой барыш. Весной, когда открывалась навигация на Оби, он уезжал на далекий север, в Обдорск или Березово, и отсутствовал несколько недель. Туда он вез мешки с разными ничего не стоящими пустяками, а возвращался с тюками дорогих мехов. Одна такая поездка давала Битениеку возможность весь год жить без забот; если на старую рубаху или гимнастерку можно было выменять самую лучшую песцовую шкурку, тут уж разбогатеть не составляло труда.

Блукис кое-что прослышал об этих поездках на север и тоже загорелся. Не было смысла размениваться по мелочам: пусть всякая мелкота продает масло фунтами, меняет лошадей — он будет торговать мехами. Неужели какой-то Битениек понимает в торговле больше его, старого опытного спекулянта военных лет? Только бы узнать, куда приезжают северяне для обмена и какими они больше всего интересуются товарами. Ему нужно было выяснить все заблаговременно, чтобы должным образом подготовиться к экспедиции и вместе с Битениеком объехать тундру. Он теперь ежедневно приходил в этот дом, тратил драгоценное время и расходовал деньги на покупку самогона. Но ему никак не удавалось склонить Битениека к откровенности — тот, вероятно, о чем-то начал догадываться. Ни в трезвом виде, ни во хмелю он не рассказывал о своих поездках на север. А когда Блукис затевал разговор на эту тему, отвечал весьма односложно и уклончиво и торопился перевести беседу на другое.

Блукису ничего больше не оставалось, как усыпить бдительность Битениека и выследить, как он готовится к поездке. Он продолжал свои посещения, но не заикался больше о торговле мехами. Нет, он очень деятельно готовится к отъезду на Урал, чтобы закупить на горных заводах олово и цинк, которые в Сибири можно продать, получив пятьсот процентов чистого барыша. Весной он поедет в Харбин и привезет несколько тюков китайских тканей, которые там можно достать в любом количестве, в то время как здесь ощущается недостаток в мануфактуре. Все это были хорошие намерения. Многие спекулянты уже этим занимались, почему бы и Блукису не последовать их примеру?

Битениек на самом деле поверил его планам, и как-то однажды хитрому конкуренту удалось открыть первую из его тайн: незаметно для Битениека он выследил, какие вещи тот скупал на барахолке. Как только Битениек удалился, Блукис тоже стал покупать с рук всякие обноски: старые рубахи, кальсоны, поношенные военные гимнастерки, френчи, брюки и шапки — все самое потрепанное и изношенное, потому что именно так действовал Битениек. Все это можно было приобрести за пустяковую цену. И к вечеру Блукис уже набил полный мешок.

Он продолжал закупки и в следующие дни, прячась от Битениека и делая вид, что ничего не знает о его сборах к поездке на север. Когда тот находился на рынке, Блукис старался не заходить туда, и они никогда не встречались.

Вскоре Блукису удалось выяснить еще одно важное обстоятельство: Битениек велел Сармите выстирать и

зачинить купленную одежду и белье. У нее теперь появилось столько дела, что ей некогда было заниматься хозяйством, и мадам Битениек сама убирала комнаты. Выстиранная, выглаженная и аккуратно сложенная рубаха выглядела несравненно лучше, чем мятая одежина, купленная на барахолке. И надо полагать, что даже северному охотнику приятнее смотреть на брюки, где все пуговицы на месте и швы зашиты, чем на рваный, потрепанный кусок ветоши.

— Чем занята ваша мать? — спросил как-то Блукис у Сармите, застав ее во дворе Битениеков за развешиванием белья.

— Ничем. Она все еще не найдет никакой работы, — ответила Сармите.

— Не может ли она мне кое-что постирать и зачинить? — продолжал Блукис. — Я закупил небольшую партию одежды для деревни. Только не говорите ничего Битениеку, он не хочет иметь конкурентов.

Таким образом и Валтериене получила неожиданно работу. А два человека ожидали наступления весны, когда пройдет ледоход и северные охотники приедут из тундры на берега Оби, чтобы выменять свою ценную добычу на никому не нужные обноски. С приближением весны росло беспокойство обоих. Битениек, по-видимому, что-то пронюхал и все чаще осведомлялся у Блукиса, почему тот не едет на Урал и в Харбин. Но Блукис отговаривался нездоровьем и изучал расписание движения пароходов на Оби.

4

Зима 1917/18 года ничуть не была холоднее и продолжительнее других здешних зим, но Зитарам, привыкшим к мягкому приморскому климату, она казалась бесконечно долгой и суровой. На улице редко было менее пятнадцати градусов мороза, а зачастую он доходил до сорока градусов. Эльзе, несмотря на теплые валенки и овчинную шубку, иногда не под силу было стоять на морозе за прилавком. В особенно холодные дни ее заменял Янка, хотя парень не имел ни малейших способностей к торговле. Но он в семье считался резервной силой, не имевшей определенных обязанностей, поэтому все непредвиденные и мелкие дела возлагали на него. Когда кончалось топливо, Янка должен был вставать утром раньше всех, идти на большак у въезда в город и караулить крестьянские подводы с дровами, — там их можно было купить немного дешевле, чем на базаре. Когда наступало время получать по карточкам муку, сахар или керосин, Янка отправлялся среди ночи к магазину и вставал в очередь. Продуктов было мало, ожидающих много, — если не постараешься пораньше встать в очередь, останешься ни с чем.

Сразу же по приезде в Барнаул Янка пытался поступить в местную гимназию, но там уже не оказалось свободных мест. Не желая напрасно терять целый год, он раздобыл программу средней школы, купил подержанные учебники и стал заниматься дома, надеясь на будущий год поступить в следующий класс. Никто ни в чем его не упрекал, но он сам с горечью сознавал свою бесполезность и всячески ломал голову над тем, как найти работу. Он был согласен выполнять любую черную работу за самую низкую оплату, лишь бы чувствовать себя полноправным членом семьи. Убедившись, что из этого ничего не выйдет, он впал в уныние, всех избегал и жил одними мечтами. Находясь за тысячи верст от моря, он думал о его свободных просторах, завидовал отцу и погибшему брату, — они так много повидали на своем веку. Янка в ту зиму прочитал множество книг, стараясь найти в них то, чего не давала действительность. Естественные и исторические науки, труды великих искателей истины и незатейливые приключенческие повести, смелое учение атеистов и фанатические высказывания богоискателей — все жадно впитывал он в себя. Искал контрасты, из одной крайности впадал в другую, верил и сомневался, признавал и отрицал, дрожал над бесспорностью прекрасной истины, но не противодействовал ее сокрушению, когда она подвергалась разгрому при помощи другой, исключающей ее истины.

С удивлением наблюдал Янка за всеми окружающими его — своими родителями, братьями и сестрами и за теми чужими людьми, с которыми ему приходилось сталкиваться: как могли они так спокойно и равнодушно жить, не утруждая свой ум никакими сомнениями и вопросами? Им, очевидно, легче жилось, тогда как его дух изнывал в одинокой борьбе и никто не в состоянии

был ему помочь. Их счастье и горе, их радости и беды были такими непритязательными и мелкими, что не стоило ни завидовать им, ни сожалеть о них. Янке тогда казалось, что самое ужасное — это уподобиться им. Он еще не знал, что в свое время это многим так кажется, но позднее, когда ужасное происходит с ними на самом деле, они уже не усматривают в этом ничего страшного и, вместо того чтобы испугаться, улыбаются своей прежней наивности: «И как я мог тогда мучиться из-за таких пустяков?..» На дне океана, куда не проникает луч света, в вечном мраке обитают слепые рыбы. Они не знают, что значит видеть, поэтому слепота не причиняет им никаких страданий. Но что бы произошло, если бы одно из этих слепых существ когда-нибудь прозрело и ощутило свет там, в вечном мраке, где ничего не видно.

В таком настроении Янка прожил всю зиму. Иногда он пробовал записывать свои мысли, но ему никогда не удавалось изложить их так ясно, какими они виделись в его сознании. Получались неуклюжие, отрывочные наброски, не отображающие подлинного хода мыслей. Ему ведь не исполнилось еще и шестнадцати, и он был мечтателем, которому миражи кажутся такими же прекрасными, как реальность.

Янка писал стихи, одна тетрадь у него уже была заполнена; он прятал ее на самом дне книжного мешка. К весне он начал писать поэму в трех частях, рифмованными двустишиями, но написал только одну главу, потому что солнце поднималось все выше и выше, а лед на Оби с каждым днем темнел и рыхлел. Как-то утром могучая река тронулась, и мутные горные потоки понесли льдины на север.

Бурна и стремительна сибирская весна. За неделю с пригорков исчез снег, на улицах Барнаула зажурчали ручьи и в степи показались ранние цветы. Янка с утра до вечера проводил время на берегу Оби, вместе с русскими мальчуганами вылавливая плывущие мимо бревна и дрова, которые Эрнест потом увозил на хозяйской лошади домой. Подружившись с русскими мальчиками, Янка в пасхальные дни обошел с ними все церкви: им целую неделю разрешалось звонить на колокольнях. Мальчишки, долгую зиму ожидавшие этих веселых дней, вовсю пользовались своими правами. На всех колокольнях звонили малые и большие колокола, наполняя город

весенним шумом. Иногда их звон становился настолько назойливым, что у слушателей — а ими поневоле становились все жители города — закладывало уши.

Сразу же по окончании ледохода на Оби появились первые суда — красивые, белые двухэтажные пароходы! Высоко поднятые над водой, стройные, словно чайки, они спешили на север и юг, взбивая плицами воду. Ежедневно один из них останавливался у пристани, менял груз и принимал на борт пассажиров. По палубе расхаживали капитаны и штурманы в форме с золотыми пуговицами; матросы драили и мыли стены кают, а речные лоцманы важно становились к штурвальному колесу, когда пароход отчаливал от пристани. Янка вместе со своими русскими сверстниками облазил все прибывающие пароходы от капитанского мостика до машинного отделения: случалось, их прогоняли, но иногда разрешали даже заглянуть в пассажирский салон и каюты. Да, здесь было что-то от вольного мира моряков. Вдали от моря, от настоящих ветров и морских бездн, над отмелями Оби кружились стаи чаек, а на южной окраине города находилась рыбацкая деревня Порт-Артур, основанная здесь участниками японской войны, вернувшимися домой с Дальнего Востока.

Позже на Оби появились громадные баржи, груженные камнем и солью — совсем как настоящие суда, только без мачт и парусов. Команды многих из них состояли из казахов. Янка часами мог наблюдать за ними. Впятером, вшестером хватались они за рукоятку громадного руля, когда баржу надо было сдвинуть в открытую воду, ругались и кричали что-то на своем непонятном языке; при этом у них тряслись бороды и маленькие шапочки съезжали на бритые затылки — удивительно, как только они держались и не падали на землю. Это опять была настоящая жизнь, радостная весна и свежий воздух. Янка перестал читать книги и больше не ломал голову над неразрешимыми проблемами.

5

Кроме Янки Зитара, еще один человек проводил все свое свободное время на пароходной пристани. Он каждое утро первым появлялся на берегу, встречал все пароходы, наблюдал за их погрузкой и присутствовал при

отправке каждого парохода. Удивительным терпением обладал этот человек. Днем он на несколько часов исчезал, так как в это время от барнаульской пристани не отходил ни один пароход, но вечером покидал берег последним.

Это был Блукис. По временам он узнавал у Янки, не появлялся ли на пристани во время его отсутствия Битениек. Но колбасник не показывался на берегу, по крайней мере в те дни, когда там дежурил Блукис.

Таким образом прошло несколько недель. Блукис с каждым днем становился все беспокойнее. А когда в газетах появилось сообщение о том, что лед на Оби прошел до самого устья и навигация открыта на всем протяжении реки, он уже ни на минуту не оставлял своего наблюдательного поста. Блукис опасался, как бы Битениек не отправился на север без него. У него все было готово к отъезду, мешки с товарами лежали недалеко от пристани. Как только Битениек сдаст свой багаж на пароход, Блукис поспешит привезти свой и наклеит на него такие же ярлыки с адресом, как на тюках Битениека. Он предпочел бы совсем не ждать конкурента и уехать первым, но это было невозможно, потому что он не знал, куда ехать.

На Крайний Север суда отправлялись один раз в неделю. Едущим из Барнаула приходилось делать в Томске пересадку. Наконец наступил решающий момент. Чтобы попасть на первый пароход, который направлялся из Томска в Сургут и Обдорск, следовало выехать из Барнаула в четверг вечером.

В этот день Блукис явился на пристань раньше обычного и уселся караулить у билетной кассы. Ни один пассажир не мог пройти на пароход незамеченным. Если человек обладает таким терпением и настойчивостью, его труд не может пропасть даром. На этот раз, к великой радости Блукиса, его ожидания увенчались успехом. Около полудня на пристани появился Битениек. Его вид еще издали говорил о том, что он приготовился к какому-то важному делу. Он был тщательно выбрит и пострижен, одет по-дорожному, на ногах — прочные охотничьи сапоги: в таком виде он обычно отправлялся в свои коммерческие походы. Придя на пристань, он сразу же подошел к окошечку кассы и уже полез было за кошельком, но в этот момент заметил Блукиса и от неожиданности вздрогнул. Но он был не глуп, этот Битениек, он ничуть не растерялся: вытащил вместо кошелька часы и спросил кассира, когда отправляется пароход на Бийск. Получив нужную справку, Битениек поблагодарил и подошел к Блукису.

— Вы тоже в Бийск? — спросил Битениек.

— Нет, я жду с противоположной стороны заказанный мной товар, — ответил Блукис. — Несколько пудов сыру. А вы разве не собираетесь ехать к своим северянам?

— Еще рано. Пусть пройдет троица, успеем наездиться.

Поговорив некоторое время о ценах на сыр и об ожидаемом в нынешнем году урожае арбузов, они расстались. Блукис остался на пристани, а Битениек, проклиная в душе коварного конкурента, вернулся в город. Он уже давно знал о намерениях Блукиса, видел его на рынке скупающим старье и узнал от Сармите, что ее мать стирает и чинит товар Блукиса. Благодарю покорно за такого попутчика! Но как от него отделаться? Дальше тянуть невозможно; если не отправиться с первым пароходом, лучше в этом году вовсе не ехать: в Новониколаевске, Томске и Омске тоже были скупщики мехов, и, не явись он вовремя в свой район, они отобьют у него всех клиентов. Нужно выехать сегодня, и обязательно без Блукиса.

Кто ищет, тот находит — это старая истина. По дороге Битениек придумал выход и в душе уже злорадствовал над одураченным Блукисом. Придя домой, он немедленно начал действовать. Вещи для товарообмена следовало погрузить на телегу и отвезти в деревню, находящуюся в двадцати верстах от Барнаула, — там была первая пароходная пристань в новониколаевском направлении. Но, к несчастью, Битениек с утра отправил работника на лошади в деревню за скотом, и его можно было ожидать только к вечеру. Тогда уже поздно будет ехать на загородную пристань. Значит, нужно или искать извозчика, или занять подводу с лошадью у соседей. Последний выход казался Битениеку самым удобным, и он послал работника к знакомому мяснику, с которым находился в приятельских отношениях. Мясник сразу же послал не только лошадь, но и возницу — им оказался Эрнест Зитар.

Час спустя они выехали из города. Воз был доверху нагружен мешками, и пришлось ехать шагом. Эрнесту Зитару, который сегодня рассчитывал на свободный вечер, все это не нравилось. Если бы хоть можно было сидеть на возу! Тащись пешком двадцать верст и глотай дорожную пыль, которая клубится из-под колес, потому что весна стоит сухая. Заметив недовольство парня, Битениек решил, что будет лучше, если он вознаграждение выплатит ему сейчас, иначе Эрнест затянет езду и они опоздают на пароход. Расчет оказался правильным. Получив на чай, Эрнест сделался любезнее, начал погонять лошадь. За разговорами и дорога казалась не такой длинной, в особенности когда Битениеку посчастливилось напасть на интересующую Эрнеста тему.

Тема эта — золотые прииски. Приехав в Сибирь, Битениек первые годы много скитался по Алтайским горам и некоторое время работал на приисках. Ему были известны многие места в глухой тайге и по берегам маленьких горных рек у монгольской границы, где когда-то находили драгоценный металл.

— Есть места, где вся земля полна золота. Прииск идет за прииском. До войны там работа кипела, но война все остановила; искателей призвали на военную службу, а самые богатые прииски засыпали.

— И там разрешается искать золото каждому, кто хочет? — спросил Эрнест.

— Разрешать-то не разрешают, но разве всех укараулишь? Кругом большие леса, ими же покрыты и горы, а по берегам рек густой кустарник. Если знаешь точно место, сходишь, намоешь, сколько можешь унести, и ищи тебя в тайге. Был бы я помоложе, как-нибудь летом попытал бы счастья. Да теперь уж поздно.

— А как можно узнать, где эти хорошие места? — допытывался Эрнест. Голос его слегка дрожал, и глаза загорелись алчным блеском. Он еще молод и может попытаться.

— У меня дома есть подробная карта гор, — ответил Битениек. — Там обозначена каждая речка и самый маленький населенный пункт. А места, где имеется золото, отмечены черной точкой и надписью «прииск».

— А можно ли купить такую карту? — у Эрнеста даже голос перехватило от волнения.

— Кажется, нет. Не знаю, имеют ли вообще частные

лица право пользоваться такой картой. Мне ее достал один видный чиновник, латыш. Если вы интересуетесь ею, могу вам ее подарить. Мне она больше не нужна.

— У вас эта карта при себе?

— Нет, я ее оставил дома. Когда вернусь, возьмете ее у меня.

Эрнест уже не сожалел о том, что из-за Битениека он потерял свободный вечер. Золото, целые горы сокровищ ждали его в алтайских долинах. Ради этого стоило пройти не только эти двадцать верст, за такую плату он обошел бы весь земной шар.

В шесть часов они добрались до деревни и разгрузили воз на берегу Оби, где были устроены мостки. Битениек знал здесь чуть ли не каждого крестьянина, поэтому Эрнест мог возвращаться обратно; до прибытия парохода оставалось еще три часа. Перед отъездом Эрнест еще раз напомнил о карте, и только когда Битениек подтвердил обещание, Эрнест в приподнятом настроении повернул лошадь к дому.

Всю дорогу он мечтал о будущем богатстве, улыбаясь и разговаривая сам с собой. Это был счастливый вечер. При въезде в город Эрнест видел, как под железнодорожный мост идет белый пароход. «Сарт» или «Братья Мельниковы» — издали нельзя было определить. На улице Льва Толстого, ведущей к пристани, он встретил множество людей, провожавших пароход, — они возвращались в город. Среди них Эрнест заметил Блукиса. Он поздоровался с ним.

— Вы тоже с пристани? — спросил рассеянно Блукис, думая о другом. Он, видимо, был чем-то озабочен.

— Нет, я сейчас только что отвез Битениека в деревню. Он там ожидает пароход.

— Битениека? — всю задумчивость Блукиса как рукой сняло. — Что вы говорите?

— Да, продолжал Эрнест. — Он остался с вещами на пристани.

— Со всеми вещами? — у Блукиса перехватило дыхание.

— Да, я свез большой воз. Он, наверно, поедет куда-нибудь далеко, потому что обещал вернуться только через месяц.

Это было последней каплей, переполнившей чашу горечи Блукиса. К великому изумлению Эрнеста, этот

почтенный человек начал ругаться, как одураченный извозчик, не обращая внимания на многочисленных прохожих, с улыбкой смотревших на него. От ярости лицо Блукиса побагровело. Казалось, он вот-вот лопнет от злости. Не желая быть свидетелем такого несчастья, Эрнест хлестнул лошадь кнутом и поспешил уехать. А Блукис, словно лунатик, побрел обратно на пристань и до поздней ночи ходил по берегу реки. Его взор все время обращался на север, в ту сторону, где скрылся белый пароход, как будто он надеялся вернуть его обратно.

Со следующим пароходом Блукис отправился по следам Битениека.

6

У Карла Зитара всю зиму было много работы. Служба в милиции заставляла его сталкиваться с разными людьми, и каждый день приносил новое. Кражи, хулиганство, тайное самогоноварение, убийства в пьяном виде — это были самые обычные происшествия. А тут еще неуживчивые людишки докучали работникам милиции различными мелкими жалобами: то кто-то в пылу ссоры употребил слишком сильное выражение и оскорбил этим истца; то собака загрызла курицу и владелец собаки отказывался возместить убыток; то жена соседа оклеветала дочь шорника и сердце матери требовало отмщения за оскорбленную честь дочери. От них можно было избавиться, только составив протокол и пообещав расследовать жалобы. Вначале, пока все еще было ново и непривычно, Карл относился ко всем этим кляузам с юмором, но, когда они стали повторяться изо дня в день и одни и те же лица искателей справедливости представали перед ним в четвертый или пятый раз, тут могло лопнуть и ангельское терпение.

Весной поползли слухи о том, что в городе готовится заговор против Советской власти. Это казалось тем более вероятным, что в Барнауле не было недостатка в контрреволюционных элементах.

Узнав, что Карл Зитар занимает руководящий пост в городской милиции, Битениек, до тех пор относившийся к молодому земляку вполне благосклонно, вдруг охладел

и повел себя очень сдержанно. Когда Карл изредка появлялся в доме Битениека, все зажиточные и видные земляки сразу прекращали развязную болтовню о большевиках и Советской власти и уже не выражали так откровенно свои надежды на перемены в жизни страны, на контрреволюционный переворот и вмешательство иностранцев в русские дела. Только однажды Битениек, будучи под хмельком, забыл всякую осторожность и попытался втянуть Карла в разговор на политические темы.

— Я давно собираюсь с вами поговорить о жизни, но так, по душам, — сказал колбасник, оставшись с глазу на глаз с Карлом. — Насколько мне известно, вы происходите из зажиточной семьи. Ваш отец когда-то был капитаном и судовладельцем.

— В последние годы парусники отца погибли и он занимался сельским хозяйством в своей усадьбе, как многие наши соседи, — ответил Карл.

— Это дела не меняет, — продолжал Битениек. — Вы имели какую-то собственность и будете опять иметь ее, когда вернетесь в Латвию. Мне принадлежит этот дом и колбасная мастерская. Но у меня ее собираются отобрать и отберут, если у власти останутся большевики. Они отберут также и усадьбу вашего отца, если им разрешить хозяйничать в Латвии. Как вы думаете, будет ли это справедливо? Можем ли мы любить власть, которая нас разоряет?

— Это вам следует спросить у народных масс. У них Советская власть ничего не отобрала, — ответил Карл.

— А вы-то, что вы сами об этом думаете? — не унимался Битениек.

— Мне нечего терять. Думаю, отцу тоже. Отец унаследовал парусники от деда, а остальное приобрел за счет труда матросов, следовательно, это нечестное приобретение. То же самое с усадьбой.

— Эх, молоды вы еще и не понимаете, что в жизни хорошо и что плохо. Неужели вы в самом деле думаете, что такое положение, как сейчас, продержится вечно? Ни в коем случае. Повсюду что-то назревает, группируются силы, и, когда наступит время, Советскую власть свергнут так же быстро, как она в прошлом году появилась. И тогда каждому придется отвечать за все содеянное. Молодой человек, я бы на вашем месте ушел из милиции и занялся чем-нибудь другим.

— Например?

— Обеспечил бы себе спокойную будущность. В крайнем случае, остался бы посторонним наблюдателем, нейтральным и беспартийным.

— Отказаться от активного участия в жизни? — засмеялся Карл. — Это могут разрешить себе старики, но не молодые, полные сил люди. Нейтральный и беспартийный человек скоро оказывается между двух огней. Активному человеку опасность угрожает только с одной стороны — от его прямого противника, а нейтральному — со всех сторон. К тому же нейтралитет в эпоху великих и решающих событий — нечестная позиция, это предательство и низкая, грязная сделка. Я на такую роль не гожусь.

— Значит, вы стоите грудью за власть большевиков? — Битениек в упор посмотрел Карлу в глаза.

— Можете ли вы мне указать другое, что в настоящее время должен грудью отстаивать честный человек? — спросил Карл по возможности спокойно, хотя навязчивость колбасника начала его злить. — Можете ли вы назвать человека, который как вождь народа и государства был бы лучше, умнее и справедливее, чем Ленин? Все эти Керенские и Милюковы — карлики против него, мелкие, нечистоплотные, низкие. Неужели вы думаете, что народ — я имею в виду народ, а не кучку кровожадных тиранов и живодеров — может отвернуться от Ленина и примкнуть к одному из этих кровавых хорьков? Этого не будет, гражданин Битениек.

Понятно, после этого у хозяина дома больше не было желания продолжать разговор с гостем, и они расстались весьма холодно.

Карл Зитар теперь перестал появляться у Битениека и встречался с Сармите вне дома.

Битениек не забыл этого разговора и затаил ненависть.

«Ну погоди же, погоди, красный офицер! Настанут другие времена, и ты нам ответишь за кровавых хорьков. Пуля, петля, тюрьма, нагайка — это совсем не плохие вещи, и с ними кое-кому придется познакомиться. Мы, сильные и богатые, позаботимся об этом».

...Наступил Первомай. В этот день на обширной поляне за городом состоялся большой митинг, в котором участвовали тысячи людей. Кроме жителей Барнаула и

беженцев с западных окраин России на митинг явились военнопленные — венгры. Произносили зажигательные речи на разных языках и пели революционные песни. Героями дня оказались латышские стрелки, за несколько дней перед тем появившиеся в Барнауле и наблюдавшие за порядком в городе. Среди них Карл Зитар встретил старых боевых друзей, рассказавших о схватках в Петрограде и в других местах.

Никаких событий в городе вроде бы не происходило. Лишь попы, словно сговорившись, служили во всех церквах обедни и пытались мутить народ. К собору сошлась, как на демонстрацию, большая толпа женщин и стариков. Но вдруг пронеслась весть о том, что из Омска в Барнаул прибыли латышские стрелки, и святоши испугались. Слухи о стрелках дошли и сюда, о них рассказывали легенды, и если уж они появились в Барнауле, тут не до шуток.

Да, они действительно появились — на конях и броневике, с пулеметами, вооруженные с головы до ног: с винтовками через плечо, с револьверами в руках и связками ручных гранат у пояса. Одна группа подскакала к собору, спешилась и дала несколько выстрелов в воздух. Толпа сразу рассеялась во все стороны, только юбки да пышные бороды заполоскались на весеннем ветру.

Невиданное чудище — бронированный автомобиль — было установлено посреди площади, где происходил митинг, рядом с трибуной. Лихо заломив козырьки, расстегнув вороты гимнастерок, стояли стрелки у пулеметов, и толпа разглядывала их, словно сверхъестественные существа. Даже старый Зитар подошел поговорить со стрелками, угощал их папиросами и расспрашивал о боях с белыми по ту сторону Урала.

7

Отряд латышских стрелков после майских праздников уехал в Омск или еще куда-то — никто не знал, куда именно. Они ведь были стражами революции, эти закаленные в огнях боев солдаты, два года отстаивавшие Даугаву и Ригу. Барнаульский Совет хотел задержать стрелков здесь, но, очевидно, их присутствие было

необходимо в другом месте. В том, как их боялись и ненавидели, можно было убедиться вскоре после их отъезда, и в первую очередь почувствовали это латышские беженцы.

Около середины мая с Крайнего Севера возвратился Блукис. Он расторговал свое тряпье, но не приобрел ничего ценного. Избегая разговоров о поездке, он сворачивал с дороги при встрече со знакомыми латышами; теперь он собирался купить лошадь с упряжью. Убедившись, что из крупных коммерческих сделок сейчас ничего не получится, энергичный делец избрал более скромное поле деятельности и однажды пустился со спекулятивными целями в поход по окрестным степным деревням. Возможно, он боялся возвращения Битениека и щадил свои нервы, которым успехи конкурента нанесли бы слишком тяжелый удар.

Оказалось, что Блукис в самом деле поступил очень предусмотрительно. Битениек вернулся домой как настоящий триумфатор. Часть мехов он продал в Томске, получив за них не бумажные деньги, а звонкую монету, золотую и серебряную. Остальные меха он пообещал состоятельным барнаульским друзьям.

Как обычно после длительной поездки, Битениек разрешил себе небольшой отдых, понимая под этим недели две беспробудного пьянства. Оно, по обыкновению, кончалось приступом белой горячки, во время которой он рвал на себе рубашки, бил посуду, ломал мебель и украшал синяками лицо мадам Битениек. Это было неизбежное зло. Мадам не жаловалась и не собиралась отучать спутника жизни от такой привычки, потому что в конечном итоге она имела от этого некоторую выгоду: вслед за похмельем наступало вытрезвление, мольбы о прощении, заискивание перед побитой женой и, наконец, примирение, после чего муж опять на целый год попадал под башмак супруги, позволяя мадам одиннадцать месяцев властвовать над собой и только на двенадцатый стряхивая с себя ее иго.

Узнав о приезде Битениека, Эрнест Зитар немедленно поспешил навестить земляка. И только благодаря такой спешке ему посчастливилось добыть драгоценную горную карту, ибо днем позже, когда Битениек запил, Эрнест вернулся бы ни с чем, и ему пришлось бы ждать

конца великого «отдыха». А в это время в Барнауле начались значительные события, основательно изменившие положение семьи Зитаров.

8

В Барнауле захват власти белыми не был неожиданностью. По городу уже давно ходили слухи о приближении белогвардейцев. То рассказывали о захвате ими Омска и Новониколаевска, то утверждали, что войска белых находятся на пути в Барнаул, наконец, даже клялись, что город окружен и каждую минуту можно ожидать нападения. Совет депутатов готовился к обороне города. Было объявлено военное положение. С минуты на минуту ждали восстания местных контрреволюционеров.

И вот однажды ночью началось.

В отделении милиции, где работал Карл Зитар, в тот вечер роздали патроны и никого не отпустили домой. Начальник отделения под вечер отправился якобы проверять посты и больше не вернулся: он предал, перейдя в лагерь врагов, сдался на милость победителей. Позже выяснилось, что одновременно с ним исчезли стоявшие на постах милиционеры. Один из важнейших районов города остался без охраны. Ночью, незадолго до смены постов, в канцелярию отделения вбежал молоденький милиционер и сообщил, что вооруженные подразделения белых уже наступают на центральные кварталы и все выходы из улиц заняты противником.

Отделение милиции было окружено, путь к отступлению отрезан, и во многих местах уже слышалась стрельба. Милиционеры с тревогой глядели на Карла: «Что будет с нами?»

Все это были старые фронтовики, закаленные в боях и верные Советской власти. Карл понимал: им остался один выход — попытаться с боем вырваться из окружения и присоединиться за чертой города к главным силам Советов. Он сказал об этом товарищам. Пока они совещались, из отделения один за другим исчезли несколько милиционеров: они, вероятно, решили попытать счастья каждый в отдельности, на свой страх и риск. Когда Карл собрал оставшихся, их оказалось

совсем мало — восемь человек. Задерживаться в городе нельзя было больше ни минуты.

Самая прямая дорога в степь вела в западном направлении. Группа милиционеров должна была добраться до первого переулка и прорваться по нему за город, а уж там во все стороны расходились проселочные дороги. У одного из милиционеров в ближайшей деревне жили родные; там, наверное, можно будет укрыться, если не удастся догнать красноармейские части.

Милиционеры взяли винтовки. У Карла был револьвер и две гранаты. Перед тем как выйти на улицу, они проверили оружие и договорились о тактике боя. В два часа ночи маленький отряд отправился в путь.

Ночь стояла теплая, ясная. На востоке смутно белел край неба, а на узеньких улочках было настолько светло, что милиционерам пришлось пробираться осторожно, прижимаясь к стенам домов. В городе царила глубокая тишина. Ничто не говорило о тревоге и боях. На деревянных тротуарах не видно было ни одного прохожего. Даже ночного сторожа. Но это обманчивое спокойствие было только приемом вышедшего на охоту зверя, — попробуй, подойди поближе, и все сразу оживет, с пепелищ и из дворов затрещат смертоносные залпы.

Милиционеры приблизились к перекрестку. Еще каких-нибудь двадцать-тридцать шагов, и они свернут в узкий тенистый переулок; утренние сумерки укроют их на своем пути до самого края города. Вдруг раздался окрик: «Кто идет?» — и люди, вытянувшись цепочкой, еще плотнее прижались к стене. Только теперь они заметили, что дорогу в переулок преградила какая-то темная полоса, то ли баррикада, то ли земляная насыпь.

— Кто идет? — послышался опять резкий, нетерпеливый окрик. Щелкнули затворы, и над насыпью в предутренней мгле тускло блеснули стволы винтовок. Карл сунул револьвер в кобуру и осторожно отвязал от пояса ручную гранату. Обернувшись назад, он шепнул товарищам:

— Ложись, после взрыва — цепью вперед. Будем прорываться штыками.

Выждав, пока приказ дойдет до конца цепи и все залягут, он смерил глазом расстояние, отделяющее их от противника, затем вырвал кольцо гранаты и, выждав

несколько мгновений, легко бросил ее, сразу же прижавшись к земле. Взрыв гранаты произошел одновременно с запоздалым залпом винтовок. Секундой позже милиционеры вскочили на ноги и бросились вперед. Второго залпа не последовало. За насыпью стонали раненые, уцелевшие врассыпную бежали по переулку.

Милиционеры послали вдогонку несколько выстрелов и, свернув в одну из боковых улиц, поспешили прочь от места схватки. Отряд их поредел. Из восьми осталось только трое. Видимо, в момент атаки остальные свернули в сторону и ушли каждый своей дорогой, надеясь, что так им легче удастся выбраться из города. Уроженцы Барнаула, они знали здесь каждую щель, окольные дороги и все лабиринты развалин и, чтобы еще раз не нарваться на посты противника, избрали путь далекий, но куда более спокойный путь — через сгоревшие кварталы. Трое оставшихся, среди которых был Карл, решили идти таким же путем и свернули в сторону Оби. У первых развалин они расстались и разбрелись кто куда. Зарево на восточном горизонте неба становилось светлее, приближался рассвет. И в этот ранний предутренний час Карл Энтар остался один — один с последней ручной гранатой и заряженным револьвером. Выгоревшая часть города примыкала к Оби, с трех сторон к ней выходили главные улицы и открытая дорога на станцию. Там-то, несомненно, были расставлены посты и заставы противника. Ночью еще можно прокрасться через цепь постов, но сейчас, на рассвете, гладкая равнина за городом не укроет, даже если он и доберется до нее. Переулок же кончался у холмистых полян, а оттуда недалеко уже было до дачного леса.

Карлу оставалось либо спрятаться в развалинах, либо добраться до какого-нибудь знакомого и выждать там, пока не выяснится обстановка.

В городе раздавались редкие выстрелы, в утренней тишине послышался стук копыт. Он все явственнее приближался со стороны предместья. Это был, очевидно, кавалерийский разъезд. Район развалин, куда забрел Карл, оказался заселенным; неподалеку стояли временные лачуги. Днем его легко могли обнаружить рабочие или дети, занимавшиеся раскопками пепелищ в поисках железного хлама. Здесь нельзя было оставаться.

Карл повернул назад к центру города. На улицах

уже совсем рассвело — через час город проснется, каждая упущенная минута может стоить жизни. И тут он вспомнил о Сармите. Она ведь находилась здесь, поблизости, в каких-нибудь двухстах шагах — в доме Битениека.

Карл направился туда. Ворота дома Битениека были закрыты и окна прикрыты ставнями. Комната Сармите выходила на улицу. Карл тихо постучал в ставню. Никто не отозвался. Тогда он постучал еще раз. В комнате зашевелились, и в тот же миг на повороте улицы показалась группа вооруженных людей, они медленно приближались к дому Битениеков. Карла вдруг охватила апатия. Так случается с человеком, уставшим от непо-

сильной ноши, когда он понял, что ни освободиться, ни донести ее до места он не в состоянии. Почему не погиб он вместе со своими товарищами в Тирельском болоте? Почему пуля не сразила его в ту рождественскую ночь?..

— Кто там? — голос Сармите вернул его к действительности.

— Я — Карл, — тихо откликнулся он. — Открой скорее, мне грозит опасность, Сармите...

Ближе и ближе шаги патрульных. Если бы они шли по противоположной стороне улицы, то уже заметили бы Карла и оказалась бы напрасной попытка спрятаться. Какие мелочи иногда решают судьбу человека!

Звякнул ключ, со скрипом открылись ворота. Карл проскользнул во двор.

— В городе переворот, и меня преследуют, — пояснил он, отвечая на вопросительный взгляд Сармите. — Можешь ты спрятать меня до... вечера?

— Конечно, — сказала Сармите. — Иди, милый, я сейчас...

Она взяла Карла за руку и повела через двор в сторону колбасной мастерской, но на полпути передумала и остановилась.

— Туда нельзя — сегодня будут молоть мясо. Тебя придется спрятать в моей комнате. Битениеки не должны знать, что ты у меня?

— Ни в коем случае, Сармите. О жене, может быть, этого нельзя сказать, но сам Битениек сейчас же выдаст меня белякам. Твои хозяева не должны даже догадываться о моем присутствии.

Минутой позже Карл был спрятан в маленькой каморке Сармите, в углу за печкой, где висела одежда девушки.

Никто в доме еще не просыпался.

9

Белогвардейское воинство двигалось вперед, захватывая город за городом. Части советских войск с боями отступали на запад, на Урал, в обширные степи Северного Казахстана. И долго еще после того как в городах Сибири стих шум боев, в степных просторах продолжались жаркие сражения.

Контрреволюция ликовала и, ликуя, спешила обагрить свои лапы в народной крови, ознаменовать казавшуюся неотвратимой победу виселицами.

День, когда из Новониколаевска прибыл пароход с белогвардейским войском, в Барнауле объявили праздничным, звонили, как на пасху, во все колокола; по направлению к Оби навстречу дорогим гостям катили шикарные экипажи; дамы в белых платьях преподносили на пристани «славным воинам» цветы. И, словно по мановению волшебного жезла, на улицах и в окнах домов вдруг появилось множество упитанных, роскошно одетых людей.

В публичных местах вывесили громадные плакаты, на которых сверху был изображен Кремль, а под ним — патетический призыв: «Освободим Кремль от латышских банд!»

Начался террор. Каждый день производились многочисленные аресты. Достаточно было какому-нибудь купцу или домовладельцу указать на любого и сказать: «Это большевик», — как того сразу же арестовывали и без всякого суда и следствия в ту же ночь расстреливали. Ежедневно на высоком берегу Оби за кладбищем рыли длинную яму. Ночью трещали ружейные залпы, а утром яма оказывалась засыпанной. Все знали, что это значит. Знали об этом и Зитары, потому что они жили неподалеку.

В то утро, когда Карл спрятался у Битениеков, Сармите пришла к Зитарам и рассказала о случившемся. В следующую ночь к Зитарам явился патруль и произвел у них тщательный обыск, а старого капитана отвели к коменданту и долго допрашивали, добиваясь, чтобы он сказал, где находится сын. Обыск повторялся в следующие ночи. Зоркий глаз Янки скоро обнаружил, что днем в одном из соседних домов дежурит тайный наблюдатель, — очевидно, белые надеялись, что Карл ночью явится к родным.

Чтобы не выдать, где скрывается Карл, Янка окольным путем пробрался к Сармите и посоветовал ей некоторое время не приходить к своей матери. Если она станет чаще у них бывать, могут выследить и в дом Битениека тоже явятся с обыском.

В страхе и тревоге прошли две недели. Многих жителей расстреляли, и белогвардейцы стали чувствовать себя увереннее.

Семья Зитаров решила как можно скорее отправиться в горы, в глубь Алтая. Они немедленно стали собираться в дорогу. Валтериене присоединилась к ним. «Если уж до этого держались вместе, не будем и дальше разлучаться...» — заявила она.

Приготовления в дорогу заняли два дня. Эрнест заявил хозяину об уходе с работы и помог отцу подыскать лошадей и подводы. Они купили двух старых кляч и две подержанные телеги, потому что в одной их вещи не уместились бы.

Пока собирались в дорогу, Янка позаботился о Карле. Он снес ему старую отцовскую одежду, а военный мундир принес домой. Прежняя одежда самого Карла уже не годилась: он сильно вырос за последние годы.

В ночь накануне отъезда нужно было доставить Карла на другой берег Оби. У перевоза постоянно дежурили военные, и он не мог ехать вместе со всеми. Но как переправить его через реку? Лодки, стоявшие у берега, — на замках, а ночами по берегу расхаживал патруль.

Янку выручила дружба с местными мальчиками. В Порт-Артуре у него был приятель — сын рыбака. Янка не раз ездил с ним на ночную рыбалку и доказал, что умеет обращаться с лодкой. Теперь он отправился к другу и попросил одолжить лодку. Они договорились, что с наступлением темноты Янка возьмет лодку, а утром до рассвета доставит ее обратно, привяжет к колу и ключ спрячет в условленном месте.

Прошло несколько часов. Переодевшись в платье отца, Карл ждал наступления вечера. Самым неприятным было то, что из дому надо было уходить засветло, потому что после десяти часов на улицах появлялись патрули. Выйти следовало, самое позднее, часов в девять, а в это время на улицах еще было многолюдно. Чтобы добраться до берега, Карл должен был пройти несколько центральных кварталов. Он договорился встретиться с Янкой у реки в полукилометре к югу от пристани.

Битениек с работниками уехал в деревню за скотом, мадам сразу же после ужина ушла в кино, и Карл смог незамеченным покинуть убежище. Сармите эту ночь еще ночевала у Битениеков.

Карл понимал, что теперь все зависит от случая и

выдержки. Работая в милиции, он сталкивался со многими людьми. Кто поручится, что один из них не узнает его? В маленьком переулке можно попасться с таким же успехом, как и на центральной улице. Значит, осторожность тут ни при чем. Все это игра. И чем смелее, непринужденнее он будет держаться, тем больше шансов победить.

Карл выбрал наиболее прямой путь и скоро добрался до площади, расположенной против гимназии. Это было самое оживленное место. Здесь прохаживались флиртующие парочки, веселыми стайками порхала учащаяся молодежь; изредка встречались молодцеватые офицеры. Как в былые времена, на плечах у них сверкали золотые погоны, а на лакированных сапогах звенели шпоры. Может быть, лучше было бы надеть мундир поручика?

С площади Карл свернул налево, к реке Барнаулке. Перейдя через мост, он услышал громкие голоса и смех, доносившиеся из открытых окон гостиницы «Империал». Там гарнизонные офицеры пировали с девицами, а под окнами стояла толпа любопытствующих мальчишек и слушала, как граммофон исполняет цыганский романс.

Медленнее шаг, Карл, и не оборачивайся! Если хочешь, чтобы другие не обращали на тебя внимания, не замечай их сам...

Еще несколько улиц, церковка, кладбище, широкая высокая равнина над Обью — и он добрался до безопасного места. По крутому, обрывистому берегу реки сбегало вниз несколько узеньких тропинок, — их протоптали дети. Карл присел на минутку на краю обрыва и выкурил папиросу. Солдату, который расхаживал у мостков переправы, он должен был казаться горожанином, вышедшим подышать свежим воздухом. Карл оглядел отсюда дальнейший путь. За той излучиной реки они условились встретиться с Янкой. На берегу к югу от переправы людей не было.

Солнце село. Правый берег Оби с его зелеными лугами, редким кустарником и далекими деревнями уже подернулся сумерками, и, казалось, с востока на реку наползает зеленовато-серая тень, которая тушит переливчатую игру предзакатных огней на спокойной поверхности реки и тихо поднимается по обрыву на левый берег Оби. Это был туман.

Карл отправился дальше. Спустя час он уже находился в лодке, мощными взмахами весел приближая ее к правому берегу реки. Янка сидел на руле. Течение было настолько стремительным, что все время приходилось нос лодки держать навстречу ему, и, несмотря на это, их отнесло вниз на большое расстояние. Они сошли на противоположном берегу всего шагах в двухстах выше перевоза. Привязав лодку в затишье, братья окольными путями вышли на степную дорогу и разыскали на лугах пустой шалаш. Скоро в кустах нашлось и удобное место, откуда можно было обозревать всю дорогу. Здесь Карл будет ожидать прибытия родных. Он помог Янке отвести лодку вверх по течению настолько, чтобы тот на обратном пути подошел к берегу у Порт-Артура, и они расстались.

...Оба семейства отправились в путь на следующий вечер, чтобы первый, самый опасный участок миновать ночью. Когда подводы съехали с парома и беглецы ступили на потрескавшуюся землю правого берега Оби, им показалось, что с их груди свалился огромный камень и вместе с покинутым городом за спиной осталась грозившая им опасность. Свободные степные просторы, ароматные луга и тихо шелестящий в придорожных кустах ветер сулили покой и пробуждали уверенность в завтрашнем дне. Только Янке было тяжело покидать город: здесь оставалась большая река, суда, книги, школы — все такое важное для его будущего. Ему казалось, что, уходя в глубь страны, он навеки затеряется в ее горах и лесах, его стремления и мечты будут похоронены и им никогда не воскреснуть.

В кустах их ждал Карл. Он мог теперь присоединиться к своим, — на дороге не виднелось ни одной подводы. В каком-то овраге они поужинали и напоили лошадей, затем отправились дальше. Ехали всю ночь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

На рассвете беженцы миновали большую старообрядческую деревню. Лошади заметно выбились из сил, да и люди устали и решили отдохнуть. За деревней тянулся

громадный выгон. Дальше дорога шла среди березовых рощиц. В тенистом овраге, на дне которого протекал еле приметный ручеек, беженцы расположились на отдых. Лошадей выпрягли и пустили пастись, а люди, вскипятив чай, позавтракали и улеглись под телегами, чтобы отоспаться после бессонной ночи, проведенной в дороге. Карл остался сторожить лошадей и вещи.

Вскоре показались едущие на поля крестьяне. Многие проехали мимо не останавливаясь, но вот крестьянин, отставший от других, сошел с телеги и направился к Карлу. Это был плечистый курносый мужчина с пышной бородой и стрижеными в кружок волосами. На голове у него была похожая на цилиндр войлочная шляпа.

— Откуда едете? — спросил он, здороваясь.

— Из Барнаула, — ответил Карл.

— Далеко направляетесь? — последовал обычный вопрос.

— В Бийск.

— Так, так, — протянул крестьянин, как бы раздумывая.

Подобные разговоры происходят всегда, когда на дороге встречаются два незнакомых между собой человека. Десятки раз они останавливали лошадь, чтобы выслушивать подобные вопросы; задавали их не столько из любопытства, сколько в силу привычки.

— Долго собираетесь пробыть здесь? — спросил крестьянин, взглянув на стреноженных лошадей, жадно щипавших траву.

— До вечера, — ответил Карл. — По прохладе лучше ехать.

— Так, так, — опять протянул задумчиво бородач. — Тогда лучше отъезжайте немного подальше и попасите лошадей на той стороне, — он указал через дорогу. — Этот участок принадлежит самому старосте этой деревни. А он человек — не приведи бог. Крику и неприятностей не оберетесь.

— Неужели такой сердитый? — улыбнулся Карл.

— Страсть какой человек. Он на месте опишет ваши вещи за потраву.

— Тогда придется уезжать, — согласился Карл.

Перспектива встретиться с сердитым деревенским старостой не обещала ничего хорошего: беглецу, кото-

рый спасает жизнь, следует держаться подальше от представителей власти.

После полудня, когда жара немного спала, путники двинулись дальше. В этой местности деревни были очень большие и далеко отстояли одна от другой. До следующей деревни они добрались только поздним вечером и проехали ее с наступлением темноты. Дальше дорога вела по ровной, кое-где пестревшей редким кустарником степи. При выезде из деревни какой-то крестьянин предупредил их о волках: в кустах, говорят, их полным-полно, чуть ли не каждый день режут по овце или теленку; у него самого на прошлой неделе задрали жеребенка.

И беженцы сразу же убедились в справедливости этих слов: часто в придорожных кустах вспыхивали волчьи глаза, они светились, точно маленькие электрические лампочки. Старые клячи первые чувствовали близость зверей, шарахались, храпели. А молодой пес, выращенный Зитарами в Барнауле, жался к ногам людей и глухо ворчал.

Правда, летом бояться волков не приходилось, им добычи хватало. Сытые, они уступают человеку дорогу. Но все же всякий раз, когда в ночной темноте совсем близко вспыхивали глаза зверя, людям становилось не по себе и они теснее прижимались друг к другу. Вспоминая рассказы стариков о том, что волки боятся огня, мужчины непрестанно курили. Эрнест, правивший последней подводой, так энергично действовал зажигалкой, что капитану пришлось крикнуть ему: «Смотри там, осторожнее, не сожги воз!»

Так ехали они четыре ночи. На утро четвертого дня показались темневшие вдали хребты Алтайских гор. Над волнистой приалтайской степью поднимали они свои синеватые, покрытые лесами в дымке вершины. Внизу, на берегу быстроводной горной реки Бии, раскинулся город Бийск. С севера и с востока к нему вплотную подходила степь. По берегам Бии темнели леса, а к югу и юго-западу волнообразно поднималась к горизонту удивительная, прекрасная и таинственная горная страна.

Словно зачарованные, смотрели беженцы на горы. Эту красоту нельзя было выразить словами, ее можно было только почувствовать. Чистое летнее небо, солнечное утро, насыщенный ароматом воздух, медленно струящийся по степи, высоко парящий горный орел и белый

пароход внизу представляли незабываемую картину. Для человеческого глаза здесь было больше простора, чем на море.

Янка Зитар как завороженный стоял на высокой круче в том месте, откуда дорога сворачивала вниз, к городу, и не мог оторвать глаз от южного горизонта. Как все-таки прекрасен мир! И как не любить эту землю, как не поддаться ее очарованию, если у тебя душа поэта!

2

В Бийске остановилось много латышских беженцев. Их можно было легко узнать по одежде. Серый домотканый костюм латышского крестьянина и черная шапка с блестящим козырьком настолько типичны, что вы его отличите среди тысяч людей, не говоря уже о других приметах. На родине их никто не замечал, а здесь они бросались в глаза самому ненаблюдательному человеку. Еще легче было узнать латышских женщин, ибо никто не носил так белые косынки и серые большие платки, как они.

В городе Зитары встретили несколько земляков и получили немало полезных сведений. Оказалось, что в обширном Бийском уезде живут не только латыши-беженцы, но и много старых переселенцев. В некоторых местах они организовали маленькие колонии; другие мелкими группами, по три-четыре семьи, были разбросаны в горах и тайге. Беженцам, желающим получить землю, следовало обратиться в переселенческое бюро — его возглавлял латыш. Бюро направляло приехавших на свободные и пригодные для заселения государственные земли.

Старый Зитар с Эрнестом немедленно отправились в это бюро. Оказалось, однако, что заведующий уехал по служебным делам на один из крупнейших участков и должен вернуться не раньше чем через неделю. Делать нечего — приходилось ждать.

Они переправились на пароме через Бию, отъехали на несколько верст от города и остановились в лесу. Парни на скорую руку соорудили из ветвей шалаши, капитан сложил женщинам очаг, и они жили тут несколько дней, как цыгане. Лошадей пасли по обочинам дороги, а продукты на себе носили из города — на этом берегу не было ни одной лавки. Каждое утро мужчины, исключая Карла, отправлялись в Бийск узнавать, не вернулся ли заведующий. Лагерем беженцев никто не интересовался. Только как-то раз подошел лесник и предупредил, чтобы с огнем обращались осторожно, а то после длительной засухи легко может возникнуть пожар.

Наконец в середине следующей недели приехал заведующий бюро, и в тот же день вечером капитан вернулся со всеми необходимыми документами. Ближайшие свободные земли находились на расстоянии двух дней езды от Бийска, но и там уже все лучшие участки были заняты; остались только трудные для обработки или плохие земли. Поэтому Зитар подыскал другое место, в тайге, к югу от города. Лет десять тому назад там поселились первые латышские семьи, а прошлой зимой и весной туда ускакали многие беженцы. Образовалась настоящая латышская колония. Земля в свое время считалась собственностью самого царя, а поэтому должна быть особенно хорошей и плодородной. Эрнест, правда, хотел поселиться в районе Телецкого озера, но на этот раз с его мнением не посчитались.

Наутро они отправились в путь. Отдохнувшие старые клячи усердно тащили возы в гору. Справа, за Катунью, вырисовывался на небосклоне темный горный хребет, одно из северо-западных ответвлений Алтая. Местные жители говорили, что до него шестьдесят верст, а возможно, и больше. Наши путешественники за два дня не смогли объехать его первую, самую большую гору — она оставалась почти все в том же положении, как в начале пути. Казалось, горы передвигаются вместе с путешественниками. Без всякого перехода они, словно острова, вдруг поднимались рядом с гладкой Катунской степью, и взорам едущих открывалась далекая равнина, вплоть до подножия гор. К югу постепенно и волнообразно поднималась возвышенность, и каждая следующая волна была выше предыдущей, достигая наибольшей высоты у границы Монголии, где сверкали на солнце покрытые снегом вершины Чуйских Альп. Это было настоящее скопище гигантов, дикий хаос скал. Посреди них возвышалась Белуха. Человек, едущий по дороге,

несколько дней видел перед собой эти горы, но они продолжали оставаться далекими, недосягаемыми, словно убегали все дальше, делаясь с каждым днем выше, обманывая и маня путника кажущейся близостью.

Дорога шла по долинам быстрых горных рек. Склоны гор заросли кустарником, лесом. Здесь все цвело и радовало глаз богатством красок. Берегами рек завладели черемуха, калина, рябина, дальше темнели стройные стволы пихт с мягкой серовато-зеленой хвоей и золотистыми кистями шишек, кругом расстилались заросли шиповника и разных цветов, все это увивали усы хмеля. Человека пьянили запахи дикого сада природы. А птицы! А роскошные пестрые бабочки! Маленькие лесные жители — белки и полосатые бурундуки! Возня их слышалась всюду. Голубовато-зеленая утренняя заря, пылающий закат и грозный шум, доносящийся с горных вершин и предвещающий бурю! На горных пастбищах паслись стада гладких племенных кобыл, не знающих, что такое упряжь.

Этому краю была присуща дикая, первозданная красота.

«Я не поддамся никаким чарам, как бы красивы они ни были, — думал Янка. — Меня не прельстят ни золото, ни цветы. Душе моей непонятна чужая красота, так же как непонятны прекрасные стихи на незнакомом языке».

Так решил он, младший сын капитана Зитара, слушая, как братья и сестры восхищались красотами окружающей природы.

На третий день после выезда из Бийска произошла неожиданная встреча. Переночевав на берегу какой-то речки, беженцы еще до рассвета пустились в путь и с восходом солнца въехали в узкий овраг, из которого дорога вела на широкую отлогую возвышенность. Вокруг расстилались луга и поля, засеянные хлебом, а сразу же за оврагом начинался деревенский выгон. Уже совсем рассвело, но на дне оврага царил полумрак, лучи солнца туда не добирались. Беженцы ехали молча; по мягкой, влажной от сырости дороге тихо катились смазанные накануне колеса. Миновав заросли кустарника, свернули на небольшую поляну. Вдруг лошади испуганно зафыркали, и в тот миг Янка, который всегда шел впереди подвод, тихо воскликнул:

— Волки!

На дне оврага рядом с дорогой валялся громадный мертвый бык. Он лежал на боку, брюхом к дороге. Между ребрами у него зияла огромная рана. Брюхо было распорото, и все внутренности лежали на земле. А около них, засунув головы в зияющее отверстие и откинув в сторону пышные хвосты, копошились два волка, терзая зубами добычу. Звери не слышали приближения подвод и продолжали пиршество. Их серый мех был испачкан кровью жертвы.

Карл достал винтовку и вставил в магазин патроны. Но выстрелить ему не удалось: волки наконец почуяли запах человека, пятясь, вылезли из брюха быка, одним махом перескочили овраг и скрылись на горе.

Вдруг оттуда донесся испуганный крик.

— Ой, волки! Помогите!

Вскоре показалась подвода. Испуганная лошадь неслась галопом вниз с кручи. Увидев лошадей Зитаров, она замедлила бег, и, когда поравнялась с подводами беженцев, седоку удалось ее остановить.

— Вот так номер! — воскликнул он, отирая пот, и, отдуваясь, слез с телеги. — Чуть на лошадь не наскочил! Целых два, неужели вы не видели?

Это оказался Блукис. Он говорил по-русски, от волнения не заметив, вероятно, что встретился со знакомыми земляками. Когда они засмеялись, он пришел в себя и пристально всмотрелся в проезжих.

— Ну и чудеса! Старые знакомые! Вот где привелось встретиться! — Блукис протянул всем по очереди руку, не забыв и самых маленьких. — Каким образом вы очутились здесь?

Зитары рассказали и поинтересовались, не знает ли Блукис что-нибудь о латышской колонии в тайге, в которую они теперь направляются. Оказалось, Блукис именно оттуда и возвращался, после того как вдоль и поперек объездил весь горный Алтай. Он накупил масла, меду, копченой свинины и теперь вез продавать в Бийск. Там, в лесу, Зитары найдут столько латышей, что русского слова не услышишь, — настоящая латышская деревня. Жизнь подходящая. Если не бояться работы, так жить можно, тем более, в семье у Зитаров столько мужчин. Вот как проживет Валтериене с Сармите, трудно сказать.

Они проболтали так с полчаса. Уезжая, Блукис вдруг вспомнил, что здесь, на пути, в одном месте находится латышский хутор; там Зитары смогут остановиться на ночлег. Пусть не беспокоятся, это очень гостеприимные люди, всегда рады каждому земляку, который завернет к ним. Объяснив, как добраться до хутора, Блукис уехал.

— Я когда-нибудь заеду к вам в колонию, — пообещал он при расставании.

Путь Зитаров теперь круто поворачивал на восток, в сторону от тракта. Вечером они добрались до хутора. Он стоял обособленно, в окаймленной лесом долине, по соседству с маленькой горной деревушкой.

3

Мимо хутора протекала небольшая речка. Дом стоял на самом берегу — простое, красивое и прочное здание из отесанных бревен, по всей видимости построенное русскими плотниками. Остальные постройки — хлев, амбар и баня — говорили о том, что они возведены латышами, — сибиряки в те времена еще не строили хлевов: их скотина зимовала в открытых загонах, защищенных сплетенным из прутьев легким навесом, который спасал от снега, но не от мороза и метелей. Большое картофельное поле, огород и несколько ульев возле дома еще больше увеличивали сходство хутора с усадьбами беженцев на родине.

Все население хутора работало на покосе, убирая сено. Навстречу приехавшим бросилась большая рыжая собака.

— Бог помочь! Толочане не требуются? — крикнул капитан работающим.

— Спасибо, спасибо, идите сюда! — отозвался старший из мужчин, хозяин хутора Ниедра. — Грабли и вилы и для вас найдутся.

Это была большая семья латышей, жившая здесь уже шестой год, — одна из тех крестьянских семей, которые из-за недостатка земли покинули родину и приехали на чужбину. Некоторые сыновья и дочери были уже взрослые, другие — ровесники Янке или моложе, но они так чисто говорили по-латышски, что даже нельзя было подумать, что эти парни и девушки выросли среди сибиряков. Они радушно пригласили Зитаров на ночлег. Хозяин отправился вместе с ними домой, чтобы указать, где поставить подводы с вещами, а старшая дочь, стройная блондинка, пошла готовить ужин на всю громадную семью. Приезд беженцев внес радостное оживление в жизнь семейства Ниедры и, казалось, грозил нарушить все их планы на сегодняшний день; чтобы этого не случилось, оба сына Зитаров, Карл и Янка, стали на место ушедших членов семьи Ниедры и помогли сметать начатый стог сена. Немного погодя, поставив на место подводы, пришел Эрнест, потому что на покосе были и женщины. Самый рослый и сильный из Зитаров, Карл, принялся подавать на стог такие охапки сена, что гнулась рукоятка вил, а возчики не успевали подвозить сено. Природа не поскупилась щедро наделить Карла силой и здоровьем. Он перерос всех братьев и отца, — настоящий атлет, плечистый, с сильно развитой мускулатурой. Только на сухощавом его лице ранняя закалка на полях сражений оставила несколько преждевременных морщин, придававших ему выражение хрупкости, что не совсем соответствовало могучей фигуре. Он был красивый парень, и к нему постоянно обращались взоры всех девушек.

И было там еще одно юное создание. Когда подъехали подводы и остановились у края покоса, она не подошла вместе с другими, а, держась в стороне, продолжала работу — подгребала сено, оставшееся на месте копен. В спешке никто не обращал на нее внимания. Никто не видел ее, только...

И почему именно Янка должен был ее заметить? Теперь он уже ничего, кроме нее, не видел. Если бы она находилась вместе с другими, он, возможно, не выделил бы ее среди остальных — переночевал бы спокойно под чужой крышей и рано утром отправился дальше.

Но в тот миг, когда Янка Зитар впервые увидел ее, она была одна, и после этого он стал сам не свой. Ему исполнилось шестнадцать лет, ей было столько же или немногим меньше. Мечтательный по натуре, Янка вечно был одержим непонятным беспокойством и тоской, она — самое застенчивое и прекрасное существо, какое он когда-либо встречал. Равных ей не было в целом свете — это Янка понял с первого взгляда. Темные волосы, черные брови и синие, грустно-мечтательные глаза... Еще

несформировавшаяся фигура, лицо, похожее на прекрасную картину... Светлое очарование, что-то сказочное и неизъяснимое, — поставьте рядом всех девушек на свете, и вы убедитесь, насколько они жалки и ничтожны, она — само совершенство. Здесь, в горном хуторе, началось пробуждение юности Янки. Здесь он встретил прекрасную мечту своей жизни. Ее звали Лаура.

Если бы люди обладали хоть небольшой долей интуиции, то в тот вечер каждый мог бы заметить, что с Янкой происходит что-то неладное. Но никто ничего не видел и не замечал, за исключением, может быть, той, от которой он больше всего хотел это скрыть.

В горах солнце появляется раньше и заходит позже. Последние лучи заходящего солнца еще золотили восточные вершины, когда на западе стали темнеть одна круча за другой, и скоро всю долину окутали сумерки. Окончив работу, молодежь сложила грабли и вилы к только что сметанному стогу и направилась домой. Собака бежала впереди, словно указывая дорогу, и по временам оглядывалась, все ли следуют за ней.

Тем временем в доме в большой комнате столы были сдвинуты и накрыты, как в настоящий праздник. На больших блюдах дымилось мясо; вкусная подливка точно ждала, чтобы ее разлили по многочисленным тарелкам, поставленным по столам. Масло, мед, выращенная на огороде клубника и вкусное домашнее печенье, свидетельствовавшее о кулинарных способностях хозяйки, обещали немало приятных минут лакомкам, а их здесь было много, ибо кто же из молодежи не любит сладкого. Взор старого Зитара ласкала солидная кружка пива, из которой он вместе с хозяином хутора уже успел отведать несколько глотков, у обоих сразу развязались языки и появилось шутливое настроение. Да, в тот вечер на хуторе Ниедры был праздник. Позднее, когда кружка с пивом уже неоднократно обошла стол, дом наполнился веселым шумом беседы, смехом. Только Янка молчаливо сидел в темном углу, не осмеливаясь поднять блестящие глаза на ту, которая зажгла в них этот блеск. За столом им пришлось сидеть как раз друг против друга. В то время как все болтали между собой, Янка не проронил ни слова и весь ужин просидел с опущенными глазами. Всякий раз, когда он пытался поднять их, он видел только Лауру и, ослепленный, отворачивался.

Но разве мог он удержаться? Через минуту опять его взгляд искал ее, и всякий раз Янке казалось, что он что-то крадет у Лауры. Она была очень робкой, как и все выросшие в уединении. Но и ее что-то заставляло преодолевать робость и изредка посматривать на сидящего напротив юношу. Раза два их взгляды встречались, и тогда Лаура краснела и долго не осмеливалась поднять глаза, а Янку эти два нечаянных взгляда осчастливили. Ему казалось, что он заглянул в душу Лауры и увидел: она прекрасна и чиста, как ее глаза, и так же нежна, как ее голос.

В ту ночь Янка не спал. Шли часы, а он метался в постели и не мог дождаться утра, когда ему вновь суждено будет увидеть девушку с грустными глазами. Но утром старый Зитар так рано поднял сыновей, что Янка всерьез рассердился на отца: неужели он собирается уехать до того, как проснется семейство Ниедры, не попрощавшись?

Этого, конечно, не случилось: с восходом солнца встали все хуторяне. Отъезжающих не отпустили без завтрака. Но на этот раз хозяева сами не сели за стол. Мужчины спешили косить по росе, а женщины торопились доить коров. Перед отъездом капитан разыскал хозяйку и старого Ниедру и поблагодарил их за радушный прием. Затем все стали прощаться. В то утро Янка обменялся с Лаурой первым рукопожатием. Он не в состоянии был произнести прощальное приветствие, голос его почему-то осип. Он сразу же ушел, не дожидаясь остальных. И только в дороге Янка вспомнил, что он не сказал Лауре ни единого слова. Так много передумано за ночь, и ни одна дума не дошла до нее.

4

В дальнейшей жизни Янке пришлось пережить немало мрачных дней, но день, в который они ушли с хутора Ниедры, остался в его памяти самым тяжелым. Янка понимал, что в мире нет второй Лауры; он может встретить еще сотни и тысячи прекрасных созданий, но никогда его разум не осветится молниеносно вспыхнувшим прозрением: это *она!*

Янка испугался жизни — он боялся потерять самое

прекрасное и самое драгоценное, что можно найти под этим солнцем. Чтобы остаться наедине со своими мыслями, он ушел далеко вперед. Уходя, Янка заметил высокую гору, похожую на спину верблюда, вершина которой поднималась над вершинами других окрестных гор. У этого великана было красивое название — Казанда, и на его пологом склоне находился хутор Ниедры. Там, у Казанды, жила Лаура... Эта гора целый день была видна на северо-западе, и Янка часто останавливался и оглядывался назад. Он все еще видел места, где жила Лаура; кажущаяся близость их как бы смягчала горечь ему дум. «Может быть, я увижу Казанду и оттуда, где мы будем?» — думал Янка. Чем дальше уходила дорога, тем пристальнее всматривался он в очертания вершины Казанды, чтобы запомнить и не потерять ее из виду.

Вечером путники добрались до высокого горного перевала, откуда дорога вела вниз, в глубокую, широкую долину. Перед закатом Янка в последний раз оглянулся на туманный силуэт Казанды. Подводы спустились вниз, но теперь Янка отстал от них и долго еще продолжал стоять на самом высоком месте перевала, бесконечно повторяя про себя какое-то слово. Наконец и ему пришлось спуститься в долину, темневшую у его ног.

И настала вторая мучительная ночь. Они ночевали в избе какого-то крестьянина, куда сразу же после их приезда набилось много народу, так как в глухих деревнях всякие проезжие составляют событие, о котором после говорят целую неделю. Хозяин дома в свое время был на войне и больше года находился на Рижском фронте. Наконец-то он мог досыта наговориться о пережитом с людьми, которые сами оттуда. Янку эти разговоры мучили, словно кошмар. Он первым взобрался на полати и старался не слушать. Некоторое время это ему удавалось, но вдруг он ясно расслышал слово, которое заставило его напряженно прислушаться. Деревенские посетители ушли, и беженцы, оставшись одни, заговорили о хуторе Ниедры. Эрнест упомянул имя Лауры, и, не видя его лица, уже по тону голоса Янка догадался, что брат по привычке цинично усмехается. Дальнейшие слова Эрнеста подтвердили эту догадку: он говорил двусмысленности о дочерях Ниедры. Янка готов был растерзать брата, но ему приходилось спокойно лежать и слушать, ничем не выдавая своего воз-

мущения. Он дорожил своей огромной тайной, боялся, чтобы ее не открыли. Как вообще смел такой человек, как Эрнест, произносить имя Лауры!

5

Их путешествие длилось еще два дня. Дорога от хутора Ниедры неуклонно вела на восток. Когда Эрнест во время одного привала стал изучать карту, оказалось, что их маршрут образует правильный прямой угол и это вовсе не кратчайший путь из города в латышское селение. Руководитель переселенческого бюро составил маршрут с таким расчетом, чтобы Зитары ехали через свободные земельные участки и попутно осмотрели их, — им не было дано твердого указания остановиться в каком-либо определенном месте.

Утром следующего дня они переправились через Даугаву. Горы стали ниже, главные хребты потянулись на юг. В течение всего третьего дня путь беженцев пролегал по границе, разделяющей два резко противоположных природных пояса. Налево, с северной стороны, простиралась волнообразная, вырубленная догола прилатайская степь; справа темнела тайга, возникшая внезапно, верстах в двух от последних степных деревень. Скоро она перешла в настоящий девственный лес, где не было ни человеческого жилья, ни дорог, разве изредка встречалась пасека или охотничья тропинка. Заросший высокой густой травой и кустами, заваленный на каждом шагу буреломом, такой лес в течение всего лета был почти неприступен. Сквозь густое сплетение его зарослей не мог пробраться ни человек, ни зверь. И лишь осенью, когда трава увядала и с деревьев осыпался лист, охотник или сборщик орехов мог пробраться в этой чаще. В остальное время там не видно людей, разве иногда наберется старый смолокур и по ему одному известным тропинкам проедет в тайгу на двуколке, чтобы разыскать заросли седых берез.

Отчаяние, охватившее Янку после отъезда из хутора Ниедры, понемногу утихало.

«Лбом стену не прошибешь, — должен был наконец признаться Янка. — Безумствуй как хочешь, вой, брыкайся, страдай — ты ничего не изменишь. Поэтому

жди спокойно, не растрачивай силы, не поддавайся унынию, думай о будущем и готовься к нему. Если у тебя хватит выдержки и воли, ты победишь в жизненной борьбе. Может быть, даже и лучше, что ты пройдешь через испытания и убедишься в точности и силе твоих чувств».

Нет, испытаний он не боялся. Он был уверен в себе и знал, что ничто не заставит его забыть Лауру. По мере того как они приближались к цели своего путешествия, в сердце Янки все яснее и пленительнее утверждалась новая мечта. Она совсем не походила на его прежние мечтания. Трудная жизнь в незнакомой тайге рисовалась ему теперь как романтическая картина борьбы: в тайге задымят костры лесосеки, дерево за деревом, пень за пнем отступят леса, освобождая место для будущих пашен и лугов. Посреди тайги поднимется красивый, простой, прочный дом, и на сочных пастбищах замычит стадо. Суровым трудом завоюет Янка свое место под солнцем, будет работать как вол, польет своим пóтом землю чужбины и станет счастливейшим из людей, ибо с ним будет и Лаура. И тогда ему больше ничего не нужно — ни море, ни дальние страны, ни слава, — Лаура одна заменит весь мир, без нее все остальное не имеет никакой цены.

Эта мечта Янки имела бóльшую связь с действительностью, чем прежние его мечты. Он был еще слишком молод, чтобы впасть в продолжительную меланхолию и не видеть красот жизни. Он снова стал замечать людей. Вот его сестра, гордая, высокомерная Эльза — нет, Лаура не такая. Там были Карл и Сармите — два счастливых, тихих человека; их ничто не разлучало. Они ежедневно видели друг друга и шли одной дорогой, но Янка им не завидовал — ему казалось, что эти двое слишком спокойны, они не способны к большому, сильному чувству. А Эрнест никогда этого не поймет, его думы заняты золотом, ничтожными песчинками, лежащими где-то в долинах Алтая; жалкий человек, он не имеет никакого представления об истинном счастье и настоящей жизни.

Наконец запахло жильем. То там, то здесь над тайгой вились струйки дыма, слышался лай собак, пение петухов.

Навстречу ехал темнолицый мужчина, по-видимому

алтаец. За спиной его сидела жена с ребенком на руках. Ее волосы спадали на плечи густыми прямыми прядями и блестели на солнце, как вороново крыло. На ногах у обоих были длинные, из мягкой кожи сапоги без подметок и каблуков, перехваченные ниже колен ремешками.

— Кто там живет? — спросил старый Зитар, указывая на лес.

— Латыши, — ответил алтаец.

Беженцы свернули в тайгу по хорошо укатанной лесной дороге. Полчаса спустя путники увидели первые дома. Они были разбросаны среди небольших полей и лугов, на изрядном расстоянии один от другого, а между ними и вокруг них стоял лес, такой же нетронутый, первозданный, как в те времена, когда первый переселенец поставил здесь первую лачугу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Пятнадцать лет тому назад сюда пришел не старый еще человек и построил в тайге маленькую бревенчатую избушку. Здесь протекала речка, и на берегу ее была небольшая вырубка. Новосел всю зиму охотился, а весной продал шкуры зверей и купил корову. Лето он работал мотыгой и лопатой, корчевал пни, очищая участок земли под первую пашню. Осенью он занимался сбором хмеля и ягод черемухи, ездил в тайгу за кедровыми орехами и таким образом скопил деньги. Теперь он уже приобрел лошадь, сельскохозяйственные орудия и семена на следующую весну. А когда в лесу был построен просторный дом, новосел нашел себе в одной из соседних деревень жену. Это был латыш Симан Бренгулис, а жена его была сибирячка. Большой хутор с годами разросся, и его прозвали хутором Бренгули. После 1905 года сюда приехали два латышских семейства — политические ссыльные, — и по соседству с хутором Бренгули выросли еще два новых хутора. Теперь все три латышские усадьбы именовались поселком Бренгули. Позднее, во время мировой войны, когда волна беженцев принесла в Сибирь много латышей, в поселке поя-

вились новые жители, и скоро в тайге жило уже сорок латышских семейств. Уездные власти признали колонию латышей самостоятельной административной единицей, разрешили избрать старосту, иметь круглую печать и назвали колонию селом Бренгули. Симан Бренгулис сделался первым старостой и занимал эту должность и в те дни, когда здесь появились две семьи последних колонистов — Зитары и Валтеры. Бренгулис был теперь состоятельным человеком, владельцем обширных лугов и большого стада; в загородке у него всегда стояла на откорме дюжина свиней, сарай был полон разных сельскохозяйственных машин, а его лошадьми любовалась вся округа. Сам Бренгулис выглядел настоящим кулаком: упитанный, с заметно округлившимся брюшком, светло-русой пышной бородой и усами. Он носил лаковые сапоги, широкие брюки и ярких цветов рубашки с вышитым воротом... Только жена его мало соответствовала окружающему ее благополучию — это была худенькая, незаметная женщина, косившая одним глазом, — в то время, когда Бренгулис женился, он не мог найти лучшей девушки; хорошо, что хоть эта согласилась пойти за него.

Оба семейства ссыльных, приехавших в 1905 году, — Силини и Весманы — со временем тоже стали зажиточными хозяевами, но Бренгулис затмил всех. Его дом стоял в центре колонии. Да и сам Бренгулис стал центром, вокруг которого сосредоточивалась вся жизнь селения. Без него не мог обойтись ни один новосел. Много ли здесь было таких, кто не задолжал бы Бренгулису? Каждый в большей или меньшей степени зависел от него, каждый начинающий здесь жить обязательно должен был заручиться поддержкой Бренгулиса. Сибирская зима продолжительна, а закрома беженцев неглубоки. Хорошо, когда по соседству живет такой человек, как Бренгулис, к которому можно прийти в феврале и попросить в долг окорок свинины или мешок картофеля.

Когда Зитары приехали в тайгу, в Бренгулях полным ходом шел сенокос. В тот день старосте некогда было показать приезжим свободные участки земли. На следующий день он уехал по делам в волостное правление, на третий должен был возить домой сухой клевер. Только на утро четвертого дня, когда мужчины Зитаров

уже успели обойти все селение, Бренгулис сел на лошадь и провел земляков по границам подвластных ему участков. Да, здесь уже не чувствовалось того радушия и гостеприимства, что на хуторе Ниедры.

— Пойдете ко мне работать на уборку сена? — спросил Бренгулис в первый же вечер, когда Зитар с Карлом заявились к старосте.

— Нам сначала надо построить временное жилье... — ответил капитан.

— И даю в день два фунта сала и кормлю,— продолжал Бренгулис.

— Благодарю вас, но мы приехали сюда не в поисках работы, а в поисках земли, — с достоинством заявил капитан и положил на стол письмо из переселенческого бюро. — Нам сказали, что здесь много свободных земель.

Вот почему им пришлось ждать два дня, пока занятый староста освободился на несколько часов. Теперь его сопровождали все мужчины Зитаров, не исключая и Инки. Они уже заранее узнали от других беженцев, где находятся свободные участки, и присмотрели себе один отдаленный, более чистый участок у границы селения. Бренгулис повел их в сухой, заросший кустарником овраг. Туда не подходила ни одна дорога, к нему вела только узкая тропинка.

— Вот здесь можете поселиться, — сказал Бренгулис, указывая на дикие заросли.

— Мы поселимся на краю гари, — ответил Карл. — Или, может быть, вы приберегаете этот участок для кого-нибудь другого?

Бренгулис засопел, ничего не ответив. Эти приезжие — наверстые люди. Они не пришли к нему, зажав шапки под мышкой, не жаловались и не клянчили, а требовали. И они не хотели работать на сенокосе за два фунта сала в день. Если они такие богачи, зачем же они приехали в лес? Почему не живут в городе?

Край гари находился примерно в трех километрах от селения, и Бренгулис не приберегал этот участок. Но, как человек сообразительный, он по-своему рассчитал, что, если Зитаров поселить в заваленной буреломом чаще, они там пробьются несколько лет, пока расчистят поле под картофель и луг под траву для скота, а в это время у Бренгулиса будет под рукой

дешевая рабочая сила. В горелом же лесу четверо здоровых, сильных мужчин за одно лето натворят чудес, и сало Бренгулиса им совсем не понадобится.

Это было плохое начало — с первого же дня заслужить неблагосклонность самого могущественного человека в колонии. Но в старом Зитаре проснулся бывший капитан, а Бренгулис был для него, образованного, повидавшего свет водителя судов, всего лишь мелкотравчатым существом, перед которым он будет держаться гордо.

— Мы поселимся на краю гари, — непреклонно заявил Карл, и на этом вопрос был решен.

Бренгулису ничего не оставалось, как указать им границы участка.

В тот же день новые поселенцы въехали со своими подводами в горелый лес и выбрали место для временного жилья. Ближайшие их соседи, поселившиеся за горой, уже к вечеру услышали, как падают первые деревья на участке Зитаров. Дотемна звенела пила и слышался стук топоров. Наутро Зитары встали с первыми петухами, и лес снова наполнился шумом.

Село Бренгули занимало территорию в двадцать квадратных верст. Лишь узкой полосой выходила она к опушке леса и пастбищу ближайшей деревни. По своей форме и расположению усадеб колония напоминала огромный амфитеатр: в самом центре стоял большой хутор Бренгулиса, по обеим сторонам — усадьбы Силиня и Весмана, остальные сорок хозяйств широким полукольцом окружили центр и, как в настоящем амфитеатре, размещались на естественных, постепенно повышающихся к западу террасах. Один конец амфитеатра граничил со степью, другой простирался далеко в глубь тайги и кончался у большого лесного пожарища.

Лесной пожар случился летом в первый год войны. Тогда в тайге бушевала огненная стихия, истребившая широкую, в несколько верст, полосу векового леса. С того времени в этой местности исчезли змеи, которые прежде водились в огромных количествах. Растущим в тени и насыщенным влагой великанам тайги пожар не причинил особенного вреда, только опалил хвою и поджег кое-где сухие сучья. Зато кустарник был совершенно уничтожен, и долго не могли пробиться из земли

длинные стебли травы, которую местные жители называли дудками. Огромные деревья, смолистые макушки которых обгорели, перестали расти и засохли. У беженцев оказался под рукой большой запас строительного материала, который без всякой сушки годился на постройку дома, а покрытая золой пожарища земля не требовала никакого удобрения.

Приезжие старались селиться обособленно, посреди своих участков; только некоторые беженцы построили дома группами, по три, по четыре вместе. Большинство усадеб было разбросано по лесной дороге и по горным оврагам, где всегда держалась вода. Здесь можно было встретить людей из всех районов Латвии, крестьян и жителей города, большие семьи и одиночек. Те, кто оказался более состоятельным, уже в первое лето приобрели лошадь, коров и соорудили себе какое-то жилье, но большинство боролось с нуждой. Было там и несколько женщин с детьми, кормильцы которых не вернулись с фронта или еще томились в немецком плену.

Большая часть беженцев жила в землянках, зарывшись, точно барсуки, на косогорах, другие не имели даже землянок и ютились в еловых шалашах, куда проникало малейшее дуновение ветра, где после каждого дождя земляной пол превращался в месиво. Это были настоящие пещерные люди, с пропитанной запахом земли одеждой и покрытыми копотью лицами. Когда к их землянкам приближался кто-нибудь посторонний, женщины прятались в кусты, а мужчины, одетые в грубые, сшитые из мешковины рубахи и штаны, забрав мотыги, отходили на другой конец лесосеки, подальше от дороги.

Зитары и Валтеры поселились на самом краю пещерного участка. Их соседями оказались очень бедные поселенцы, и теперь также им предстояло, по крайней мере на некоторое время, стать такими же пещерными людьми.

На высоком южном склоне горы они вырыли углубления для землянок — настолько глубокие, что плотный слой глинистого грунта образовывал три стены. Наружную стену и двери укрепили крепкими кольями и засыпали толстым слоем земли, так же сделали крышу, а кругом вырыли канавы, чтобы дождевая и

снеговая вода не заливала землянки. В сущности, это был скорее погреб, с той лишь разницей, что там, где обычно лежал лед, стояла чугунная печурка, а вдоль стен вместо закромов тянулись сколоченные из круглых еловых и осиновых жердей нары для спанья. На плотном земляном полу сделали высокий, на полфута от земли, настил из кольев, чтобы во время дождливой погоды или оттепели не ходить по мокрому, а посредине землянки в полу прорыли узенькую канавку, она отводила лишнюю влагу.

В таком помещении воздух всегда был душно-сырой, со специфическим запахом земли: все вещи и одежда быстро покрывались плесенью, а крохотное оконце даже в самые солнечные дни не могло рассеять серый полумрак, царивший здесь с утра до вечера. В таких землянках ютилось три четверти жителей села Бренгули, одни — первое лето, другие — уже второй год, а половина жила так все время.

Полторы недели провели Зитары за постройкой двух землянок: одной, побольше, для себя, и другой, вполовину меньше, для семьи Валтеров. Одну из лошадей обменяли в деревне на корову, получив еще в придачу двух поросят. Нужно было раздобыть косу и в оврагах, не так сильно заросших кустарником, накосить скотине сена на всю долгую зиму. Пока остальные косили и сушили сено, Эрнест с Карлом пилили бревна для будущего дома и между делом изготовляли кое-какую мебель: сухие еловые чурки для сиденья, стол из отесанных кольев. Заниматься посевом и огородом уже не было смысла, поэтому к очистке земли приступили позже, покончив со всем остальным. Обработку строительного материала и распиловку досок отложили на зиму, а бревна свезли в одно место. Теперь новоселы раздобыли мотыги, лопаты, топоры и принялись за самую главную работу. Когда выходит такой отряд работников, где мужчины вырубают кусты, корчуют пни и выкапывают корни, а женщины убирают и зачищают все, площадь поля растет на глазах. Вот уже очищено поле для картофеля и можно посмотреть, где будущей весной сеять овес и просо и где еще можно расчистить кусок земли под сенокос. В воскресенье к новоселам мимоходом завернул сам Бренгулис, но он исчез так же быстро, как появился, ибо здесь

даже в воскресенье звенели мотыги и из горящих костров навстречу гостям черными клубами валил горький дым. Нет, здесь нечего было надеяться на дешевую рабочую силу: эти не уймутся раньше, чем победят лес и на месте пожарища появится волнующаяся нива.

Когда в степи началась уборка хлеба, капитан Зитар с обоими старшими сыновьями отправился туда и две недели косил у крестьян пшеницу. Они заработали хлеба на всю зиму. А Янка с женщинами в это время собирал хмель, которым в лесу заросли все кустарники. Повесив на шею большие мешки, сборщики хмеля бродили по тайге и полными горстями обрывали пышные гроздья. Дома их сушили — часть на солнце, но больше всего в особой сушилке, устроенной капитаном. Хмель, ягоды черемухи и позже калина — вот все богатство тайги, единственный источник дохода беженцев и самые лучшие продукты для обмена. За них зимой в степных деревнях можно получить все необходимое. Сбор хмеля и ягод был значительно легче и лучше оплачивался, чем работа у Бренгулиса. Ободранные до крови пальцы, изъеденные мошкарой лица, чувство усталости после лазанья по кустам и горам — все это были мелочи по сравнению с тем, что они приобретали, — спокойную, обеспеченную зиму и вновь проснувшееся чувство собственного достоинства, которое в дни нужды так часто попиралось.

2

Лето и осень для жителей землянок прошли быстро. Одна работа следовала за другой. Но наконец и здесь наступил день, когда новосел смог отложить мотыгу и разогнуть спину в ожидании первых морозов. В Бренгулях почти каждую неделю собирались сходки, но их обычно посещал только старый Зитар. Сыновья его месяцами не выходили из лесу, и до осени их видели только раза два ближайшие соседи. Они даже не познакомились с земляками, живущими в тайге. Почему они держались так обособленно? Была ли это гордость? Нет, у каждого из них имелись на это причины.

Карл после стычки с Бренгулисом не желал лишний раз привлекать внимания старосты к своей особе, так

как Бренгулис представлял в селе колчаковские власти и находился в хороших отношениях с волостным и уездным начальством. Для человека, которого преследуют, лучше, если его не замечают и забывают о его существовании. Вот он и укрывался в лесу.

Мысли Янки были далеко, у высоких гор; его не интересовало, будет или не будет существовать колония, ничего его здесь не волновало. Он навеки останется для всех чужим. Чем более он станет уединяться, тем сильнее его мысли будут стремиться на запад, в долину Казанды.

А Эрнест? Ведь его ум не пленяли далекие миражи. Почему же он никуда не ходил? Может быть, он не хотел нарушать солидарности семьи? Все дело в том, что у него имелась карта гор, а в горах лежало золото. Он каждую свободную минуту смотрел на карту, искал на ней ближайшие прииски и изучал, каким путем туда пройти. Он никому об этом не рассказывал. Только однажды немного проболтался. Это случилось поздней осенью, когда все три сына Зитара вышли на охоту — Карл с винтовкой, а Эрнест и Янка с одной старой берданкой. Они пользовались ею по очереди. Скитаясь по тайге, братья подошли к горе, которая закрывала от обитателей гари западный край горизонта. Здесь они набрели на стаю куропаток и, преследуя ее, достигли вершины горы. Взорам охотников открылась широкая и прекрасная панорама: на юг и на запад волнообразно уходила голубая тайга, а вдали возвышались снежные вершины гор — там была китайская граница, дикая, неисследованная область Горного Алтая.

— Вы видите вон ту вершину, похожую на верблюжий горб?—воскликнул Янка, и глаза его заблестели.— Ведь это же Казанда!

— Казанда? — Карл равнодушно взглянул на запад. — Ну и что же?

— Мы там ночевали, когда ехали сюда. Там находится хутор Ниедры, — покраснев, объяснил Янка.

— Сколько верст до нее? — спросил Эрнест.

— Верст девяносто, а то и все сто, — ответил Янка.

— А сколько верст может быть до той горы? — продолжал Эрнест, указывая на одинокую громаду, совер-

шенно обособленно поднимавшуюся посреди тайги. Вершина ее была совсем белой от снега, а ниже все кручи заросли густым лесом. То, что гора стояла отдельно от других и ее массив высоко возносился над тайгой, словно прижавшейся к земле тайгой, выгодно выделяло ее на фоне этого величественного пейзажа. Братья определили, что до нее будет примерно верст шестьдесят или даже немного меньше: гора была так ясно видна и обманчиво близка, что, казалось, можно различить отдельные кущи деревьев на ее кручах.

— Значит, это Тамалга, — задумчиво произнес Эрнест. — Там золото. Кругом много речек, и во всех золото.

Отдохнув на вершине, братья вернулись в долину, на гарь. После этого Янка и Эрнест стали ходить на охоту поодиночке. Но все равно, была ли эта стайка птиц, белка или куница, — их следы неизменно приводили охотников на вершину горы, находившейся на другом конце горелого леса. Здесь они отдыхали и подолгу любовались величественным видом. Взволнованный до глубины души, Янка, глядя на запад, шептал имя одной девушки, а Эрнест жадным взглядом впивался в юго-восток, где, словно исполинский золотой чурбан, сверкал в лучах осеннего солнца горный массив Тамалги.

Однажды они встретились там, наверху, и оба смутились, словно застигнутые на месте преступления. Но каких-либо подозрений по отношению друг к другу у них не возникло.

Этих двоих не интересовали бренгульские землянки. Манящие чары далей, мечты о счастье и богатстве — вот в чем видели они содержание своей жизни. Остальные пытались восполнить пустоту обществом людей, болтовней на сходках. Карл в начале зимы стал появляться на сходках в Бренгулях, потому что Сармите поступила работницей к старосте поселка. Она, правда, приходила по воскресеньям к матери, но это было слишком редко — один раз в неделю. Карл должен был видеть ее чаще, независимо от того, нравится это Бренгулису или нет.

Когда закончился сбор калины, Эрнест с Карлом начали готовить строительный материал для жилища: они собирались следующей весной ставить дом. Братья

обтесали бревна и часть распилили на доски, потом сделали двери, оконные рамы, обстругали доски для полов и потолков и изготовили кое-что из мебели. Землянка Зитаров всю зиму была завалена стружками. Капитан изредка ездил в степь за заработанной осенью пшеницей, попутно молол ее на мельнице и привозил домой муку. По первопутку он свез в Бийск собранный хмель и на вырученные деньги купил плуг, борону и все необходимое для постройки дома: гвозди, петли и оконное стекло. Единственно, чего им не хватало, это сахара и круп; это уж нужно было покупать на деньги. Старший Зитар выдалбливал из осиновых колод корыта для скота, квашни, делал лопаты, ложки и возил их на базар, который два раза в месяц собирался в одной из больших степных деревень.

Борьба за существование была тяжелой. Но положение других беженцев было еще хуже. Сибирская зима, продолжающаяся семь месяцев, многих заставила продать последнюю одежду или батрачить у Бренгулиса. Труднее всего приходилось одиноким женщинам, лишившимся кормильца; им надо было обеспечивать не только себя, но и маленьких детей и немощных стариков. Такие впавшие в нищету люди и были дешевой рабочей силой для Бренгулиса. Эти люди оказывались словно в заколдованном кругу, никогда не могли встать на ноги. Когда они были нужны Бренгулису, он звал их, и им приходилось бросать свою работу. Половина жителей поселка задыхалась под его тяжелым кулаком. До приезда беженцев он ходил в обычном для сибирского крестьянина платье; теперь он снимал одежду с умирающего от голода земляка и надевал на себя. Приглянулась ему черная шуба с каракулевым воротником — он забирал ее, потому что беженцу нужна лошадь, а денег не было. Надоела высохшая косоглазая жена — и загоревшийся взор его останавливался на румяной видземке, муж которой уснул вечным сном у Пулеметной горки. Для него не было ничего невозможного. И делал он все из чистого человеколюбия — ведь он помогал нуждающимся, спасал от голодной смерти. За все это голытьба должна быть только благодарна ему.

3

Богато, по-барски жили на хуторе Бренгулиса. Теплые, светлые комнаты, мебель из кедра, клеть, словно волостной магазин*, полна съестных припасов. Стол ломился от обильной и вкусной пищи. В кладовой всегда стоял бочонок с домашним пивом, — как только оно шло на убыль, Бренгулис варил новое. Батраки его ели досыта, но и работали с утра до ночи. Попасть на постоянную работу к Бренгулису было мечтой многих, в особенности одиночек. Но он зимой держал только одного работника и работницу, не давая и своей семье сидеть сложа руки. Хозяйка, Прасковья Егоровна, целыми днями хлопотала по хозяйству: варила, стирала, кормила скотину. У них были два мальчика, одиннадцати и девяти лет, и маленькая девочка; они еще плохо помогали в работе, мальчики ходили в школу, а летом пасли отцовский скот. У Бренгулиса жила еще теща и пожилой брат жены, они тоже работали на Бренгулиса, и за это их кормили и одевали. Где это видано, чтобы платили жалованье своим? С их стороны было бы величайшей наглостью требовать чего-то еще. Хозяин разъезжал по делам в волость, в город, к лесничему, на базар, и ему некогда было заниматься домашней работой. Да от такого важного человека этого ведь и было требовать.

Сармите уже третий месяц работала у Бренгулиса. Многие ей завидовали и оговаривали ее, но она об этом ничего не знала. До нее на хуторе служила тоже какая-то беженка, но осенью Бренгулис уволил ее. В лесу жили ее родные, большая бедная семья, и девушка иногда носила им кое-какие остатки еды. За это девушку прогнали, а на ее место взяли Сармите — хозяин сам выбрал ее из всех других.

Нелегко, конечно, приходилось хрупким плечам девушки от тяжелых коромысел с водой и ведер с пойлом для скота, но она с детства привыкла работать и не жаловалась, когда вечером все тело ныло от усталости. Работа была тяжелая, а день длинный, но она чувствовала себя сильнее и здоровее, чем когда-либо, хорошее питание поддерживало организм. Одно плохо: на хуторе ей не с кем было поговорить по душам. Поэтому Сармите так дорожила теми немногими часами,

которые ей удавалось провести в воскресенье у матери и Зитаров. День сходки, когда на хутор приходил Карл, казался праздником.

Бренгулис был хороший хозяин, так по крайней мере казалось Сармите. Он изредка приветливо заговаривал с ней, старался дать ей более легкую и чистую работу и всякий раз, когда Сармите отправлялась к матери, посылал гостинцы. У каждого человека есть свои слабости — почему Бренгулис должен быть исключением? Когда нужно, он становился суровым и безжалостным, но иногда умел приветливо поболтать, и взгляд его становился робким и заискивающим, точно у кота. Когда поблизости находился кто-нибудь из домашних, он говорил с Сармите резко и требовательно, но стоило ему остаться с ней наедине, как голос его становился мягким, вкрадчивым и он называл свою работницу доченькой.

Это случилось в феврале, в конце масленицы. Прасковья Егоровна страдала болями под ложечкой, лежала. Бренгулис послал работника в деревню Чесноково за фельдшером. Тот, приехав под вечер, осмотрел больную и остался на хуторе ночевать. Бренгулис недавно гнал самогонку и щедро подливал своему старому приятелю. К вечеру оба были сильно навеселе. Фельдшер крикливо поносил врачей: они, мол, ничего не понимают в медицине, и если бы не фельдшеры, всем больным пришел бы каюк. Бренгулис, более привычный к выпивке и выносливее гостя, не так скоро поддался хмелью. Лицо его горело словно в огне, и с него не сходила улыбка. Он не хвастался, а о чем-то крепко задумался. Когда Сармите отправилась вечером в коровник, Бренгулис покинул гостя, который сидел за столом и клевал носом.

— Пойду посмотрю, закрыта ли клеть, — сказал он, выходя.

Скотина была уже накормлена, но на хуторе Бренгулиса полагалось каждый вечер, прежде чем лечь спать, осмотреть, все ли в порядке в коровнике. Обычно это делала сама хозяйка или ее мать, но Прасковья Егоровна лежала больная, а мать ушла в деревню за знахаркой, так как в помощь фельдшера на хуторе верили меньше, чем в привороты и колдовство. Случи-

лось так, что в тот вечер Сармите пришлось выполнять обязанности хозяйки. Надев валенки и накинув овчинный полушубок, она зажгла фонарь и отправилась в коровник. Стояла тихая ясная ночь, мороз был больше тридцати градусов. При свете звезд тускло поблескивали покрытые инеем ели на опушке тайги и мерцал снег на залитом светом луны пригорке. Продрогшие хозяйские собаки бежали впереди Сармите, чувствуя, что они смогут на несколько минут забежать в хлев погреться. Сармите отодвинула засов и вошла в хлев. Коровы, улегшись на сухой подстилке, мирно жевали жвачку, пофыркивала лошадь, а любопытный ягненок, заметив свет, вскочил на ноги и подошел к загородке, протягивая навстречу Сармите мягкую мордочку. Она медленно обошла загородки и стойла, проверила, не запутался ли кто в привязи и достаточно ли в яслях сена.

Молодая комолая корова была большой лакомкой и, выбирая сено получше, остальное кидала под ноги. Сармите подбросила ей еще немного клевера и собралась уже уходить, когда вошел хозяин и остановился у лестницы, ведущей на сеновал.

— А, ты уже здесь, — сказал он. — Не знал я, что ты придешь, и зашел сам. Ну как, все в порядке?

— Да, скотина спокойна, — ответила Сармите, опуская глаза под пристальным, странно блестевшим взглядом хозяина. — Вы сами, хозяин, закроете хлев или мне закрыть?

— Я сам закрою, — ответил Бренгулис, чихнув. — Постой, доченька, я хочу тебе что-то сказать.

Сармите молча взглянула на Бренгулиса. Улыбаясь своим мыслям, он посмотрел на девушку и опять отвернулся. Затем, решившись на что-то, стал серьезным.

— Мать все еще продолжает жить в землянке? — спросил он, подходя к Сармите.

— Да. У нас нет другого жилья.

— Долго ли вы думаете так жить? Можно заболеть, ведь там сыро.

— Не знаю... — смущенно ответила Сармите. — Может быть, весной вернемся на родину, а если не вернемся, придется жить, как до сих пор. Вдвоем нам не построить дом.

— Верно, доченька, тут нужен мужчина. Вам весной и корова понадобится, не так ли?

— Корова очень нужна, но как ее купить? Может, удастся выменять на одежду. У матери есть совсем хорошая шуба.

— А если бы я вам дал корову?

Сармите не знала, как понять предложение Бренгулиса, и молчала. За работу она получала продукты и деньги. За что же Бренгулис даст ей еще корову?

— А если бы весной построить вам на гари маленький домик из хороших, сухих бревен? — продолжал Бренгулис.

Он уже подошел настолько близко, что мог как бы нечаянно взять Сармите за руку, а другой отнять у нее фонарь и поставить его на ящик с овсом. Теперь они стояли друг против друга, освещаемые тусклым красноватым светом: один — большой, полный здоровья и силы, другая — маленькая и прекрасная, ребенок по сравнению с ним, смущенный, беспомощный, скованный непонятным страхом.

— Что ты на это скажешь? — спросил Бренгулис. — Я могу, если только ты захочешь.

— Я не знаю, а как же мы...

— Доченька, неужели ты еще ничего не понимаешь? Ну, не бойся и не беги. Я ведь не съем тебя. У тебя начнется хорошая жизнь, если ты будешь умницей. Я не скупой... доченька, не кричи...

Но она закричала и так отчаянно стала рваться из его объятий, что ему пришлось зажать ей рукою рот. Теперь вскрикнул он и отдернул широкую ладонь: средний палец был прокушен до кости.

— Ах ты, дрянь такая... — прорычал Бренгулис, тряся окровавленным пальцем. — Ты еще кусаться!..

Он лишь на мгновение занялся своим пальцем, но этого было достаточно, чтобы Сармите, воспользовавшись его замешательством, вырвалась. Когда он опомнился и хотел схватить девушку, она была уже в дверях. Озверевший Бренгулис бросился догонять ее, но тут подвернулись под ноги собаки, и он, споткнувшись, растянулся, успев схватить Сармите за валенок. Но и его пришлось выпустить из рук, потому что Сармите так больно

наступила ему на пальцы другим валенком, что они сразу онемели.

Когда хозяин, в сердцах пнув ногой собак, выбежал на двор, девушки уже не было. Дойдя до угла хлева, Бренгулис услышал скрип снега под ногами и увидел в том месте, где дорога поворачивала в лес, черную фигуру, быстро поднимающуюся на пригорок. Вскоре она скрылась за густыми елями.

Хозяин долго стоял посреди двора и смотрел в сторону леса. Потом ему стало холодно. Он чертыхнулся, выпустил кровь из пальца и пошел закрыть хлев. «Рано или поздно я все равно добьюсь своего! Для Симана Бренгулиса нет ничего невозможного! Она вернется».

Да, она вернулась, но уже под утро, когда на небе перекликались стожары и в Бренгулях все спали крепким сном. Она всю ночь скиталась по тайге одна со своим страхом и отчаянием. Ей казалось, что ее преследуют, она слышала скрип снега за спиной, и лесные тени в ее воображении превращались в бегущих чудовищ. Но, добравшись до землянок Зитаров и матери, она не осмелилась постучать к ним и, продрогшая и тихая, остановилась у дверей. Здесь, в двух шагах от надежного убежища, она вдруг поняла, насколько сложно ее положение: весна еще далеко, а в их землянке хлеба немного... И она вернулась обратно на богатый хутор, где жирные окорока и закрома картофеля, где хозяйка больна, а хозяин пьет самогонку и во хмелю считает весь мир своим.

Может быть, он просто был пьян и завтра будет стыдиться сегодняшнего поступка, станет благоразумнее? Только бы дожить до весны, а там уйти из этого ужасного места. Если нет — она вернется в лес и станет жить так же, как все. Но теперь на всякий случай она будет всегда носить с собой маленький кинжальчик, — на хуторе она видела много таких.

Девушка тихо вернулась обратно и прошла в свою каморку. Никто ничего не заметил. На следующий день Бренгулис мучился похмельем и избегал встречаться с Сармите. Когда выздоровела Прасковья Егоровна и вновь взяла бразды правления в свои руки, муж ее опять стал разъезжать то в волость, то на базары. Он ни разу не напомнил Сармите о происшедшем, не попросил прощения, но и не приставал к ней. Только в дни сходок,

когда на хуторе появлялся Карл Зитар и счастливая Сармите краснела в его присутствии, в глазах хозяина вспыхивал недобрый огонек. Но он ничего не говорил ни Карлу, ни Сармите, ибо еще не настало время.

4

Как только подтаял снег, мужчины отправились в лес заготовлять дрова. Каждый мог рубить, где хотел, разрешения не требовалось, — лес был очень большой, а прилегающие к степи участки подлежали вырубке. Зимой заготовленные дрова продавали степным крестьянам. Для жителей тайги это был очень важный источник дохода. Заготовка дров длилась до мая, вплоть до начала весенних работ на полях. Позже в лесу нельзя было работать, он становился совершенно непроходимым: как только сходил снег, из мокрой и холодной земли начинали пробиваться ростки; каждое свободное место покрывалось высокими дудками, быстро одевались листьями кустарники, и вся тайга звенела от писка кровожадной мошкары. Пробуждение природы совершалось здесь настолько бурно, что через две недели после исчезновения снега все уже зеленело, цвело и благоухало.

Тайга проснулась. Беженцы вздохнули свободнее и окунулись с головой в весенние работы. Зитар с сыновьями опять корчевал пни, рубил кустарник и к началу сева расширил возделанные осенью поля. Семена зерновых и огородных культур были заготовлены еще зимой; трудно только оказалось достать картофель для первой посадки. Сибиряки садили его немного — две-три пуры* на хозяйство, поэтому к весне у них еле хватало семян для посадки. Бренгулис ничего не продавал за деньги, а Зитары не хотели закабалять себя на лето и осень. Зная хорошо, что землякам нужнее всего семена картофеля, другие старые колонисты — Силинь и Весман — тоже старались продать его подороже. В конце концов капитану Зитару пришлось отдать Силиню свою великолепную шубу на лисьем меху за двадцать пур картофеля, а прекрасное пальто Альвины перекочевало в деревню в обмен на корову, — одной было мало для такой большой семьи.

От зари до зари трудилось население землянок. Лес рубили, и над ним опять потянулся дым, отовсюду доносился стук топоров, звон мотыг и лопат. Засеяв и засадив всю возделанную землю, Зитары принялись за постройку дома. За зиму бревна и стропила были отесаны, доски для полов и потолков напилены и обструганы, поэтому работа подвигалась быстро. В селе были хорошие плотники, двое из них пришли работать к Зитарам. За неделю поставили сруб и возвели крышу, за следующую неделю настелили пол и потолок, вставили рамы и навесили наружную дверь, а затем Зитары, отпустив плотников, занялись внутренней отделкой. Чтобы рассчитаться с плотниками, капитан пожертвовал одним из хороших костюмов, а за работу печников Эльза расплатилась двумя платьями.

Усерднее всех в это время работал Эрнест. Домашние не могли надивиться внезапному трудолюбию ленивого и вздорного парня. По утрам он вставал первым и сразу же отправлялся на постройку, находившуюся шагах в ста от землянки Зитаров, — ближе не оказалось подходящего места. Вечерами его всегда приходилось звать домой, иначе он не кончал работу. Но ошибались те, кто думал, что изменился характер Эрнеста. Нет. Он только старался отработать свою долю и получить право на угол в новом доме, чтобы затем оставить все и отправиться на поиски золота. Всю зиму он вынашивал в себе эту мысль и часто посматривал на сказочную золотую гору Тамалгу. С приближением весны он привел в порядок вещевой мешок, раздобыл сито, мотыгу, лопату и тайком насушил сухарей.

Когда главные весенние работы были закончены, он как-то утром заявил домашним, что теперь они могут закончить постройку без него, взял свой багаж и ушел. Ни мать, ни отец не смогли отговорить его от этого похода.

— Через месяц я вернусь с полным мешком золота, — уверенно сказал Эрнест. — И тогда мы купим всю колонию.

— Сумасброд, и больше ничего! — возмущался капитан. — И кто только вбил ему в голову эту дурь!

Но, взвесив все обстоятельства и вспомнив, что Алтай действительно славится золотыми россыпями, родные

Эрнеста в конце концов признали, что затея его не такая уж пустая: если посчастливится, он вернется состоятельным человеком. Пожелаем ему успеха!

Перед уходом Эрнест зашел еще на хутор Бренгулиса и отыскал Сармите.

— Ну, я на некоторое время ухожу, — сказал он. — К Иванову дню думаю вернуться, и тогда ты больше не будешь служить у Бренгулиса. Я тебе это обещаю.

И он с загадочным видом, сам, видимо, взволнованный, улыбнулся девушке и ушел на юго-восток тропинкой смолокуров.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Своеобразный народ эти чалдоны — так прозвали русских, родившихся в Сибири. Уже одно то, что их отцы и деды покинули родные деревни и отправились в далекий путь через Урал, говорило о том, что это беспокойное, энергичное и трудолюбивое племя. В характере этих людей проявлялись упорство, стремление к независимости и гордость. Много среди них было потомков прежних ссыльных, но это служило для сибиряка скорее положительным признаком: во времена крепостничества нарушали законы наиболее смелые и умные люди. Высылка на поселение в Сибирь в то время означала освобождение от позорной крепи и начало свободной крестьянской жизни. Первыми переселенцами были староверы, религиозные фанатики. Они селились в глухих, уединенных местах, где никто не мешал им жить по старинным обычаям и верить в бога так, как верили их прапрадеды допетровских времен. Одно или два поколения их жили безмятежно, пока рядом с ними не появлялись инаковерующие и не окружали со всех сторон уединенные островки староверов. Тогда этим фанатикам становилось невмоготу жить среди «поганых» — как они называли православных, — они покидали обработанные поля, обжитые деревни и снова искали в тайге глухие, дикие места и повторяли все сначала. И опять несколько поколений могли спокойно жить на месте, пока тайга не превраща-

лась в открытое поле и вокруг их селения не появлялись новые деревни. Теперь даже на Алтае становилось трудно отыскать такие места, где можно было укрыться старообрядцам, поэтому самые заядлые из них уезжали за кордон — в Монголию. Весной через Бренгули проехал большой обоз — пятьдесят подвод, груженных вещами и людьми.

Мрачно озлобленные, стиснув зубы, встретили сибиряки власть Колчака. Когда стали пороть наиболее смелых, а вдоль большой Сибирской магистрали у железнодорожных станций повесили мужиков и в назидание народу неделями не снимали с виселиц, сибиряки не могли оставаться равнодушными. Теперь сибирский крестьянин ожидал момента, когда можно будет схватить мучителя за горло. Он не желал принимать за проданное зерно и скотину полоски зеленой бумаги, отказывался отдавать сыновей в армию Колчака, радовался ее неудачам и убегал в лес, когда за ним приходили жандармы. По деревням разъезжали карательные отряды, жгли, пороли, вешали, а в ответ на это повсюду появились партизанские отряды. Они собирались в тайге, на непроходимых горных кручах, и представляли собой грозную силу. Крестьяне считали партизан братьями, прятали их, снабжали продуктами и доставляли им сведения о передвижении противника.

В Алтайском крае было несколько мест, где находились логова карателей, о них ходили жуткие рассказы. В той местности, где находились Бренгули, резиденцией палачей стало большое село Ануй — в шестидесяти верстах к востоку от колонии. Ануй — было страшное слово, услышав которое крестьяне осеняли себя крестом. — Хочешь в Ануе побывать? — обычно спрашивали власть имущие у непокорных крестьян, и такое напоминание равнялось обещанию смертной казни — из Ануя никто живым не возвращался. Виновного или невиновного после пыток нельзя было показывать народу, и поэтому его приканчивали.

Если в селе Бренгули кто и находился под угрозой и кому приходилось опасаться Ануя, так это Карлу Зитару: достаточно было кому-либо из приспешников Колчака узнать, что он бывший латышский стрелок и работник милиции, и судьба Карла была бы немедленно

решена. Его спасали от угрозы смерти только уединение, дремучие заросли тайги и неведение окрестного населения. Весной 1919 года, когда террор Колчака достиг предела, Карл ни на шаг не выходил из горелого леса. В степь, в деревни и на сходки колонистов отправлялся отец или Янка. Когда через Бренгули проходили отряды колчаковцев или группы жандармов, Карл брал винтовку и шел в тайгу. Он все время жил под страхом смерти. Малейшая оплошность, какая-то случайность — и он погиб.

И эта случайность пришла в начале июня, когда крестьяне, закончив весенние полевые работы, отдыхали и накапливали силы для уборочной страды. Староста в одно из воскресений пригласил на сходку всех совершеннолетних мужчин. На этот раз и Карл отправился с отцом на хутор.

В летнее время сходки собирались под открытым небом, во дворе Бренгулиса. Под навесом клети ставили стол и два стула для председателя и писаря, несколько скамеек для пожилых, остальные располагались на траве. Собрание велось на латышском языке, ибо в пределах колонии русских не было, а протокол писали по-русски. Обычно здесь обсуждали всякие хозяйственные вопросы: о гужевой повинности, о ремонте дорог и мостов, о распределении налогов на хозяйства, зачитывали приказы о мобилизации и другие распоряжения. Живя всю неделю безвыходно в лесу, люди на собраниях рады были поговорить, спорили по каждому пустяку, и сходки часто затягивались до позднего вечера. Босиком, одетые в штаны и рубахи из мешковины, с мозолистыми руками и темными от загара лицами, новоселы тайги сидели во дворе Бренгулиса, потягивая трубки или посасывая сладковатые корни трав. Пока одни обсуждали распоряжения волостного правления, другие рассказывали случаи из жизни на родине и по секрету сообщали друг другу самые свежие новости: этой осенью латышей отправят домой — морем через Владивосток; советские войска уже под Омском, а в армии Колчака начались волнения; на прошлой неделе в Ануй попали два брата-татарина: их несколько дней не снимали с виселицы — один скончался скоро, а другой будто был очень высокого роста, доставал ногами до земли и потому мучился трое суток.

— Внимание! — стучал Бренгулис карандашом по

столу, когда болтовня становилась слишком громкой и грозила заглушить голоса ораторов. — Кто хочет трепать языком, может собрание оставить!

Когда это говорил староста, юридический глава села, приходилось умолкать. Но ненадолго. Понемногу шепот возобновлялся, становился все громче и громче, пока чаша терпения Бренгулиса не переполнялась и он, покраснев от злости, громким, крикливым голосом не приказывал людям замолчать.

В этот день писарь зачитал приказ военного ведомства о регистрации всех бывших офицеров с приглашением вступить в армию. В приказе перечислялись ставки жалованья, довольно соблазнительные по своим размерам, но когда Бренгулис после зачтения пригласил офицеров, если таковые в колонии имеются, записываться, никто не отозвался. Карл Зитар, посмотрев на отца, многозначительно покачал головой и сделал вид, что не слышал слов Бренгулиса.

— Запиши в протокол, что в нашем селе офицеров нет, — сказал Бренгулис писарю. — А теперь перейдем к следующему вопросу повестки дня.

Собрание закончилось около полудня. Большинство беженцев сразу разошлись по домам; остались только те, у кого были дела к старосте. Карл разыскал Сармите, собиравшуюся идти к матери, и подождал, пока она оделась. Перед самым уходом он заметил во дворе Бренгулиса чью-то чужую повозку и уже намеревался спросить Сармите, кому она принадлежит, когда все разъяснилось само собой. К углу дома, где в тени сидел Карл, приближался Бренгулис с каким-то коренастым мужчиной. Это был Блукис. Тот сразу же узнал Карла и подошел поздороваться.

— Старые барнаульцы опять вместе! — весело воскликнул спекулянт и, повернувшись к Бренгулису, пояснил: — Мы ехали в Сибирь в одном вагоне. Крепких парней вы заполучили к себе, господин Бренгулис.

Бренгулис что-то проворчал и, по-видимому, равнодушно прислушивался к дальнейшему разговору.

— Ну, как здесь, лучше живется, чем в городе? — поинтересовался Блукис.

— Ничего, жить можно, — ответил Карл. — По крайней мере сам себе хозяин.

— Ну, вам и в городе неплохо жилось, — распространялся Блукис. — Начальник милиции, в вашем распоряжении лошадь и сабля на боку...

Карл поспешил перевести разговор на другую тему, спросил, как поживает Битениек и другие знакомые барнаульцы. Попросив Блукиса передать им привет, он простился и вместе с Сармите ушел домой.

— Значит, вы и раньше были с ним знакомы? — спросил Бренгулис, когда молодые люди ушли.

— Да, мы хорошо знали друг друга, — ответил Блукис. — Просто удивительно, как такой здоровый молодой человек может жить в лесу. Впрочем, у него есть на это причины.

Бренгулис вопросительно посмотрел на Блукиса.

— Он во время войны был офицером в латышском полку и командовал батальоном. Образованный парень и, вероятно, хороший вояка. Говорят, у него несколько орденов за боевые заслуги.

— Почему же он не сказал об этом, когда регистрировали офицеров? — удивился Бренгулис.

— При Советской власти он служил в милиции, занимал там довольно ответственную должность, а когда пришли белые, ему ничего не оставалось, как уйти. Иначе бы его расстреляли. В Барнаул он не смеет показаться, а здесь, в тайге, еще можно спрятаться, пока люди забудут прошлые дела. Но этот Зитар все же хороший парень, ничего не скажешь.

Бренгулис задумчиво смотрел на противоположный берег реки, где на опушке виднелись две человеческие фигуры. Они шли под руку.

— Да, ничего не скажешь, — повторил староста слова Блукиса. — Пойдемте в клеть и поглядим, что вам там сгодится.

— Мне годится все, что можно купить и продать, — весело ответил Блукис и последовал за Бренгулисом смотреть его запасы.

На следующее утро, нагрузив полный воз продуктами и разными другими товарами, Блукис возвратился в Бийск. Симан Бренгулис после этого несколько дней ходил в раздумье. Когда у него созрело решение, он, не говоря никому ни слова, оседлал коня и поскакал в степь к волостному старшине.

2

Бренгулис вернулся домой на следующий день около полудня. Покрасневшие глаза и отекшее лицо говорили о том, что ночь у волостного старшины прошла весело. Он проверил, как идут дома дела, отдал домашним кое-какие распоряжения и сразу же улегся спать, наказав жене разбудить его в семь часов.

Под вечер на хуторе появились всадники. Двое из них были вооружены винтовками и саблями, а у двух других на поясе висели тяжелые «парабеллумы» — это были волостной старшина Шамшурин с сыном Сашей и двумя жандармами. Привязав лошадей в тени, они вошли к Бренгулису, который уже успел проснуться и приветливо встретил гостей.

Все они забрались в самую отдаленную комнату, и Прасковья Егоровна позаботилась о том, чтобы их никто не беспокоил. Хозяйские дети гоняли бурундуков в кустах, взрослые домочадцы возились на дворе, а Сармите полола в саду клубнику. Открытое настежь окно хозяйской комнаты выходило в сад; Сармите скрывали густые кусты смородины. Она слышала звон стаканов в комнате и чавканье ртов, но, занятая работой, не обращала внимания на разговор мужчин, происходивший на русском языке. Но когда кто-то из них упомянул Карла Зитара, девушка напряженно прислушалась.

— Нам нужно дождаться темноты и тогда идти на гарь, — тихо сказал Бренгулис. — У него есть оружие, и, насколько мне известно, Зитар стреляет хорошо. Мало интереса устраивать потасовку. Он знает, что его ждет, и живой в руки не дастся.

— Вчетвером мы окружим их жилище со всех сторон, — заговорил один из жандармов. — Если не сдастся по-хорошему, подожжем дом.

— Все-таки лучше без шума, — продолжал Бренгулис. — Дорогу я вам покажу, а потом действуйте сами. Ведь вы понимаете, мне неудобно вмешиваться в такое дело.

— Понимаем, Семен Иванович, тебе надо ладить со своим народом, — согласился волостной старшина. — Мы обойдемся без тебя.

— На месте никакого допроса делать не будем, — сказал жандарм. — Арестуем — и сразу же в Ануй. А там военный суд разберет, прав он или виноват.

Потом опять послышался звон стаканов, компания пила за успешное осуществление задуманного предприятия.

Сармите не стала больше слушать. Ануй — одно это слово говорило ей, какая судьба ждет Карла, ее большого и любимого друга. Из Ануя нет возврата, это место смерти, долина страданий и стонов. Оцепенев от страха, Сармите не могла пошевелиться. Но ей нужно предупредить Карла, пока каратели не отправились на охоту.

Она на коленках доползла до конца грядки и, прячась за кусты смородины, пробралась мимо открытого окна. Откуда только у нее вдруг взялась такая кошачья гибкость, такая легкость походки! Словно легкое дуновение ветра, проскользнула она мимо кустов и добралась до северной стены дома, где не было окон. Во дворе никого не оказалось. Прасковья Егоровна готовила на кухне ужин для гостей. Под навесом клети нетерпеливо переступали оседланные кони, отмахиваясь от слепней. Сармите обошла двор и добралась до заросшего кустарником берега реки. До мостика она могла пройти незамеченной, но потом ей нужно было примерно шагов сто идти открытым полем. «Скорее, скорее!» — взволнованно стучало сердце, но она не смела послушаться его, не смела торопиться и бежать, иначе она привлечет к себе чье-нибудь внимание. Спокойно, медленно, будто собирая цветы, приближалась она к лесной опушке. Только там Сармите осмелилась обернуться назад. Нет, на хуторе все спокойно, очевидно, никто не заметил ее ухода. А вдруг хозяйка хватится ее? Бренгулис сразу поймет причину ее исчезновения, и тогда приезжие не станут ожидать темноты. На своих быстрых конях они сразу примчатся в лес и схватят Карла. Торопись же, Сармите! Дорог каждый миг! Каждая потерянная минута может стоить твоему другу жизни!

Она неслась, словно ветер, сквозь чащу тайги. Перед ней расступались кусты, корневища деревьев прижимались к земле, чтобы свободнее было бежать ее маленьким ножкам. Вся их жизнь, все будущее ее и Карла

зависели от какого-нибудь получаса. Град пуль пощадил ее друга на поле сражения, напрасно ждала его и смертная яма на холме за барнаульским кладбищем над Обью. Неужели все это только для того, чтобы теперь он погиб от предательства мстительного человека и руки ануйского палача? Сармит, Сармит, что за жизнь будет у тебя, если не станет *его*?

Она плакала от нетерпения и страха, но слезы ее видели только птицы и белки, ее всхлипывания были слышны лишь им. Вскоре чаща стала редеть, затем кусты расступились, и показался горелый лес. Перед жилищем Зитаров горел костер, и при свете его Сармите увидела знакомые лица. Но Карла среди них не было.

В тот самый момент, когда Сармите приближалась к костру, с хутора Бренгулиса гуськом выехали пять всадников. Возглавлял их староста; сильно охмелев, он покачивался в седле. Ведь некоторые люди не в состоянии вершить важные дела в трезвом виде.

3

У костра хозяйничали женщины. Капитан и Янка что-то заканчивали в новом доме. Появление Сармите в такое непривычное время, а больше всего ее взволнованный вид сразу вызвали беспокойство.

— Где Карл? — спросила она, подойдя к костру и даже забыв поздороваться. — Зовите его сюда — ему грозит большая опасность.

В один миг женщины окружили девушку. Зитариене была бледна. Эльза вытерла уголком фартука потный лоб Сармите и отряхнула приставший к ее одежде репейник. Девушка в нескольких словах рассказала о том, что слышала на хуторе, и только тогда узнала, что Карл ушел в ближайшую деревню осмотреть лошадь, которую можно было выменять на одежду. Он с минуты на минуту должен вернуться, но мог и задержаться, и тогда он встретит преследователей по дороге.

— Господи боже, почему он ушел в деревню именно сегодня? — в голос запричитала Альвина. — Теперь он погиб!

— Мама, не кричи, — остановила ее Эльза. — Карл еще не арестован. Увидит жандармов и сам поймет, что надо свернуть.

Маленькая Эльга побежала на постройку за отцом и Янкой. Когда обо всем узнал капитан, вместо причитаний началась лихорадочная деятельность. Старый моряк привык быстро ориентироваться в опасности. С твердостью, не допускающей возражений, он утихомирил всех и распорядился:

— Эльза и Сармите, если она не слишком устала, пусть отправляются навстречу Карлу и предупредят его. Он не должен возвращаться домой. Пусть обойдет гарь и дождется нас где-нибудь в укромном месте.

— Лучше всего на горе, куда мы всегда ходили охотиться, — посоветовал Янка. — Он хорошо знает это место.

— Можно и так, — согласился отец. — А ты, сынок, заберешь одежду Карла, отнесешь ее туда и дождешься, пока он придет. Дальше пусть сам решает, что делать.

И, пока Альвина с помощью Валтериене и Эльги наполняла вещевой мешок продуктами, бельем и одеждой, капитан достал винтовку Карла и два пояса с патронами, наполнил патронами еще и сумку, Янка отыскал спрятанную где-то ручную гранату, перочинный нож и офицерскую шинель Карла. Гордый тем, что ему так много доверено, он нагрузился всеми доспехами, как настоящий солдат, и, перекинув через плечо ремень винтовки и скатанную шинель, отправился в путь, чтобы под прикрытием темноты добраться до вершины горы. Эльза и Сармите ушли раньше.

Из леса в деревню вела только одна дорога, и девушки не могли разминуться с Карлом. Молча шагали они по лесной дороге, прислушиваясь, не раздастся ли предвещающий беду конский топот. Но в лесу, наполненном своими собственными шумами — шелестом листьев, стрекотаньем насекомых, голосами ночных птиц и животных, нельзя было расслышать, если бы жандармы и на самом деле приближались.

До деревни было около трех верст. На полпути, почти у открытого выгона, девушки встретили Карла. Он спокойно выслушал тревожную весть, так же как когда-то

выслушивал донесения разведчиков о передвижении противника, улыбнулся и некоторое время шагал впереди девушек, не произнося ни слова.

— Сколько их было — четверо? — наконец спросил он. — Ничего не скажешь, настоящие смельчаки, — и тихо засмеялся. — Жаль, что не придется увидеть этих героев.

Некоторое время они продолжали идти вместе. Карл рассказал о своих намерениях и пробовал уверить девушек, что ничего страшного ему не грозит. Недалеко отсюда, верстах в шестидесяти к юго-востоку, находится район действия партизанского отряда Черняева. Он попытается пробраться туда. И пусть тогда Бренгулис остерегается этих таежных соседей, ибо ничто не вечно под луной и в один прекрасный день партизанский отряд может появиться и в степи.

— Скажи матери, пусть не волнуется, — сказал он Эльзе. — Я рано или поздно вернусь. Жаль только, что не смогу помочь отцу косить сено. Неизвестно, сколько этот Эрнест еще прошатается в горах.

Отойдя полверсты от гари, в том месте, где деревенская дорога соединялась с тропинкой, ведущей с хутора, он простился с Эльзой. Она направилась домой, а Сармите проводила Карла до вершины горы. Они шли медленно, рука об руку, точно на прогулке. И такой покой царил в вековом лесу, так свободно дышалось, что постепенно это настроение охватило и их и заставило на некоторое время забыть опасную действительность. Здесь, в лесу, человек на самом деле мог чувствовать себя в безопасности. Вечный полумрак тайги прятал его от злого взгляда; недосягаемый и свободный, как дикий зверь, он мог ходить здесь, невидимым присутствием вселяя страх в тех, кто должен был его бояться.

Ласково и бережно держал Карл руку Сармите, старался провести ее по менее заросшим местам чащи, отводил в сторону ветки и шел впереди, прокладывая ей путь через самые непроходимые заросли. С безграничным доверием следовала она за ним, зная, что он защитит ее от всего дурного. Она последовала бы за ним всюду, куда бы он ни позвал ее, вместе с ним она везде была на родине и дома.

Наконец они добрались до вершины горы. Над тайгой, над невидимыми реками стлался туман. Вдалеке синели вершины гор. От легкого дуновения ветра тихо шумел лес. На пне, зажав в коленях винтовку, сидел молодой парень, взгляд его блуждал в поисках вершины, напоминающей горб верблюда. Казанда... Он грезил наяву, этот одинокий человек, он охотно дождался бы здесь утра. Но сейчас он уже не один, и прекрасным грезам пришел конец. На вершине горы стояли три человека.

Карл взял принесенные вещи, проверил винтовку и зарядил ее. Им пора было расставаться. Двое возвратились обратно, к себе домой, а третий остался здесь. Карл прислушивался к их шагам и следил за людьми до тех пор, пока они не растворились в темноте. Еще некоторое время ему казалось, что внизу мелькает белый платок, потом исчезло и это. Кругом ночь, теплый, полный ароматов лесной воздух и призывное сверкание горных вершин вдали. Карл Зитар остался наедине с зелеными лесами.

4

У края горелого леса, где начинались огороды беженцев, Сармите простилась с Янкой и отправилась на хутор Бренгулиса. Янка пошел домой. Костер перед землянкой потух, но при свете луны можно было разглядеть несколько оседланных коней и кучку людей, толпившихся на площадке у входа в землянку. Сын волостного старшины, находясь около лошадей, с явным неодобрением наблюдал за действиями отца и жандармов. Старый Шамшурин важно стоял напротив старого Зитара, а по бокам капитана высились два вооруженных револьверами и нагайками жандарма. Остальные члены семьи — Альвина, Валтериене, Эльза и Эльга — сбились кучкой у дверей землянки и с беспокойством прислушивались к допросу.

— Где сын? — повторял Шармурин без конца.

— Ушел в город... — неизменно отвечал Зитар.

— Не ври, старик, мы знаем, что он никуда не уходил!

— Если вы знаете лучше меня, зачем тогда спрашиваете?

— Лучше скажи, где он прячется. Мы его все равно найдем.

— Зачем ему прятаться? — спокойно пожал плечами капитан. — Он ничего плохого не сделал.

— Вот потому-то и можешь смело сказать, где он. Мы только составим протокол — и все.

— Я уже сказал — ушел в Бийск.

Целый час допрашивали они старого Зитара, то добром, то угрозами стараясь вытянуть из него необходимые сведения, но капитан не поддавался запугиванию. Наконец волостному старшине надоело допрашивать, и в тот момент, когда подошел Янка, он сказал жандарму:

— Попробуйте теперь вы... — и отошел в сторону.

В ту же минуту раздался свист нагайки, и на спине капитана лопнула рубаха.

— А теперь знаешь? — спросил старший жандарм, опять замахиваясь нагайкой.

Зитар молчал. Жандармы перемигнулись, отступили на шаг, чтобы удобнее было размахнуться, и в воздухе снова засвистело. Плети, словно змеи, извивались по телу капитана, жаля спину, плечи, ноги. Они рассекали рубаху, оставляя красные рубцы на спине, плечах, ногах. Экзекуторы хрипели от усталости, по их лицам крупными каплями катился пот.

Старый Зитар молчал, склонив голову, обеими руками оберегая ее от ударов. Наконец он упал, и, к радости мучителей, послышался его первый стон.

— Говори, старый пес! — заревел старший жандарм, пиная ногой упавшего.

Женщины плакали в голос. Их причитания далеко разносились по лесу.

— Заткните глотки! — заорал на них младший жандарм. — Всех перепорем по порядку, пока языки не развяжете.

Но никакие угрозы не могли заставить женщин замолчать. Жандармы еще раз взялись за плетки. Молодой Шамшурин все время нервно вертелся, возился около лошадей и смотрел в сторону. Наконец он

повернулся к отцу и резко, почти повелительно, крикнул:

— Кончай скорее! Скажи, чтобы они перестали!

Жандармы удивленно взглянули в его сторону.

— Саша, что с тобой? — насмешливо спросил старший жандарм.

— Мы ищем другого человека, — сердито сказал молодой Шамшурин. — Зачем вы бьете старика?

— Гм... Да, я тоже думаю, хватит, — проворчал волостной старшина. — Уж лучше самим поискать.

Нехотя, словно разнимаемые в драке собаки, оставили жандармы свою жертву. Старший жандарм недовольно ворчал: старик сейчас признался бы, а теперь вся поездка впустую!

— И чего такой лезет, — сердито покосился он в

сторону молодого Шамшурина. — Мужик что медведь, а характер бабий.

Тот, к кому относилось это замечание, сжал губы и отвернулся. Саша Шамшурин был молодцеватый парень, высокого роста, широкоплечий, с могучими руками пахаря, но с нежным, покрытым темным загаром лицом, без бороды и усов. Ему, по всей вероятности, было не больше двадцати лет. В деревне он считался первым силачом. Самые оголтелые драчуны уступали ему дорогу, а старики говорили о нем с уважением: он ведь был сыном деревенского богача и четыре года учился в школе.

Пока Янка с женщинами вносил избитого капитана в землянку, начальство совещалось, как быть. Все понимали: Карл убежал, и его не найти, но жандармы не могли махнуть на все рукой.

Вышедшая из землянки Эльза Зитар услышала такой разговор.

Старший жандарм. Что делать со стариком? Он, гад, знает, да не говорит.

Саша Шамшурин. Это поможет вам найти его сына?

Старший жандарм. Поможет не поможет, но старика надо судить за укрывательство.

Саша Шамшурин. Вы же только что его судили. Разве недостаточно?

Младший жандарм. Этого мало. Надо бы халупу спалить.

Старший жандарм. Правильно.

Старший Шамшурин. Да разве она будет гореть? Она отсырела, заплесневела в земле вся.

Старший жандарм. Сгорит. Внутри все сухое. Сжечь вместе с имуществом, чтобы знали, с кем дело имеют.

Саша. А если потом как-нибудь ночью загорятся наши дома? Вы что думаете, у латышей спичек не найдется?

Старый Шамшурин. Правильно, с огнем нельзя шутить. Лучше последить за ними. Уж он не вытерпит, чтобы ни разу не явиться домой.

Старший жандарм. Э, вас сам черт не поймет,

чего вы хотите. Как же мне протокол писать? Ничего не сделано.

Он первый вскочил на коня и, не дожидаясь остальных, умчался, с досады хлестнув нагайкой собаку Зитаров, которая путалась под его ногами. Волостной старшина со вторым жандармом последовали за ним. Дольше всех задержался молодой Шамшурин. Делая вид, что не может отвязать повод от куста, он выждал, пока его спутники въехали в лес, и подошел к Эльзе.

— Не беспокойтесь, вам ничего не сделают. А если ваш брат на самом деле ушел в город, то лучше, если бы он не возвращался. Здесь его не ждет ничего хорошего.

— Благодарю вас, — тихо сказала Эльза.

Когда молодой Шамшурин, вскочив на коня, протянул ей руку, она, не колеблясь ни минуты, подала ему свою. Эльза не смутилась, увидев, как вспыхнули глаза молодого сибиряка. Словно позабыв все случившееся, она с возрастающей симпатией смотрела вслед всаднику, так прямо державшемуся в седле, точно он слился с конем. Он молод, и у него такие темные и пышные волосы. Может быть, он еще когда-нибудь придет сюда?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Как только рассвело, Карл Зитар пустился в путь. Он отыскал в тайге тропинку, протоптанную охотниками и сборщиками орехов, и, уверенный, что в это время года люди здесь не бывают, весь день шагал по ней. Первую ночь ему пришлось провести под открытым небом — так глубоко в лесу никто не жил. На следующий день Карл до полудня шел на восток. Теперь он находился далеко от колонии, наверное уже на территории соседней волости, и мог держаться ближе к селениям.

К северу пролегал большой Кузнецкий тракт, там было много селений, и вблизи этого тракта действовал партизанский отряд Черняева. Партизаны долго не стояли на месте: они появлялись в каком-либо из селений, проходили через всю волость и на время исчезали, чтобы затем внезапно показаться там, где никто их не ждал. Колчаковцы никак не могли их перехватить.

Карл решил любой ценой пробраться к партизанам — одному трудно долго прятаться в тайге. Он понимал, что найти Черняева будет нелегко. Крестьяне скрывали местонахождение партизан, — незнакомому человеку они скорее укажут ложный путь, чем скажут правду.

На первое время Карл был обеспечен продуктами, но, не зная, как долго ему придется скитаться, он старался не трогать запасы и добывал себе пропитание — в тайге живности было достаточно. Карлу часто встречались куропатки, глухари, зайцы, косули.

На следующий вечер, после нескольких часов ходьбы по еле заметной тропинке, заросшей дудками, заваленной буреломом, он вышел к уединенной лесной пасеке. Она была расположена на солнечном косогоре на берегу маленькой речки — сорок выдолбленных из стволов дерева ульев и маленькая бревенчатая избушка. За пчелами присматривал один из тех седых дедов, которые любят под старость уединиться в лес, подальше от мирской суеты. С самой весны и до поздней осени они живут в своих отдаленных пасеках, на расстоянии целого дня ходьбы от деревни, долбят новые ульи, собирают рои. Раз в неделю привозят им продукты, сообщают о домашних новостях и увозят соты, полные меда, и опять они остаются наедине со своими пчелами и сумрачным вековым лесом. Так проходит каждое лето, пока дед не доживет до последнего часа. Тогда на его место приходит следующий по старшинству, наследует пчел, уединение и уважаемое положение пасечника.

Старый пасечник, по всей вероятности, не впервые видел чужого в своей хижине и ничуть не удивился появлению Карла, только спросил, откуда и куда идет, проговорил свое обычное «вон как...» и пригласил поужинать. Чтобы завоевать доверие старика, Карл несколько раз перекрестился по православному обычаю и весь вечер не расстегивал ворота гимнастерки, так как не носил креста на груди. Зная, как осуждают староверы курение, он после ужина отказал себе в удовольствии выкурить привычную папиросу и стал осторожно

выспрашивать пасечника о его жизни, далеко ли отстоит пасека от деревни, как называется ближайшее селение и не следует ли в лесу бояться злых людей. Он держался по отношению к старику с почтительным уважением, как внук к деду. И это помогло: старик не удержался от соблазна поболтать с хорошим человеком, и вскоре Карл знал все, что ему было нужно.

Пасека находилась в тридцати верстах от ближайшей деревни Уксунай. Третьего дня здесь был внук пасечника, приносил еду и рассказывал, что накануне ночью в деревню ворвались черняевские партизаны, застрелили свирепого старосту, двух жандармов и какого-то городского барина, затем прихватили продовольствие и исчезли в тайге. Много мужиков ушло с Черняевым, колчаковцы собирались отвезти их в Ануй.

— Меня тоже хотели отправить в Ануй, — сказал Карл, выслушав рассказ пчеловода и наблюдая, как это сообщение подействует на старика.

— Я так и думал, — задумчиво сказал пчеловод. — Иначе зачем бы ты по черни* разгуливал. Эх, беда с вами, молодыми. Власть дана людям от бога, а вы хотите неизвестно чего.

— Мы хотим жить так, как полагается жить человеку, — сказал Карл. — Власть не для того, чтобы убивать невинных людей. Крестьянин хочет, чтобы ему позволили сеять и косить, каждый честный человек желает спокойно выполнять свою работу. Что же делать, если ему этого не разрешают, порют его, убивают или самого посылают убивать других?

— Ты, верно, идешь к Черняеву? — спросил старик.

— Так оно выходит, дед.

— Один мой сын тоже там. Против старосты пошел, надо было скрыться. Эх, грех да беда с вами, молодыми.

— Дед, не можешь ли ты мне сказать, как найти Черняева? Век буду благодарен.

— Ишь ты, какой прыткий! Ну, погоди, погоди, может, скажу. А сейчас послушай, кто там идет.

Солнце уже село, над тайгой сверкали звезды. Карл встал, дошел до дверей хижины и приоткрыл их. Вначале он не слышал ничего, кроме привычных лесных шумов. Затем где-то в прибрежных кустах затрещали сучья, потом все стихло, а вскоре затрещало опять.

— Кто там идет? — спросил Карл у пчеловода.

Старик, вытащив откуда-то допотопное ружье, проверял курок.

— Это мой гость, каждую ночь является. Хоть бы кто-нибудь его пристрелил. А то до осени всех пчелок разорит.

— Медведь? — спросил Карл, беря в руки винтовку.

— А ты думаешь, человек? Ведмедь и есть.

Слово «медведь» он выговаривал по-сибирски, переставляя слоги: «ведмедь». Несколько вечеров пасечник отпугивал медведя стрельбой, не пытаясь попасть в зверя, да с его ружьем это, вероятно, было невозможно.

— Тише, дед, — шепнул Карл старику и встал за дверной косяк. — Попробуем его щелкнуть.

На противоположной стороне пасеки раздвинулись кусты, и на освещенную звездами полянку вышла громадная темная туша. Зверь некоторое время осматривался, затем пошел чуть вперед и опять остановился. Но ветер дул со стороны реки, и чуткий нос зверя не уловил запаха человека. Словно удивленный тем, что не слышно предупреждающего выстрела, медведь поднялся на задние лапы и медленно поплелся на пасеку. Как старый знаток, с комично важным видом обходил он пасеку, выбирая подходящую колоду. Почему он не брал первую попавшуюся, почему ощупывал одну и обнюхивал другую, это знал лишь его звериный ум. Возможно, он руководствовался какими-то ему одному известными признаками, по которым можно узнать лучшую колоду, а может быть, эта игра доставляла ему удовольствие так же, как кошке игра с мышью.

Несколько раз медведь находился на удобном для выстрела расстоянии, но Карл не хотел испортить дело и выжидал, пока зверь начнет лакомиться. Наконец медведь облюбовал колоду, обхватил одной лапой ее верх, а другой сильно замахнулся. Колода затрещала и сломалась. Зверь обеими лапами сгреб полные соты и с довольным урчанием стал высасывать мед, не обращая внимания на жужжание встревоженных пчел. Они, запутавшись в его густой шерсти, лишь попусту высовывали свои жала, не доставая до тела зверя.

Карл прицелился в голову медведя и выстрелил. Протяжно взревев, зверь повалился на землю.

Убедившись, что косматый не двигается, Карл вышел из хижины, держа ружье наготове. Но это было излишне: лесной барин лежал неподвижно, заснув вечным сном. Над разбитой колодой кружились пчелы.

— Смотри ты, какой молодец! — похвалил старый пасечник Карла. — Теперь моим пчелкам будет покой.

— А у тебя — целая бочка мяса и шуба на зиму, — рассмеялся Карл.

— Будет, будет. Только бы скорее пришли за ним из деревни.

Шкуру решили снимать утром. Старый пасечник всю ночь возился в хижине, готовясь к важной работе. Он еще надеялся собрать разогнанных медведем пчел в новый улей.

На следующее утро Карл помог пасечнику освежевать медведя, отведал за завтраком своеобразное жаркое и отправился в дальнейший путь. То ли из благодарности за то, что Карл освободил пасеку от непрошенного гостя, то ли потому, что старик почувствовал доверие к молодому парню, но, расставаясь, он сказал:

— Иди в Уксунай и, как зайдешь за церковь, спроси, где живет Фрол Титов. Это мой сын. Скажи, что я послал, и он сведет тебя к Черняеву. Только смотри, чтобы никто ничего не знал.

— Спасибо, дед.

— А Макар пускай едет на пасеку за медведем.

До Уксуная Карл добрался после полудня. Это было большое старообрядческое село в триста домов. Только на одном его конце жило несколько православных семейств. Карл дождался на выгоне наступления темноты, спрятал винтовку под шинель и отправился искать Фрола Титова.

2

Дом Титовых стоял в конце села у реки и был виден издали. Зитар нашел его без особых затруднений. Фрол Титов — плечистый чернобородый средних лет мужчина — только что вернулся с поля и встретил незнакомого гостя во дворе. Карл рассказал ему о случае на пасеке и добавил, что отец Фрола направил его в село для особой цели. Видно было, что такие разговоры для

Фрола не являются неожиданностью. Он не стал расспрашивать незнакомца, откуда тот, как его зовут, а ввел Карла в дом, и дальнейший разговор продолжался в одной из верхних горенок, из окна которой можно было обозревать почти всю деревню, реку и все вокруг до самых гор, покрытых лесом.

— Мне необходимо как можно скорее добраться до Черняева, — сказал Карл, усаживаясь на лавку напротив хозяина дома. — Ваш отец посоветовал обратиться к вам.

— Если батюшка велел, надо помочь, — ответил Фрол. — Хорошо, что пришли сегодня. Я собираюсь к брату. Уксунаю грозит беда. Надо звать на помощь Черняева.

Он не сказал, какая беда, да Карл и не пытался расспрашивать, — излишнее любопытство еще никому не помогло приобрести друзей. Спросив у Карла, не хочет ли он ужинать, Титов сам принес кружку домашнего квасу и два свежих калача. Пока Карл ел, хозяин собирался в дорогу, и сразу же после ужина, не теряя ни минуты, они отправились в путь.

У берега реки, за титовским загоном, качалась на воде небольшая рыбачья лодка. Под грубой сетью была спрятана большая корзина и жбан с квасом.

— Ложитесь на дно лодки и накройтесь моей шубой, — сказал Карлу Титов. — Лучше, чтобы вас никто не видел, пока мы выберемся из села.

Карл безропотно подчинился требованию хозяина. Он почувствовал, как лодку оттолкнули от берега и как стремительным течением горной реки ее понесло вниз. Титов, гребя одним веслом, вывел лодку на середину реки, и она тихой тенью проскользнула мимо домов, погруженных в легкие сумерки. Прошло примерно полчаса, река свернула в лес, и в ночи исчезли редкие огни села.

— Если хотите, можете сесть, — разрешил Титов.

Карл сел на скамейку и взял весла. Лодка начала двигаться гораздо быстрее. Изредка им приходилось наклонять головы, чтобы не задеть за кусты и ветви наполовину выкорчеванных водой деревьев: они склонялись почти к самой воде, а там, где река суживалась, соединялись, образуя естественный мост. На крутых

поворотах Фрол Титов изо всей силы налегал на рулевое весло, искусно проводя лодку мимо опасных мест. Он знал здесь каждую подводную корягу, каждый камень, этот крестьянин, обеспечивавший к великому посту половину села рыбой. Каждое дерево было ему знакомо, и, глядя на макушку какой-нибудь стройной ели или прибрежный куст, он мог сказать, где лодка сейчас и далеко ли еще плыть.

Больше часа они углублялись в тайгу. Наконец Титов повернул лодку к берегу и остановился в маленьком затоне. В чащу вела еле заметная тропинка. Они вытащили лодку на берег, привязали ее к дереву, и Титов три раза свистнул. Вскоре из чащи вышли двое мужчин в крестьянской одежде с винтовками в руках.

— Кто такие будете? — спросил один из них издали.

— Фрол из Уксуная, — отозвался Титов.

— А второй?

— Привез нового товарища, — пояснил Титов.

Оба партизана приблизились к лодке и испытующе посмотрели на Карла.

— Мы завяжем тебе глаза, — сказал один из них. — У нас так принято. С первого взгляда человека не узнаешь.

— Завязывайте, если так полагается... — согласился Карл.

Один из партизан тщательно завязал ему платком глаза, так что Карл даже не видел земли под ногами. Затем его взяли за руку и повели. Фрол Титов, взяв корзину с едой и жбан с квасом, с другим партизаном последовал за ними. Тропинка то поднималась в гору, то спускалась куда-то вниз, причудливо петляя и делая резкие повороты. Иногда партизан, ведший Карла, заставлял его нагибаться, и он чувствовал, как спину задевали ветки. Изредка под ноги попадались камни, пни, корневища деревьев. Через довольно большой промежуток времени Карл сквозь повязку увидел красноватый свет, и до него донесся треск горящих на костре дров. Поблизости послышались шаги, тихое перешептывание.

— Оставайся здесь, — остановил ведущий Карла. — Отвечай на вопросы, которые тебе будут задавать.

Наступила тишина. Затем Карл услышал, как к нему кто-то приблизился четким, военным шагом, и совсем рядом раздался резкий баритон:

— Откуда идешь?

— Из села Бренгули Н-ской волости, — ответил Карл.

— Кто такой?

— Латышский беженец Карл Зитар.

— Зачем тебе нужно скрываться в черни?

— Меня хотели арестовать и отправить в Ануй, потому что в восемнадцатом году я служил помощником начальника отделения барнаульской милиции.

— Какого отделения? — вдруг раздался чей-то голос сзади Карла.

Карл назвал отделение и номер. Шаги удалились, и опять послышалось перешептывание.

— Чем ты думаешь быть нам полезным? — возобновил прерванный допрос тот же резкий баритон.

— Был на фронте и умею стрелять, — сказал Карл.

— На каком фронте и в каком полку служил?

— На Рижском фронте, в одном из латышских стрелковых полков.

— Военный чин и должность?

— Поручик, командир роты.

— Почему не служишь в армии Колчака? Ему офицеры нужны.

— Потому что мне не по пути с этими кровавыми псами.

— Документы какие-нибудь есть?

— Служебные удостоверения из полка и милиции.

— Развяжите ему глаза.

Когда повязка упала, Карл прежде всего увидел среднего роста моложавого человека с темными усами, без бороды. На его худощавом смуглом лице на левой щеке виднелся шрам от сабельного удара; одет он был в зеленовато-серую военную гимнастерку, галифе и поношенные сапоги; на ремне висела кобура револьвера. Некоторое время этот человек вопросительно смотрел Карлу в глаза, затем протянул руку.

— Черняев. А это твои будущие товарищи.

Разговор происходил на небольшой полянке, окаймленной со всех сторон кустарником и голыми горными кру-

ками. Костер горел на другом краю полянки, в укрытии. Это место походило на громадное скалистое гнездо, хорошо скрытое со стороны реки и надежно охраняемое тайгой. Здесь оказалось больше сотни мужчин разного возраста. Некоторые из них стояли, другие сидели у костра или лежали, укрывшись полушубками или поношенными военными шинелями. Все они внимательно разглядывали чужого. Молодые крестьянские парни с еле пробивающимся пушком на лице прислушивались с наивным любопытством. Бывалые солдаты держались более уверенно и сдержанно, как и полагается опытным, видавшим виды людям. Пожилые мужчины, положив рядом с собой охотничьи ружья и берданки, потягивали едкий дым самосада и сердито отмахивались от комаров, назойливо пищавших вокруг. Но все они — молодые и старые, закаленные в боях и те, кто всю жизнь проходил за сохой, — принадлежали к упорному, свободному племени — непокорному и ни перед кем не заискивающему. Для них не было выбора и возврата к прежнему — или бороться и победить насильников, или быть побежденными и погибнуть, если удача в борьбе улыбнется противнику.

Это были простые люди, многие из них даже не умели читать...

Сам Черняев, в прошлом сельский писарь, во время войны дослужился до подпрапорщика. Он сразу сообразил, что Карл Зитар — ценное приобретение для партизанского отряда, и в первый же вечер, познакомившись с ним, объявил, что новый товарищ будет его помощником.

Партизаны не знали никаких чинов и званий. Это был единый отряд борцов, полагавшийся на свое оружие и спаянный ненавистью к угнетателям. Черняев организовал этот отряд, успешно руководил боями; с его именем слава о победах партизан облетела деревни и волости. «Ты будешь моим помощником», — сказал он Карлу, и никто даже не подумал возразить: Черняев решил — значит, так нужно. Он как никто знал, что требуется партизанам. Карл Зитар дал торжественную клятву и сделался их товарищем на жизнь и на смерть.

Им предстояло выступить следующей ночью, потому что Фрол Титов привез не только еду, но и новые важные известия.

3

У Черняева состоялся продолжительный и серьезный разговор с Фролом Титовым. Позднее командир отряда собрал всех партизан и сообщил следующее: во время последней мобилизации жители Уксуная отказались дать рекрутов для армии Колчака; большинство парней, которым нужно идти на военную службу, сбежало в лес и присоединилось к партизанам. Теперь в непокорное село высылали карательный отряд. Уксунай был обречен на уничтожение. Карательный отряд в составе полуроты пехотинцев будущей ночью должен прибыть из Ануя в село. Эту страшную весть сообщил Фролу прискакавший из Ануя беглец.

— Почистите винтовки, — сказал Черняев. — Мы всем отрядом пойдем им навстречу.

Нескольких уксунайцев тотчас же отправили на ануйскую дорогу занять наблюдательные посты, остальные партизаны стали готовиться к предстоящему походу. Черняев собрал партизан, знакомых с местными условиями, а также и Карла, и они обсудили план нападения. Из Ануя в Уксунай вела только одна дорога — вдоль берега стремительной речки, на противоположном берегу которой расположились партизаны. За три версты от деревни начинался лес, на четвертой версте дорога вела через узкий, заросший кустарником овраг. Партизаны решили именно здесь ждать карательный отряд. У противника был перевес в людях и оружии, у партизан — удобная позиция. Описав Карлу участок, выбранный для боя, Черняев просил его высказаться, как бы он действовал в подобных обстоятельствах.

— Если мы будем иметь дело только с полуротой, тогда все преимущества на нашей стороне, — сказал Карл. — Сколько человек примет участие в бою?

— Примерно около шестидесяти, — ответил Черняев.

— Вполне достаточно. Надо полагать, что отряд будет двигаться походным строем — впереди разведка, позади маленький арьергард. Они могут растянуться на полверсты. Это мы должны иметь в виду. Нам свои силы придется разделить на три группы. Основную боевую группу в сорок человек мы расположим в центре оврага, по обеим сторонам дороги. Десять человек поставим саженях в ста двадцати — полутораста в сторону Уксу-

ная для встречи с разведкой, а других десять — на противоположном конце оврага. Эта последняя группа должна быть наиболее тщательно спрятана и не смеет начинать бой раньше основной группы.

Обсудив все подробности о сигнализации и связи и наметив командиров групп, партизаны на несколько часов легли поспать. На рассвете, позавтракав, они отправились в путь. В лагере осталось около двадцати пожилых мужчин, все остальные участвовали в операции. Партизаны переправились через реку на двух лодках и спрятали их в кустах, поставив сторожей. До оврага был примерно час ходьбы. Придя туда, Черняев прежде всего выбрал место, где должна была расположиться основная группа, затем расставил обе меньшие группы по концам оврага. К полудню партизаны заняли свои места, и овраг превратился в маленькую крепость. Защитники ее смело могли противостоять хорошо вооруженному батальону.

Несколько разведчиков направились к высокому переезду на ануйскую дорогу, откуда противника можно было увидеть издалека. Началось ожидание. Изредка мимо партизан проезжала одинокая крестьянская подвода. Но они так хорошо замаскировались в кустах, что никто их не замечал.

Руководство главной группой взял на себя Черняев. Патруль разведчиков и группа, расположившаяся со стороны Ануя, были поручены Карлу, третьей группой руководил один из уксунайцев, бывший унтер-офицер. После полудня все три командира собрались на посту у Карла и стали ожидать донесений разведчиков. Прошло несколько часов. Чтобы скоротать время, партизаны играли в карты, но разговаривали шепотом, хотя вокруг простирался безлюдный лес. Наконец под вечер примчались разведчики:

— Идут, белые идут!

— Отлично! Значит, деремся при дневном свете! — сказал Черняев и поспешил вместе с другим командиром к своей группе. Карл остался с десятью партизанами. Они залегли в кустах и напряженно следили за лесной дорогой, которая несколькими саженями ниже проходила мимо их позиции.

— Без команды не стрелять! — предупредил Карл. — Как бы близка и удобна ни была цель, пропустить

всех мимо и ждать, пока не раздастся залп в середине оврага.

Сначала появились восемь солдат во главе с унтер-офицером. Двое шли впереди, наблюдая за окрестностью, остальные держались вместе и время от времени шапками и винтовками сигнализировали «главным силам», следовавшим за ними на расстоянии ста шагов, что дорога свободна. По-видимому, порядок строя соблюдали лишь для формы, потому что в настоящей боевой обстановке ни один патруль не прошел бы так беспечно мимо подозрительной группы кустарников или выступа горы, как это сделали разведчики карательного отряда. Свободным строем, покрытые пылью, мимо поста Карла прошагали два взвода пехоты. В первом из них везли пулемет. Командир карательного отряда, моложавый усатый капитан, ехал верхом на низкорослом монгольском жеребце. Картинно сидя в седле, он, словно на параде, молодцевато посматривал по сторонам, точно его окружали не стройные ели и осины тайги, а толпа прекрасных дам, провожающих его мечтательным, влюбленным взглядом. Еще полчаса, и они устроят привал, а затем триумфальным маршем войдут в село и будут учить послушанию этот темный народ, который только и знает, что бунтовать. Станут расстреливать, вешать посреди села у дома, где происходят собрания, особо упорствующим исполосуют спину до мяса, а потом подожгут село. Что за фейерверк будет в следующую ночь! Как завопят и завертятся чалдоны, когда на их избах запрыгают красные петухи! Это внушит всему краю уважение и почтение к начальству. Рекруты поспешат на мобилизационные пункты, а карательный отряд направится в другое место, где требуется суровая карающая десница.

Так идут они, эти избранные люди, надежная опора адмиральской армии. «Путь свободен!» — сигнализируют разведчики. Командир закручивает кверху кончики усов и закуривает папиросу. Вот патруль уже прошел середину оврага, что, словно ущелье, сжимает дорогу. Вот мимо поста, где стоит Карл, уже шагает арьергардная группа, и десять человек поворачивают ей в спину стволы винтовок. Еще несколько мгновений, мучительно долгая минута, и из середины оврага раздается первый, самый сильный залп. Ему сразу же отвечают два более

слабых, и засверкали маленькими молниями кусты. Окруженный отряд поливают огнем сверху, с обрывов оврага. Одна из первых пуль угодила в молодцеватого командира. Раненый жеребец топчет живых и мертвых, а тем, кто пытается укрыться в чаще, навстречу летят пули. Это скорый и безжалостный суд — жизнь за жизнь. Пулемет не успел затрещать — его расчет лежит в дорожной пыли. Разведка и арьергардная группа не могут добраться до ядра отряда — их, словно ягоды, снимают выстрелы таежных охотников. Четверть часа спустя партизаны собираются в овраге и подсчитывают трофеи: пулемет, несколько ящиков с патронами, две самозарядные винтовки, сотня японских карабинов — и спасенный Уксунай, обреченный в эту ночь на сожжение. У партизан только двое раненых и один убитый — брат Фрола Титова.

Победители окружили Черняева.

— Веди нас в Ануй, уничтожим это чертово логово! — кричали они. — Сейчас или никогда!

— Сейчас или никогда! — согласился Черняев. — Ануйский гарнизон уничтожен, и у складов с боеприпасами остались только караульные. С ними мы быстро расправимся.

Черняев послал двух связных в лагерь, чтобы сообщить об исходе боя и привести старых партизан забрать трофеи. А все остальные, не теряя ни минуты, двинулись в Ануй. Надо прийти в деревню раньше, чем туда дойдет весть об уничтожении карательного отряда. Партизаны обменяли свои старые берданки на карабины, некоторые переоделись в мундиры солдат Колчака. До Ануя было двадцать верст. Нападение предполагалось совершить ночью.

4

Успеху отряда Черняева способствовало то обстоятельство, что среди партизан были люди из окрестных деревень. Они хорошо знали дороги, каждую тропинку, броды через реки и подходы к своим деревням. Отправляясь в наступление, Черняев всегда использовал этих людей как проводников и, опираясь на их указания, строил план операции.

До Ануя добрались после полуночи. Черняев послал в село нескольких разведчиков — местных жителей, а остальным разрешил часа два отдохнуть. Большое село растянулось на две версты вдоль реки. В центре, около церкви, находилась базарная площадь, где теперь были сооружены виселицы, а вокруг площади возвышались дома сельских лавочников, волостное правление, суд, почта, школа и завоевавшая печальную славу каталажка, в которой никогда не было недостатка в заключенных.

Партизаны остановились на выгоне, который широким кольцом охватывал Ануй со всех сторон. Легкий ветерок доносил тошнотворный сладковатый запах. Он был настолько невыносим, что партизанам пришлось зажать носы, и Черняев уже собирался перенести привал на противоположный берег реки.

— Откуда этот дьявольский запах? — сердился он.

— Это от повешенных и замученных, — пояснил житель Ануя, — их тут, на выгоне, закапывают. Разве им есть время выкопать настоящую яму — поковыряют лопатой и засыплют землей. По ночам собаки да лисицы разрывают покойников и растаскивают по всему выгону. Поэтому и зловоние такое.

По выгону действительно валялись обгрызанные человеческие кости; притихшие партизаны услышали, как на пригорке возле реки дерутся собаки. Возможно, и сегодня там была разрыта могила.

Через час вернулись разведчики. Домашние им рассказали, что в селе сейчас находится только взвод кавалерии и охрана военного суда. Они расположились в здании суда, там же рядом находятся квартиры карательного отряда и склад военного имущества. А в тюрьму привезли новую партию арестованных, так как «старые запасы» кончились.

Черняев разделил отряд на две группы по тридцать человек. С первой группой он направился через реку на другую сторону села. Их задачей было перекрыть улицы и дорогу, ведущую с базарной площади в степь. Вторая группа, возглавляемая Карлом, должна была атаковать базарную площадь, окружить здание суда и освободить заключенных. Пулемет взял Черняев, потому что у группы Карла было несколько ручных гранат, которые лучше годились для внезапного нападения.

Выждав полчаса, пока первая группа займет позиции, Карл со своими людьми отправился в село. До моста их довел один из жителей Ануя. Опять потянуло трупным запахом, и в ночной темноте они увидели силуэты виселиц с телами повешенных. Вблизи этого жуткого места проходил большой тракт — почтовая дорога на Кузнецк. Каждый, кто по ней ехал, волей-неволей видел базарную площадь Ануя, трупы и полуживых, замученных пытками, и разносил страшную весть по ближним и дальним деревням, — более удобного места для демонстрации своего режима колчаковцы не могли выбрать.

Перейдя мост, партизаны рассыпались цепью. Часть из них вдоль берега реки зашла в тыл зданию суда, остальные двинулись через площадь для лобовой атаки окружаемых зданий. Но им не удалось подойти вплотную к домам, их заметили часовые у тюрьмы и здания суда.

— Стой! Кто идет? — одновременно раздались окрики двух часовых.

В ответ прогремело несколько выстрелов. После этого одна ручная граната влетела в окно здания суда, вторая разорвалась у входных дверей.

— Вперед, в штыки! — крикнул Карл, и партизаны, прижавшиеся было к земле, пока над ними пролетали осколки гранат, вскочили и бросились в атаку.

Парадную дверь здания суда развалили ручной гранатой, внутренние двери разбили прикладами винтовок. Кавалеристы, захваченные врасплох, спросонок даже не пытались сопротивляться и поспешили к конюшням. Толкая друг друга, они через окна и двери выбирались во двор, жалкие, испуганные, в нижнем белье. Но двор был окружен, и из соседних загонов навстречу им сверкал огонь противника. Это была короткая, беспощадная борьба. Лишь несколько часовых, охранявших конюшню, успели вскочить на коней и вырваться на улицу. Отделение пехоты, расположившееся в соседнем доме, без единого выстрела бросилось бежать на окраину села.

Тогда в конце улицы, куда устремились беглецы, затрещал пулемет, из боковых улиц и палисадников засвистели пули — колчаковцам везде был отрезан путь и тем самым решена судьба ануйского гарнизона.

На рассвете партизаны собрались на базарной площади у здания суда. Их отряд вырос на тридцать человек, — столько арестантов находилось в тюрьме. Эти люди, спасенные от верной смерти, не захотели возвращаться в свои деревни и примкнули к Черняеву. Партизаны приобрели изрядное пополнение боеприпасов, новое оружие, двадцать кавалерийских лошадей, несколько возов с продовольствием и полевую кухню.

Черняев созвал жителей села и приказал немедленно уничтожить виселицы.

— Следовало бы сжечь дотла ваше село за все те зверства, которые вы допустили у себя! — сказал он им. — Но среди вас есть и порядочные люди, поэтому мы села не тронем. Если же вы в дальнейшем допустите сюда колчаковских палачей, пощады не ждите. Камня на камне не оставим. Запомните!

Сразу же после собрания партизаны возвратились в тайгу.

Весть об успехах партизанского отряда Черняева быстро облетела весь округ. Со всех сторон потянулись к нему группы новых борцов — подвергшиеся преследованиям крестьяне и дезертиры из армии Колчака со всем оружием. Однажды даже сдалась целая рота солдат, присланная в тайгу ловить партизан. Партизанский отряд быстро рос, становился грозным соединением, с которым приходилось считаться карательным отрядам колчаковцев и маленьким притаежным гарнизонам. Время от времени черняевцы отправлялись в смелые походы, проникали далеко в глубь степи и застигали врасплох воинские подразделения противника, после чего исчезали в тайге и, недоступные могуществу белого адмирала, царили в своих горных гнездах, вселяя в сердца людей уверенность в скорое возвращение свободы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

У Эрнеста Зитара было все необходимое для настоящего золотоискателя: карта, кайло, лопата, лоток для промывки песка, сухари, две здоровые руки и большое корыстолюбие. Вооруженный таким снаряжением и

свойствами характера, он смело отправился в глубь тайги, и, пока дорога вела по протоптанным тропинкам, его мужество было непоколебимо. Он надеялся на свою сноровку, верил рассказам Битениека и маленьким черным точкам на карте. Золото! Тайные сокровища — ключ к радости и богатству! Какая еще работа так хорошо окупается, как работа золотоискателя? Ты выходишь из дому, гуляешь какой-нибудь месяц и за это получаешь столько желтого песка, сколько можешь унести. Сколько это будет составлять в переводе на деньги? Эрнест старался подсчитать, но не мог установить точной стоимости. А что, если рассыпать золото в два мешка, — один нести на спине, а другой на груди, — тогда бы он мог снести четыре пуда. А можно сделать иначе: в каждый мешок насыпать по берковцу*, отнести мешок на какое-то расстояние, а затем вернуться за другим. Когда до дома останется верст двадцать, запрятать мешки, сходить за лошадью и в один прием свезти домой все золото. Если поиски увенчаются успехом, такую экспедицию можно завершить за один месяц. До наступления осени Эрнест проделал бы это еще раза два, и тогда можно спокойно жить.

Человек, обладающий таким состоянием, безусловно не станет прозябать в сибирской тайге. Что ему здесь делать? Нет, он поедет по железной дороге во Владивосток, там пересядет на пароход и отправится в Америку. В Сан-Франциско купит полдюжины костюмов, оденется, как барин, и будет кататься в автомобиле. А здесь, в Сибири, он натянет Карлу нос — отнимет у него Сармите. Да, это самая первая и главная задача, ибо Сармите нравилась Эрнесту больше, чем шесть костюмов. Он сразу ослепит девушку блеском своего богатства. Карл рядом с ним будет выглядеть совсем сереньким и жалким. Что он собой представляет, с тех пор как ему нельзя носить офицерский мундир? Простой парень с пустым карманом, каких много среди беженцев. Он, конечно, будет сердиться на Эрнеста и постарается расстроить его планы, но из этого ничего не получится: они с Сармите уедут тайком и из Сан-Франциско пошлют письмо, может быть, немного денег, чтобы поднять настроение лесных жителей.

Так шел он, мечтая и подсчитывая. По временам его грезы нарушали тучи комаров или слепней, беспощадно

жаливших одинокого путника и вызывавших в нем глухую злобу. Ему пришлось повязать голову платком и разгонять маленьких тиранов густой еловой веткой.

До Тамалги, если идти напрямик, около шестидесяти верст — день хорошей ходьбы. Эрнест знал, каким трудным будет путь через вековой лес, если идти без тропинки, поэтому он избрал окольную дорогу, которая была вдвое длиннее, — поближе к селениям и улусам алтайцев на берегах рек. Два, самое большое три дня — и Эрнест доберется до высокой горы и недели две сможет жить в одиночестве, копаясь в земле и промывая речной песок.

Весь первый день он шел по лесу, не встретив ни души. Вечером дорога свернула в долину реки, дальше она тянулась по заросшему кустарником берегу в гору, может быть даже на Тамалгу, из снегов и льдов которой образовалась эта незнакомая река. Перед заходом солнца Эрнест подошел к старому деревянному мосту и на противоположном берегу увидел несколько домишек. Это было маленькое алтайское селение — улус Козункол.

Эрнест снял с головы платок и свернул в улус поискать ночлега.

2

Здесь было не больше двадцати домов, простых, маленьких, построенных из неотесанных бревен. Около жилых домов не виднелось никаких хозяйственных построек. Обширные загоны, обнесенные изгородями, говорили о том, что население улуса занимается скотоводством. У дверей стояли небрежно брошенные телеги, и первыми путника встретили лохматые собаки.

Отбиваясь от них, Эрнест прошел мимо нескольких домов, тщетно ожидая, что кто-нибудь выйдет унять озлобленных псов. Правда, кое-где в маленьких оконцах появлялись любопытные лица, но, когда Эрнест, приветствуя их, кивал головой, они моментально исчезали.

— Ну и народ... — рассердился он и наконец свернул к одному из домов. На его стук никто не ответил. Подергав ручку двери, Эрнест убедился, что она заперта.

Нечего делать — пошел дальше. То же ожидало его во втором, в третьем и в четвертом доме. Наконец одну из дверей он нашел незапертой и, не ожидая приглашения, вошел. В лицо пахнуло какой-то кислятиной и незнакомым сладковатым запахом. На полу маленькой комнаты валялись шкуры домашних животных и зверей; один угол был отгорожен черной завесой, в другом на кедровой скамейке сидела с веретеном в руках старая алтайка и пряла шерсть. Оголив во всю длину левую ногу, она катала веретено по голому бедру, выполняя одновременно обязанности пряхи и прялки. Это так заинтересовало Эрнеста, что он забыл поздороваться и не обратил внимания на остальных обитателей дома. Его отвлек какой-то булькающий звук. Эрнест повернулся и увидел средних лет смуглого мужчину в лоснящейся ватной одежде. Он сидел, по восточному обычаю, на полу, скрестив под собой ноги, и сосал трубку. В двух шагах от него у топившейся печки стояла на коленях молодая женщина и пекла лепешки.

— Добрый вечер! — приветствовал Эрнест.

Мужчина буркнул что-то в ответ и, не меняя позы, равнодушно взглянул на Эрнеста. Пряха и молодая женщина даже не посмотрели на пришедшего. Начался странный разговор. Эрнест по-русски спрашивал, можно ли переночевать, алтаец отвечал ему что-то на своем языке. Оба задавали вопросы, и каждый ничего не понимал. Тогда Эрнест знаками показал, что устал, хочет спать и, почавкав ртом, изобразил процесс жевания. Наконец его собеседник понял, что от него требуют. Он испуганно вскочил и отрицательно замахал руками, без конца повторяя:

— Нет, нет, нет, не можно! Не можно, нет!

— Я заплачу́, — предложил Эрнест и вытащил кошелек.

Но алтаец в ужасе отмахивался обеими руками. Вдруг он вытащил длинный большой нож, каким обычно режут скот, приставил его тупой стороной к горлу и провел по нему, показывая, что перережет горло.

Побледневший Эрнест попятился к дверям, а алтаец все продолжал что-то бормотать, приставляя к горлу нож.

«Ну, теперь я пропал, — испуганно подумал Эрнест. — Он хочет меня зарезать».

На самом деле опасения Эрнеста не имели никаких оснований. За несколько дней до этого в улусе произошло убийство, кто-то перерезал кому-то горло, и весь поселок жил в суеверном страхе, потому что шаман не совершил еще очистительного обряда. По мнению этих людей, душа убитого скиталась в окрестности, принимая разный облик и стараясь причинить зло улусу. Как на беду, почти все мужчины находились на горных пастбищах и ничего не знали о происшедшем. Пока шаман не умилостивит душу убитого, жители улуса боялись каждого незнакомого человека, ибо он мог оказаться духом покойного. Если бы Эрнест знал это и хотел использовать суеверие местного населения, он мог спокойно поселиться здесь и потребовать какой угодно выкуп. Но он не понимал языка алтайцев и поэтому напугался еще больше, чем эти бедные люди. Он чуть ли не бегом пустился прочь от поселка. Воспоминание о длинном ноже придавало ногам резвость. Только добравшись до кустарника, он осмелился обернуться и передохну́ть немного. Слава богу, его никто не преследовал. Может быть, еще удастся спастись. Ох, этот ужасный улус Козункол! Лучше переночевать в лесу со зверями, чем в таком разбойничьем гнезде...

Эрнесту не удалось уйти далеко, — его настигла ночь. Он спрятался в кустах и поужинал сухарями, запивая их водой. А вскоре ему пришлось испытать новые страхи: в лесу за рекой вдруг раздалось жалобное завывание:

— Камлай!

Это не могла быть птица, звери тоже так не воют. Может быть, человек или призрак? Крик повторился.

— Камлай! Камлай! — жутким эхом раздавалось в горах, непрерывно перекатывалось по тайге, погруженной в непроглядную ночную тьму. Казалось, это голос леса, угроза, исходящая из чащи, предупреждение тьмы об опасности. В течение всей ночи, с небольшими перерывами, таинственное «камлай» пугало отважного золотоискателя. Не смыкая глаз, с раскрытым складным ножом в одной руке и тяжелой дубинкой в другой ждал Эрнест наступления утра и с первыми лучами солнца отправился дальше. На рассвете жуткие крики прекратились. В улусе послышалось пение петухов, и всякая нечистая сила должна была исчезнуть.

Позже, уже в селе Бренгули, вернувшись из своего похода, Эрнест узнал, кто кричал в тайге. Ему рассказал один алтаец, завернувший во время охоты в колонию, что, если случается несчастье, например насильственная смерть, шаман уходит в лес и своими заклинаниями задабривает злых духов и вымаливает покой душе убитого. Иногда достаточно одной ночи, в иных случаях шаману приходится камлать неделю напролет, пока душа убитого перестанет бродить по селению. Камлания иногда сопровождаются жертвоприношением и другими колдовскими приемами. Но о том, как все происходило, знал только шаман, потому что во время камланий он не подпускал близко никого.

Следующую ночь Эрнест ночевал у пастухов на горных пастбищах. Они, несмотря на угрюмую внешность, оказались очень приветливыми и гостеприимными и угостили его мясом ягненка и кумысом. От них Эрнест узнал, как скорее добраться до Тамалги. Он сбился с правильного пути и вместо трех дней скитался неделю. За это время Эрнест видел много горных улусов и большие стада. Большинство алтайцев имело сотни быков и тысячи овец, не говоря о табунах великолепных лошадей. Палатки этих алтайцев были увешаны красивыми коврами, седла отделаны серебряными украшениями.

Завистливыми глазами смотрел Эрнест на их богатство, — какой в нем толк, если люди не умеют как следует его использовать. Эх, если бы у него были такие стада, он знал бы, как жить! На шестой день Эрнест добрался до оленеводов, пасущих алтайских оленей — маралов, и увидел огромные стада их. Маралов разводили ради ценных рогов, китайцы и монголы с давних времен употребляли их как лекарственное средство.

Много удивительных вещей удалось увидеть Эрнесту во время этого похода, но он на все смотрел равнодушно. Алтайцы, быки, олени, овцы — все это мелочь. Его интересовало только золото. Поэтому он очень обрадовался, когда на седьмой день вечером добрался наконец до мрачного, дикого русла реки Тамалги. Вечером там не дымил ни один костер, по горным кручам и склонам не слышалось человеческого голоса. Искатель счастья построил на берегу реки шалаш из еловых ветвей и приделал к лопате ручку. Он был счастлив своим

одиночеством, этот странный и ненасытный пришелец: если бы даже весь массив Тамалги состоял из золота, он и тогда не уделил бы другим ни крупицы. Ему и этого было бы недостаточно.

3

Эрнест работал. Поднимался до зари, копал весь день землю и промывал речной песок, кончая работу лишь вечером, когда уже ничего не было видно. И все же Тамалга упорно скрывала свои сокровища. Песок и камни, грязь и глина — вот и все, что находил на лотке искатель счастья. Проработав день на одном месте, переходил на другое. Потом он не стал задерживаться. Копнет несколько раз на берегу, зачерпнет в разных местах речной песок и идет дальше. Он обнаружил несколько заброшенных раскопок, где еще сохранились следы прежних золотоискателей — разрытая земля, куча промытого песка и кое-какие приспособления для промывки. Изредка ему удавалось найти немного золота, но это были только песчинки, остатки былого богатства. Этого даже не хватило бы на пропитание. Но золото должно найтись, оно лежит где-нибудь нетронутое, в зернах, целые жилы золота. Мелкие песчинки, попадавшиеся Эрнесту, подтверждали, что он идет правильным путем. Здесь была родина золота, нужно только знать, в каком грунте его искать. Старый золотоискатель, вероятно, знал бы все характерные признаки и прошел бы равнодушно мимо тех мест, где копал Эрнест, и, напротив, стал бы копать там, где небрежно прошел он.

Проскитавшись неделю по склонам Тамалги, Эрнест как-то утром заметил, что в его продуктовой сумке осталось только два сухаря. Мясо и масло кончились еще несколько дней тому назад, и парня стали удручать заботы о пище. Ближайшее человеческое жилье находилось на расстоянии одного дня ходьбы. Но и там он ничего не мог бы получить бесплатно, а маленькая щепотка золота, собранная им, не спасала положения. Да и, возможно, здешние люди не знают цену блестящим крупинкам и не дадут за них даже дохлого ягненка. Как быть?

Доев последние сухари, Эрнест принялся собирать черную и красную смородину, землянику и малину. Но они были слишком приторны, а чувство голода ничуть не уменьшалось. В речках водилась кое-какая рыбешка, но без сетей или удочки ее не поймаешь. Тогда Эрнест стал ловить молодых птенцов голубей и дроздов. С палкой в руках он лазал по густой траве; спугнутые птицы запутывались в ней, и Эрнест убивал их. Но не каждый день ему удавалось есть жаркое из дичи. В иное утро приходилось браться за лопату и лоток натощак и довольствоваться травой колбой, похожей вкусом на чеснок. Эрнест кое-как промучился еще неделю. За это время он обошел много истощившихся приисков, которые и теперь еще обозначены на подробных горных картах в виде точек, похожих на следы мух, и разжигают алчность наивных искателей счастья.

Наконец, обессилев от длительного голодания, Эрнест махнул рукой и стал выбираться из дикой чащи, пока еще повиновались ноги.

«Я допустил промах, что в последних улусах не заготовил еды на более продолжительный срок, — сказал себе Эрнест. — И надо было взять с собой ружье».

В поисках золота, следуя вдоль подошвы Тамалги, Эрнест сильно уклонился на восток, и обратный путь его лежал теперь через незнакомые места. Получился большой крюк, потому что дорога через населенные долины рек прежде всего вела на север и подходила к почтовому тракту у границ Кузнецкого уезда. Оттуда до села Бренгули было еще дня два ходьбы.

Это скорее походило на скитания нищего, чем на триумфальное возвращение богатея. Эрнесту нигде не отказывали в куске хлеба и в кружке кваса, давали ему и ночлег в крестьянских домах, но везде донимали расспросами. За еду и ночлег приходилось рассказывать разные выдуманные истории. Чем ближе подходил Эрнест к степи, тем недоверчивее относились к нему крестьяне. В одной из деревень его даже хотели арестовать и отправить к волостному старшине, но он успел скрыться и в тот вечер остался без ужина. Переночевав в стогу сена, он утром отправился дальше, обходя стороной селения и сворачивая с дороги при виде едущей навстречу подводы. И только когда к вечеру степная дорога свернула в тайгу, он с облегчением вздохнул. Но радость

его была преждевременна. После часа ходьбы по лесу Эрнест на крутом повороте дороги столкнулся с двумя вооруженными людьми. Возможно, они прошли бы мимо, если бы он спокойно продолжал свой путь, но их винтовки и угрюмые бородатые лица навели такой страх на отважного парня, что он без памяти кинулся в кусты. Незнакомцы побежали за ним. Со свежими силами, сытые, хорошо знающие тайгу, они, в то время как Эрнест, точно олень, ломился сквозь заросли, по тропинкам направились ему наперерез.

— Сдавайся, а то стрелять будем! — предупредили они его.

Увидев, что иного выхода нет, Эрнест поднял руки и отдался во власть неотвратимого. «Вот тебе золото и вот тебе свободная жизнь!..» — мрачно подумал он, когда преследователи, встав по обе стороны, повели его в чащу.

— Братцы, что вы хотите со мной делать? — жалобно спросил Эрнест. — Я бедный человек и возвращаюсь домой с работы.

— Вот увидим, что ты за птица, — мрачно отозвался один из незнакомцев. — Отведем к командиру, а там выясним.

Не вступая ни в какие разговоры, они вели его в глубь леса. Через четверть часа они добрались до реки. Один из незнакомцев свистнул, с противоположного берега раздался ответный свист, и скоро показалась лодка с двумя вооруженными людьми.

«Наверно, разбойники...» — подумал Эрнест и удивился, что он никогда ничего о них не слыхал. Банда, очевидно, только недавно стала действовать, пока он был на приисках.

Они переправились через реку и углубились в лес. Немного погодя показалась небольшая полянка. Там стояло несколько полотняных палаток и шалашей из еловых ветвей, а среди них дымила полевая кухня. Эрнест с наслаждением вдохнул запах варева. Суп, вкусный ужин после продолжительного голодания! У него сейчас было только одно желание — хорошо поесть. После этого пусть делают с ним что хотят.

Из всех палаток выглядывали незнакомые лица. Но напрасно Эрнест ожидал увидеть дикие разбойничьи морды, злобно искривленные в кровожадной и жестокой

наемнике. Нет, это были самые обыкновенные люди — спокойные крестьяне, собравшиеся скорее всего на большую толоку, а не на разбой. Из-за палаток доносилось фырканье лошадей.

Один из конвоиров Эрнеста пошел доложить командиру о пленнике. Через минуту он возвратился в сопровождении высокого молодого человека. Походка пришедшего напоминала Эрнесту что-то знакомое, но его лицо нельзя было разглядеть в вечерних сумерках.

— Вот он, — указал на Эрнеста человек, ходивший за командиром.

Пришелец остановился в двух шагах от пленного и пытливо посмотрел на него. Не веря своим глазам, Эрнест узнал в «разбойничьем» командире своего брата Карла. Тот тоже был изумлен не менее Эрнеста.

Придя немного в себя, они так искренне и весело расхохотались, что партизаны, не понимая еще, что произошло, стали смеяться вместе с ними.

4

— Эрнест, ты не болен? — спросил Карл, приведя брата в свою палатку, после того как он объяснил партизанам, что за птицу они на этот раз изловили. — Ты очень плохо выглядишь.

— Болеть не болел, но в последнее время очень плохо питался, — ответил Эрнест. — Сегодня я почти еще ничего не ел.

Карл велел принести из кухни полный котелок супа, и, пока Эрнест ел, их разговор продолжался.

— Как твои дела? Много ли золота намыл? — поинтересовался Карл.

— Немного есть, но ради этого не стоило предпринимать такое путешествие, — проворчал Эрнест, жадно хлебая суп. — А как же получилось, что ты в разбой пустился?

— В разбой?

— Ну да, ведь это же банда. Чем же вы живете?

— Ты ошибаешься. У этих людей совсем не те цели, о каких ты думаешь.

Карл рассказал, почему ему пришлось уйти к Черняеву и что они за это время успели сделать: спасение

Уксуная, налет на Ануй, очередные набеги на притаежные селения. Сегодня ночью Черняев с подразделением партизан тоже отправился на операцию, поручив Карлу охрану лагеря.

— А когда вы совершаете налет на деревню, вы берете все что хотите? — спросил Эрнест.

— Мы отбираем у противника только то, что нам нужно, — продовольствие и боеприпасы. Очень часто крестьяне сами доставляют нам все необходимое.

— А какая им от этого польза?

— Мы их защищаем от насилия, не позволяем жечь их дома и принимаем в отряд тех, кого преследуют.

— А вы не боитесь, что дело может для вас обернуться плохо?

— Кое-кто гибнет в боях, но это лучше, чем умереть на виселице.

— И долго вы думаете так выдержать?

— Летом, пока приходится пробиваться сквозь таежные заросли, нам никто не страшен. Пусть высылают хоть целую дивизию — не найдут.

— А зимой? Где вы укроетесь, когда начнутся морозы? В лесу вам не выдержать.

— Зимой, если нам придется туго, отойдем за границу, в Монголию, а если все пойдет успешно, — в чем мы не сомневаемся, — попытаемся осенью организовать всеобщее восстание во всем крае и сбросим власть Колчака.

— И тогда вы будете править всем Алтаем?

— Может и это случиться.

Такая перспектива показалась Эрнесту заманчивой. Красивая, свободная и полная приключений жизнь партизан была гораздо романтичнее, чем однообразный крестьянский труд в селе Бренгули. Здесь для энергичного человека всегда имелась возможность пополнить вещевой мешок, никто его не осудит, если он иногда чем-нибудь воспользуется, тогда как дома только и знай работай да работай. Да к тому же еще предстоит малоприятное возвращение с золотых приисков: как теперь явиться в село с пустым карманом после всех хвастливых обещаний? Нельзя будет даже людям на глаза показаться.

— Знаешь что, брат, я, пожалуй, могу остаться у тебя. Что мне дома делать? Бренгулис, наверное,

взъелся на наших и теперь за меня возьмется. А здесь я буду в безопасности, пригожусь вам.

Карл ответил после длительной паузы.

— Я думаю все же, что тебе нужно идти домой. Тебя не тронут. Ведь ты никому не насолил. А если начнут преследовать, ты во всякое время сможешь нас разыскать. Как они одни там справятся с уборкой?

— Да велика ли уборка?..

— Нет, Эрнест, иди лучше домой. Партизанская жизнь не праздник — это тяжелый, опасный труд. Передай привет от меня нашим домашним... и Сармите.

Наконец Эрнест сдался, но не столько на него подействовали уговоры Карла, сколько блеснувшая вдруг мысль: там, в колонии, Сармите. Пока Карл скитается по лесам (возможно, он вообще не вернется), Эрнест мог свободно действовать.

Эрнест переночевал в партизанском лагере. Утром Карл вывел его на дорогу и рассказал, как из Уксуная пройти на пасеку старого Титова и как оттуда ближайшим путем добраться до поселка.

Эти советы пригодились Эрнесту только до выгона Уксуная. Здесь он передумал. Вдали от селения в кустах пасся большой табун лошадей, и Эрнесту Зитару очень приглянулась молодая, стройная кобыла. Табуны здесь паслись довольно своеобразно: один из сильных жеребцов собирал всех свободных от работы деревенских лошадей в общий табун и водил по пастбищам. Иногда табун уходил к выгонам соседней деревни и встречался там с другим табуном. Тогда оба жеребца-вожака вступали в ожесточенный поединок; победитель присоединял табун побежденного к своему и уводил на свой выгон. Свободные, они паслись все лето без присмотра. Здесь не было конокрадов, но был... Эрнест Зитар. Высмотрев красивую кобылу, он не мог удержаться от соблазна и, не думая о последствиях, сделал из ремней вещевого мешка и веревок импровизированную уздечку. Легко подманив к себе лошадь, он надел на нее узду. Минутой позже Эрнест сидел уже верхом на кобыле и рысью скакал по лесной дороге. Теперь он мог надеяться, что доберется до Бренгулей на следующую ночь и ему не придется искать ночлега на пасеке Титова. Кроме того, он боялся, что пчеловод может опознать лошадь. На гари, вдали от всех дорог,

никто не станет искать пропавшую кобылу. Хозяин подумает, что ее взяли партизаны или задрали волки. А если он в поисках ее и доберется до села, можно будет сказать, что кобыла пристала сама, и еще потребовать плату за содержание и уход.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

К середине лета новый дом Зитаров был почти готов, и они перебрались из землянки в светлое помещение. Это было бы радостным новосельем, если бы Зитаров не угнетала забота о Карле и Эрнесте. О том, что оба брата отсутствуют, знало все село. Все предполагали, что они скрываются в окрестных лесах и по ночам приходят навещать родных, а те снабжают их провизией. Преувеличенные слухи о деятельности партизанского отряда Черняева дошли до села Бренгули, но никому и в голову не приходило, что в этом отряде есть местные жители. Бренгулис, чаще других встречавшийся с волостным начальством и находившийся в курсе всех дел, называл черняевцев извергами и грабителями, которых боялись все жители тайги. Партизаны, по его словам, только и знают, что убивать, грабить, жечь. Не дай бог, если они когда-нибудь заявятся в колонию! Гибель и смерть селению, где побывают черняевцы!

Время от времени, всегда неожиданно, среди ночи у Зитаров производили обыск. Без конца допрашивали старого Зитара. Если его до сих пор не арестовали и не отправили в Ануй, то лишь потому, что, сдаваясь на уговоры сына, его защищал волостной старшина Шамшурин.

Славный парень был этот Саша Шамшурин. Если ночью на гари ожидалось посещение жандармов, он садился верхом и скакал предупредить Зитаров. Возможно, он верил в то, что Зитары поддерживают связь с Карлом, тогда тем более ценно его отношение. Эльзе каждое его появление в селе доставляло радость. Молодой Шамшурин ей нравился, и она это не скрывала. Если у Зитаров случались дела в волостном центре,

Эльза с удовольствием бралась выполнять их. И обязательно старалась встретиться с Сашей. Он всегда провожал девушку до половины пути.

В середине лета в селе уже начали поговаривать о предстоящей свадьбе. Это были не только слухи: волостной старшина одобрил выбор сына, Зитарам тоже казалось выгодным породниться с Шамшуриными. И теперь можно было почти с уверенностью сказать, что осенью состоится свадьба. Благодаря этому обстоятельству посещения села жандармами стали значительно более редкими.

Недели за две до Иванова дня у Зитаров стало больше свободного времени. Все основные работы были закончены, теперь оставалось ждать сенокоса. Янка всю весну мечтал об этой свободе, готовясь к небольшому путешествию. Он давно уже поговаривал, что не мешало бы приобрести некоторые учебники и будущей зимой самостоятельно пройти программу подготовительных классов мореходного училища; по крайней мере, время шло бы с пользой, и по возвращении на родину он сразу смог бы поступить в специальный класс училища. Отец обещал помочь сыну по тем предметам, где недостаточно одних книг. Когда Янка сказал, что следовало бы съездить в город и купить книги, никто не возражал.

Шамшурин одолжил седло, и в начале недели Янка отправился в дорогу. Он проделал путь до Бийска за полтора дня. Оставив лошадь на постоялом дворе, Янка долго ходил по магазинам и лавкам на базаре. Из нужных ему книг он достал только учебник английского языка и морской словарь. Нигде нельзя было купить книги по морской астрономии и учебника навигации, да и кому они могли понадобиться здесь, за тысячи верст от моря и мореходных училищ? Но Янка не очень горевал — предметы эти входили в программу специальных классов, и с ними можно было пока обождать. Хорошо, что он хоть такие книги купил, — ведь это доказательство, что он действительно побывал в городе. Поездка в Бийск была лишь благовидным предлогом для другого, более привлекательного путешествия, о котором дома никто не имел ни малейшего представления.

К вечеру следующего дня, когда, по расчетам родных, Янка еще только должен был прибыть в город, он уже закончил свои дела и садился на коня, чтобы

пуститься в путь. Он не остался ночевать в Бийске, не пошел ни в цирк, ни в кино. После целого года уединения он имел мужество отказаться от всех прелестей города во имя мечты, родившейся в зимнюю стужу и метель в дымной землянке. Он не поехал степной дорогой, ведущей к дому, а переправился через Бию и поспешил к югу, навстречу высоким горным хребтам и долине Казанды.

Конь хорошо отдохнул, и Янка ехал всю ночь. Утром на несколько часов он отпустил коня пастись на берегу ручейка, а сам позавтракал всухомятку. И снова в путь.

Ближе и ближе становилась страна его мечтаний. Одна деревня сменяла другую, гора — гору. Это было замечательное путешествие, скорее сон, чем действительность. Временами Янка терялся от счастья и начинал сомневаться, не галлюцинация ли все это. Для Янки весь смысл жизни, предел всех мечтаний находился теперь на далеком хуторе у Казанды. Через леса и долины смотрел он с гари на голубую вершину горы, и она казалась ему такой же недоступной, как волшебная страна чудес. Там была Лаура... И вот наконец стремительной рысью несет его туда резвый сибирский конь. Все ближе и ближе... Он уже видел кручи Казанды и заросшие лесом склоны ее...

«Завтра в это время я буду намного богаче, чем сегодня... — думал он. — Я увижу ее, поговорю с ней и, может быть, узнаю, о чем она думает. А после этого — что такое несколько лет в разлуке, что такое работа и трудности, *если ты знаешь и веришь!* Янка, счастливый Янка!..»

Он разговаривал сам с собой и во всех мелочах представлял себе всю прелесть предстоящих часов свидания: как он неожиданно появится на хуторе Ниедры, уже повзрослевший и мужественный, как встретит Лауру и она, покраснев, протянет Янке руку, как пройдет день и вечер и как он откроет Лауре свою большую любовь. О, это будет так солнечно и прекрасно, что при одной только мысли обо всем этом хотелось петь и ликовать. Нет, подобные чувства требовали и соответствующего проявления. Янка слагал стихи. Весь день они, словно спелые яблоки, сыпались с его языка.

Но чем ближе подъезжал Янка к долине Казанды,

тем тревожнее билось его сердце. Когда последнее селение, отделявшее его от хутора, осталось позади, он перестал погонять коня. Солнце клонилось к закату. Небосклон играл яркими красками, а в сумеречных долинах уже повеяло вечерней прохладой.

Версты за две до хутора Ниедры Янка остановил коня и сошел на землю. Отсюда с возвышенности виднелись хуторские постройки.

Еще четверть часа — и Янка *там*. Но он не пошел дальше. Взяв за повод коня, отвел его на небольшую лужайку, подальше от дороги, и там заночевал. Янка лежал под открытым небом и смотрел на звезды.

«И *она* смотрит на эти звезды и о чем-то думает. Чувствует ли она, как близко я нахожусь? И вообще помнит ли она меня?»

Никто не мог ему на это ответить. Может быть, завтра... Солнце, возвращайся скорее!

2

Проведя почти всю ночь без сна, Янка наутро встал вместе с птицами. Он отыскал маленький горный ручеек и умылся. Усталость бессонной ночи как рукой сняло. Прозрачный утренний воздух, росистая трава, многоголосый щебет птиц вселяли бодрость.

Янка оседлал коня и со своей вышки стал следить за хутором, ожидая, когда проснется семейство Ниедры. Скоро он услышал, как замычали коровы в хлеву, заметил стаю кур во дворе и собаку. Через некоторое время из трубы дома поднялась струйка дыма и три женщины с подойниками в руках прошли в коровник. Возможно, среди них была и Лаура...

Теперь Янка мог сесть на коня и ехать на хутор. Но взятся с делами. Полчаса спустя он подумал, что было бы неудобно явиться на хутор как раз к завтраку — будто он пришел ради еды. Нет, пусть Ниедры позавтракают и приступят к дневным работам, они ведь никуда из дому не уйдут. Как плохо, что еще не начался сенокос, он мог бы остаться на хуторе весь день и помочь Ниедрам на покосе.

Когда Янка пускался в этот дальний путь, все казалось таким простым и ясным. А вот теперь, когда он

находится у самой цели, он понимает, какое это сложное дело. Он даже ни разу не подумал, чем объяснить свой приезд. Почему он ехал окольным путем через горы, когда на Бренгули ведет другая, более прямая дорога? Эти мысли сейчас не давали ему покоя. Что он скажет хуторянам? У него здесь не было никаких дел. Навестить земляков, посмотреть, как они живут, и рассказать о своей жизни в поселке? Кто же из-за таких пустяков предпринимает столь длинный путь?

Лгать он не хотел, да, вероятно, и не сумел бы, и кто-нибудь из семейства Ниедры обязательно догадается об истинной причине его приезда. Если это будет Лаура, тогда еще ничего, а если кто-нибудь другой? Наверняка даже это будет кто-то другой. При такой мысли щеки Янки загорелись. Он не мог заставить себя спуститься в долину.

Долго сидел он наверху, на обломке скалы, спрятав коня в кустах. Чувства и рассудок вели тяжелую борьбу. По временам тоска охватывала сердце щемящей болью, и тогда Янка словно в каком-то дурмане готов был без раздумья ринуться на хутор. Но тут же его одолевали сомнения, стыд, даже страх, что он своими поступками может навсегда поставить себя в смешное положение в глазах Лауры. По мере того как солнце поднималось все выше и жарче становился день, сомнения Янки усиливались. Наконец он понял, что ему сегодня Лауры не видать и вообще это случится не скоро. Опять неизвестность! В своем лесу он опять будет смотреть с горы на вершину Казанды, и его мечты станут тихо тлеть, как потухшее пожарище, о котором никто не догадывается.

Хоть бы по крайней мере издали увидеть *ее*! Украдкой бросить на нее лишь один взгляд, восстановить в памяти живую красоту ее образа! Хоть бы услышать ее голос — только несколько слов!

Янка видел хуторян. Иногда появлялось сразу пять-шесть человек, и среди них, конечно, была Лаура. Но которая она? Которой посылать свой мысленный привет и кого ласкать взглядом?

Вдруг он весь превратился во внимание: две женщины направились от хутора к горе. Одна несла что-то в руке. Дойдя до мостика, где дорога сворачивала к соседнему селению, они не пошли через мост, а свернули

налево, на тропинку, которая вела мимо Янки. Если бы шло не двое, а одна и если бы это оказалась Лаура, он остался бы на месте и дождался ее. Но их было две, и он издали не мог узнать ни одной. Открыв убежище Янки, они еще неизвестно что подумают. Янку от волнения даже в жар бросило, и он, взяв коня за повод, повел его самой непролазной чащей в сторону от тропинки. В тот момент, когда обе женщины подошли к месту, где недавно стоял Янка, он уже находился у берега, на дороге, и, не смея оглянуться, медленно поехал, огибая стороной хутор Ниедры. Он не оглянулся и потом, когда хутор и долина Казанды остались далеко позади, словно опасаясь, что какое-нибудь внезапное видение может заставить его вернуться и открыть всем свои мысли.

Таким Янка и возвратился домой, еще более тихим, чем раньше, и никому ничего не рассказал о своей поездке в Бийск. С тех пор он стал еще больше уединяться, и долго, долго его не видно было среди молодежи села. В Иванов день, когда по тайге разносились песни Лиго*, младший сын капитана Зитара взял ружье и ушел гарью на вершину высокой горы.

3

Эрнест Зитар вернулся домой в дождливый июньский вечер. Остановив лошадь у землянки, он шумно начал возиться возле нее в надежде, что домашние услышат и выйдут посмотреть, кто прискакал. Но когда в землянке все оставалось по-прежнему тихо, Эрнест не выдержал и постучал в дверь. Землянка была пуста. Значит, уже перебрались в новый дом. Нечего делать, Эрнест опять вскочил на лошадь, и она, цокая подковами, провезла его на сто шагов дальше. Залаяла собака. У окна показались испуганные лица, и тихо скрипнула наружная дверь.

— Кто там? — послышался голос отца.

Эрнест опять соскочил с лошади и, ведя ее в поводу, вошел во двор.

— Не бойтесь, это я.

— Эрнест вернулся! — радостная весть тотчас подняла на ноги всю семью. Вскоре его окружили домочадцы.

— Куда мне поставить на ночь лошадь? — спросил он у отца. — Отпустить на волю пастись пока нельзя — она может убежать. Не правда ли, стоящая скотинка?

Да, он был прав — другой такой кобылы не найти во всем селе.

— Где ты ее купил? — спросил старый Зитар, осматривая стройное животное.

— У калмыцкого князя, — ответил Эрнест. — Заплатил почти фунт золота — все, что осталось в мешке, после того как за Уксунаем меня обчистили разбойники.

Эрнест грустно вздохнул и долго не хотел говорить об этом неприятном происшествии. Только позже, подкрепившись остывшим ужином, он стал рассказывать. Да, это действительно была злая насмешка судьбы: человек трудился несколько недель, нашел золото и намыл полные мешки, с таким запасом можно без забот прожить всю жизнь, но, когда он радостно спешил домой, чтобы облегчить жизнь своей семьи, на него в лесу напали бандиты и отняли все. Могли и убить, но он ночью сбежал и спас свою жизнь.

— Удивительно, как они еще не нашли это золото, а то мне пришлось бы пешком идти всю дорогу. Вот все, что осталось от моего богатства.

Эрнест показал маленькую щепотку золотых песчинок.

— Это мусор, сметки, оставшиеся на дне мешка, — пояснил он. — А у меня были такие куски, как сахар.

Рассказав о своих успехах в горах, Эрнест наконец упомянул и о встрече с Карлом.

— Он спутался с русскими, и они грабят деревни. За его голову обещана тысяча рублей, но никто их не получит: он награбит сколько сможет, потом скроется в Монголию. Просил передать всем привет и сказать, чтобы домой не ждали.

Не заботясь о том, как встревожило это известие домашних, Эрнест лег спать.

Утром, когда все позавтракали, капитан Зитар отозвал Эрнеста в сторону и спросил, что он будет делать с кобылой.

— Разве нам не нужна вторая лошадь? — удивился Эрнест.

— Но ведь она не ходила ни в плуге, ни в упряжи, — сказал капитан. — Мы не настолько богаты, чтобы держать верховую лошадь.

— Можно обучить ее. Она ведь еще молодая.

— Сколько ей лет?

— Я точно не знаю. Не спросил у калмыка. Надо посмотреть зубы.

— Зачем смотреть зубы? Лучше всего об этом можно узнать из паспорта лошади.

— Верно. Но я в него не посмотрел, когда покупал.

— Покажи паспорт лошади, — потребовал капитан, не спуская пристального взгляда с сына.

— Хорошо, я потом его поищу.

— Почему потом? Лучше поищи теперь же.

— Я не помню, куда его положил.

— Эрнест!.. Не валяй дурака. Давай сюда паспорт кобылы или позаботься, чтобы ее здесь не было. Я не желаю иметь неприятностей.

— Разбойники, наверно, отобрали у меня паспорт.

— А лошадь оставили? — презрительно усмехнулся капитан. — Когда же ты купил кобылу — до или после ограбления?

Эрнест только теперь сообразил, что сам себе противоречит.

— Тогда мне придется ехать обратно в Уксунай и взять новый паспорт, — сказал он. — А разве здесь, на месте, нельзя выписать? Что, если поговорить с Бренгуайсом?

— Эрнест! — в голосе капитана послышались металлические ноты.

— Ну, нет так нет. Я сам это улажу.

В тот же день Эрнест опять уехал из дому. Но не в Уксунай. Перед отъездом он закоптил в дыму горящей бересты медный пятак и сделал на бумаге оттиск царского герба, затем по виденному образцу паспорт на кобылу, подписав его вымышленной фамилией волостного старшины. Документ был готов — правда, сомнительный, если бы его показать сведущему человеку, но достаточно убедительный для безграмотного, которому важнее всего печать.

Несколькими днями позже, удачно продав кобылу в отдаленной степной деревне, Эрнест пешком пришел домой. Теперь у него в кармане лежала объемистая пачка денег.

— Если уж нам не нужны две лошади, я продал свою, — пояснил он отцу. — Вот деньги.

Но отец отказался взять деньги. Эрнест особенно и не настаивал. Нет так нет, самому пригодятся. Он побрился, по возможности приоделся и отправился на хутор Бренгулиса к Сармите. Рассказал ей про Карла, как тот живет грабежами и думает о Монголии. Привет Карла он Сармите не передал, зато наврал, что у него там в банде две женщины и он с ними живет попеременно.

— Сармит, почему мы не можем стать друзьями?

Нет, и здесь у него ничего не вышло. Эта девчонка оказалась настолько бессовестной, что обозвала его лжецом и не пожелала разговаривать с ним. Эрнест опять спрятал деньги в карман и вернулся в лес, размышляя о том, насколько ограниченны некоторые люди. Почему все-таки он не имел успеха у женщин? Он, такой смелый, предприимчивый, щедрый, не жалеет для них ничего, а они избегают его, как прокаженного. Чего в нем не хватало?

По дороге он вспомнил, что вблизи гари в землянке живет не старая еще вдова Зариене — та самая, у которой изредка гостил Бренгулис. Она очень нуждалась, муж ее погиб на войне, а вдвоем с дочерью-подростком она не могла посадить много картофеля. Эта женщина оценит его деньги.

Эрнест отправился к ней и не ошибся. В дальнейшем он частенько посещал землянку Зариене. Наряду с гордецами и глупцами иногда попадались приветливые и разумные люди.

4

В конце июля, после сенокоса, в поселок Бренгули приехал мичман военного флота, латыш Жагар. Он был эмиссаром «Латышского национального совета»* и объезжал латышские колонии. По поручению «Национального совета» он приглашал мужчин и юношей — латышей вступать в Имантский и Троицкий полки, которые формировали, чтобы потом морем отправить их в Латвию*. Из села Бренгули записались только двое молодых парней. Вначале и Эрнест хотел вступить в эти полки, но

потом разнеслись слухи, что осенью беженцев повезут через Владивосток домой, и он немедленно отказался от этого намерения. В Латвии еще шла война, и кто знает, долго ли будут продолжаться бои. Зачем лезть в опасность, можно уехать домой и без этого. Если он сумел так ловко избежать мобилизации во время войны, зачем подвергать опасности свою драгоценную жизнь сейчас?

Янка тоже не поехал никуда, потому что в горах у Казанды жила девушка, ради которой он готов был всю жизнь жить в глуши.

Урожайным было это лето. У каждой семьи и беженцев в ту осень закрома были полны картофеля, и они заработали себе хлеба на весь год. Хмеля тоже уродилось больше, чем в прошлом году, и на вырученные деньги почти все жители землянок — даже самые нуждающиеся — купили коров и смогли из землянок перейти в маленькие бревенчатые домики. Скромное счастье и покой охватили всю колонию, первые трудности, с которыми приходилось бороться новоселу, были преодолены. Борьба за существование в этой стране легче, чем на родине, это признали все. Кое у кого в душе шевельнулось сомнение: стоит ли возвращаться на родину? Те, у кого в Латвии ничего не было, теперь стали самостоятельными хозяевами на своих маленьких полях. Все чаще слышались разговоры о том, что нужно остаться в Сибири навсегда. Латышские беженцы раскололись на два лагеря — остающихся и уезжающих.

Но когда Колчак объявил новую мобилизацию, которая распространялась и на молодежь села Бренгули, латыши все как один объявили себя иностранцами, не подлежащими призыву в армию Колчака.

Если бы приказу о мобилизации не подчинилось только одно село Бренгули, то, возможно, колчаковские власти не обратили бы на это особого внимания, но дать рекрутов отказались почти все деревни волости, — этого уж белый адмирал стерпеть не мог.

В конце сентября, когда началась ранняя сибирская зима, село облетела зловещая весть: в мятежную волость выслан карательный отряд, латышскую колонию сметут с лица земли, не щадя ни одного человека. И это были не только слухи.

В это же самое время Черняев со своим отрядом начал большое наступление; он вышел из таежной чащи

и горных укрытий и поднял на ноги многие притаежные волости. Село Бренгули очутилось между двумя различными властями. Из города по степи приближался карательный отряд, приход которого означал смерть и уничтожение села, а с противоположной стороны медленно, с боями двигался отряд черняевцев. Кто придет первым? И кто окажется сильнее?

Судьба села висела на волоске. Один день, даже один час теперь мог решить все — быть или не быть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Черняев давно уже думал о всеобщем восстании и позаботился о том, чтобы крестьянские массы в районе деятельности партизан были подготовлены к этому. К осени 1919 года отряд Черняева вырос до тысячи двухсот человек. Это, конечно, было совсем немного по сравнению с армией адмирала и в то же время пугающе много, если принять во внимание, что каждый из этих тысячи двухсот борцов мог в нужный момент разжечь пламя мятежа в родных селах и деревнях.

Какие причины побудили колчаковские штабы именно в конце октября начать активное преследование повстанцев, и почему именно в это же время предприняли решающие бои партизаны? Карательным отрядам не было смысла начинать борьбу с партизанами, пока тайга затянута густой растительностью. А вот теперь трава завяла, с кустов осыпался лист, и чаща сделалась более доступной. Рано выпавший снег помогал находить следы партизан и преследовать их в самых укромных уголках тайги. У них не было ни палаток, ни землянок. С наступлением морозов им трудно было оставаться под открытым небом. Не начни Черняев вовремя большое наступление, ему скоро не с кем было бы его вести — партизаны разбрелись бы кто куда в поисках убежища: в деревни, в поселки, на лесные пасеки. А там их, словно ягодки, по одному, сняли бы приспешники Колчака. Вот почему командир партизан в конце октября разослал разведчиков по всем окрестным деревням.

Слухи похожи на прожорливую птицу: нужно только

ее высидеть и пустить в свет, а там она сама найдет себе пищу и вырастет до огромных размеров.

— Черняев занял Кузнецк! — облетела деревни первая весть.

— Он идет с пятитысячным отрядом и множеством пушек. Белые везде разбиты и бегут...

— Черняеву на помощь идут забайкальские казаки с Дальнего Востока!

— Красная Армия уже заняла Барнаул!

— Колчак сбежал в Иркутск!

Черняев разбил свой отряд на четыре группы, по триста бойцов в каждой. Одна группа двигалась по краю тайги на запад, вторая пробивалась к северу, в степь, а остальные две, каждая своей дорогой, спешили в Бийск, стараясь держаться около больших трактов. Первые налеты партизаны совершили на три важнейших пункта, где находились воинские подразделения Колчака. Это, пожалуй, и были единственные настоящие бои с жертвами с обеих сторон. Две волости заняли в одну ночь, а в двух других, где у колчаковцев, кроме нескольких жандармов, никого не было, крестьяне сами на свой страх и риск, не дождавшись прихода партизан, восстали и прогнали белых. Весть об этих успехах быстро распространилась по окрестностям. Восстание росло, словно огонь, перебрасываясь с деревни на деревню, вовлекая все новые волости. Всюду, где появлялись партизанские группы, они находили восставших крестьян, те сразу же присоединялись к партизанам и шли с ними вперед. Не беда, что у них не было оружия. Кнутами и палками выгоняли они из своих деревень вооруженных жандармов и остатки войск Колчака. Весть о том, что с Урала на Сибирь идут советские войска, вселяла уверенность в победе. Мужчины бросали работу, садились верхом на коней и, словно на веселый праздник или охоту, отправлялись с черняевцами. Некоторые гибли в бою, других ранило, но в общем это все были мелочи, которые с лихвой вознаграждались успехами борьбы. Око за око, зуб за зуб! Вы вешали и избивали нас — теперь мы бьем и уничтожаем вас!

Карл Зитар командовал группой партизан, которые большим почтовым трактом рвались к Бийску. Он еле успевал вслед за волной восстания, которая, точно прилив, катилась впереди фронта партизан, сметая на своем

6 — 2999

пути все и подготовляя почву для действия главных сил. Партизанам оставалось только преследовать бегущего противника и не давать его разбитым силам стягиваться воедино. Дела шли хорошо. Половина уезда была освобождена за несколько дней. И все же молодого командира мучили сомнения, удастся ли удержать завоеванное: части Красной Армии находились еще далеко, у Новониколаевска, и неизвестно было, когда они доберутся до Алтая. Смогут ли партизаны выдержать натиск регулярной армии Колчака, пока не подойдет Красная Армия? Риск был огромный. Но другого пути не было. Поэтому — вперед, партизаны!

2

Симан Бренгулис в эти дни не ночевал дома. С наступлением темноты он брал охотничье ружье и незаметно исчезал с хутора. Иногда он находил приют в землянке вдовы Зариене. Если его опережал Эрнест Зитар, сельский староста отправлялся дальше и ночевал у сапожника Зилума, одного из беднейших хуторян, который немало задолжал Бренгулису. Бренгулис был убежден: если черняевцы ворвутся в колонию, они прежде всего станут искать его, сельского старосту, и первая пуля достанется ему. Зариене и Зилум были настолько незначительными людьми, что никто ими не заинтересуется, какая бы власть ни царила в тайге.

В глубине души Бренгулис надеялся, что карательный отряд Колчака появится раньше партизан и прогонит их обратно в горы, но он никому об этом не заикался. Нет, это был кроткий человек, обходительный с простыми людьми и заботящийся о земляках. Он не гнушался заходить в землянки, сидел, болтал с мелкими людишками, хотя у них порою даже не на что было присесть и нечем было угостить гостя. Разговоры всегда как-то нечаянно сворачивали на заслуги Бренгулиса. Разве он отказывал в помощи, если кому-либо приходилось туго? Сколько сил положил он, сколько масла и картофеля ссудил беженцам, когда им нечего было есть. Теперь все они окрепли и зажили безбедно. И если кое-кто еще должен Бренгулису, то пусть не беспокоится, — он сейчас не потребует возврата долга. Нет, пользуйтесь на здоровье, мне ничего не надо. Я все прощаю, только... замолвите за меня доброе словечко, если что-нибудь произойдет.

Встретив старого Зитара, Бренгулис спросил, что слышно о сыне и почему капитан не зайдет к нему на хутор.

— Я сварил свежее пиво и несколько бутылок крепкой, по одному пить неинтересно. Заходите, заходите, сосед!.. Мало нас, латышей. Здесь надо держаться всем вместе, как братьям.

Так он старался задобрить весь поселок. Однако на всякий случай дома не ночевал и, тайком нагрузив ценными вещами два воза, отправил их к Зилуму.

Поселок жил все время в напряжении; никто не знал, что принесет завтрашний день. Появились слухи, что карательный отряд уже расправился с деревней в тридцати верстах от Бренгулей и теперь идет прямо сюда. Некоторые собирались бежать в тайгу, другие прятали свои вещи в картофельные ямы и в кусты на выгоне.

Сармите ушла от Бренгулисов и вернулась к матери, чтобы в минуту опасности быть вместе. Она больше не собиралась возвращаться на хутор. Валтериене осенью насушила несколько пудов хмеля и купила корову, да и картофель хорошо уродился. О нужде не было и речи. Вместо Сармите Бренгулис взял к себе дочь вдовы Зариене — не столько из-за ее личных достоинств, сколько по просьбе ласковой вдовы.

Как-то рано утром, когда люди уже приступили к своим обычным делам, в поселке появились вооруженные всадники, их было около десяти. Увидев, что люди испугались и прячутся в дома и по хлевам, они завернули во дворы беженцев и вызвали хозяев.

— Не бойтесь, мы вам ничего плохого не сделаем, — успокаивали они взволнованных людей. — Мы ваши друзья, черняевцы.

Расспросив, не видно ли в лесу колчаковцев и как далеко до деревни Чесноково, они ускакали. Только и всего. Так произошла большая перемена в судьбах села и смена власти. Без единого выстрела, тихо, мирно партизаны освободили Бренгули. Беженцы, ожидавшие кровопролитных боев и насилия, растерянно глядели вслед всадникам: неужели это на самом деле были партизаны

Черняева, бандиты, о делах которых все лето рассказывали страшные вещи?

— Мы ваши друзья, — сказали они, и село было спасено — спасено без жертв, без грабежа, без крови.

В тот же день в двадцати верстах от села Бренгули партизаны встретились в степи с карательным отрядом. Черняев сам повел людей в бой. Жители соседних деревень слышали выстрелы, трескотню пулеметов и взрывы ручных гранат. Бой продолжался всю вторую половину дня. С наступлением темноты остатки разгромленного отряда пустились наутек. Маленькими беспорядочными группами колчаковцы рассеялись по степи. Часть поспешила возвратиться в город, — их потом уничтожили обозленные крестьяне, — часть бежала в горы и оттуда через границу — в Монголию. Кое-где еще происходили мелкие стычки, но это уже не могло задержать победного шествия партизан. Горный округ, тайга и степь быстро сбросили власть адмирала, и на Алтае, а затем и во всей Сибири, от Урала до Амура, началась новая жизнь.

3

Карл Зитар со своей группой партизан прошел далеко на север, почти к границам Барнаульского уезда, и там встретился с частями Красной Армии, которые к тому времени уже очистили от колчаковских банд Новониколаевский и Барнаульский уезды. Углубляться дальше в степь не было смысла, и партизаны вернулись в Бийск, где уже собрались все черняевцы. Партизан, долго бродивших по лесам, отпустили домой, — некоторые из них не виделись с родными чуть ли не целый год.

Рассеялись и партизанские командиры. Некоторым предложили работу в военных и административных учреждениях. Один уехал в Барнаул работать в Чрезвычайной комиссии, другого назначили членом уездного революционного комитета, а Черняев поступил в губернский военный комиссариат. Карл Зитар, единственный из черняевцев, имевший военное образование, мог вернуться на военную службу, но он отправился домой. Великолепного кавалерийского коня, взятого им во время

боев под Ануем, и винтовку он отдал военному ведомству, оставив себе только револьвер.

— Глупишь ты, Карл Андреевич, — сказал Черняев при расставании. — Что ты там в лесу станешь делать? Опять ни корчевать и ходить за плугом.

— Достаточно повоевали, товарищ Черняев, — ответил Карл. — Скоро домой на родину поедем.

— Еще неизвестно, когда это будет. Но, как бы там ни было, если тебе надоест жить в тайге или тебя обижать станут, знай — в городе у тебя есть друзья.

— Спасибо, товарищ Черняев, я буду это помнить.

Карл ехал на подводах, взятых по гужевой повинности, иногда один, иногда с попутчиками — представителями уездных учреждений. Они отправлялись в села и деревни создавать новые органы власти.

Радостное чувство наполняло все существо Карла: скоро, совсем скоро он опять увидит Сармите, и теперь их уже ничто не разлучит. Скоро...

К вечеру следующего дня он добрался до деревни Чесноково. Получить здесь подводу не удалось — все лошади выехали. Идти пешком оставшиеся шесть-семь верст было тяжело, — целую ночь и до полудня бушевала метель и замела все дороги. Карл попросил у одного из членов сельсовета лыжи и направился напрямик к горелому лесу.

Когда метель стихла, потеплело. Хорошо и радостно было на сердце у Карла, и он размечтался, как в тот сочельник, когда после нескольких месяцев отсутствия вернулся из школы в Зитары. И хотя его не ждала сейчас рождественская елка и родственники, собравшиеся на праздник, но праздничное настроение не покидало его. Сегодня он после долгих месяцев, проведенных в боях и тревоге, сможет снять военную форму и лечь в чистую постель под кровлей родного дома. Никто больше не угрожает его покою, все страшные призраки рассеяны, замолкли сигналы тревоги, он опять будет принадлежать себе. Мать, утирая слезы радости, будет ухаживать за ним, как за маленьким ребенком, не зная, чем угостить; удивленно и радостно загорятся мечтательные глаза младшего брата, слушающего его рассказы; а капитан, грея спину у теплой лежанки, будет молча посасывать свою длинную трубку. И там есть

одна маленькая, застенчивая особа. Она не произнесет ни слова, усядется где-нибудь в углу, спрятавшись за спины других, и только изредка взглянет на Карла голубыми глазами, и этот взгляд будет краше солнца. Позднее Эльза пошепчется с домашними, и они один за другим незаметно исчезнут, а в комнате останутся только двое: он и Сармите. Они тихо станут ворковать на особом, им одним понятном языке. И это будет совсем иное повествование, не то, что слышали все домашние.

Так мечтал наш путник и тихо скользил на обшитых кожей лыжах по таежным холмам из оврага в овраг. Он шел, не разбирая пути, ему везде была открыта дорога, где простиралась белая пелена. Он старался избегать лыжных следов, потому что не хотел в этот вечер встречаться с чужими. У реки, в том месте, где таежная дорога подводила к мосту, он свернул в сторону и высокими прибрежными холмами обошел его. Наконец он добрался до большой поляны. Это был луг Бренгулиса. Слева протекала речка, справа его окаймлял лес и кустарник, а дальше маленькая возвышенность переходила в высокую кручу. Посреди поляны высился начатый стог. У стога стояли две лошади, запряженные в сани. Одни сани уже были нагружены сеном и увязаны, а вторые — заполнены лишь наполовину. Перед лошадьми лежало по охапке сена, и они мирно жевали его. Карл узнал красавцев Бренгулиса. Он остановился, все еще продолжая мечтать, и хотел было вернуться, — не до встреч теперь, — но вдруг почувствовал, что действительность оборачивается каким-то дурным, бредовым сном. На стоге сидели двое: большой бородатый мужчина в черной овчинной шубе, которая могла принадлежать только Бренгулису, и женщина в желтом полушубке и в таком же платке, какой носила когда-то Сармите. Они возились, как два разыгравшихся зверя, мужчина валял девушку по сену, а она тихо смеялась и шутя бросала ему в лицо охапки сена.

Карл застонал и, шатаясь словно пьяный, поспешил прочь. Те двое не видели, как он скользнул через полянку, все ускоряя бег. О, почему он не погиб в степи у больших сел, где гибли его товарищи-партизаны? Почему не остался в городе, если Сармите *такая*? Лучи заходящего солнца еще горели над макушками деревьев, а в груди Карла уже были ночь, отчаяние и жгучая

боль. Сармите, Сармите... Нет больше Сармите... Пустым и омерзительным стал мир. Ни на земле, ни в небе нет больше ничего прекрасного — кругом все нелепо и лживо!

Скорее, Карл! Еще быстрее, и только вперед!.. Все равно куда!..

Лыжи скользят, он мчится стрелой по отлогой поляне вниз. В ушах свистит ветер, мимо мелькают черные кусты. А впереди на краю поляны темнеет высокий обрыв, крутой и суровый, как скала. Еще несколько секунд, и лыжи ухнут на двадцать саженей вниз; на обломках камней и корневищах бурелома кончится этот бешеный бег, кончится вместе со всем, что было на свете, кончится тоска, радость, боль, солнечное сияние и далекие горизонты. Всего лишь несколько мгновений. Скоро у тебя уже не будет выбора.

Зачем? Почему? Может быть, это просто заблуждение?

В нескольких шагах от обрыва Карл круто затормозил и, бороздя снег, резко изменил направление. Теперь он шел медленно, бессильно волоча палки по снегу. Ему не надо спешить. Он не заметил, как садится солнце и кругом становится все темней. Так, блуждая, он прошел через лес и очутился на опушке, у села. Первой он увидел землянку вдовы Зариене. Он узнал ее. Теперь уже недалеко до дома, но он не торопился и остановился у дверей землянки. Думал ли он о чем-нибудь, уставившись невидящими глазами на заснеженную крышу землянки, из которой торчала маленькая жестяная труба, извергающая вместе с клубами дыма фонтан огненных искр? Сознавал ли он что-нибудь в тот момент, когда дверь открылась и в ней появилась пышногрудая молодая женщина? Уже настолько стемнело, что нельзя было разглядеть лицо человека. Не дождавшись вопроса от пришельца, Зариене спросила:

— Кто вы?

— Зитар... один из Зитаров... — ответил Карл.

— Почему же *ты* не заходишь? — тон женщины сразу сделался фамильярным. — Стоит, точно чужой. Приглашения, что ли, ждешь? Никого нет, я одна дома.

Карл снял лыжи и вошел в землянку. Только теперь Зариене заметила, что это не Эрнест, за кого она его приняла.

— А... — удивленно протянула она.
— В чем дело? — спросил Карл.
— Ничего, ничего, заходите.

4

На маленьком, покрытом грубым красным холстом столе в выдолбленной тыкве горел плававший в жиру фитиль. Такими лампами здесь пользовались, с тех пор как исчез керосин. Светло было только посреди землянки, где жарко пылала раскаленная докрасна печурка. У дверей Карл наткнулся на сложенные дрова и чуть не упал. Зариене тихо засмеялась и взяла его за руку.

— Идите сюда, только не обожгитесь о печку. Садитесь на нары. Я уберу со стола.

Карл словно автомат выполнял ее указания. Сев на нары, он погрузился в раздумье, и ему опять стало безразлично, где он находится и что делает.

«Какой чудак, — подумала Зариене, тайком посматривая на гостя. — Наверно, в деревне самогона хлебнул».

Ей было лет тридцать пять, может чуть больше, она была довольно статной и сохранила свежесть лица. Проворно убрав со стола чайную кружку и жестяную тарелку с остатками жареного картофеля, она смахнула рукой со скатерти крошки и, поглядевшись в стекло оконца, поправила волосы. Потом тихо прошла в угол, где сидел Карл, и села рядом.

— Почему вы молчите? Вам скучно? — спросила она, лукаво улыбаясь.

— Нет, я не знаю...

— Как это можно не знать, — засмеялась Зариене и, закинув руки за голову, потянулась; ее пышная грудь резко обрисовалась под кофточкой. — Почему вы догадались сюда прийти?

Нет, этот Зитар не умел разговаривать — он был не то, что его брат. Хотя внешностью интересней.

— Вы долго не были дома, — продолжала Зариене. — Что вы все это время делали?

— Воевал.

— Расскажите что-нибудь о своих похождениях. Вы давно вернулись?

— Сегодня.

— Неужели еще и дома не были?

— Не был.

— Вот вы какой? Ах вы... — прищурив один глаз, она с улыбкой погрозила ему пальцем. — Домашние вас ждут не дождутся, а он проказничает. Нехорошо так. Успели бы и завтра или послезавтра. Я ведь никуда не сбегу. Впрочем, мужчины, наверно, все одинаковы.

Он ничего не ответил.

— Почему вы не снимете шинель? — продолжала Зариене. — Молодой человек, а так боится холода.

Не спрашивая позволения, она начала шарить по груди Карла; расстегнула шинель и помогла снять ее, затем подсела еще ближе и, словно невзначай, прижалась к нему плечом.

— Говорите же. Или вы на самом деле лишились языка? А ну, дыхните на меня.

Он повиновался.

— Нет, вы не пьяны. Тогда я ничего не понимаю. Здесь же никого, кроме нас, нет. Можете болтать что угодно.

— Да?

— Ну, конечно. Девочка домой не придет. Вы ведь, наверно, не знаете, что у меня есть дочь, почти взрослая уже. Она работает у Бренгулиса.

— У Бренгулиса? — оживился наконец этот чудак. — Значит, Бренгулис нанимает теперь больше батраков, чем раньше?

— Почему больше? Так же, как прежде, — одного батрака и работницу. Сармите Валтер осенью ушла от него и теперь живет у матери, а вместо нее Бренгулис взял мою дочку.

«Наконец-то он стал походить на нормального человека», — подумала Зариене, когда Карл, очнувшись от своих дум, взглянул на нее блестящими, полными удивления глазами. Он бессознательно схватил ее руку, и она не отнимала ее. Пусть уж, пусть! Красивый парень, он даже более статен, чем Эрнест. Наверно, приехал с полными карманами денег.

— Значит, это была она? — шептал он чуть слышно. — Она ездит с Бренгулисом на луг за сеном?

— Конечно, ездит. Работа есть работа. Даром никто кормить не будет.

— О... — Карл вздохнул так, словно с груди свалилась огромная тяжесть. Вскочив с нар, он поспешно натянул шинель.

— Куда же вы? Не уходить ли собрались? — встрепенулась Зариене, положив обе руки Карлу на плечи.

— Да, мне нужно идти.

— Наверно, боитесь, чтобы кто-нибудь не зашел. Какой трусливый. Я ведь закрыла дверь на засов. Если вам сегодня некогда, то условимся о дальнейшем.

— О чем именно?

Зариене погасила фитилек. И Карл опять почувствовал, что на его плечи легли две мягкие руки; одна обвила его шею и пыталась наклонить ее, но из этого ничего не вышло.

— Вы придете как-нибудь вечерком? — шептала женщина. — Я всегда бываю дома, и здесь совсем близко. Когда мне вас ждать?

Нет, он не такой, как Бренгулис или грубоватый Эрнест; не похож он и на крестьян, которые приезжали зимой в тайгу за дровами и ночевали в землянке Зариене. Таких сильных рук не было ни у кого. Но эти руки не обнимают ее, не тянут к себе; в нем нет никакой страсти, в этом чудаке.

— Мне нужно идти. Будьте здоровы, — торопливо пробормотал Карл, отстраняя от себя женщину. — Простите за беспокойство.

Неужели он уйдет, не сказав ни да, ни нет?

— Но вы же просто глупец! — крикнула вслед Зариене. — Глупец, и больше ничего. Передайте от меня привет вашему брату Эрнесту.

Карл уже ничего не слышал. Выйдя из землянки, он надел лыжи и, полный радостного нетерпения, умчался по залитому светом луны лесу. И снова ветер свистел у него в ушах, как давеча на горной поляне. Но это был веселый свист тайги, она дружески приветствовала пришельца. Ветви елок и кустов цеплялись за его одежду, словно завидуя и желая обратить на себя внимание: «Разве ты нас не замечаешь? Мы тоже ждали тебя...» Но он не останавливался, он даже не взглянул на них.

Наконец Карл с уединенного пригорка увидел свой дом. Окна были темны. Собака молчала. Он остановился на опушке и перевел дыхание. Из груди вырвался радостный вздох, и Карл прошептал слова благодарности

жизни, которая привела его сюда целым и невредимым. Нигде во всем мире не было так хорошо, как здесь: здесь его ждали. Здесь билось самое близкое ему сердце — одно-единственное из всех существующих на свете.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Пока Карл Зитар со своими товарищами очищал степь от остатков белогвардейских банд, в Бренгулях произошли некоторые знаменательные перемены. Волостного старшину Шамшурина во время переворота застрелили. Точно такая же судьба постигла бы и Симана Бренгулиса, если бы он заблаговременно не спрятался у сапожника Зилума и не переждал там, пока на местах создадутся органы молодой Советской власти. По заданию Бренгулиса Зилум ежедневно отправлялся на разведку в село и ближайшие деревни, чтобы узнать о распоряжениях Советской власти, о местных событиях.

Скоро стало ясно, что новая власть твердой рукой устанавливает порядок на освобожденной земле и беспощадно борется против всякого самоуправства на местах. Один чересчур ретивый представитель местных органов власти, не пожелавший считаться с законами и спешивший свести кое-какие давнишние личные счеты, обжегся на этом и попал под суд.

Когда стало известно, что в ближайшее время повсюду будут происходить выборы Советов, Бренгулис сказал Зилуму:

— Настало время тебе возглавить жизнь нашего села. Ты, Зилум, должен стать председателем.

— Но как же я могу это сделать? — усомнился Зилум. — Председателем будет тот, кого выберут.

— Надо сделать так, чтобы избрали тебя и никого другого, — продолжал Бренгулис. — Теперь основная сила — бедняки. А разве ты недостаточно беден? Да ты настоящий пролетарий. Говорить ты умеешь как никто. Если ты сейчас начнешь действовать, проявишь нужную сноровку и смелость, на тебя обратят внимание и обязательно изберут. Ты понимаешь: это необходимо нам с тобой, как хлеб и вода. Нельзя допустить, чтобы власть

попала в руки какого-нибудь голодранца с гари. Тогда с меня первого сдерут десять шкур; такими налогами обложат, что не вздохнешь. Откуда ты возьмешь бадейки с маслом и свиные окорока, если меня разорят? А если ты будешь у власти, всякий раз при распределении налогов ты сначала посоветуешься со мной, и мы устроим так, чтобы те с гари тоже что-нибудь давали Советской власти, если уж она им так дорога. Двери моей клети всегда открыты для тебя — ты будешь есть и пить на мой счет сколько влезет. Только позаботься о том, чтобы в этой клети что-нибудь было. Не будет у меня — не будет и у тебя. Что, стоящее дело?

— Конечно, — согласился Зилум. — Если бы только можно было все сделать по-вашему.

— Старайся, не зевай, и все будет в порядке. Здесь, в лесу, есть кто-нибудь, кто тебя давно знает?

— Нет, никого нет.

— Значит, все будет хорошо. Ты можешь со спокойной совестью выдать себя за давнишнего борца, за пострадавшего и героя. Ври сколько влезет. Наговори всяких чудес, чтобы выглядеть в глазах большевиков героем. Все равно никто не сможет проверить правильности твоих слов.

— Гм... — Зилум задумался. Предложение Бренгулиса все больше начинало нравиться ему. — Можно попытаться.

— Правильно, Зилум. А теперь слушай внимательно. Я хочу тебе дать несколько добрых советов.

Зилум подсел ближе к Бренгулису. Целый час учил его хозяин села, как себя вести, начиняя голову Зилума кулацкой мудростью.

Ученик оказался достойным своего учителя. Вскоре в селе Бренгули и даже на небосклоне всей волости засияла звезда Зилума. Раньше даже и ближайшие соседи не имели представления о способностях и заслугах этого человека. Теперь вдруг всем стало ясно, что среди них незаметно жил один из героических борцов за дело трудящихся и выдающийся оратор.

Зилум первый явился на выборное собрание и говорил за семерых. Это он предложил охарактеризовать перед собранием жизненный путь и прошлую деятельность каждого кандидата. Несомненно, это было ценным предложением, ведь избиратели обязаны знать, с кем

они имеют дело. Они очень мало знали друг друга. Каждый кандидат рассказал о себе. И только теперь жители села узнали, что за человек Зилум. Если верить его рассказам, он революционер чуть ли не с 1905 года; работал в партийном подполье, подвергался преследованиям, сидел в царских тюрьмах и даже ссылался в Сибирь. Конечно, у него были все преимущества и права стать во главе села. Может быть, кое-кто и не верил рассказам Зилума, но каких доказательств можно было требовать от него? У подпольщиков ведь не было ни партийного билета, ни других документов. Приходилось верить на слово.

И Зилум стал председателем сельского Совета. Больше того, его послали делегатом от села на волостное собрание по выборам в волостной Совет. Там он снова рассказал свою биографию и успешно прошел при голосовании в волостной Совет. Из волости его послали на выборы уездного Совета, и новоиспеченный борец уже мечтал о высоком посту в Бийском уездном исполнительном комитете. Но на сей раз он просчитался: не помог ему ни хитрый трюк с биографией, ни получасовая речь на выборном собрании. В Бийске нашлись люди, которые томились на каторге и не только сами помнили о своих заслугах, но которых знал весь город и уезд. Зилума это ничуть не смутило: полный энергии, он вернулся домой и стал блистать во всем своем великолепии — революционнейший из всех революционеров. Что из того, что его революционность всего двухнедельной давности, — другие, может быть, не имели и того.

Когда после долгих месяцев борьбы вернулся Карл Зитар, все уже было сделано: Зилум сидел в сельском Совете и управлял жизнью села по своему и Бренгулиса усмотрению.

Чем же занимался Зилум?

Он вытаскивал людей из задымленных землянок, устраивал собрания, организовал хор и сам учил молодежь русским и латышским песням. После собраний у Зилума обычно собирались домашние вечеринки. Под его благосклонным покровительством по всему лесу пышно развилось самогонокурение. Беженцы стали более зажиточными. Перебравшись из темных землянок в светлые дома, они обзавелись скотиной и имели свой хлеб. Заботы о завтрашнем дне отодвинулись, вернулась прежняя

жизнерадостность. Сыновья и дочери беженцев вспомнили, что они молоды и что в мире, кроме забот и работы, существуют веселье и развлечения.

Человеку, пользующемуся всеми удобствами культурной жизни, трудно себе представить, каким важным событием становятся для лесных жителей эти беззаботные вечеринки, когда в скудно освещенной комнате пиликают гармонь и скрипка, молодежь играет и танцует, робко и лукаво блестят глаза девушек; как радостно, что они слетелись наконец вместе, словно стая птиц, долго летавших в одиночку. Все, и старые, и молодые, с нетерпением ждут наступления такого вечера. Откладывается в сторону всякая работа, и по лесным тропинкам шагают люди. Сегодня они собираются у одного, завтра у другого. Повсюду любят веселые песни и танцы. В каждом из этих домов находится глоток крепкого, хмельного напитка. И люди думают: после пережитых страхов и горя пришла наконец светлая пора.

Янка Зитар долго не посещал эти вечера. Все ходили: родители, братья, сестры, а он оставался дома. Никто не мог его расшевелить. Ему было неполных восемнадцать лет. Пока другие наслаждались жизнью, он мечтал, и ему казалось: это даже прекраснее, чем жить. Но вот в один из вечеров, кончив писать свою первую поэму — о девушке, живущей в горах, — он тоже вышел в этот странный мир, совершенно незнакомый ему. Ничего особенного он там не встретил — обычная домашняя суматошная вечеринка. Однако в этот вечер Янка обрел друзей среди молодых парней, с которыми до тех пор даже не был знаком. И не только друзей...

Одинокого мечтателя захватило жизнерадостное настроение окружающих. Он со всей стремительностью закружился в вихре зимних развлечений, и, словно во сне, пролетели несколько месяцев — прекрасное, сумасбродное время.

2

Это началось у Силиней. В тот вечер там собралась очередная вечеринка. Когда Янка вошел в комнату, где танцевали, его охватила робость. Здесь он был чужой, его мало кто знал. И только сейчас Янка увидел, сколько

молодых парней и девушек живет в тайге. Так же как все, он разделся в сенях и в большой комнате остановился в темном углу недалеко от дверей.

Да, здесь много молодежи, и все они знакомы между собой, болтают, играют и, как умеют, изображают дам и кавалеров. Никто их такой премудрости не учил, но каждый, вероятно, постиг это без школы.

Разгоряченные танцами парни выходили на улицу освежиться. Некоторые принимались бороться или другим способом демонстрировали свою силу — единственное богатство, приобретенное в тяжелом труде. В один из таких перерывов состоялось первое знакомство Янки с парнями села. Он тоже вышел на улицу посмотреть, как борется хозяйский сын Фриц. Фриц считался силачом, и вскоре у любителя борьбы не оказалось противника. А какой смысл быть сильным, если некому показать эту силу. Ломать руки девушкам, валять в снегу неповоротливых мальчишек? Этим не прославишься. Хозяйскому сыну хотелось настоящей борьбы. Вдруг он заметил Янку и, хотя совсем не знал его, со свойственной сыну зажиточного отца развязностью подошел к Янке и толкнул его в снег.

— Выходи, померяемся!

— Хорошо! — согласился Янка, и они схватились.

Только теперь молодой Зитар убедился, что он силен, у него две здоровые руки и упругое, закаленное в труде тело. В барнаульском цирке ему приходилось видеть борцов-профессионалов, и он научился у них некоторым приемам. Сейчас они ему очень пригодились. Фриц Силинь скоро лежал плашмя на снегу, удивленный своим неожиданным поражением не меньше, чем Янка победой.

— Давай еще раз! — предложил Фриц.

— Давай!

И еще раз Фриц Силинь лег на обе лопатки так основательно, что в этот вечер больше не пытался бороться.

— Да, у тебя настоящая хватка, это надо признать, — сказал он Янке. — Теперь пойдем в комнату и отведаем пива.

Пиво было хорошее и крепкое. После нескольких глотков Янка почувствовал прилив смелости, и, когда начались игры, он последовал за другими парнями в большую комнату. У каждого уже была своя девушка, но

это вовсе не значило, что вновь прибывший должен оставаться одиноким. О нет, он повалил на обе лопатки самого сильного парня и мог повалить еще кого угодно. И когда во время игр его берет за руку стройная кареглазая девушка, ему становится удивительно тепло — так тепло, что он даже забывает, что это всего лишь игра. Он, понятно, не может остаться в долгу, и вот наступает его черед выбирать — он протягивает руки смелой девушке с карими глазами и выводит ее из хоровода на середину круга. После этого он больше не танцует, не играет, а уходит в сторону и изредка ищет глазами незнакомую девушку. Иногда их взоры встречаются, тогда они, оба смущенные, делают вид, что не смотрели друг на друга. Это, конечно, не Лаура, о нет. Но сегодня Янка забыл о девушке из долины Казанды. Ее образ скрылся где-то в глубине сознания, а по поверхности скользнула чья-то новая тень. Она не вызывает в нем такой щемящей боли, какую он испытывал тогда в горах, тут только радостное настроение и беспокойство. Выходит ли он из комнаты или возвращается с улицы — всегда его провожает и встречает сияющий взгляд карих глаз; он находит Янку в самой густой толпе, и Янке нравится эта смелость.

Девушка живет в дымной землянке на другом конце гари, и ее зовут Айя. Айя Паруп. С ней весь вечер танцует один из парней. Он не разговаривает с Янкой, заметив взгляды, которые девушка украдкой бросала на Янку. Танцуя, он показывает Айе на Янку, стоящего в углу, и говорит:

— Он не умеет танцевать. Может быть, пойдем домой?

— Нет еще, — отвечает она.

Янка Зитар скучает еще некоторое время, затем тихо выходит в другую комнату и отыскивает свою одежду. Ему немного грустно, и он не знает почему. Медленно идет Янка лесом, любуясь на звезды, и напевает песенку без слов. Она здесь лучше всех, эта Айя. В селе нет другой такой. Но у нее есть свой парень. Эх, чего там!..

Наступает воскресенье. В большой деревне Чесноково будет вечер. Зилум собирается выступить с речью и показать сибирякам, как латыши умеют петь. Туда едет весь хор и все желающие принять участие в вечере. Нужно кому-нибудь ехать и от Зитаров, но никто не хочет, уж очень сильный мороз.

— Придется мне ехать... — говорит Янка.

Он запрягает лошадь, накладывает в сани сено и едет к месту сбора на хутор Бренгулиса, где теперь находится сельский Совет. Десять подвод отправляются в путь, и на одной из них Янка замечает Айю. В Чеснокове лошадей оставляют в каком-то дворе, а приезжие отправляются на деревенскую площадь. У трибуны собирается хор. И случается так, что рядом с Янкой оказывается Айя. Они поют вместе со всеми «Марсельезу» и «Варшавянку», а в перерыве не говорят друг другу ни слова. После окончания митинга Зилум предлагает поехать в степное село Тараданово, где живет несколько латышских семейств, и устроить там вечеринку. До Тараданова двенадцать верст, и не всякий хочет тащиться в такую даль, но молодежь с восторгом соглашается.

— Поедем? — набравшись храбрости, спрашивает Янка у Айи?

— Можно, — отвечает она. Все отправляются к лошадям и усаживаются в сани. При этом оказывается, что Айя садится в сани Янки. Ее друг Рейнис Сакнитис, с которым она танцевала на вечерах, отвел ей место в своих санях, но теперь остался с носом.

Пять подвод выезжают в степь. На передней Зилум с Бренгулисом в качестве возчика, затем Фриц Силинь, Янка и в хвосте — Рейнис Сакнитис. Въехав в гору, все начинают петь, пустив лошадей легкой рысью. Кругом расстилается белая однообразная степь, кое-где виднеется омет соломы или летний шалаш, необозримые снежные равнины, в лицо дует резкий северный ветер. Монотонно, изредка резко взвизгивая, свистит он в ушах, пробирается за воротник и под белый заячий треух, отыскивая незащищенное место. Окончив песню, парни, стоя в санях, погоняют лошадей и стараются перегнать друг друга. Рейнис Сакнитис настегивает лошадь, пытаясь обогнать всех.

— Привязывай сани к моим саням! — кричит он Янке, когда они поравнялись. — Я возьму тебя на буксир.

— Не нуждаюсь! — огрызается Янка и натягивает вожжи. Лошадь, увидев, как ее пытаются обогнать, сама понимает, что нужно делать. И вот начинается сумасшедшая езда вскачь. Пять подвод мчатся по безбрежной степи, где дорога так широка, что на ней хватило бы места еще пяти саням. Парни, погоняя

лошадей, пронзительно свистят, но кони уже сами охвачены горячкой состязания и не нуждаются в понукании. Девушки визжат, Зилум в приливе восторга стреляет из револьвера в воздух, а встречные заблаговременно сворачивают перед обезумевшими лошадьми. Гонка кончается тем, что сани Рейниса Сакнитиса опрокидываются и все седоки вываливаются в снег. Янка ослабляет вожжи и позволяет лошадям идти шагом. Только теперь он замечает, что Айя, страшно взволнованная, уцепилась за его локоть, а глаза ее сияют, на щеках темный румянец. Янка берет ее руку в свою, слегка сжимает и спрашивает:

— Не холодно?

— Нет, мне тепло, — отвечает она и с улыбкой смотрит Янке в глаза. В этих карих глазах есть что-то вызывающее, ликующе смелое. И опять звенят бубенцы, и опять свистит ледяной ветер. А над степью раскинулось холодное сибирское небо, и по нему скользят на юг редкие разорванные облака, плывут туда, где синеет тайга и высокие горы. Эх, горы, голубые горы и глубокие долины!

Янке вдруг становится грустно, он чувствует себя точно одинокий волк в снежной пустыне. Два карих глаза наблюдают за ним обеспокоенно и тревожно: что случилось? Но это не глаза Лауры, хотя в них больше огня. Он не боится их. Этой девушке он мог бы сказать все, что не осмелился сказать той, первой. Потому что ему не страшно потерять ее.

В других санях сидят по трое, по четверо седоков, а они едут только вдвоем. Там раздается смех, слышится говор и веселый спор, а они едут молча — помрачневший юноша и смущенная девушка. Через некоторое время она говорит:

— Знаете что, я пойду лучше к другим. Вам, кажется, не нравится, что я здесь сижу.

Он ничего не отвечает, только нащупывает в рукаве полушубка ее руку и крепко сжимает ее. Сжимает и не отпускает. Она не пытается освободиться и не говорит больше об уходе.

...Под вечер они въехали в Тараданово и остановились у здешнего учителя Капаклиса. Приезд земляков поднял на ноги всех латышей. Зазвучали песни и гармонь. Начались танцы, появилось не только пиво, но и кое-что

покрепче. Многострадальный борец Зилум опять выступал с речами, которые под влиянием самогонки становились всё продолжительнее и глубокомысленнее. Потом он вышел во двор и стрелял из револьвера в воздух, растревожив всех деревенских собак.

Так продолжалось до утра. Кое-кто вздремнул часок-другой, но молодежь веселилась всю ночь напролет. С наступлением утра парни запрягли лошадей, и все приезжие отправились назад в тайгу. К ним присоединилось несколько подвод из Тараданова. Опять Айя сидела в санях Янки и они ехали вдвоем. Свежий холодный воздух быстро рассеял ночную усталость. При выезде из деревни крестьяне советовали молодежи повременить до полудня, так как ожидается пурга, но захмелевшие парни только усмехнулись: — Разве в пургу нельзя ехать? Эх-ма!

Крестьяне оказались правы: не проехали и половины пути, как началась свирепая снежная вьюга. Все вдруг побелело, земля слилась с небом, исчезла дорога, в вихрях снега затерялись всякие следы, и подводы раскидало в разные стороны. Завывание ветра заглушило голоса перекликающихся ездоков, глаза запорошил мелкий, как пыль, снег, и они, как слепые, кружились по степи.

Янка с Айей отбились от остальных. Опустив вожжи, Янка предоставил лошади свободу, а сам поплотнее закутался в овчинную шубу.

— Что теперь будет? — спросила Айя, нагнувшись к самому уху. — Мы заблудимся.

— Может быть, — ответил он. — Вам холодно?

— Холодно.

— Залезайте под мою шубу.

Повернувшись спиной к ветру, они крепко прижались друг к другу. Но это не спасало их: метель свирепствовала, и снег со всех сторон забивался под шубу, ледяными иголками колол лицо. Что за сила у этой пурги! В воздухе завывало так, словно над головой пролетала огромная стая птиц, снова и снова повторялись страшные порывы ледяного ветра невероятной силы, и кругом белая тьма! Не видно ни лошадей, ни людей — белый туман нес их в открытую степь, и только сила притяжения не позволяла им улететь в пространство.

Так продолжалось около часа. Вдруг, так же внезапно, как началась, непогода утихла, и в воздухе сразу

потеплело. Снег, лежавший на лице, волосах и одежде, стал таять. Янка встал и осмотрелся. Везде намело высокие сугробы, местами в степи возвышались белые ометы соломы, а впереди блестела колокольня чесноковской церкви. Остальных подвод не было видно.

— Теперь мы скоро будем дома, — сказал Янка, усаживаясь в сани. — Страшно было?

— Немножко, — улыбнулась Айя.

— А если бы нас занесло в каком-нибудь овраге? Разве не обидно так рано умереть? — пошутил Янка.

— Не говорите этого, — прошептала девушка. — Тогда нас обоих постигла бы одинаковая участь, не только меня.

Оба были утомлены. Айя вскоре заснула, прижавшись щекой к плечу Янки. Он сидел, боясь пошевельнуться, и молчал. Тайга встретила их покрытыми инеем деревьями. На ветвях елей сверкали прозрачные снежинки, в этом белом наряде деревья походили на напудренных красавиц, украшенных драгоценностями. В лесу уже не чувствовалось ветра. Глубокая тишина разбудила Айю. Смутившись, она в первый момент в поисках опоры обняла Янку, а потом, опомнившись, отшатнулась.

— Почему вы дали мне заснуть? — сконфуженно упрекнула она его.

— Почему же вы не предупредили меня, чтобы я не разрешал вам спать? — улыбнулся он. — Видите, скоро будем дома.

Да, до гари было недалеко. Янке нужно было сворачивать на свою дорогу, дом Айи находился рядом. На развилке Янка остановил лошадь.

— Сегодня в Бренгулях вечеринка, — напомнила Айя.

— Да, и тарадановцы там будут, — ответил Янка.

— Вы пойдете?

— А вы?

Нет, она не может так часто ходить. Помимо вечеринок и развлечений, у девушек, живущих в землянках, была еще и работа: прялка, ткацкий станок. Они с матерью пряли для Бренгулиса, а отец делал корыта и лопаты.

— Тогда и я не пойду, — сказал Янка.

Он помог Айе выбраться из саней, отряхнул с ее одежды солому и снег.

— Ну, мне нужно идти... — промолвила Айя, теребя варежки.

Янка смотрел на нее, улыбаясь.

— Да, выходит так...

— Придется попрощаться, — улыбнулась Айя и протянула Янке руку.

— Попрощаться? — Янка задержал ее руку в своей.

— Ну, тогда до свидания, если вам так больше нравится.

— Захотите ли вы еще встретиться со мной?

— Почему же нет?

— Потому что...

Он не боялся потерять ничего, поэтому был так смел. Притянув Айю к себе, он обнял ее и поцеловал. Потом, осторожно освободив ее из объятий, спросил:

— А теперь вы захотите встретиться со мной?

Покраснев как маков цвет, Айя погрозила ему пальцем.

— Это мы еще посмотрим.

И она исчезла. Янка медленно ехал домой, удивляясь, почему так грустно и так пусто у него на сердце. Он ведь впервые поцеловал девушку. Почему же он не испытывает радости? Или он слишком утомлен, чтобы по-настоящему почувствовать смысл случившегося? Может быть, он поцеловал не ту, которую следовало и по которой тосковало его сердце?

3

Это было необыкновенное время. Два месяца Янка не брал в руки книг и пера, не написал ни одной новой строчки и даже не думал об этом. Жизнь его потекла в новом, стремительном ритме, для размышлений не оставалось времени. Он появлялся на всех собраниях, спевках и вечеринках, если только там была Айя. Вечерами, когда нигде не предвиделось никаких сборищ, Янка надевал лыжи и отправлялся на прогулку, но лыжи постоянно приводили его к землянке Парупов, и всегда получалось так, что он встречался с Айей. У Айи не было взрослых братьев, и Янка стеснялся заходить к Парупам, но она постепенно приручила Янку. И он часами просиживал в землянке Парупов, не заботясь о том, чем объяснить свое присутствие здесь и что об этом подумают окружающие.

Эрнест и Эльза изредка подтрунивали над ним, но Янка не обращал внимания. Он не был опьянен, охвачен безумием безрассудной любви. Нет, он все понимал и во всем отдавал себе отчет, его чувства отнюдь не господствовали над ним — он был их хозяином. Просто ему было хорошо у Айи, там он не тосковал о недосягаемых далях. Настоящее словно приобретало новое содержание и впервые за все время показалось ему достаточно ценным. Не стоило пренебрегать им ради воображаемого будущего. Стало гораздо легче жить.

Айя... Это, конечно, не Лаура, с той никто не может сравниться. Но она была здесь, ее можно было видеть каждый день, она не жила где-то далеко, за высокими горами, и не была для Янки загадкой. Он знал, о чем

она думает, что чувствует, — он победил ее без борьбы, и никто не смел оспаривать его победу. Айя... Она была хороша, даже прекрасна. И все же Янка из-за нее не стал бы бороться, а потеряв, не бился бы головой об стену. Ему даже казалось, что он любит ее, и он был счастлив, что может так спокойно и тихо любить, не ощущая дрожи в сердце, когда к его любимой приближался чужой. Может быть, он был слишком уверен в себе и не боялся, что ее могут отнять у него, а может быть... Нет, он не считал ее такой уж незначительной.

Через два месяца он получил ответ на все эти вопросы — ответ, который он все время носил в себе, не прислушиваясь к нему.

Это случилось в начале февраля. В доме Бренгулиса опять собралась вечеринка. В тот вечер туда вместе с Янкой пришел и Карл с Сармите. Они редко посещали вечера, и, должно быть, поэтому их появление каждый раз бросалось всем в глаза. Много девушек заглядывалось на стройного силача Карла, который шутя выносил из лесу бревно на плече и один выкорчевывал самые большие пни на гари; многие завистливо шептались о Сармите, которой принадлежал этот парень, принадлежал полностью, безраздельно. И что такое она по сравнению с ним? Неужели он не замечает, что есть девушки красивее и привлекательнее, чем эта маленькая Сармите? Хоть бы когда-нибудь потанцевал с другой девушкой! У него хорошая фигура, упругая походка, он образован, имеет боевую славу. Если бы захотел, мог бы командовать батальоном, а не корчевать пни. Странный человек...

В тот вечер из Бийска приехал спекулянт Йоэлис, бравый молодой человек в блестящей черной кожаной одежде летчика. Когда он, поскрипывая лакированными сапогами и блестя напомаженными волосами, вышел на середину комнаты, сердца многих девушек замерли: кого он пригласит танцевать?

Йоэлис был львом, когда нет поблизости других львов. Во время разговора он умел шикарно щелкнуть языком, его носовой платок благоухал, а когда он благодарил партнершу после танца, так галантно раскланивался, точно перед ним была не девушка из тайги, а настоящая дама. В довершение всего у него всегда была уйма

денег. В перерыве между танцами, когда Янка сидел с Карлом и Сармите, к ним подошел Йоэлис.

— Мне сказали, что вы Зитары, — начал он и, получив утвердительный ответ, продолжал: — В таком случае я должен вам кое-что сказать. Месяц назад я выезжал в горы и на обратном пути ночевал на одном латышском хуторе. Их фамилия Ниедра...

Янка, который только что отыскал глазами Айю, так стремительно отвернулся от нее и уставился на Йоэлиса, что девушка растерялась и испуганно продолжала смотреть на друга: не рассердила ли она его чем-либо?

— Мы по дороге сюда ночевали у них, — сказал Карл Йоэлису.

— Да, да, они рассказывали, — продолжал спекулянт. — Они вас помнят и спрашивали, не знаю ли я, как вам теперь живется. Когда я сказал, что поеду в колонию, Ниедры передали всем вам привет и просили написать им. Они живут очень уединенно, вокруг нет ни одного земляка. А ведь хочется иногда получить весточку от знакомых людей.

— Мы не знаем их адреса, — сказал Янка. — Я бы написал, если б знал.

— Я адрес знаю, — произнес Йоэлис. Он вынул записную книжку, написал адрес и дал Янке. — К весне мне опять придется там быть, и я смогу сообщить Ниедрам, как вы живете.

Завязалась беседа. Карл рассказал Йоэлису о своих партизанских походах и о хозяйственных достижениях Зитаров, а Йоэлис развязным тоном описывал, что видел на хуторе Ниедры.

— У них хорошенькие дочери, — шутливо добавил он. — Особенно младшая.

Айя появлялась и исчезала. Она с подругами прошла уже и в третий, и в четвертый раз мимо угла, где сидел Янка, но он не обращал на нее никакого внимания. Начались танцы, и Айя танцевала с Рейнисом Сакнитисом; потом ее пригласил сам Йоэлис, но Янка точно ослеп. Мирное, скромное счастье унесло мощной волной прилива, поднявшейся в его груди после случайного напоминания спекулянта. Там, в горах, жила Лаура, единственная, первая, и этот торгаш в форме летчика видел ее, может быть, даже разговаривал, шутил с нею. Янка завидовал этому человеку и ненавидел; его охватила досада при мысли о том, что весной Йоэлис опять поедет в горы! Как смел этот раздушенный спекулянт приближаться к ней, смотреть на нее! Может быть, даже зариться на нее? И как он мог так забыться, целых два месяца веселиться с этими ничтожными людьми? Забыть о Лауре, тешить себя какими-то жалкими иллюзиями!

Его обуревали стыд и жалость. Он ни минуты не желал оставаться в Бренгулях, это казалось ему преступным по отношению к Лауре. Видно, счастье не дается тем, кто хочет взять его с беззаботной улыбкой на лице: оно заставляет страдать, мучиться, испытывать боль каждой клеточкой тела, ибо боль — это жизнь; кто ее не испытывает, тот не живет.

— Может, пойдем домой? — спросил Янка Карла.

— Еще рано, — ответил тот. — Успеем.

— Мне здесь надоело. Я ухожу.

Янка встал и пошел одеваться. На противоположном конце комнаты Йоэлис болтал с Айей. Она громко смеялась, слишком громко, и улыбающимися глазами искала Янку: смотри, я совсем не несчастна, со мной самый шикарный кавалер на этом вечере. Слышишь, как я смеюсь...

Но тщетно: Янка даже не оглянулся, был глух и нем. Он вовсе не казался оскорбленным, напротив, — глаза горели восторгом. Его просто больше не интересовали ни Айя, ни ее шикарный кавалер.

Музыкант объявил:

— Дамский вальс!

— Извините, — сказала Айя и оставила обиженного Йоэлиса одного. Девушка быстро пробралась сквозь толпу и догнала Янку в сенях.

— Почему ты сегодня такой гордый? — спросила она.

— Тебе это просто показалось. Я совсем не гордый, — равнодушно ответил тот, даже не улыбнувшись.

— Почему уходишь? Тебе что-нибудь не нравится?

— Да нет же, мне некогда... Хочется поразмыслить о том о сем...

— Если ты думаешь, что меня интересует этот Йоэлис, то ты просто глуп.

— Мне нет никакого дела до него. Всего хорошего, Айя, я пошел.

— Подожди немного, я накину пальто.

Она поспешно оделась, и они вместе ушли из Бренгулей.

— Что с тобой сегодня, почему ты такой странный? — спросила Айя, не дождавшись, когда он заговорит.

— Со мной? Ничего. Мне хорошо, совсем хорошо. Знаешь, Айя, ты могла бы еще потанцевать, если тебе хочется. Не обращай на меня внимания. Сегодня я действительно странный.

— Если тебе не хочется идти со мной, я пойду одна.

— Ты сердишься?

— Ну что ты? Сегодня было так интересно, как никогда. Этот Йоэлис...

Легко и беззаботно она стала рассказывать о том, что ей говорил Йоэлис и что она ему отвечала, о том, какой он остроумный. Она говорила без умолку и только на полпути заметила, что Янка, погруженный в свои мысли, не слушает ее. Она замолчала, веселье ее как рукой сняло. А он — он позволял ей следовать за собой, словно тени, и, казалось, не замечал ее присутствия. Возможно, он ее и на самом деле не замечал. На перекрестке Айя остановилась.

— Ну, мне пора домой. Ты дальше со мной не пойдешь?..

Он рассеянно протянул ей на прощание руку.

— Ты завтра не придешь к нам? — спросила опять Айя, и голос ее стал каким-то чужим.

— Не знаю, смогу ли...

— Вернее всего, ты никогда уже не придешь... — она отвернулась.

Янка не ответил.

— Я знаю, у тебя есть другая. Ты думаешь о ней. Скажи, разве не так?

— Да.

— И кто же она?

— Ты ее не знаешь.

Янка еще раз пожал руку Айе и ушел не оглядываясь, жестокий, как зверь. Все его чувства принадлежали той, далекой. Для этой у него не оставалось даже капельки чувства.

Те же самые звезды, которые теперь мерцали над заснеженной тайгой, в эту минуту сияли и над долиной Казанды. Там была Лаура. И под этими же звездами на узкой лесной тропинке в снегу, прислонившись к стодетней ели, стояла Айя. О далекой, невидимой думал тот, кто ушел, чтобы никогда не возвращаться. Никто не слышал всхлипываний Айи, не замечал ее присутствия, кроме разве какой-нибудь продрогшей, испуганной птицы. И сама она походила на оставшуюся на севере замерзающую птицу. Она не нужна была ему.

4

В феврале состоялась свадьба Эльзы Зитар с Сашей Шамшуриным. Чесноковского попа расстреляли во время наступления Черняева, и молодым пришлось ограничиться гражданской церемонией в волостном загсе. Но независимо от этого свадьбу следовало отпраздновать пышно, солидно, как и полагалось первому богачу в Чеснокове. Наготовили несколько ведер самогона, Зитар сварил пиво, а Саша Шамшурин зарезал для свадебного стола большого борова и быка-двухлетку.

На торжество собрался полный дом народу; из латышей — вся семья Зитаров, Бренгулис с женой и председатель сельского Совета Зилум. Жених, помимо родни, пригласил своих ближайших товарищей и всех наиболее видных людей, в том числе теперешнего председателя волостного исполнительного комитета Хазарова. Хазаров был известный человек, глава всей огромной волости, охватывавшей четырнадцать больших деревень и несколько таежных поселков. Это был лучший друг Саши Шамшурина, наполовину русский, наполовину татарин. Во время наступления Черняева он, бывший фельдфебель, присоединился к партизанам и участвовал в боях. Хазаров был маленького роста, обладал мягким голосом и всегда приятно улыбался, но его боялись как огня все кулаки волости. При Колчаке Саша Шамшурин два раза спасал его от ареста и отправки в Ануй, своевременно предупреждая о грозившей опасности. Хазаров не забыл этой услуги: только благодаря ему Сашу не расстреляли вместе со старым Шамшуриным и не конфисковали его имущество.

На второй день свадьбы гости сели в пароконные сани, и началась бешеная езда по окрестным деревням. Разукрашенные кони с колокольчиками и бубенцами под крики свадебной ватаги неслись по деревенским

улицам. Встречные заблаговременно сворачивали с дороги; кто был недостаточно поворотлив, тех сталкивали в сугроб. Загнав лошадей до пены, гости под вечер прискакали назад в Чесноково.

Следующее лето 1920 года не принесло жителям села Бренгули ничего нового. Кто сколько сумел до сих пор приобрести, тот с тем и оставался. К новым достижениям беженцы не стремились. Большинство из тех, кто построил новые дома, начали привыкать к мысли, что они остаются в Сибири. Другие жадно ловили всякий слух о Латвии и мечтали о возвращении на родину. Они походили на перелетных птиц, ожидающих весну: чувствовали себя здесь временными жильцами и не вили гнезд.

— Зачем строиться, если все придется оставить? — оправдывали они себя.

К середине лета пронеслись слухи, что латышских беженцев скоро повезут обратно на родину. Пришло даже распоряжение зарегистрировать всех, кто желает уехать. Как это взволновало село! Как все оживилось! Кое-кто из наиболее нетерпеливых начал уже собираться в дорогу — резал свиней, коптил свинину, искал покупателей на поля и постройки. Позднее выяснилось, что регистрация проводилась лишь для статистики и об отъезде нечего еще и думать. И опять потянулось время, полное неясных надежд и неизвестности. Люди снова попрятались по лесным уголкам, косили сено, собирали хмель и с нетерпением ожидали возвращения из города каждого соседа, чтобы узнать, не слышно ли чего о реэвакуации.

А жизнь тем временем становилась все тяжелее. Старую одежду сносили или продали, новую купить было негде. На одежде жителей тайги появлялось все больше заплат. Дети росли без школы, взрослая молодежь не торопилась начинать самостоятельную семейную жизнь: за три года в поселке не возникла ни одна новая семья и не родился ни один ребенок.

Подошла осень. Как и в прошлые годы, сразу после уборки урожая крестьяне открыли ворота выгонов и дали скотине возможность пастись на свободе. Скотина, наголодавшаяся на обглоданных до земли выгонах, рвалась в тайгу, где было полно сочной, вкусной травы. Коровы, овцы и лошади, большими стадами и поодиночке,

без всякого присмотра бродили по лесу. Иногда они доходили до гари и забредали еще дальше в чащу. Многих из них растерзали здесь волки, которые по вечерам давали о себе знать протяжным завыванием.

Эрнест Зитар не мог переносить все это спокойно. Если бы его родные были настоящими людьми и понимали толк в молодом бычке или хорошо откормленном баране! Но попробуй заговори с ними! Они как собаки накинутся на тебя, и волей-неволей придется замолчать и с грустью смотреть на то, как добыча уходит из рук.

Нет, этого Эрнест не в силах был перенести. Убедившись, что дома поддержки не найти, он стал искать ее в другом месте. И нашел. Первой жертвой его ножа пал большой баран. Эрнест отнес его к Зариене и получил самую горячую благодарность. Потом подошла очередь двух подсвинков. Они были зарезаны и засолены на зиму. Удачное начало вдохновило Эрнеста на более крупные дела. Он обещал Зариене обеспечить ее мясом на всю зиму. Уже несколько дней в тайге, около гари, бродил одинокий бык. Он пытался было примкнуть к стаду Зитаров, но маленькая Эльга, пасшая стадо, всегда отгоняла его прочь. Тогда он оставил попытки и стал пастись один. Никто не разыскивал этого быка — он, видимо, пришел сюда из какой-нибудь дальней деревни. Эрнест посоветовался с Зариене и, получив согласие, однажды вечером пригнал быка к землянке вдовы. Все обошлось благополучно. Меткий удар обухом топора в лоб — и красивое животное лежало на земле. С помощью Зариене Эрнест освежевал его, шкуру зарыл в землю, а мясо разрубил и засолил, оставив куски получше, чтобы съесть их теперь же.

Неделю спустя Эрнест пытался повторить эту проделку на пастбище у деревни Чесноково. Но как раз в тот момент, когда он намеревался перерезать годовалому теленку горло, его застиг хозяин теленка — высокий, здоровый мужчина. Он так сильно избил Эрнеста, что парень с трудом добрался до гари. Несколько недель он не выходил из дому, залечивая раны и ожидая, пока с лица исчезнут предательские синяки. В это время он не посещал даже свою даму сердца. Позже, когда Эрнест возобновил визиты в землянку Зариене, он нашел там Симана Бренгулиса и так основательно поколотил богатого хозяина, что тот закаялся ходить в горелый лес.

Зариене тоже получила хороший нагоняй, потому что именно ради нее Эрнест ходил на чесноковское пастбище. В конце концов они помирились и до самой весны жили в добром согласии, как и полагается дружной паре.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Осенью и зимой 1920 года в Бренгулях произошли события, которые ворвались резким, непривычным аккордом в монотонный ход жизни таежного поселка и на некоторое время заняли умы людей.

В один из вечеров, когда в тайге шумела буря, Андрей Зитар возвращался домой из сельского Совета. В полуверсте от дома на него обрушилась сломанная ветром осина. Час спустя его полуживым нашел на дороге сосед и сообщил Зитарам. Темной ночью сыновья капитана привезли тяжелораненого отца домой и уложили в постель. Он был без сознания. Карл запряг лошадь и помчался за фельдшером; до больницы было верст шестьдесят. Когда он возвратился с фельдшером, Андрею Зитару уже не нужна была никакая помощь: старый моряк отправился в свой последний и самый далекий рейс, откуда нет возврата. Уходя, он даже не попрощался с женой и детьми.

Из сухих еловых досок, оставшихся от постройки дома, сыновья сколотили простой, некрашенный гроб. В воскресенье на новом кладбище села Бренгули рядом с двумя ранее насыпанными могильными холмиками вырос третий. Родные поплакали, соседи сказали несколько прочувствованных слов, и кучка участников похорон разбрелась по своим лесным жилищам.

Главой семьи стал Карл Зитар.

Не успели жители села как следует разобраться в случившемся и не высохли еще слезы на глазах Альвины Зитар, как весь поселок и ближайшие окрестности взволновало известие о новом несчастье: в одну из ночей в дом председателя сельского Совета Зилума вломились несколько вооруженных людей, застрелили его и скрылись в тайге. И на кладбище рядом с могилой Андрея Зитара вырос новый могильный холмик.

В ночь, когда бандиты убили Зилума, кто-то из обитателей гари, возвращаясь домой из степной деревни, встретил в лесу нескольких незнакомых мужчин. Спрятавшись в кустах, он пропустил их мимо себя. При свете луны он в одном из них узнал Сашу Шамшурина. Утверждать, что это был Шамшурин и что именно эти люди убили Зилума, никто не мог. Но когда по поселку и ближайшим деревням поползли слухи и в них все чаще упоминалось имя молодого Шамшурина в связи с убийством Зилума, Саша покинул молодую жену, которая только что родила мальчика, и ушел в тайгу.

Эльзу эта разлука не очень обеспокоила. Окрепнув после родов, она спокойно продолжала жизнь, начатую в доме мужа. К чему ломать голову — вернется или не вернется Саша? Если он даже и не вернется — не он первый так терялся: в альбоме Эльзы хранилась большая коллекция фотографий бравых парней, среди них были даже капитаны. Саша Шамшурин был ничуть не лучше и не интереснее своих предшественников.

2

Саша Шамшурин оставался пассивным только первые месяцы после изгнания колчаковцев и расстрела отца. Как большинство кулаков, он вначале растерялся и молча делал все, что от него требовала новая власть: он выполнял гужевую повинность, безоговорочно отправлялся на выполнение всех нарядов, разрешил поселиться в своем доме милиционеру. Он крепко рассчитывал на дружбу с Хазаровым, поэтому не спешил сдать новой власти ни одного пуда пшеницы из громадных запасов, накопленных за военные годы старым Шамшуриным и спрятанных в степи в местах, известных только им одним. Когда весной на общем собрании жителей деревни было решено перераспределить поля и луга по-новому — равномерно, по количеству людей, молодой Шамшурин стиснул сердито зубы и, встретившись после собрания с глазу на глаз с Хазаровым, сказал ему:

— Это грабеж! Я считал тебя человеком, а ты действуешь по-свински.

— Ну, ну? — Хазаров спокойно посмотрел Саше в глаза. — Что же у тебя похитили?

— А земля? Сегодня ты у меня отнял две трети того, что до сих пор принадлежало мне, — вскипел Саша.

— Ты, Саша, ошибаешься, — пояснил Хазаров. — Народ получил обратно то, что твой отец в свое время отнял у него. Эта земля не твоя.

— Мы выкорчевали пни, очистили от камней, возделали, обработали!

— Вы? — Хазаров тихо засмеялся. — Не вы, а батраки, деревенские бедняки обработали. Вы им заплатили гроши, а себе присвоили весь урожай. Скажи спасибо, что они не требуют обратно своих лошадей, коров, машины и все, что хранится в твоих клетях и ларях. Люди ничего не забыли.

С этой минуты кончилась их дружба. Когда особая комиссия начала знакомиться с клетями деревенских богатеев и перемерять полные пшеницы закрома Шамшуриных, в Саше взбунтовался собственник.

Хазаров сказал:

— Мы тебе оставим на семена и столько, сколько нужно на жизнь и хозяйственные расходы до нового урожая, а остальное придется везти на заготовительный пункт. Голодают рабочие Москвы и Петрограда, Красная Армия не может воевать с пустым желудком.

Какое дело было Саше до рабочих Москвы и Петрограда и до Красной Армии? Пусть они умирают с голоду, лишь бы его клеть была полна. Он уже избегал теперь лишних слов, за которые пришлось бы отвечать, а его озлобление и ненависть росли с каждым днем и скоро достигли таких размеров, что Саша уже не мог оставаться пассивным — в нем проснулся кулак.

Скрыть то, что комиссия обнаружила в амбаре Шамшуриных, было уже нельзя. На следующее утро наехал полный двор подвод, и через несколько часов на заготовительный пункт отправился груженный зерном обоз. Самым обидным было то, что Саше на своих лошадях тоже пришлось ехать в этом обозе. Потемнев лицом и упрямо сжав губы, молодой кулак сидел на возу, и в голове его роились мстительные думы. Он был не единственный, у кого Советская власть постепенно выдергивала хищные клыки и острые когти. В Чеснокове, Тараданове, в любом большом селе или деревне имелась

дарядная кучка кулаков. Опомнившись от первого замешательства и чувствуя, что Советская власть собирается подрубить корни их хозяйственной мощи, они сейчас напоминали стаю разъяренных волков.

Саша начал украдкой встречаться с окрестными богатеями. В степи, в тайге и кустах на пастбищах происходили тайные сходки, о которых молодой Шамшурин ничего не говорил даже жене. Эльза не имела ни малейшего представления о том, куда иногда по вечерам отправлялся муж. А когда в одну из ночей в конце лета сгорело здание сельского Совета, а неделей позже только благодаря героическим усилиям крестьян удалось отстоять от огня сельский молочный завод, Саша притворился удивленным и вместе с соседями ругательски ругал поджигателей.

А потом этот случай с Зилумом... Впервые Саша прочел в глазах Хазарова подозрение. Ему стало казаться, что милиционер, поселившийся у него в доме, выслеживает его и готовит какую-то неприятность. Вскоре после этого Саша сбежал из дому и вместе с другими кулаками скрылся в тайге.

Однажды ночью в окно к Хазарову кто-то бросил ручную гранату и ранил председателя волостного исполкома. Несколькими днями позже на дороге в степи нашли убитого милиционера. То в одной, то в другой деревне вспыхивали пожары. Кулаки повели наступление, и, конечно, им была объявлена война. Актив волости, партийные товарищи и комсомольцы создали вооруженную боевую группу, и она начала преследовать бандитов.

В один из вечеров на опушке тайги произошел бой. Группа кулаков напала на руководителя комсомольской организации волости; тот возвращался верхом в Чесноково после собрания в одной из притаежных деревень. Диверсанты просчитались: вместо одного человека они встретили восемь хорошо вооруженных комсомольцев и сразу же после первых выстрелов попали в тиски. Когда схватка кончилась, у дороги, на свежевыпавшем снегу, комсомольцы нашли трех убитых диверсантов. В одном из них они признали Сашу Шамшурина.

... Сразу же после смерти мужа Эльза собрала вещи и с маленьким сыном перебралась жить на гарь к матери и братьям. Имущество Саши Шамшурина конфисковали.

3

Наступила весна 1921 года. Как и в прошлые годы, жители села Бренгули вырубали кустарники, корчевали пни, стараясь отвоевать у векового леса еще клочок земли. Теперь они рядом с картофельным полем и огородом засевали по четверти или половине пурвиеты* проса и пшеницы. В последнее время в этой местности ощущался недостаток хлеба. На рынке уже нельзя было достать зерна. Жители тайги не могли выменять дрова, ягоды, хмель на зерно. Поэтому приходилось искать другие пути. И получалось: у городских жителей хлеба хватало, они его получали по карточкам, а латышские крестьяне ели мясо без хлеба, заменяя его суррогатами. Хорошо, что картофеля было вдоволь, — он теперь стал основным продуктом питания жителей тайги.

Связь с внешним миром почти отсутствовала. Газеты приходили редко, главным источником информации были различные слухи, доходившие сюда из города и из степи, и понятно, что жители в эти дни имели самое скудное и превратное представление о том, что делается в обширной Советской стране. Говорили, что Латвия якобы стала самостоятельным государством; но каким государством, кто им управляет, что в нем происходит — об этом никто ничего не знал.

Когда прошлым летом пронеслись слухи о том, что латышей скоро повезут на родину, самые нетерпеливые отправились в Бийск регистрироваться в эвакуационном отделе, но из этого ничего не вышло. Теперь опять распространился слух о реэвакуации, но люди отнеслись к этому скептически и не торопились ликвидировать свои маленькие хозяйства.

Янка Зитар за последние два года сильно вырос — ему уже не годилось ничего из прежней одежды. Он много читал и занимался. Когда в колонии не осталось уже ни одной книги, которую Янка не прочел бы, он отправился в волостную библиотеку и стал приносить охапки книг оттуда. Ему удалось прочесть всего Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Байрона, Флобера, Виктора Гюго, много произведений Горького и кое-что из сочинений Белинского. Карл помог ему усвоить некоторые предметы в объеме курса средней школы. Можно сказать, для Янки эти годы не были потеряны.

Рядом с первой поэмой и тетрадкой стихов в его тайном «архиве», который он не показывал ни одному человеку, хранились рукописи нескольких новелл и большого рассказа. И он уже подбирал материал для первого романа, — если придется провести в Сибири еще одну зиму, он обязательно его напишет.

Больше года Янка ничего не знал о Ниедрах и Лауре. После того разговора с Йоэлисом он написал Лауре письмо — робкий, полный туманных намеков набор слов о жизни на гари. Ответа Янка не получил. Полгода спустя он послал Лауре второе письмо, более ясное и простое, чем первое, в нем среди деловых сообщений было вкраплено несколько горячих признаний. И на этот раз он не получил ответа. Тогда Янка перестал писать и, вооружившись терпением, решил ждать, что принесет будущее.

В ту весну в Бренгулях произошло большое событие: один из жителей гари получил первое письмо из Латвии. Это был совсем незаметный беженец, настолько незаметный, что в колонии многие даже не знали о его существовании. Теперь этот человек вдруг сделался самой известной личностью в селе: все знали, как его зовут и как пройти к его землянке. Каждый хотел знать, что написано в этом письме. Со всех концов к уединенной землянке спешили люди. А в воскресенье, когда во дворе Бренгулиса происходило очередное собрание, беженцу пришлось зачитать вслух полученное им письмо. В нем не было ничего особенного и на многие вопросы, волновавшие улей беженцев, нельзя было найти даже туманного ответа, но и эти скупые сведения казались дорогим приветом с далекой родины.

Вскоре письма из Латвии получил еще кое-кто, и незаметный беженец перестал быть героем дня. Жителей поселка главным образом интересовали два простых вопроса: какие в Латвии цены на продукты и товары? Сколько зарабатывают рабочие в городах и сельскохозяйственные рабочие? Ни в одном из полученных писем на эти вопросы не было исчерпывающего ответа, но из отдельных фраз можно было составить приблизительное представление, которое никого особенно не воодушевило.

— Ничего там особенного нет... — рассуждали

беженцы. — Получается то же, что и раньше, — будешь перебиваться с хлеба на квас.

Но и в лесу жизнь была нелегкой. И, как известно, человек всегда стремится изменить условия, надеясь найти облегчение. Поэтому перспектива вернуться на родину многим таежным жителям казалась чудесным сном, обещающим счастье, таящим массу возможностей.

Беженцы собирались в путь — кто в одиночку, кто группой. Большинство ломало голову над одним и тем же вопросом: что делать, если начнется реэвакуация, — остаться здесь или возвращаться на родину?

Вопрос этот не давал покоя и Карлу Зитару. Он теперь стал главой семьи и отвечал не только за себя, но и за Янку и Эльгу, за старуху-мать, за их настоящее и будущее. На него, ожидая ответа, смотрела и Сармите. Карл думал об этом не только сегодня, вопрос этот занимал его уже давно. Он не был сентиментальным, и мысль об оставленном в Латвии родном гнезде тревожила его меньше, чем остальных членов семьи. Живя в лесной глуши, вдали от культурных центров, куда лишь неясно доносился пульс бурной политической жизни, он все же не замкнулся в узком кругу личных интересов, не думал только о том, как бы удобнее и спокойнее прожить свою жизнь. В его сердце жила давнишняя мечта латышского народа о независимости Латвии: свобода и справедливость для всех граждан, расцвет национальной культуры, проведение в жизнь всех самых возвышенных демократических принципов, уничтожение вековечной социальной несправедливости и многое другое, о чем мечтали и за что боролись лучшие, доблестные представители народа. Здесь, в великой Советской стране, эту новую, прекрасную жизнь люди построят и без него, и его вклад будет ничтожным и незначительным среди общих усилий. А там, в маленькой Латвии, он просто необходим и своим участием в работе по созданию нового государства принесет огромную пользу. Личное положение? Карл мог хоть завтра уйти из села, разыскать боевых товарищей в городе и заняться такой работой, которая отвечала бы его способностям, знаниям и желанию, — возможно, здесь он достиг бы большего, чем на родине, где у него не предвиделось ничего определенного. И все-таки ему казалось, что его настоящее место в Латвии. Если он не вернется туда, там ощу-

тится пустота, и эту пустоту не сможет заполнить никто другой. Остальные члены семьи с нетерпением ждали дня, когда можно будет сесть в поезд и ехать на запад. Мог ли он оставить их и пойти своей дорогой?

— Надо ехать домой!.. — решил Карл.

4

В начале июня жители Бренгулей послали двух делегатов в Бийск, чтобы выяснить там, когда начнется реэвакуация латышей — военных беженцев. Возвращение делегатов подняло на ноги всех: реэвакуация началась, первый эшелон отправился неделю тому назад.

В тот день не один прокос остался недокошенным, не одно бревно недотесанным. Жители землянок отложили в сторону косы и топоры и сказали: «Довольно!..» В поселке воцарилось праздничное настроение, все ходили взволнованные, возбужденные.

И только у одного человека сердце сжалось в мрачном предчувствии. Это был Янка. Он думал о Лауре: поедет ли она в Латвию или останется с семьей в горах? Если она не поедет, он... Да, что же он тогда сделает? Отправиться в далекий путь, не повидав Лауры, возможно, навеки потерять ее, — что может быть страшней? А если Ниедры уже уехали с первым эшелоном? Как их разыскать там, на месте? Где они остановятся в Латвии, и не приедет ли Янка слишком поздно?

В селе начался всеобщий Юрьев день*. С утра до вечера раздавался визг свиней. О, это был безжалостный и безумный день, если смотреть на него с точки зрения свиней! За один день в латышском селе была уничтожена вся их порода — не был пощажен ни один самый маленький поросенок. Жителям тайги предстоял долгий путь, и нужно было запасти продовольствия на несколько месяцев.

Не успел затихнуть визг последнего поросенка, как во всех концах леса поднялись синие дымки и воздух тайги наполнился запахом копченой свинины. Пока мужчины занимались копчением, женщины месили тесто и сажали в печь один каравай за другим. Испеченный хлеб резали и сушили. Работы хватало и большим, и маленьким. Мешки наполнялись сухарями и копченой свининой, туеса

и горшки — маслом, медом, салом и крупой. Все, что оказывалось лишним и чего нельзя было взять с собой, спешно превращали в продукты или деньги.

Поселок Бренгули в эти дни напоминал большой базар. Вряд ли этим лесам и горам приходилось видеть столько людей, как сейчас. Узнав, что латыши уезжают и распродают имущество, из ближних и дальних деревень наехали сюда покупатели. Они ходили из дома в дом, торговались, били по рукам и заключали сделки. Покупатели главным образом интересовались картофельными полями уезжающих. Они обещали в этом году хороший урожай. Зная, что беженцы не могут картофель взять с собой, покупатели давали очень низкую цену. Мешок муки, подводу для отправки вещей в город, в лучшем случае несколько царских кредиток — вот все, что мог получить беженец за свое поле. Скошенное сено и лучшие дома купили ближайшие соседи, но на землянки покупателей не находилось.

Те, у кого было меньше имущества, первые собрались в дорогу и, не дожидаясь остальных, уехали в Бийск.

Трудное время настало для старожилов села. Бренгулис несколько дней ходил как лунатик, не зная, на что решиться. Жаль было оставлять дом, хорошую обстановку и ехать навстречу неизвестному, в страну, которая по прошествии многих лет стала чужой для него. Но пугало и предстоящее одиночество в тайге.

Долго колебался Бренгулис. Он молча смотрел, как уехал первый обоз, как готовится в путь второй. Но когда Силинь продал дом, а Весман стал искать покупателей на свой, он не выдержал.

— Мы уедем! — заявил он жене, и тут уж не помогли ни слезы Прасковьи Егоровны, ни уговоры родных. Хутор огласился визгом свиней и заволокся дымом коптильни. Да, только теперь ясно стало, сколько золота и серебра накоплено в чулках окрестных кулаков. Бренгулис, так же как и сообразительные беженцы, ничего не продавал на бумажные деньги. Как ни искушали покупатели отъезжающих красивыми «катеньками» и «петеньками»*, котировавшимися выше остальных денег, все же им в конце концов пришлось вытаскивать блестящие серебряные и золотые монеты: уж очень соблазнительны были просторные хуторские постройки, пасека, косилки и молочные коровы.

Зитары продали свой дом за мешок муки, полпуда меду, два пуда пшена и двадцать рублей золотом. Кроме того, они выторговали себе подводу для перевозки вещей в город. Коров купили чесноковские крестьяне, а лошадей решили продать в Бийске.

Наступил последний вечер перед отъездом. Посреди двора стояли нагруженные вещами подводы — их было четыре: две с вещами Зитаров, одна — Валтериене и одна — Эльзы. Так долго ждали они этого момента, и все же в последний вечер всем стало грустно. Пусть здесь была чужбина, но что-то связывало с ней, и, покидая ее, каждый чувствовал в сердце щемящую боль. Здесь осталась частичка их жизни, труды нескольких лет, грустные и веселые воспоминания. Каждая пядь этой земли полита их потом: до сих пор лежит еще на межах свидетельство их тяжелого труда — кучи пней. Не покроются ли опять эти расчистки травой, мхом и густыми зарослями дудок? Не повиснет ли в углах комнат паутина и не начнут ли хозяйничать мыши там, где недавно обитало семейство землеробов? Пройдут годы, все постепенно разрушится, и старые сибиряки, проезжая мимо за дровами, скажут молодым:

— Здесь когда-то жили латыши.

А когда пройдут долгие годы и вековой лес отвоюет назад похищенные человеком поля и луга или когда сибиряки превратят чащу в обширную степь, все-таки останется кое-что, скромно напоминающее былые дни, — немые могильные холмики у реки. Заброшенные, неубранные, со сломанными крестами, заросшие метлицей, они останутся здесь до скончания века, повествуя о несчастном народе, у которого кровавая буря отняла родину и который нашел здесь приют.

В последний вечер вся семья Зитаров сходила на кладбище проститься с могилой отца. Весной сыновья поставили массивный крест из кедра. Карл вырезал на кресте имя покойного, даты рождения и смерти, а женщины посадили на могиле цветы. Сейчас они украсили могилу Андрея Зитара свежими полевыми цветами, и старый моряк лежал, словно в цветнике, вдали от всех морей; сюда никогда не долетал ни шум прибоя,

ни влажные порывы норд-веста, и темными ночами не мигали здесь приветливые огни маяков.

Утром с первыми лучами солнца обоз тронулся в путь. Дети и старики сидели на возах. Вслед за подводами бежали молодые собаки. Выросшие на чужбине, они постоянно оглядывались на тайгу, где остались пустые дома; неужели их действительно так и бросят? Неужели хозяева больше не вернутся домой? Эльга Зитар была сильно озабочена судьбой своего любимца кота: он остался один в горелом лесу; забравшись на коровник, он долго смотрел вслед отъезжающим. Что бедняжка станет делать один в пустом доме? Топить кота тоже было жалко, хотя Эрнест все утро только об этом и говорил.

Когда обоз проезжал через Чесноково, все жители деревни высыпали на улицу и проводили отъезжающих сердечными пожеланиями счастливого пути.

Старая мать Саши Шамшурина со слезами провожала Зитаров до ворот выгона; она никак не могла оторваться от своего маленького внука, так похожего на ее милого Сашу. Теперь у нее не осталось никакой родни, а маленький Шамшурин будет расти на чужбине и никогда не увидит родины.

В голове Янки зрела новая поэма — прощальный привет Сибири, этой необычной стране, где он чувствовал себя то как на чужбине, то как дома, ни минуты не оставаясь равнодушным к ее властной красоте. Теперь наступил момент, когда отъезжающие и остающиеся мирятся и по-дружески жмут друг другу руки, расставаясь навсегда.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ДОРОГА ДОМОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Просторны дороги Сибири, необъятны леса, необозримы широкие степи, от селения до селения полдня езды. У лесного жителя, который четыре года прожил в тайге на лесной вырубке, где из одного конца в другой можно камень швырнуть, кружится голова и восторгом наполняется сердце. Он чувствует простор, свободу, и даже небо над ним кажется ему здесь выше.

Воз за возом, словно маленькие живые холмики, движется обоз беженцев на северо-запад. Скрипят немазаные колеса, вьются облака пыли, кудахчут посаженные в корзины куры. Возницы отходят от подвод, собираются вместе, и радостного волнения им не унять.

Около полудня обоз добирается до Тараданова. Здесь к ним присоединяются еще четыре подводы, и после небольшого отдыха все отправляются дальше.

Эрнест Зитар оборачивается в сторону невидимой отсюда деревни Чесноково, и лицо его злобно перекашивается: «Эх, вернуться бы туда ночью, когда все спят, и пустить красного петуха под высохшие соломенные крыши!»

Он не забыл побоев на чесноковском пастбище, и мысль, что приходится уезжать, не отомстив за унижение, наполняет грудь ненавистью. Чтобы хоть на чем-нибудь сорвать досаду, он сильным пинком отбрасывает подвернувшуюся под ноги собаку и принимается стегать лошадь:

— Тащись, падаль!

Невыносимый зной. Лошадей одолевают слепни и

мухи. Собаки бегут, высунув языки. Над степью собираются сизые тучи, по листве пробегает трепет, и золотистая волна колышет ниву. Вдруг небо пронзает гигантская зеленая молния, резкий порыв ветра взвихряет пыль, грохочет гром, и начинается дождь. Порывистый, шумный, он бурными струями стремится на землю, и в несколько мгновений путники промокают до нитки. По дороге несутся журчащие потоки, колеи наполняются водой, и на ее поверхности вскакивают и лопаются прозрачные пузыри. Обоз продолжает свой путь — ему негде переждать, пока пройдет гроза.

Весь мокрый, в прилипшей к телу одежде шагает Янка Зитар за возом. Временами по спине пробегает дрожь, босые ноги вязнут в липкой глине, глаза ослепляют яркие вспышки молний, а на сердце радостно: пусть льет дождь! Пусть затопляет степь! Мы едем домой! Ни дождь, ни стужа, никакое ненастье не могут заглушить светлой радости в его груди. Оглянувшись на лица спутников, он видит и на них беспечность, ликующий вызов разбушевавшейся стихии.

— Ну и заваруха! — весело кричат друг другу намокшие люди. — Пусть его льет! Хоть слепней прогонит — лошадям полегче будет.

Пошучивая, бредут они по лужам, — им даже кажется, что холодный ливень освежил, омолодил их. Пусть сверкает молния, пусть льет дождь — чище станет воздух и голубее небо!..

Во время этой грозы Янка опять нашел Айю. Они не виделись несколько месяцев, несмотря на то что землянка Парупов находилась в получасе ходьбы. После той ночи, когда Йоэлис рассказал о Ниедрах, Янка ни разу не вспомнил об Айе. На собраниях он ее не видел, на вечеринках не бывал. Теперь, шагая рядом с обозом, Янка вдруг увидел Айю подле себя. Она, оказывается, находилась около него весь день, — подвода Парупов ехала вслед за Зитарами, но при выезде он этого в суматохе не заметил. Девушка шла совсем близко. Он слышал, как она шлепает босиком по воде. В намокшей юбке и кофточке, с прилипшими ко лбу волосами, она усердно боролась с ветром. Загорелая, как цыганка, девушка легким кивком головы ответила на приветствие Янки и улыбнулась.

— Тебе не холодно? — спросил Янка.

— С чего бы это?.. — рассмеялась Айя. Темные брови слегка поднялись, лукаво блеснули глаза.

Больше говорить было не о чем. Молча шагали они рядом, изредка посматривая друг на друга и улыбаясь каким-то только им одним известным мыслям. И все время, пока они так шли — до самого привала на ночлег, — Янка чувствовал легкое, приятное волнение. Айя... Как они тогда зимой в метель ехали, завернувшись в одну шубу. Нежная дрожь, первые поцелуи, зимняя вьюга... И вот она опять около него, та же Айя, только повзрослевшая, похорошевшая. Возьми ее руку, и она не отнимет, возможно, даже ответит на ласку. Она будет нежным эхом на каждую твою мысль, она улыбнется, когда тебе будет радостно, и опечалится твоей печалью. Ах, Янка, неужели тебе этого недостаточно?!

Гроза скоро прошла, унося тучи, и опять над степью пылало яркое летнее солнце.

Под вечер обоз приехал к оврагу и остановился на ночлег. Сразу же загорелось несколько костров. Женщины готовили ужин, а мужчины, стреножив лошадей, пустили их пастись в кустах оврага. Люди сушили у костров намокшую одежду. Послышались песни, полились разговоры, и до самой ночи не затихал веселый гомон в лагере беженцев. И опять, словно случайно, рядом с Янкой у костра сидела девушка с карими глазами. Он, растянувшись на траве лицом к огню, покусывал сухую былинку; она, поджав ноги под юбку, смотрела на противоположную сторону лагеря, где над гладкой равниной степи одиноко возвышался конусообразный холм.

— Какой странный холм, — промолвила Айя.

— Это курган, древний могильный холм... — ответил Янка. — Может, в нем лежит какой-нибудь монгольский князь с женами, конями, золотым оружием и разными драгоценностями.

— Почему их никто не выроет? Разве люди не знают, что там такие богатства?

— Наверное, никому не приходило в голову.

— Но если это действительно так, ведь золото может пропасть. Заржавеет и пропадет.

В костре со свистом зашипела мокрая ветка. Янка невольно переглянулся с Айей.

— Заржавеет и пропадет, — мечтательно повторил он, и вдруг оба они покраснели. «Богатство пропадет»,

порядке, как жили в тайге. Приехавшие раньше занимали рядом места своим запоздавшим соседям и не пускали чужих; да никто и не пытался их утеснить: в лесу было достаточно просторно.

Янка Зитар пытался узнать, приехали ли сюда латыши, жившие в горах, но бренгульские жители ничего не знали об этом, а обойти лагерь не было времени: надо было немедленно строить шалаш — убежище на ночь. Парни взяли топоры и отправились в лес. Скоро они, притащив громадные, пахнущие хвоей охапки, натесали кольев и поставили каркас шалаша. Эрнест со старым Парупом выкопали яму для очага, выложили ее камнями и вбили по бокам козлы. Дети собирали сучья и шишки, женщины распаковывали еду и приготовляли посуду. Над сосновым бором уже засияли первые звезды, когда переселенцы, завесив вход в шалаши мешками и попонами, уселись вокруг костра поужинать.

Карл Зитар оценивающим взглядом осмотрел дырявую крышу шалаша — сквозь ветви просвечивали звезды.

— Ничего не поделаешь, какой есть. Надо бы закрыть камышом.

— Сегодня ночью дождя не будет, — сказал Янка. — Завтра принесем камыш.

Шалаш Зитаров находился в центре. В нескольких шагах от них расположились Парупы, по ту сторону костра — Силинь и Весман, а немного дальше оставалось свободное место: оно предназначалось для Бренгулиса, который должен был приехать через несколько дней. Вдова Зариене провела первую ночь под открытым небом, потому что Эрнесту некогда было построить ей шалаш, а сама она не умела.

Поужинав, Янка обошел все костры лагеря, надеясь услышать о Ниедрах, но везде были незнакомые люди, и Янка стеснялся расспрашивать их. Ничего не выяснив, он вернулся к своему шалашу и уселся возле догорающего костра. Дети и старики уже спали, только молодежь, возбужденная переездом, продолжала болтать, собравшись в кружок. Всем было хорошо, все щебетали, как птицы. Янке было грустно, сердце сжималось в предчувствии большой беды. Неужели ему больше не увидеть Лауры? Здесь в лесу ее не было...

На следующее утро лагерь проснулся рано. Сразу же

задымили костры. Мужчины отправились на станцию за водой. Поднялся гомон, суетня. Беженцы отбирали вещи, которые надо снести на рынок. Приехавшие накануне приготовляли документы, чтобы зарегистрироваться в эвакуационном отделе.

«Сегодня или никогда», — решил Янка, без аппетита жуя пищу. Он с нетерпением ожидал момента, когда можно будет пойти в город. В «эваке» должны знать о ранее приехавших латышах. Если и там не окажется никаких сведений о Ниедрах, тогда совершенно ясно, что они остались на хуторе и в Латвию не поедут. Сегодня или никогда!..

Противный Эрнест! Подумаешь, какой хозяин нашелся! И чего его нелегкая дернула за язык.

— Янка... — заявил он во время завтрака. — Янка может сходить к реке и нарезать камыш для шалаша. А в «эваке» мы вдвоем справимся — всем там нечего делать.

У Янки даже губы задрожали.

— Почему это я должен резать камыш, оставайся ты... — огрызнулся он с такой злобой, что все с удивлением посмотрели на него. — Я свою долю нарежу потом, а сейчас оставь меня в покое.

— Смотри ты, какой уксус! — уставился на брата Эрнест. — Что у тебя там в городе загорелось?

— Не твое дело.

По ту сторону костра сидело за чаем семейство Парупов. Айя с кажущимся равнодушием уставилась в землю. Но Янка знал: она слышит каждое слово и единственная из всех понимает, куда он спешит. Не поев как следует, он поднялся и ушел в шалаш. Янка никак не мог успокоиться. Эрнест... олух этакий...

Беженцы отправились в город большой толпой: одни налегке, другие — нагрузившись разным старьем для продажи. Сыновья Зитара по возможности принарядились, хотя ничего хорошего из одежды у них не осталось. У Янки дела в этом отношении обстояли хуже всех: он вырос из своей старой одежды, а отцовская была еще велика. Пришлось надеть серую солдатскую гимнастерку, старую фуражку и поношенное галифе. Еще хуже было с обувью — старые сапоги разлезлись, а других не было. Отцовские сапоги прибрал к рукам

Эрнест. И получилось так, что Янка отправился в свой большой поход босиком, загорелый, как цыган, лохматый, с копной волос, полгода не видавших ножниц; на них даже фуражка не держалась, настолько они были густы и пышны. Босяк! Парень стал уже почти взрослым мужчиной, без вершка шесть футов ростом, с закаленными в работе тяжелыми и жесткими руками, похожими на лапы зверя, стройный и с такой легкой походкой, что яйцо с головы не уронит, — вот и все его богатство. Только ноги босы, как у бродяги. Но, счастливый, он сейчас не думал об этом, осознав все гораздо позднее. И хорошо, что так случилось, иначе он никогда не решился бы пойти в город, остался бы в лесу резать камыш и сидеть у костра с Айей, девушкой из землянки, для которой безразлично, босы или обуты его ноги. Ведь они оба выросли на лесной вырубке в таежной глуши, где о подобных деликатных вещах и понятия не имеют.

3

Жизнь человека состоит из многих тысяч дней, и каждый из них имеет свой смысл и ценность. Но, когда человек оглядывается назад, он видит, что многое исчезло, забыто, целые годы покрылись мраком забвения и не осталось о них даже воспоминаний. Но среди этой пустыни забвения отрадными оазисами зеленеют редкие, незабываемые дни, запомнившиеся на всю жизнь моменты. Пусть пройдет год, десять или тридцать лет, а эти оазисы воспоминаний так же будут зеленеть, переливаться, и каждая мелочь оживет перед мысленным взором созерцающего их. Это решающие моменты, начальные и конечные этапы жизненного пути человека, проблески счастья и часы самого безутешного горя. Никто не может сказать, почему именно эти, а не сотни и тысячи других, не менее значительных моментов становятся столь незабываемыми вехами в памяти. В процессе совершающихся событий человек не думает о том, какую роль они будут играть в его жизни, он даже забывает о них на некоторое время, пока они, подобно комете, не вернутся из просторов вселенной, не вспыхнут перед ним, пробудив забытые чувства, чтобы вновь исчезнуть, а затем еще и еще раз вынырнуть из тьмы

прошлого, когда круговорот судьбы заставит их возвратиться к настоящему.

Янка Зитар уже тогда знал, что́ для него значит сегодняшний день. Возможно, виной тому было его пылкое воображение.

Янка походил теперь на выпущенный из пращи камень, который неудержимо летит, устремляясь к одной точке, не заботясь о том, куда придется упасть, если иссякнет сила инерции.

До города шли все вместе. Там толпа рассеялась. Большинство направилось на базар, другие свернули к эвакуационному отделу — он помещался в центре города во втором этаже деревянного дома. Заведующий отделом — средних лет человек в красной рубахе и широких штанах — сидел за столом, перелистывая бумаги. Перепиской занимались добровольные помощники из беженцев. Канцелярия «эвака», как обычно, была полна посетителей. У вновь прибывших проверяли документы, после чего их регистрировали.

Пока Карл разговаривал с заведующим и его помощниками, стараясь выяснить перспективы отъезда, Янка заметил в толпе молодцеватого спекулянта Йоэлиса и сейчас же подошел к нему. Он поинтересовался: разве Йоэлис больше не разъезжает по горам? Когда он там был в последний раз? Как поживают на хуторе Ниедры? Что, они уже продали его? Тоже приехали в Бийск? Гм, надо как-нибудь зайти навестить их. Только где они живут?.. Йоэлис знал адрес Ниедров, и Янка, притворившись, насколько возможно, равнодушным, поспешил его записать. Потом он круто изменил тему разговора и начал рассказывать о своих соседях и о лагере у станции. Как только к Йоэлису подошел новый собеседник, Янка выскользнул из канцелярии.

Ниедры находились в Бийске и тоже ожидали поезда! Вместе поедут на родину! Несколько недель вблизи Лауры! Янка, веришь ли ты такому счастью — ты, баловень судьбы!

Правду говоря, теперь у него времени было достаточно, но Янка спешил, зная, что только не раздумывая, сгоряча сможет он явиться к Ниедрам. Головой в омут, а потом справляйся как умеешь. Только так это можно сделать.

Спросив у первого встречного, как пройти, Янка

отправился на берег Бии. Он не думал о том, как объяснит свой внезапный приход в семью, где у него не было ни друзей, ни родственников, а всего лишь случайные и совсем малознакомые люди. Сейчас его не смущало то, что Ниедры могут удивиться незваному гостю и невесть что подумать (то, что было на самом деле). Он забыл о письме к Лауре, о том, что она догадывается о сумасбродстве Янки, вероятно, догадывается об этом и вся семья Ниедры. Он не сообразил, какое впечатление может произвести его потрепанный вид, босые ноги. И лишь одно пугало его больше всего: будет ли Лаура прежней? Не ждет ли его разочарование, и вместо несравнимой ни с кем девушки не встретит ли он чужого человека? Ведь прошло три года!

До берега он шел широкими, торопливыми шагами. Но вот на стене одного из домов он прочитал название улицы и замедлил шаг, точно ослаб. Ближе и ближе подходил он к нужному дому; еще четыре, еще только два дома, и вот перед ним старый, ветхий деревянный домишко. По мосткам навстречу ему шла молодая темноволосая девушка. Может быть, это Лаура, и он ее не узнает? Нет, эта девушка ему не знакома, она прошла мимо, и у Янки отлегло от сердца: еще не разбита мечта — образ, хранимый в памяти, не разрушен.

Наконец он подошел к калитке и, приоткрыв ее, вошел во двор. Ах, Янка, Янка, что ты делаешь, что ты делаешь! Обратного пути уже нет, потому что во дворе стоит коренастая женщина и пристально смотрит на пришельца. Если ты попятишься, убежишь, тебя примут за бродягу и в другой раз ты сюда не посмеешь показаться.

Янка тихо поздоровался с женщиной и спросил, здесь ли живут Ниедры. Кусая губы и покраснев, он ждал ответа.

— Они там, наверху, — женщина указала на открытую дверь, за которой виднелась узкая деревянная лестница. Янка отправился туда, чтобы не торчать посреди двора, где его могли увидеть с верхнего этажа. Он намеревался немного подождать на лестнице и обдумать, с чего начать разговор, но наверху в конце лестницы у окна сидела стройная девушка и что-то шила. В грубом холщовом платье, с темными косами, босиком — как и полагается летом. Это была сестра Лауры Вилма. Она

немного выросла, но во всем остальном мало изменилась, — значит, время совсем не так сильно меняет людей, как боялся этого Янка. Девушка заметила его, но продолжала шить.

Янка поднялся наверх и, сам не зная почему, произнес по-русски:

— Здравствуйте.

Вилма, не поднимая глаз от шитья, ответила тоже по-русски:

— Здравствуйте.

— Ниедры здесь живут? — спросил Янка.

— Да, здесь.

Что еще говорить? Он молча переминался на месте, не зная, что делать. Выждав немного, не заговорит ли незнакомец, Вилма повернулась к закрытым комнатным дверям и крикнула по-латышски:

— Иди сюда, Рута! Тут один спрашивает что-то.

«Ничего себе, хорошенькое начало, — подосадовал Янка. — Точно теленок, не знал, что сказать и как представиться».

Направляясь сюда, он и мысли не допускал, что его могут не узнать.

В сени вошла старшая дочь Ниедры Рута. Она тоже, не узнав его, равнодушно произнесла:

— Что вам нужно?

Янка неизвестно почему вдруг спросил о младшем сыне Ниедры:

— Эдгар дома?

Рута удивленно взглянула на него и нетерпеливо, немного резко, ответила:

— Нет, он вышел, подождите.

После небольшой паузы она спросила:

— Вы знаете Эдгара?

Дальше нельзя было так продолжать, это становилось смешным. Янка собрался с духом и, к большому удивлению обеих девушек, вдруг заговорил по-латышски:

— Извините, что не сказал это с самого начала. Я латыш, но я не знал точно, живете ли вы здесь. Поэтому заговорил по-русски. Вы, вероятно, не узнаете меня. Я когда-то ночевал на вашем хуторе. Моя фамилия Зитар...

Какая тут поднялась суматоха! Шитье Вилмы полетело на подоконник, дверь комнаты распахнулась словно

сама собой, и в сени выскочила старая Ниедриене. Рута с недоверием смотрела на гостя, не зная, что делать, — протянуть ли ему руку или бежать переодеваться.

— Как вырос! Ни за что не узнать! — всплеснула руками старая Ниедриене. — Значит, вы тоже приехали? Как же, как же — чего уж больше ждать. Рута, да веди же его в комнату! Не хотите ли вы поесть?

Приветствия, расспросы, суетня.

Янке с трудом удалось убедить Ниедриене, что он уже завтракал и есть не хочет. Его ввели в комнату, усадили и, не дав опомниться, засыпали вопросами. Теребя в руках фуражку, Янка рассказывал о колонии, о смерти отца. Он узнал, что год назад умер отец Лауры и один из ее братьев. Понемногу волнение улеглось, и молодой Зитар почувствовал себя смелее и свободней. Пока он разговаривал с Ниедриене и Вилмой, Рута ушла в соседнюю комнату. Янка услышал за стеной разговор вполголоса. Догадываясь, кто там может быть, он избегал смотреть на дверь, но, отвечая на вопросы Ниедриене и Вилмы, каждую минуту ждал, что дверь откроется и войдет та, ради которой он здесь сидит. Нет, он уже не был нетерпеливым, он охотно сидел бы так весь день, твердо зная, что скоро это случится и долгожданная минута близка. Ему некуда было торопиться, и если он интересовался Эдгаром, то ему следовало теперь дождаться его.

За стеной раздались шаги... скрипнула дверь... Только бы не покраснеть, не выдать себя... крепись, Янка!

Хотелось смотреть в другую сторону — на пол, на стену, в окно на улицу, но глаза, словно заколдованные птицы, рвались туда. И наконец он опять увидел ее. Увидел и понял, почему время не могло заставить забыть ее, почему никто другой не мог заслонить ее образа и почему теперь, когда он опять видел ее своими глазами, изгладился из памяти покорно-пленительный образ Айи.

Это была та самая Лаура, с которой Янка расстался три года тому назад, и в то же время другая. Все осталось прежним, но прибавилось что-то, что дополняло прежнее и резко подчеркивало ее красоту. Она выросла и распустилась пышным цветком. Ее робкие глаза приобрели какой-то особый блеск и смело встретили смущенный взгляд Янки. Движения стали спокойнее и красивее, и, несмотря на то что она так мало говорила и держалась в стороне, все ее молодое прекрасное существо выражало что-то властное. Может быть, на самом деле это только представлялось Янке. Он опять очутился в плену тех чар, которые распространяет на человека другой, определенный и единственный человек.

Когда Лаура приблизилась, пытливо глядя на Янку, он встал и сделал несколько шагов ей навстречу.

Приветствие она прошептала чуть слышно, но пожатие руки было крепким. Она отошла в сторону и села у окна. Все остальные почему-то вдруг замолчали и, словно о чем-то догадываясь, избегали смотреть на них обоих. Казалось, все понимали, насколько торжественным является этот момент для Янки, и из деликатности старались не смущать его.

Немного позднее, когда разговор возобновился, Янка убедился, что некоторые из присутствующих догадываются о причинах, приведших его сюда: он перехватил пытливый взгляд Руты, которая переводила его то на него, то на Лауру. «Она знает все», — подумал Янка, и его бросило в жар. Только сейчас он вспомнил о письмах Лауре, в которых, правда, ничего определенного не говорилось, но по которым можно было обо всем догадаться, и ему стало невыносимо сидеть в этой светлой комнате, где каждая черточка его лица была всем видна. Теперь он заметил и свои босые ноги и впервые подумал, как это, должно быть, странно выглядит, что у него нет сапог. Стало стыдно, и одновременно его охватило какое-то вызывающее упрямство. Хотелось спрятать ноги, но он наперекор всему выставил их так, чтобы они были еще виднее, хотя ему казалось, что все смотрят на эти босые ноги и стараются скрыть веселое удивление. И он действительно поймал один такой взгляд, направленный на его ноги, — опять это была Рута, все видящая и понимающая сестра Лауры.

Янка просидел у Ниедр до самого полудня и дождался Эдгара. Парень за последние годы очень возмужал, его трудно было узнать. И изменился он, наверное, не только внешне; хотя Янка по одному тому вечеру на горном хуторе не мог составить себе сколько-нибудь определенное суждение о характере Эдгара, все же ему казалось, что он стал совсем другим. Там, в уединенной

долине, радость при виде земляков вызвала в Эдгаре искреннее расположение к Янке. А здесь, в городе, где было полно латышей (и каких еще — самых лучших!), такой гость радовал гораздо меньше. Янка сразу заметил сдержанность Эдгара, вежливую холодность, временами даже легкую иронию. Загорелый, нестриженый босяк не годился в друзья сравнительно прилично одетому и аккуратно подстриженному парню, на верхней губе которого красовались маленькие усики, а на ногах были новые сандалии. Эдгар старался говорить изысканно и интеллигентно, каждую минуту щеголял своими знаниями и самоуверенными суждениями обо всем. Он рассказывал о своих знакомых — видных людях здешнего латышского общества, говорил о театральных представлениях в павильоне городского парка, о концертах симфонического оркестра. Эдгар любил выражаться вычурно, что, по его мнению, должно было свидетельствовать о культуре и поэтической натуре, — одним словом, ему хотелось блеснуть и удивить собеседника своим превосходством.

Но Янка, которому теперь следовало бы подтянуться и показать, что он ничуть не хуже и (вопреки своим босым ногам) не менее интеллигентен, намеренно держался насколько можно просто. Изредка он, правда, высказывал довольно смелые и самостоятельные мысли, но языком корявым, чуть ли не на жаргоне, и высказывание теряло весь блеск. В конечном счете ему было безразлично, что думали Эдгар, Рута и другие, — для него важна была одна Лаура.

Когда Янка собрался уходить, Ниедры обещали в скором времени навестить лесной лагерь. Рута держалась особенно приветливо и просила его заходить, а Эдгар с большим достоинством пожал ему руку, не сказав ничего. И Янка понял, что вся эта приветливость и кажущаяся радость по случаю его прихода — простая вежливость. Чем реже он будет здесь появляться, тем приятнее будет Руте, Эдгару. Но Лаура?.. Прощаясь, она посмотрела на Янку дружелюбно и искренне, не отталкивая его, но и не поощряя, и ему опять стали безразличны мнения всех остальных и их возможные суждения о нем.

4

Вот они и повидались. Если бы на улице было безлюдно, Янка, выйдя от Ниедр, закричал бы от избытка чувств. Он словно опьянел. Теперь ничто не заставит его забыть эту девушку. Он возвращался мысленно к дням разлуки и не мог понять, как он обратил внимание на Айю и, пусть на короткий срок, забыл Лауру. Вспомнив, что все это миновало и он несколько недель будет жить вблизи Лауры, Янка благодарил судьбу, которая привела его на чужбину, заставила скитаться по горам и лесам и позволила встретить настоящего друга. Теперь он его больше не потеряет, что бы ни случилось. Потерять Лауру — это значит потерять солнце: без нее жизнь бессмысленна. Он не отдаст ее никому, если даже самому придется погибнуть. Теперь Янка знал, за что он должен бороться.

Это был первый порыв. Но, как обычно в подобных случаях (если только человек не трус и не боится взглянуть правде в глаза), за такой бурной уверенностью рано или поздно следует реакция. Янка пережил ее в тот же день по дороге в лесной лагерь.

Он пытался посмотреть на себя глазами Лауры, беспощадно, оценивающе, сравнить себя с другими. И чем больше он разглядывал себя в зеркале сомнений, тем ничтожнее и незначительнее казался себе. Он никем еще не был. Тогда как другие...

Погрузившись в раздумье, Янка вышел из узкого переулочка на дорогу, ведущую к станции, и почти столкнулся с Айей. Она возвращалась с рынка, не сумев продать все взятое с собой.

Янка в первый момент нахмурился и почувствовал неловкость, словно Айя могла подслушать его тайные мысли и знала, откуда он идет.

— Ты тоже из города... — не очень приветливо заговорил он. — В «эваке» была?

— Нет, я с рынка, — ответила Айя. — Продала кое-что из посуды. Цены упали. Рынок полон беженцев.

— Не надо спешить. Позже, когда вещей станет меньше, цены поднимутся.

— Может быть, и так. А мы подумали: вдруг подадут вагоны, тогда все равно всего не захватишь с собой. Даром бросать тоже не хочется.

Айя поставила мешок на землю и собиралась переложить его на другое плечо. Янка взял мешок.

— Давай понесу немного.

— Да он не тяжелый, я сама, — поспешно ответила Айя, слегка покраснев.

— Ничего, давай.

Воодушевленная любезностью Янки, Айя словно ожила и стала рассказывать, что видела и слышала в городе.

— На рынке играл на гармони слепой. Говорят, литовец, из беженцев, и тоже ждет посадки в эшелон. И как это слепой человек мог научиться так хорошо играть? Вокруг него собралась большая толпа, и все бросали ему в шапку деньги. А потом там еще вытащили из реки утопленника. Мне даже нехорошо стало, когда я на него посмотрела. Говорят, в Бийске свирепствует дизентерия и холера. Только бы к нам не занесли.

— Надо скорее уезжать отсюда.

— Ты был в «эваке»?

— Да.

— Я на рынке встретила Карла. Он спросил, не видела ли тебя. И сказал, что вы вместе пришли в город, но ты скоро потерялся.

— Я... я гулял у реки. Хотел искупаться.

— Страшно холодная вода, не правда ли?

— Наверно. Я даже не вошел в воду.

— Наши парни собираются устроить вечеринку в лесу.

— Вот как?

— Ты не думаешь пойти?

— Там видно будет. Ты пойдешь?

— Не знаю. Ведь это не обязательно.

Так болтали они о пустяках, лишь бы не молчать. Все время Янка чувствовал невысказанный вопрос в глазах Айи, хоть она и старалась казаться равнодушной. Ты был *там*? Ты встретил *ее*? И о чем ты теперь думаешь?

Если бы это была Лаура и мешок, который он нес, принадлежал ей... Представив себе, что и Лауре пришлось бы так ходить со старьем на рынок и показывать свою бедность любопытному взору посторонних, Янка почувствовал, как у него сжимается сердце. Но об Айе такие мысли не приходили ему в голову, хотя она тоже была молода и, по-видимому, так же стыдилась бедности, как стыдилась бы ее Лаура. Парупы считались самым бедным семейством в лесу. В селе они все время нуждались. Уезжая из тайги, ничего особенного не смогли продать, поэтому сейчас в городе они распродавали остатки, чтобы пополнить запасы продовольствия в дальнюю дорогу. Старый Паруп, так же как и мать Айи, плохо знал русский язык, поэтому все дела вела Айя; ее брат Рудис был еще слишком мал, чтобы помогать сестре.

Когда показались первые шалаши беженцев в сосняке, Айя сказала:

— Дай мне мешок. Я уже отдохнула.

Янка не отдал. Он донес мешок до самого шалаша Парупов и поставил у входа. Сармите, Эльза и Эльга ушли собирать шишки, Эрнест строил шалаш для Зариене, а Карл еще не вернулся из города — вероятно, зашел проведать старого боевого товарища Черняева.

Забравшись в шалаш, Янка наскоро поел и, взяв карандаш и бумагу, стал писать Лауре большое письмо. Это было не обычное письмо, а маленькая поэма — отрывки ее, написанные ранее в виде отдельных стихов, Янке пришлось только привести в порядок. В ней ни разу не упоминалось имя Лауры и нигде не говорилось «я люблю тебя», но смысл этих стихов мог быть непонятен разве только слепому.

Окончив поэму своей любви, Янка подписал ее инициалами Я. З. и, заклеив конверт, прошил для верности нитками, потом спрятал письмо в нагрудном кармане гимнастерки — до подходящего момента, когда можно будет вручить его Лауре. Получит ли отклик этот призыв, исходящий из его юной души, или, не услышанный, не понятый, даже презираемый, останется гласом вопиющего в пустыне?

5

В середине августа в лагерь прибыли последние латышские беженцы, и с ними — Симан Бренгулис. Он приехал на трех тяжело груженных возах; за телегами шли четыре лучшие коровы; он вез с собой полные лари, бочки и мешки продуктов. Появление Бренгулиса завершило формирование лагеря. Теперь все латыши

собрались вместе, и первый хозяин села опять оказался среди большой семьи. Беднейшие беженцы, вспоминая, как Бренгулис помогал им в лесу, сразу почувствовали себя увереннее: неужели в трудный момент богатый земляк не выручит? Мелкие людишки так и липли к состоятельному хозяину, готовые услужить ему, чем только можно. Они построили Бренгулису шалаш, самый большой во всем лагере, покрыли его камышом, а перед шалашом сложили очаг и сушилку для сушки сухарей. Некоторые избранные даже удостоились особой чести: Бренгулис пригласил их помочь распродать лошадей, коров и многочисленное домашнее имущество. Зариене с дочерью помогала Прасковье Егоровне коптить свинину и сушить сухари.

Шалаш Бренгулиса стал центром лагеря и Бренгулис — его неофициальным главой.

Жизнь в лагере в это время была довольно сносная: погода стояла теплая, еды хватало, и настроение у людей тоже было хорошее — на родину едут, домой...

Янка ежедневно отправлялся в город в надежде встретить Лауру, но ему не везло. Он прогуливался по базару, долго вертелся в «эваке», иногда даже, набравшись смелости, проходил по переулку, где жили Ниедры, но ему не суждено было увидеть Лауру. Изнывая от тоски, он, однако, не отважился еще раз появиться в квартире Ниедр, хотя теперь это было так просто — следовало только быть решительнее.

Так прошла неделя.

6

В понедельник Янка получил новые ботинки. За них, правда, пришлось заплатить сто восемьдесят тысяч рублей, но зато это были настоящие «танки» из юфти, прочные, не боящиеся воды. Этим приобретением Янка был обязан Карлу — тот присмотрел «танки» на базаре и купил их для него. Карл убедил домашних, что пора обуть малыша, так в семье называли Янку. Эрнест, правда, ворчал, что лучше бы на эти деньги купить муки, возражала и Эльза, но Карл настоял на своем. Янка смог в понедельник вечером впервые отправиться в городской парк на симфонический концерт.

Он давно уже мечтал об этом. Парк был излюбленным местом вечерних прогулок горожан. Люди приходили сюда в своей лучшей одежде. Фриц Силинь, с которым Янка состоял в большой дружбе, чуть ли не каждый вечер уговаривал его пойти погулять, но Янка отказывался. Теперь они отправились в парк вдвоем.

Парк находился в центре города, рядом с базарной площадью. Ничего особенного он собой не представлял: тенистая осиновая аллея, несколько скамеек, маленькая эстрада для музыкантов и простой дощатый павильон со сценой, где местная театральная труппа три раза в неделю выступала с представлениями. Музыканты и актеры были хорошие — многие приехали из больших столичных театров, чтобы спастись от голода. Здесь еще не ощущалось недостатка в продуктах.

На заборе, с обеих сторон у входа, были наклеены афиши — грубые плакаты из серой бумаги, на которых коричневой краской от руки была написана программа. В тот вечер ставили «Без вины виноватые»*. Купив билеты, Янка с Фрицем вошли в парк. Еще было рано, и на эстраде не появлялся ни один музыкант. По аллее прогуливались редкие парочки. Обойдя раза два вокруг парка, парни уселись на скамейке поближе к эстраде. Кое-где зажглись редкие электрические лампочки, дорожка парка озарилась бледным туманным светом, а под деревьями, где стояли скамейки, по-прежнему царила темнота. Сидевшие там могли узнавать проходящих мимо, сами оставаясь в тени невидимыми.

Понемногу собралась публика. Пришли скрипачи, пианистка открыла крышку пианино, и потихоньку пробовал свой инструмент кларнетист. Вдруг перед глазами Янки мелькнуло что-то знакомое, он, покраснев, еще глубже отодвинулся в тень, не спуская глаз с двух девушек, которые медленно проходили мимо скамейки. Это были дочери Ниедры — Рута и Лаура.

— Пойдем погуляем... — предложил Янка.

— Пойдем... — согласился Фриц, и они смешались с толпой гуляющих. Людской поток двигался в двух направлениях, словно два сомкнутых кольца, заключенных одно в другом, крутились в разных направлениях. Янка и Фриц влились в поток, двигающийся слева направо. Медленно прохаживаясь, можно было за несколько минут обойти весь парк. Таким образом Янка вскоре

должен был встретить идущую в противоположном направлении Лауру. Но местами на аллее становилось так темно, что даже вблизи нельзя было узнать встречных, — вероятно, поэтому Янка прошел первый круг, не увидев Лауры, хотя очень внимательно всматривался в гуляющих. Когда они проходили мимо освещенных ворот парка, вошел Эдгар Ниедра с незнакомой латышской девушкой. Они хотели было впереди Янки влиться в круг гуляющих, но в этот момент Эдгар заметил Янку и слегка вздрогнул. Сделав вид, что не узнал смутившегося парня, Эдгар резко отвернулся и пошел в сторону. Рука Янки, протянувшаяся для приветствия, неловко ухватилась за пуговицу гимнастерки и, нервно потеребив ее, медленно скользнула вдоль туловища. Униженный и отвергнутый, он замкнулся в себе; правда, Фриц Силинь не заметил ничего, но все же... сам себя ведь не обманешь. Янка понял, что Эдгару по каким-то соображениям неудобно встретиться с ним и признать его.

Немного погодя он в кругу света около эстрады опять увидел Лауру и Руту. Они шли навстречу, разглядывая публику. Янке показалось, что он уже замечен ими, потому что Рута издали пристально посмотрела на него, затем что-то сказала Лауре и та взглянула в сторону Янки. Когда их разделяло расстояние в несколько шагов, Янка, подняв фуражку, приветствовал девушек.

Но они отвернулись...

Отойдя немного, Янка оглянулся и встретился взглядом с Лаурой. Значит, она заметила его, знала, что он здесь, и все же не ответила на его приветствие. Почему?

Минутой позже Лаура и Рута сели на скамейку в освещенном месте аллеи. Еще один круг по парку, еще раз Янка прошел по самому краю дорожки, чтобы оказаться ближе к скамейке. Издали на него смотрели глаза Лауры. Поравнявшись со скамейкой, Янка еще раз приветствовал их:

— Добрый вечер...

Девушки опустили глаза и... не ответили.

Янке казалось, что мощная волна крови, которую нагнало смущенное сердце, задушит его. Все вокруг потемнело, грудь больно сжалась. Он растерянно что-то пробормотал, выбрался из толпы и сел на первую свободную скамейку.

— Что с тобой? — Фриц Силинь с удивлением посмотрел на друга. Янка пробормотал что-то бессвязное. Немного успокоившись, он обдумал случившееся. Неужели они действительно из гордости не ответили на его приветствие? Возможно. Но могли быть и другие причины: скорее всего они надеялись одна на другую — Лаура думала, что ответит Рута, а Рута — что ответит Лаура. Несмотря на волнение, Янка заметил, что при его приветствии Лаура покраснела. Может быть, она думала, что он остановится, подойдет к ним, надеялась, что он окажется смелее?

Позднее, во время концерта, Янка несколько раз ловил на себе взгляды Лауры, то тайные, то открытые. Они опять придали ему смелости, будили надежду. Ему даже начало казаться, что Лаура неравнодушна к нему.

После первого отделения концерта начался спектакль. Войдя в павильон, Янка окинул взглядом публику и сразу нашел то, что искал. Но Лаура первая заметила его и время от времени незаметно для сестры оглядывалась на сидящего сзади Янку. Короткие мгновения, игра глазами — так мало и в то же время так много, если человеку понятно значение этой игры.

Янка знал, почему глаза его всегда находят Лауру: ведь он любил... А почему она искала его взгляда? Любопытство? Простая случайность? Может быть, и нет, он не верил этому и ничего не понимал.

В антракте Янка спросил Фрица Силиня:

— Можешь ты оказать мне услугу?

— Отчего же нет, — отозвался Фриц. — Что ты хочешь?

— У меня есть письмо. Его нужно передать вон той девушке, видишь, в третьем ряду, четвертая справа.

Он указал на Лауру. Убедившись, что Фриц запомнил ее, вкратце рассказал, кто она, где живет и как легче всего ее встретить. Потребовав, чтобы друг дал честное слово никому об этом не рассказывать, Янка дождался, пока в павильоне стемнело, и передал Фрицу письмо.

— Когда будешь его отдавать, ради бога старайся сделать это так, чтобы никто не видел, — был его последний наказ.

Фриц Силинь попытался было выполнить данное ему поручение в тот же вечер, после спектакля. Не ожидая окончания последнего действия, он вышел из павильона

и встал у входных дверей, из которых должна была выйти Лаура с сестрой. Ему, правда, удалось увидеть их выходящими, но в толпе он потерял девушек и уже не мог найти — все огни в саду погасили, потому что концерт окончился.

— Ничего, я передам завтра, — успокаивал он Янку. — Это такой пустяк. Дождусь ее на улице — и в мгновение ока все сделано. А ты, шельмец, где такую красавицу подцепил? У нас в лесу ни одной такой нет.

Янка слушал и улыбался про себя.

7

На следующее утро в эвакуационном отделе сообщили, что для бийских беженцев эшелон на август не предусмотрен. Стало ясно: вагоны придется ждать еще по крайней мере две недели.

Настроение беженцев заметно упало — каждый лишний день, который приходилось томиться в лагере, ухудшал перспективы благополучного возвращения на родину. Накопленные запасы продуктов постепенно иссякали; у некоторых сухарей в мешке заметно убавилось. А в скором времени следовало ожидать осеннего ненастья и заморозков. Долго ли они тогда выдержат в своих шалашах?

— Хоть бы успеть сесть в вагоны, пока сухо, — рассуждали люди. — Если начнутся морозы, где в такой тесноте высушишь тряпки? Двадцать семь человек в маленьком товарном вагоне — там и повернуться негде будет.

Да, перспективы становились все более мрачными, но причитаниями делу не поможешь. Беженцы вооружились терпением и утешали себя надеждами, что к началу сентября им дадут вагоны. Ведь это «эвак» собрал их сюда со всего уезда, значит, он позаботится и об их отправке.

Меньше всех унывал Янка. Его жизнь только здесь приобрела содержание; любым способом ему нужно было перед отъездом завершить одно важное дело. Янка через день ходил в городской парк, бродил по базару и набережной, но встретить Лауру ему не удавалось. Фриц Силинь старался с усердием настоящего друга. Он подолгу кружил по базару и переулкам, прилегающим к берегу реки, но письмо Янки по-прежнему не было передано. И Янка уже начал подумывать о более решительных шагах.

Наступил конец августа. Янка весь день просидел в шалаше, приводя в порядок свой «архив». Он узнал, что на границе отбирают рукописи и редкие книги. О книгах он не горевал — их все равно придется по дороге продать, когда нечего будет есть; жаль лишиться рабочих набросков первой написанной им поэмы. Он отбирал важнейшее и то, что казалось наиболее ценным, вписывал в общую тетрадь — надо думать, что ее-то у него не отнимут.

Обезопасив таким образом большую часть своих «сокровищ», Янка под вечер вместе с другими парнями пошел на Бию искупаться.

В лагере их встретили звуки гармони. В сосняке, за шалашом Бренгуля, танцевали. Сюда пришло много латышей, живущих в городе. В надежде встретить Лауру Янка направился туда. Лауры не было, но появился Эдгар Ниедра с той же самой девушкой, которую Янка видел в парке в прошлый раз. И, так же как в тот раз, Эдгар сделал вид, что не знаком с Янкой, и даже отвернулся, чтобы не отвечать на его приветствие. Поняв это, Янка все время держался поодаль. Там была и Айя, разгоряченная, с пылающими щеками, она танцевала с Рейнисом Сакнитисом и городскими парнями. Временами она поглядывала через плечо партнера на Янку, однажды даже улыбнулась и, кончив танцевать, подошла к нему:

— Почему не танцуешь?

— Разучился, — пошутил Янка.

— Иди, я тебя снова научу, — засмеялась она.

— Как-нибудь в другой раз.

— У, какой ты ленивый...

Устав от танцев, она быстро, прерывисто дышала. И, словно ритм танца освободил ее от каких-то условных уз, она весело резвилась, лукаво улыбалась, точно хотела вызвать Янку на какую-нибудь отчаянную проделку. А потом вдруг снова сделалась серьезной, той тихой, спокойной Айей, которую Янка знал в тайге.

— Отец заболел... — промолвила она. — Боимся, не холера ли.

— Это плохо. Надо пригласить врача. Железнодорожная амбулатория обслуживает беженцев бесплатно.

Разговаривая, они медленно удалялись от танцевальной площадки в пустынный конец сосняка.

— Врача? Мы бы позвали, но боимся, что отца отправят в холерный барак.

— Да, верно. Но и в шалаше оставлять его опасно. Могут заболеть остальные... да и ты сама. С холерой шутки плохи.

Она с таким хладнокровием говорила о смерти, точно у нее в жизни ничего больше не осталось, — эта юная девушка, которая только что пережила восемнадцатое лето.

— Мальчик Весманов лежит в тифу. Тоже опасно, но они его держат в шалаше. Спасения все равно нет. А уж если умирать, так лучше у своих, чем в каком-то бараке.

За сосняком опять раздались звуки гармони.

— Может, вернемся? — напомнил Янка. — Опоздаешь к танцам.

— Ничего, мне хочется немного отдохнуть. Где здесь дорога к реке? Я еще не ходила туда.

— Я покажу...

Но тут наступил конец их прогулке. Не успели они дойти до дороги, ведущей к реке, как за спиной послышался голос Фрица Силиня:

— Янка, обожди!

Они остановились, испуганно посмотрели друг на друга, словно стыдясь чего-то. Фриц догнал их.

— Янка, мне нужно тебе что-то сказать... — произнес он, задыхаясь. — Я иду из города.

Айя вопросительно взглянула на Янку, но тот, стиснув зубы, отвернулся, сдерживая волнение.

— Ну хорошо, я вам не буду мешать... — сказала она и медленно пошла вперед, вероятно, надеясь, что ее окликнут. Янка молчал.

— Ну, что? — спросил он, когда Айя скрылась.

— Дело сделано, — гордо отозвался Фриц.

— Что именно?

— Я передал письмо.

— Иди ты! — Янка пытался засмеяться, но смешок оборвался. — Как тебе это удалось?

— О, это целая история.

Словно два заговорщика, они углубились в лес.

— Начиная с полудня я дежурил на берегу реки, в том месте, где Ниедры берут воду, — рассказывал Фриц. — Но все время приходили либо мать, либо сестры. Один раз я даже заглянул через ворота во двор, но и там ее не увидел. Тогда я отправился на базар. Вижу, идут две. У одной в руке ведро, у другой корзинка. Ходят возле телег, прицениваются. Я обошел кругом и повернул их навстречу. Вижу, что это те самые, которых ты мне тогда в театре показал.

— Лаура и Рута? А как же ты сумел передать письмо, если Лаура была не одна?

— Погоди, все узнаешь. Лаура держала в руке ведро. Я понял, что сейчас нельзя отдать письмо, потому что та, другая, это увидит и Лаура постесняется взять его. Я выбрал такой момент, когда кругом было много народу, подошел и незаметно бросил письмо в ведро.

— Сумасшедший! — воскликнул Янка. — Зачем ты это сделал?

— А как же иначе? Мне ничего другого не оставалось.

— Ну, и дальше?

— Дальше было вот что. Они некоторое время ходили по базару, что-то покупали. Потом Лаура вдруг заглянула в ведро и увидела письмо. Взяв его в руки, она показала сестре. (Янке стало нехорошо.) Сестра взяла письмо, вскрыла, заглянула в него и со смехом бросила обратно в ведро. «Это же не мне, а тебе...» — произнесла она. Вскоре они ушли домой.

— И это все?

— Да, а что же ты еще хотел? Теперь, дружок, дальше сам действуй.

— Ну, хорошо, спасибо и за это... — сказал Янка. — Но ты только представь себе: что если она это письмо принесет домой и прочитает всей семье? У меня волосы дыбом становятся, когда я думаю об этом. Рута уж во всяком случае прочтет его.

— Ну и что ж? — удивился Фриц. — Ты ведь для того и писал, чтобы знали твои думы.

— Да, но не все. Я писал ей одной.

— Ты ведь не подписался полностью, а поставил только инициалы.

— Все равно догадаются, что это писал я. Да и по содержанию поймут, ведь я о себе говорю.

— Какой ты смешной! Пусть знают, пусть поймут — от тебя кусок не отломится. Ничего страшного.

— Ладно, будь что будет — по крайней мере все станет ясно.

Лаура все знала. И теперь она либо посмеется над робким влюбленным, либо станет мечтать вместе с ним. А остальные — если и им все стало известно — Эдгар, Рута, Вилма? Как посмотришь ты этим людям в глаза, ты, безумец?

На следующий день у Янки не хватило смелости пойти в город, он боялся случайно встретить кого-либо из Ниедр и по выражению их лиц прочесть ответ на свои сомнения и догадки. Он еще ничего не знал, но боялся самого плохого — насмешек. Если и нельзя будет избегнуть их, то все же лучше на несколько дней отдалить неотвратимое и немного привыкнуть к неизбежному удару.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

В конце августа в павильоне городского парка ставили «Сверчок на печи»*. В тот день женщины стирали, и Янка все время таскал хворост и воду. Под вечер он приоделся, начистил до блеска новые ботинки и вместе с Фрицем Силинем отправился в город. Целый час они бродили по улицам, изучали афиши и не могли договориться, куда пойти. В кинотеатре — новая программа, в цирке предстояла решающая борьба между украинским великаном Терещенко и татарским чемпионом Сулейманом, а в городском парке помимо театрального представления будет еще и симфонический концерт. Повсюду интересно и заманчиво, но если бы знать, куда пойдет Лаура...

У Фрица не было никаких особых интересов, поэтому он избрал цирк. Янка отправился в городской парк. Они условились: если Лаура окажется в цирке, Фриц придет за ним.

Янка вошел в парк, когда дирижер раздавал оркестрантам ноты первого произведения. Он выбрал свободную скамейку поближе к эстраде. Раздались первые

такты музыки. К скамейке Янки подошел пожилой латыш Сермукслис — тихий, интеллигентный человек; Янка несколько раз встречался с ним в канцелярии «эвака». Сермукслис был одним из тех редких беженцев, которые еще могли похвастаться приличной одеждой, белым воротничком и крахмальными манжетами. В годы эвакуации он руководил в горах большим кооперативом. Обескураженный высокомерием Эдгара Ниедры и других спесивых земляков, Янка отодвинулся на конец скамейки, когда Сермукслис опустился рядом.

Но Сермукслис был человек другого сорта. Послушав немного музыку, он вдруг повернулся к Янке и заговорил с ним как со старым знакомым.

— Ведь это латышский мотив.

— Кажется, да, — ответил Янка. — Вероятно, какое-нибудь попурри.

— Не правда ли, несколько необычно слышать нашу народную песню на краю света? — продолжал Сермукслис. — И ведь среди музыкантов нет ни одного латыша, это я точно знаю.

Скоро они разговорились. Янка впервые встретил человека, с которым можно было свободно беседовать на любую тему, занимавшую его беспокойный ум. Сермукслис ценил и понимал музыку, много читал и в свое время был лично знаком со многими видными латышскими поэтами, которыми восхищался Янка. И теперь этот человек, близкий тому удивительному миру, куда стремились робкие мечты молодого Зитара, сидел рядом, дружески разговаривал с ним, прислушивался к его мыслям, понимал его — будто они были равными и радовались тому, что встретили друг друга.

Это нечаянное знакомство имело для Янки совершенно неожиданные последствия. Сермукслиса знало все «лучшее» общество беженцев, и его дружба с простым парнем из тайги не могла укрыться от их взоров.

Увлеченные беседой, они не заметили человека, который вошел в парк и сел на скамейку напротив них. В первый момент он собрался было уйти, но потом, заинтригованный, остался на месте в ожидании, когда Сермукслис заметит его. Но их беседа была так интересна — Янка передавал содержание очерка Гейне о Паганини, — что им некогда было смотреть по сторонам, и

человек (сам Эдгар Ниедра во всем своем великолепии) наконец встал и подошел к ним.

Янка вздрогнул, увидев перед собой стройную фигуру гордого парня. Но удивлению его не было границ, когда Эдгар дружески протянул ему руку и фамильярно сказал:

— И *ты* наконец пришел?

Вот что значит сидеть рядом с Сермукслисом. Тут даже самый спесивый преодолеет предрассудки, пожмет руку и заговорит как со старым другом.

— Продолжайте, — сказал Сермукслис, когда Эдгар сел с ними рядом. — Паганини находился на острове...

— Там он играл на скрипке. Вечером горожане катались на лодках возле острова и слушали невидимого скрипача. Возвратившись домой, они рассказали об этом друзьям, и в следующие вечера у острова собралось еще больше лодок. Скоро рассказы об удивительном скрипаче дошли до ушей губернатора, и он пожелал услышать игру этого странного человека.

— Это не тот ли маленький, горбоносый? — спросил Эдгар, указывая на тщедушную первую скрипку капеллы. (Тот, водя смычком, косился на публику, наблюдая, какое впечатление производит его игра на слушателей.)

Янка не знал, что и сказать. Не хотелось ставить в смешное положение гордого Эдгара, но в присутствии Сермукслиса нельзя было и замолчать его ошибку.

— Мы говорим о знаменитом итальянце, — пояснил Сермукслис.

Маленькое происшествие все-таки нарушило течение беседы, и, когда Янка, сократив рассказ, закончил свое повествование, разговор перешел на общие темы. Но, на свою беду, Эдгар захотел продолжить разговор на прежнюю тему; дело в том, что при чтении книг и журналов ему иногда попадались умные изречения о музыке и музыкантах; эти изречения нужно было продемонстрировать — возможно, Сермукслис примет их за собственные мысли Эдгара.

— Я могу отличить любой инструмент в оркестре, как бы он тихо ни играл, — похвастался Эдгар. Это он читал об известных дирижерах и композиторах. Он также может уловить каждую фальшивую ноту — он, который не знал названия ни одного из сыгранных в тот вечер опусов и фантазию на тему «Кармен» принял за марш-

попурри. Чтобы не дать парню совсем провалиться, деликатный Сермукслис направил разговор на эвакуационные темы. Такой прозаический поворот Эдгару не понравился, потому что, разговаривая на обыденные темы, нельзя блеснуть мнимой интеллигентностью.

Народу в парке становилось все больше, и наступил момент, когда Янка Зитар не смог закончить начатую фразу: прямо против них, на той скамейке, где только что сидел Эдгар, оказались Лаура и Рута. В саду еще было светло, и Янка не мог спрятать лицо в тени, — оно расцветилось красными пятнами явного смущения, а лоб неизвестно почему покрылся испариной, хотя воздух был довольно прохладный.

Что теперь будет? *Она* здесь! Она все знает! Ты приближаешься к большому перекрестку жизни, завтра не будет того, что сегодня! Чего ты боишься? Как грустно играет скрипка в этих тусклых сумерках, она словно предвещает твою судьбу; угрюмо звучит виолончель, и грозно грохочут басы. Ах, Янка Зитар, отчаянный безумец! Зачем тебе надо было спешить? Ты спрашивал и теперь должен получить ответ, потому что ты сам этого желал. Но почему этому суждено произойти здесь, в людном парке, где сотни чужих глаз, как лучи прожектора, открывают все тончайшие колебания твоей души? Почему это не уединенная горная лужайка, не тенистая лесная дорога или тихий берег студеных струй, где среди скал тихо журчит вода и только одни птицы — свидетели твоего счастья или беды?

Эдгар разговаривал с Сермукслисом. Янка боязливо взглянул в сторону скамейки и встретился со взглядом Лауры. Она дружески смотрела на него. Янка приподнял фуражку, и обе девушки ответили ему. И больше он не смотрел в ту сторону, а повернулся к собеседникам, хотя не слышал и не понимал ни слова из того, что они говорили. Вновь послышалась музыка, и опять наступила тишина. Затем раздался звонок, приглашающий публику в павильон. Начинался спектакль.

Эдгар с Сермукслисом вошли в павильон. У Янки тоже был билет, но он не пошел смотреть спектакль, потому что Лаура и Рута остались в парке. В пяти шагах друг от друга в тени трепетных осин сидели они в тот вечер. Но Янке казалось, что между ними лежат широкие дали, моря и горы. Подперев голову руками,

он, ни о чем не думая, уставился в землю. Но это раздумье было полно напряжения; в ушах звенело, пальцы, поддерживающие голову, дрожали. Быстро стемнело. Из-за вершин деревьев выплыла бледная, надменная луна; казалось, и ей было холодно в этот прохладный вечер. На опустевшей эстраде горела одинокая лампочка. Музыканты ушли отдохнуть, и редкие парочки походили на бесшумно скользящие призраки.

Вдруг Янка услышал голос Лауры.

— Ян! — произнесла она одно-единственное слово. Он вздрогнул, точно к нему прикоснулся пылающий уголь; он слышал зов, но не знал, действительность это или сон. Янка выждал, не повторится ли зов, затем поднял глаза и посмотрел *туда*. Рута сидела на конце скамьи и всматривалась в темный парк, а Лаура... Неужели и это галлюцинация? Даже если она не звала его, то сейчас она так неотступно и призывно смотрела на него. И этот взгляд объяснял все. Она приглашала, ждала, ее глаза ласкали, и робкая улыбка обещала все, что только может обещать сердце, впервые пробудившееся для любви.

Перекресток достигнут. Теперь ничто не мешало Янке встать и перейти через дорожку. Если бы он встал и подошел к Лауре, его дальнейшая жизнь сложилась бы совсем иначе. А ведь он только об этом и мечтал, все его существо стремилось туда, навстречу этому призыву, и ничто не удерживало его. Но когда Янка встал, послушный сильнейшему влечению своего существа, он... медленно направился в другую сторону. Уже делая первый шаг, он понял, что это ошибка, хотел вернуться, исправить оплошность, но ноги не повиновались, уносили его все дальше и дальше. Он мысленно ругал себя, бесновался в предчувствии беды и понимал, что этот неверный шаг отразится на всей его жизни, но сопротивляться тому, что происходило, не было сил.

Опять зазвучала музыка. Янка сделал круг и вернулся на прежнее место к эстраде. Обе скамьи пустовали. Около дорожки, прислонившись к осине, стояла Лаура. Руты нигде не было. Очевидно, она намеренно ушла, думая, что мешает Янке подойти к Лауре. Он понял это, и ему представилась сегодня вечером еще одна возможность исправить промах. Ах, если бы к нему пришла та смелость, которая помогла ему в тот первый день

навестить Ниедр в Бийске, он подошел бы к Лауре и заговорил с ней. Но Янка уже не был тем смелым и уверенным парнем, каким пришел из тайги. Он не смел поверить, что Лаура ради него осталась одна, помогает ему, ободряет его, ждет. Он так и не подошел к ней.

Вскоре Лаура вместе с сестрой ушла домой. Сразу стало пусто в парке. Янка, словно в бреду, полный отчаяния и презрения к себе, возвратился в лагерь. Ночевал он в ту ночь под открытым небом, у входа в шалаш. Никогда не простит он себе то, чего *не сделал* в тот вечер. Только много, много позднее он по-настоящему осознал, как велика была его ошибка.

2

С реэвакуацией что-то было не в порядке. Бренгульцы уже четвертую неделю жили в лагере. Наступил сентябрь, а заведующий «эваком» все еще не мог сказать, когда им дадут вагоны. Они каждое утро, как на работу, отправлялись в канцелярию «эвака», и всегда им отвечали одно и то же:

— Еще нет распоряжения из сибирского «эвака». Зайдите завтра.

Время от времени, чтобы хоть немного поддержать настроение беженцев, называли какую-нибудь дату, когда якобы прибудут вагоны. Но не успевала она наступить, как срок переносили дальше. Между тем похолодало, запасы продуктов шли к концу, и в лагере распространились болезни. Старого Парупа отвезли в холерный барак; двумя днями позже заболела Валтериене и Эльга Зитар. Умер от тифа мальчик Весмана — первая жертва, за которой вскоре последовали другие.

Разочаровавшиеся беженцы больше не верили обещаниям «эвака», в лагере царило мрачное предчувствие: как бы здесь не пришлось зимовать.

Вместе с этим сознанием пробудился инстинкт самосохранения. Люди начали приспосабливаться к обстоятельствам, бороться за свое существование. Мужчины ходили по городу в поисках работы. Пилили дрова, таскали мешки на большой мельнице и грузили баржи. Женщины ходили в деревни копать картофель. Все продавали последнее, что еще можно было продать. Они не

хотели сдаваться теперь, перед последним испытанием.

Распространились слухи, еще больше встревожившие людей. Якобы распоряжение сибирского «эвака» об отправке получено давно, но заведующий бийским «эваком» скрыл его. Почему? Транспорт в эти дни находился в весьма тяжелом положении, не хватало вагонов, паровозов. Если появлялся свободный состав, его забирали для нужд армии или перевозки продовольствия.

Карл и Эрнест Зитары пилили дрова для железной дороги. Сармите и Айя копали в ближних деревнях картофель — их за это кормили и за день работы давали корзину картофеля. По вечерам Карл и Янка ходили встречать девушек и помогали им нести корзины — от деревни было верст шесть. Длинен был рабочий день, а заработок мал. Кулаки, зная, в каком положении беженцы, скупились: на обед жидкая похлебка; кусок хлеба с огурцом или листом капусты в полдник. Ешьте на здоровье, добрые люди, и нажимайте на работу! Работодатель не стеснялся при этом сказать какую-нибудь непристойность или обнять женщину помоложе. Вдова Зариене, которая по врожденной любезности не могла никому отказать, зарабатывала немного больше других женщин, копавших картофель, поэтому Эрнесту, иногда приходившему встречать ее, доставалась более тяжелая ноша, чем братьям. Зная, откуда взялась эта добавка, Эрнест не хвалил Зариене, наоборот: мелкие скандалы и даже потасовки стали обычным делом в их быту и такой же необходимостью, как воинский эшелон у станции, треньканье балалайки и голоса голодных девушек-беженок в вагонах. Ни для кого уже не было секретом, как эти девушки получали по полкаравая солдатского хлеба и полные котелки горячих щей. У костров уже не слышалось прежнего веселья.

Шла жестокая борьба за существование. Каждый боролся как умел. Каждый продавал то, на что находил покупателя.

Однажды вечером Янке показалось, что в одном из воинских вагонов он услышал голос Айи. Хотя он в последнее время почти не думал о ней, мысль о том, что Айя может быть *такой*, его глубоко потрясла. Ему казалось, что он в чем-то виноват перед ней. Вернувшись в лагерь, он увидел Айю у костра, и у него отлегло от сердца. *Этого* еще не случилось. Но надолго ли? Старый

Парук лежал в холерном бараке, откуда редко кто возвращался, мать Айи умела только стонать да плакать. Кто поможет Айе устоять на ногах, когда буря бедствия пошатнет ее маленькую, беззащитную жизнь?

3

Привычные ко всяким превратностям судьбы, люди эти потеряли в кровавых грозах родину, истомились в лесах и темных горных оврагах, ходили в лохмотьях, с закопченными в дыму лицами, дрогли и голодали, и теперь они стали живучими, научились терпеть и стоически переносить все невзгоды. И до тех пор пока теплилась в их груди хоть искра жизни, они не знали усталости и не переставали надеяться на светлые дни. И вот теперь с каждым днем все горше становилась их судьба — им грозила смерть. По одному уходили от них более слабые товарищи, железным обручем стягивались вокруг них холод, болезни, голод. И вот тогда они не выдерживали и раздавался крик протеста. Они собирались суровыми, грозными толпами и требовали справедливости.

— Отправьте нас отсюда, мы не можем больше ждать! Дайте вагоны, дайте хлеба!

Они окружали «эвак», не уходили из канцелярии, не внимая ни угрозам, ни уговорам. Они собрали деньги и отправили телеграмму в Омск в «эвак» Сибири. Они созвали общее собрание беженцев всех национальностей и избрали делегатов для поездки в Барнаул в губернские учреждения.

Старого заведующего «эваком» отстранили от должности, а на его место назначили нового. Тот сообщил, что отправка будет не позднее двадцатого сентября, то есть через две недели, а чтобы ожидание не казалось таким тягостным, детям и нуждающимся семьям беженцев станут выдавать хлеб — по полфунта в день. Предложили избрать комиссию из беженцев, которая должна обследовать их положение и составить списки нуждающихся. В эту комиссию от жителей тайги вошел и Янка Зитар: нужен был человек, способный вести переписку. Карл несколько раз узнавал в городе о Черняеве, но он

находился в длительной командировке, поэтому устраивать дела беженцев пришлось без его помощи.

Вместе с другими членами комиссии Янка обошел лагерь, и только теперь выяснилось, сколько горя кроется в этих шалашах. Удивительно, как эти люди еще влачили существование и как только у них хватило смелости пуститься в далекий путь.

Когда Янка сдавал список в «эвак», туда явился и Эдгар Ниедра. И случилось маленькое чудо: Эдгар сам подошел к Янке и протянул ему руку, хотя в «эваке» в этот момент находилось несколько земляков из «высшего круга». Немного погодя Янка встретил на улице Руту, и она на этот раз узнала его и тихо ответила на приветствие, видимо, потому, что вблизи никого не было. Но когда на следующий день он увидел Руту у ворот городского парка читающей театральную программу, она уже не узнала Янку и при его приближении поспешно ушла. Поблизости находились люди.

Позднее Янка заметил одну особенность в поведении Руты: если она была вместе с Лаурой, она держалась довольно любезно, иногда даже улыбалась, здороваясь с Янкой, но проходила мимо с ледяным равнодушием, если была одна. Постепенно он начал догадываться о причинах подобного поведения: Рута знала о его отношении к Лауре и знала, как смотрит на него сестра, поэтому в ее присутствии изображала любезную покровительницу их дружбы, но за спиной сестры старалась уничтожить в Янке всякую надежду, оттолкнуть его, оскорбить, вызвать раздражение, чтобы ему и в голову не приходило приблизиться к Лауре. Значит, Лаура была на его стороне, против желания сестры разделяла с ним его большую мечту. Он убеждался в этом всякий раз, встречая Лауру. Она выглядела такой солнечной, ее взгляд выражал такую ласковую нежность и робкий призыв, какой может быть только у любящего человека. И тем не менее еще раз подойти к ней он не решался.

И снова Янка написал письмо, более ясное, чем первое. Он объяснил, почему в тот вечер в парке не подошел к ней, и обещал в следующий раз быть смелее.

Следующий раз наступил скоро — в тот же вечер, когда Янка написал письмо. Он вместе с Фрицем отправился в парк. Денег хватило лишь на концерт, занимать у приятеля не хотелось. И на спектакль поэтому пошел

только Фриц. Пройдя круг, Янка увидел в темноте на скамейке двух девушек. На одной была точь-в-точь такая юбка, как на Лауре в прошлый раз, но другая никак не походила на Руту. Проходя мимо, он услыхал, как первая сказала: «Ведь это же Ян...» — это не был голос Лауры. Да, но кто же это?

Янка продолжал гулять по парку, не решаясь подойти. Девушки тоже встали и пошли по аллее. Он следовал за ними и все-таки не мог их узнать. Тогда он присел на скамейку, где только что сидели подруги. Они заметили Янку и, тихо о чем-то переговорив, сели рядом с ним. Все трое молчали. Это была волнующая тишина, полная немого ожидания и напряженности. Двое, конечно, ждали, что раздастся знакомый голос и они узнают, кто сидит рядом. Но никто не осмеливался заговорить первым. По временам девушки перешептывались. Янка не слышал ни слова, но знал — говорят о нем. Они изредка посматривали в его сторону.

Окончилось первое действие. В антракте вышел Фриц, отыскал Янку на скамейке и закурил папиросу. Янка, воспользовавшись вспышкой спички, взглянул на соседок. Рядом с ним сидела Вилма Ниедра (хорошо, что он в темноте не позволил себе ничего лишнего; письмо жгло его карман, и не хватало еще, чтобы оно оказалось в руках Вилмы). Другая была Лаура. Они сегодня поменялись одеждой.

Фриц сел рядом с Янкой. Девушки сразу поднялись и отправились гулять — очевидно, присутствие Фрица их смущало. Если бы Янка был чуть поопытнее, он бы понял, что сейчас наступило время заговорить с девушками. О Фрице нечего беспокоиться — он бы не обиделся, что его оставили одного. Но Янка был еще неопытен и робок, поэтому, как только девушки удалились, он отдал письмо Фрицу и положился на сноровку друга.

— Вечер темный, может быть, тебе удастся...

— Хорошо, постараюсь.

И Фриц старался, скрытый темнотой и подбадриваемый собственным равнодушием. Фриц шел за девушками по пятам, соразмеряя свои шаги с их походкой, и ждал подходящего момента. Наблюдая издали, Янка наконец увидел, как он на мгновение поравнялся с Лаурой и затем, описав большой круг, направился к павиль-

ону, так как прозвенел звонок, извещающий о начале действия. Девушки пошли к воротам и через базарную площадь — домой. «Значит, сделано», — радостно подумал Янка.

Второе действие, как показалось Янке, тянулось бесконечно. Он беспокойно бродил по парку, нетерпеливо ожидая конца, и, услышав аплодисменты, бросился к двери павильона. Как только показался Фриц, он схватил его за плечи, потащил в темную аллею.

— Ну как, передал? — спросил он, задыхаясь от волнения.

— Ничего не вышло. У них не было ни одного кармана.

И сразу все оцепенело в Янке. Машинально пройдя несколько шагов рядом с Фрицем, Янка вдруг повернулся и зашагал прочь. «Никуда я не гожусь, нерешительный, трусливый теленок...» — думал он. Был промах, а теперь их два. В третий раз тебе такой удобный случай не представится. Или ты думаешь, Лаура от усталости села рядом с тобой на скамейку? Не пошла смотреть спектакль и предпочла томиться в темном парке? Эх, Янка, почему ты все понимаешь тогда, когда уже поздно? Ты всегда опаздываешь. Мысленно ты сокрушаешь горы и готов переплыть моря, а вот нужно сказать несколько простых слов — и у тебя челюсти сводит судорога. Не удивляйся, что люди иногда стесняются знакомства с тобой. Озорника можно простить, бедняку — сочувствовать, злого — остерегаться и в то же время удивляться его силе и смелости. Но что думать о глупце? Или, может быть, ты хочешь, чтобы Лаура первая заговорила с тобой, ты, мужчина, завоеватель в кавычках?

Так издевался он над собой всю дорогу до самого леса. Но от этого ему ничуть не стало легче.

4

В середине сентября умерла мать Сармите. В простом некрашеном ящике, сколоченном на скорую руку из еловых досок, ее увезли на кладбище. За короткий срок там образовался латышский угол, и количество могил быстро увеличивалось. Несколькими днями позже рядом

с Валтериене похоронили старого Парупа и маленького мальчика. А в холерные бараки увезли новых больных.

По ночам начались сильные заморозки. В ведрах замерзала вода, а в лесу на мху появились кристаллы снежинок. В лагере приступили к новой работе: беженцы утеплялись, зарывались глубже в землю и покрывали шалаши дерном. Бренгулис выстроил настоящую землянку и купил на базаре маленькую чугунную печку! Безумные! Они хотели тягаться с сибирской зимой и оставаться в лагере до тех пор, пока их не увезут, точно желая этим упорством ускорить момент отъезда. Те, у кого нечего было продавать, искали работу, но редкий находил ее. Остальные еле влачили существование на маленькой полуфунтовой порции хлеба, ежедневно выдаваемой «эваком». Теперь еще реже раздавался смех, умолкла гармонь, и вечерами у костров сидели молчаливые, печальные люди, они не осмеливались высказывать свои заботы и предчувствия. А утром опять везли кого-нибудь на кладбище, и это уж стало обычным. Не в одном шалаше слышались рыдания. Все более неумолимо вставал вопрос:

— Чем будем жить?..

Мать Айи после смерти мужа не выходила из шалаша. Она впала в глубокую апатию. Откровенно говоря, старый Паруп представлял собой не бог весть какую ценность и не умел обеспечить семью. Но все же он был мужчина, глава семьи. Что сможет сделать одна Айя? Об этом страшно было подумать. Поэтому Паруниене сидела весь день как в полусне, не спрашивая, откуда по утрам и вечерам берется корка хлеба или котелок картофеля, который ставит перед ней Айя, и будет ли это завтра. Если думать об этом, то надо плакать, выть, пока в груди не захватит дыхание, и биться больной головой о камни. О, как она болела, эта голова, точно внутри ее вздувался громадный нарыв, который ныл, колол, как только ты начнешь думать. Выдавить его не можешь, забыть о нем не в состоянии, как бы спокойно ни сидела; как кровожадная пиявка, сосет он тебя, и все ему мало. Зачастую ты совсем уже не соображаешь, что делаешь. Нужно плакать, а ты смеешься, и из груди вырываются всхлипывания; тебе кажется, ты молча сидишь, на самом же деле твои губы шевелятся и рот произносит бессмысленные слова. Дети твои испуганно

прислушиваются, успокаивают, расспрашивают, что с тобой, но ты не понимаешь их. И это легче, чем все понимать...

В городе невозможно стало найти квартиру. Да если бы ее и найти, чем платить нищему беженцу? Наивные люди! Неужели они в самом деле думают, что у заведующего «эваком», начальника станции и у других ответственных работников только и заботы, как бы скорее их отправить? Вы хотите уехать? Вам это необходимо? У нас найдутся вагоны. А что мы за это будем иметь? Кто-то из жителей лесного лагеря был лично знаком с начальником станции. Этот добряк, напрасно прождав полтора месяца в надежде, что беженцы сами поймут, как действовать, наконец не выдержал и в дружеской беседе заявил своему знакомому:

— Без взятки не уедете. Дайте взятку, и я отстукаю куда следует четыре телеграммы одну за другой о том, что беженцы в ужасном положении, — через три дня получите вагоны или окончательный отказ.

В лесу на собрании беженцы избрали комиссию по сбору взяток. Официально она называлась «комитетом дорожного фонда». На следующий после собрания день в один из шалашей началось паломничество беженцев. Несли серебряные и бумажные деньги, масло, мед, крупу, мясо, муку, горох и просо — все, что представляло какую-то ценность. Состоятельные жертвовали больше (Бренгулис дал ведро масла), но и бедняки отрывали от себя последний кусок и участвовали в пожертвованиях. К вечеру собрали два миллиона рублей и несколько мешков продуктов.

5

В ту ночь в части лагеря, которая примыкала к станции, люди не могли уснуть. У Парупиене начался приступ сумасшествия. Она не узнавала своих и не поддавалась уговорам детей. Вечером, когда Айя ушла на станцию за водой, Парупиене чуть не сожгла шалаш. Если бы Эльза Зитар не услышала подозрительного потрескивания хвои, остатки имущества Парупов сгорели бы, а с ними, возможно, и шалаши ближайших соседей.

Грозно заворчал бас Симана Бренгулиса:

— Дальше так продолжаться не может! Держать сумасшедшую в лагере! Кто захочет ехать с ней в одном вагоне?

Лунной ночью в сосняке раздавались завывания сумасшедшей. Айя ни на миг не решалась оставить мать одну. Маленький Рудис ушел спать к Силиням. Под утро больная немного утихла и погрузилась в тревожную, бредовую дремоту. Айя укрыла мать одеялом и, подождав немного, не вскочит ли больная опять, вышла из шалаша. Землю покрывал иней. Местами в золе потухших костров тлели угли, а костер Зитаров горел маленьким ярким пламенем. Кто-то, накинув на плечи теплый пиджак, сидел на камне спиной к Айе и читал при свете костра книгу. Это был Янка. Сегодняшней ночью на него возложили ответственную обязанность — охранять собранный беженцами «дорожный фонд» и встретить подводу, на которой следовало свезти продукты на дачу важного железнодорожного деятеля. Члены «комитета» отправились вчера для «дипломатических переговоров». Но ночь была на исходе, а подводы и в помине нет. Янке нравилось это ожидание в одиночестве. Он мог поразмыслить обо всем, читать раздобытую где-то книгу и, погрузившись в драматические события античного мира, забыть невеселую лагерную суетню, буйство Парупиене, вопли которой, похожие на крики ночной птицы, снова и снова слышались в сосняке.

— Ты еще не спишь? — тихо проговорила Айя, усаживаясь рядом с Янкой на другой камень.

Янка закрыл книгу и посмотрел на Айю. Она казалась совсем больной: воспаленные веки и губы, потрескавшиеся, как у больного лихорадкой. Летний загар на лице Айи побледнел, а здоровый румянец не появился. Темные глаза уже не горели и не искрились, как прежде, губы разучились улыбаться — утомленный человек, его гнетет неотвратимое, и он все ниже клонится к земле.

— Я хотела тебя попросить об одной вещи, — продолжала она. — С матерью плохо. Мне приходится следить за ней, как за маленьким ребенком. Нас никто не захочет взять в вагон, а отдельного вагона ведь не дадут.

— На это нечего надеяться.

— Как же мне тогда быть?

— Надо обратиться за помощью в городской отдел здравоохранения.

— Я тоже так думаю. Но как это сделать? Я не могу оставить ее одну в шалаше, а вести к врачу... Пойдет ли она со мной? Не можешь ли ты... если у тебя найдется время?.. Все остальные какие-то чужие и черствые, я не смею их просить.

— Хорошо, Айя. Я постараюсь сегодня что-нибудь сделать.

Близилось уже утро. Несколько оставшихся часов они провели, сидя тут же у костра. Янка снес книгу в шалаш и вскипятил чай, чтобы можно было скорей позавтракать и отправиться по делам. Айя ломала хворост и кидала в огонь. Они мало разговаривали — может быть, устали, может быть, потому, что слишком мрачна была обстановка.

Лагерь просыпался. Из шалаша Парупов опять послышался бред больной. Вернулись наконец и члены «комитета дорожного фонда». Они рассказали, что главный взяточник был в гостях и заставил делегатов ожидать себя до полуночи. Затем он тайком принял беженцев, выслушал их предложение и дал им мудрый совет, в какой сумме и кого «подмазать». Сегодня взятку надо разделить на части, а следующей ночью доставить по назначению. Как только это будет сделано, административный аппарат начнет работать в пользу беженцев, и на будущей неделе они уже будут находиться в пути.

Это известие немного приободрило беженцев. Женщины принялись за стирку белья, мужчины проверили узлы с вещами и увязали их покрепче, чтобы они занимали меньше места в вагоне. Оптимисты уже подсчитывали, когда примерно они приедут на родину.

Янка сразу же после завтрака отправился в железнодорожную амбулаторию и привел в лагерь врача. Тот осмотрел Парупиене и выдал справку, что больная опасна для окружающих и ее необходимо поместить в психиатрическую больницу. Янка с этой справкой отправился в городской отдел здравоохранения и в тот же день получил направление в больницу для умалишенных. Не успел еще Янка сообщить Айе об этом, как в лагерь прибыли санитары и велели собирать больную

в дорогу, — в Бийске психиатрической лечебницы не было, поэтому Парупиене отправляли в Омск. Умалишенный, почувствовав, что ему что-то готовят, становится хитрым, на некоторое время перестает буйствовать и старается обмануть всех своим поведением. Парупиене никогда не была такой тихой и спокойной, как в тот вечер, когда санитары собрались вести ее на поезд. Вначале она ни за что не хотела выходить из шалаша. Забившись в угол, она упрямо молчала, кутаясь в платок. Тогда ее стали уговаривать, сказали, что подан поезд и ее повезут домой, — она поедет не одна, а вместе со всеми. В конце концов ее удалось увести на станцию. Айя первая села в вагон, и только тогда больная согласилась последовать за ней. Все время, пока поезд стоял, Парупиене бредила о родине, о муже, забыв, что он уже вторую неделю лежит на бийском кладбище, фантазировала что-то о будущем, путала тайгу с родным домом и временами вспоминала далекое прошлое.

Раздался второй звонок. Санитар, который должен был сопровождать больную до Омска, дал Айе знак, чтобы она вышла. Но как только та собралась уйти, сумасшедшая, дрожа, вцепилась в нее и не выпускала. И опять пришлось обманывать ее. Глотая слезы, Айя притворилась веселой и этим подбодрила больную. Наконец Айя высвободилась из цепких объятий матери и ушла из вагона. Она еще раз увидела мать в окно. За решеткой, как в арестантском вагоне, больная смеялась, призывно махала рукой, звала Айю. А когда поезд тронулся, до слуха девушки донеслась простая, наивная песенка, какую обычно поют влюбленные. Песенка вызвала у дочери боль и слезы.

Так уехала старая Парупиене. Когда спустя несколько недель эшелон беженцев остановился в Омске и Айя в больнице навела справки о матери, ее уже не было в живых.

Вечером роздали взятки. Начальнику станции снесли ведро масла и мешок муки. Свою часть продуктов и денег получил и новый заведующий «эваком», но львиная доля досталась начальнику отделения железной дороги. Ночью, когда лагерь беженцев спал, к одному из шалашей подъехала подвода, и ее нагрузили мукой, крупой, туесами масла и кувшинами меду. Один из членов «комитета» сопровождал груз до дачи «высокого деятеля». Ехать нужно было по окраинным улочкам и взятку передать тайно, потому что начальник отделения боялся, как бы об этом не узнали власти.

Но все прошло хорошо. Машина теперь смазана, и следовало ждать отправки.

...Опять прошло несколько дней, а об эшелоне ни слуху ни духу. Опять беженцы собрали деньги и отправили телеграмму сибирскому «эваку». В лагере распространились новые слухи: начальник станции недоволен полученной взяткой, потому что львиная доля «по совести» полагалась ему, а ее сцапал начальник отделения.

Янка каждый третий вечер ходил в город, но ему больше не удавалось встретить Лауру. Он уже начал привыкать к неудачам и ободрял себя мыслью, что скоро придут вагоны и тогда он будет видеть Лауру каждый день. Эдгар Ниедра за последнее время стал совершенно неузнаваемым — приветливым, простым, дружелюбным. Как-то вечером Янка вместе с ним смотрел «Уриеля Акосту»*, и в продолжение всего спектакля Эдгар был очень внимателен к нему. Но Янка видел в нем только брата Лауры, дружба Эдгара сближала и с ней, а это самое главное.

Погода стала еще холоднее, со дня на день следовало ожидать первого снега. Концертный сезон в городском парке кончился, теперь вечерами был переполнен цирк.

Третьего октября в лагерь беженцев вернулся из города Карл Зитар и сообщил:

— Завтра посадка в вагоны.

Так давно ожидаемая весть упала, словно метеор с мрачного небосклона, и людей ослепило его сияние. Дождались! Едем! Конец мытарствам!

В ту ночь в лагере никто не спал. Веселее обычного трещали костры перед шалашами, гармони гудели на одних басах, и песни пелись у каждого костра — старинные, любимые народные песни; их пели деды, прадеды и, возможно, будут петь еще их потомки в будущие века.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

На следующий день с самого утра к станции начали съезжаться беженцы, жившие в городе. Вагонов еще не было, но никто не отваживался тянуть до последней минуты. Беженцы из лагеря пока оставались в своих шалашах и только время от времени отправлялись на станцию узнать, что слышно об эшелоне. Горожане расположились у самого железнодорожного полотна — в открытом поле, на песке у станционных зданий. «Эвак» составил списки отъезжающих и сгруппировал беженцев по вагонам, по двадцать пять — тридцать пассажиров в каждом. Всего требовалось сорок вагонов, так как беженцев набралось больше тысячи (вместе с латышами уезжали поляки, литовцы и эстонцы).

Отъезжающие выбрали старост вагонов, и они тянули жребий, чтобы в момент посадки всякий знал свой вагон и не возникло недоразумений. Карл Зитар, тоже выбранный старостой, вытащил двадцатый номер. В его вагоне все были только из села Бренгули во главе с самим Симаном: вдова Зариене с дочерью, Айя Паруп с маленьким братом, Сармите Валтер и оба семейства старых поселян — Силини и Весманы.

Янка весь день пробыл на станции. Он дождался приезда Ниедр, помог Эдгару разгрузить тяжелые тюки и почувствовал себя на седьмом небе, когда Лаура осталась у вещей, пока другие поехали в город за остальной поклажей. Вечером у вещей остались мужчины Ниедр, женщины отправились на ночлег в городскую квартиру. Какая это была шумная и веселая ночь! Горожане и жители леса объединились, жгли костры вдоль железнодорожного полотна. Позже суматоха улеглась, и люди уснули на тюках. Плакали дети, стонали больные. Суровый мороз побелил землю. Утром люди проснулись совсем окоченевшими от холода. Но что это за горе? Столько уже выстрадано, можно потерпеть еще ночку-другую на морозе.

Следующий день, пятое октября, был пасмурный. Дул леденящий ветер, сыпалась крупа, с визгом носился по воздуху песок, засыпая тюки беженцев. Женщины и дети ушли греться на станцию и в механическую ма-

стерскую. И Янка, ретивый разведчик жителей леса, забрался туда вместе с ними и забыл про обед, потому что позднее туда зашла Лаура и села рядом — другого свободного места не оказалось. Согревшись, она ушла, и Янка сразу пошел за ней. Ему было хорошо. Всегда находиться вблизи Лауры, видеть ее, переживать какое-нибудь маленькое, но значительное для него событие — это богатая, счастливая жизнь. То она смотрит на тебя, то издали наблюдает, то улыбается и словно ждет, что ты заговоришь, — все смелее, призывнее становится она, и твои сомнения рассеиваются, как туман при восходе солнца. Только однажды он увидел Лауру другой. Погруженная в раздумье, с книгой в руках, сидела она на своих вещах, когда Янка проходил мимо. И вдруг что-то болезненное, словно затаенное страдание, промелькнуло в чертах ее лица; это был тот самый взгляд, какой он увидел в первый вечер на хуторе у Казанды. Что заставляло ее страдать, какая боль терзала ее сердце? Наконец Лаура заметила Янку, и опять что-то солнечное и теплое зажглось в ее взоре, мягко сомкнулись губы, она улыбнулась.

Янка Зитар, неужели тебе еще не ясно? Теперь ты знаешь все, ты не одинок в своих мечтаниях.

Еще одна ночь под открытым небом. Затем в темноте запыхтел паровоз, и у станции остановился железнодорожный состав. Двадцать три вагона. А нужно сорок. Для них ли предназначен этот поезд?

И все же это было так. Утром на вагонах мелом написали номера, затем состав отправили на дезинфекцию. Выделенные из каждого вагона несколько мужчин должны были получить печку и доски для нар. О, это была веселая свалка на площадке у станционного склада! Каждый старался заполучить для своего вагона печку получше, целую трубу и самые гладкие доски. Оборудованный состав опять подали к станции. Но о посадке еще ничего не было известно. Потолкавшись у станции и не узнав ничего у железнодорожных служащих, беженцы вернулись в шалаши. Янка остался караулить у вагонов.

Прошло несколько часов. И вдруг внезапно пришло распоряжение начальника станции:

— Пассажирам первых двадцати трех вагонов — на посадку!

Как потревоженный муравейник, закопошился лагерь горожан у железнодорожного полотна. Янка со всех ног спешил к лесу. Он пробежал мимо рядов шалашей, не отвечая никому, пока не добрался до своего шалаша.

— Давайте какой-нибудь мешок, берите по узлу и бегите туда — посадка!

Схватив мешок с сухарями, Янка помчался назад на станцию, чтобы занять в вагоне место на верхних нарах у окна. Лес ожил, началось что-то похожее на панику. С узлами в руках трусили рысцой мужчины, женщины; во всех шалашах что-то хватали, тащили, кричали, бранились, торопились, смеялись. Дети хлопали в ладоши, замешкавшиеся стонали от нетерпения, молодые неслись во весь опор, словно олени, стараясь обогнать друг друга. Янка поспорил с Эрнестом и одержал верх. Он первый из лесного лагеря добежал до вагона и забросил мешок на верхние нары к окну. Несколькими мгновениями позже около второго окна упал мешок Эрнеста.

— Останься в вагоне и следи, чтобы никто не забрался на наши места! — приказал он Янке. — Я побегу за вещами.

— Нет, ты останься! — крикнул Янка и бросился вон из вагона.

У всех были предусмотрены места в вагоне, каждый знал свой вагон, но люди забыли об этом и боялись только одного: как бы не захватили их места. Безумная спешка, сильное возбуждение... Достаточно было одного неосторожного слова, и они передрались бы, защищая свои права зубами и ногтями. На полпути к шалашу Янка встретил Айю. Она тоже спешила с узлом на спине, но ноша была слишком тяжела, и ей приходилось идти шагом.

— Дай мне, я понесу! — крикнул Янка. Схватив узел Айи, он устремился к станции и опередил самого Бренгулиса. Узел Бренгулиса был легче, но зато Янка помоложе.

«Утрись, Симан, уж я не позволю себя обогнать... — думал Янка, поравнявшись с богатым хозяином. — Надо было раньше стараться...»

Они одновременно подбежали к дверям вагона. Но тут у Янки оказалось явное преимущество: в вагоне

был Эрнест, который принял у Янки узел, а Бренгулису пришлось самому карабкаться по лесенке.

— Клади на другой конец, к окну! — крикнул Янка Эрнесту. — Это не наш.

— Как? — удивился Эрнест. — Какое мне дело до чужих вещей?

Но Янка так прикрикнул на него, что Эрнест мигом послушался. Теперь Янка отпустил его в лес, а сам забрался в вагон и, как цербер, защищал завоеванные позиции. Очень важно было обеспечить удобные места, ведь предстояло ехать около пяти тысяч километров.

Четвертое окно занял Фриц Силинь, а Бренгулису пришлось довольствоваться темными нижними нарами. Это ему было совсем не по душе, и весь вечер, пока вещи рассовывали по углам, первый человек колонии с ненавистью косился на Янку. Подложил свинью, мерзавец! Ни стыда, ни уважения к старшему. Ему-то хорошо теперь наверху у окна — посмеивается, только зубы блестят. А ты торчи тут впотьмах, как барсук, эх...

Наконец вся эта суматоха закончилась. В тот вечер в двадцати трех вагонах весело пылал огонь в чугунных печурках, люди устроились, потеснились, и удивительно — всем хватило места. Пустыми, разоренными остались покинутые в лесу шалаши. Часть беженцев еще продолжала сидеть под открытым небом. Они с завистью смотрели на счастливцев, забравшихся в вагоны. Без них, оставшихся пока без места, эшелон не отправят, поезд будет стоять на станции в ожидании недостающих вагонов, но все-таки — крыша над головой, тепло и обеспеченное место в эшелоне. Пусть льет дождь, сыплет снег, завывает ветер — им теперь горя мало.

Ниедры тоже попали в вагон.

В середине состава в одном из вагонов поместился фельдшер, и там на дверях вывесили красный крест. У этого вагона имелась тормозная площадка. Беженцы дивились, зачем она нужна в середине поезда, где никогда не стоят проводники. Но спустя некоторое время они поняли: площадка у санитарного вагона не случайность, — на ней никогда не было недостатка в пассажирах.

2

Седьмого октября беженцам выдали по фунту хлеба, маленькому кусочку мыла и по одной свече на вагон. Состав по-прежнему стоял на запасных путях у станции. Под открытым небом томилось восемьдесят семей беженцев. А начальник станции заявил, что эшелон не отправят, прежде чем он не будет сформирован полностью. В вагонном парке неизвестно для какой цели стояло двадцать пустых вагонов. Они, вероятно, имели какое-то специальное назначение, ведь иначе не стали бы их держать на простое.

Вскоре люди, находившиеся в вагонах, начали чесаться. Взрослые и дети, бедные и зажиточные, простые и интеллигентные время от времени запускали руку за пазуху и чесали зудящее тело; иной потихоньку, стесняясь соседа, другой открыто, со смехом:

— Гости пришли. Начинают покусывать.

Симан Бренгулис, чье упитанное тело, видимо, особенно пришлось по вкусу насекомым, терся спиной о дверной косяк, точно лошадь. Но в вагонах были и больные. Напившись их крови, насекомые переползали на здоровых, и число больных увеличивалось. Двое уже лежали в санитарном вагоне у фельдшера.

Так началось путешествие: вши, тиф и запах карболки; груды испражнений вдоль насыпи; покойники на тормозной площадке санитарного вагона. А поезд все еще не трогался с места.

Среди беженцев распространился слух: какой-то железнодорожный сановник оказался обойденным, и если хотят ехать, то...

Узнав об этом, Карл Зитар отправился на станцию. Начальник станции ушел в город.

Под вечер, когда возвратился начальник станции, в его комнате произошел следующий разговор. Карл Зитар представился ему и заявил:

— Я пришел вас попросить дать разъяснение по нашему делу.

— Пожалуйста, товарищ! — повернулся к нему начальник станции. Дежурный сделал вид, что изучает журнал телефонограмм. Строгий тон посетителя его немного озадачил — не похоже было, что он пришел для коммерческих переговоров.

— Товарищ начальник станции, — продолжал Карл, — не можете ли вы мне сказать, какого числа, согласно данному вам распоряжению, вы должны отправить наш эшелон?

— По возможности, дорогой, по возможности. Или вы думаете, что нам доставляет большое удовольствие возиться с вами? О, мы были бы рады хоть сегодня вечером отправить вас.

— Почему же вы не делаете этого?

— Не могу я отправить половину эшелона. Вы же сами знаете, что не хватает семнадцати вагонов.

— Может быть, вы объясните, для какой цели предназначены те двадцать порожних вагонов, которые стоят в вагонном парке уже третьи сутки?

Начальник тревожно покосился на дежурного по станции. Тот усиленно сморкался.

— Об этом я не могу дать вам сведений. Эти вагоны имеют особое назначение. И вообще, товарищ, меня удивляет ваше странное любопытство. Вагонный парк! Не думаете ли вы, что я начну выкладывать служебные секреты каждому встречному. Кроме того, у меня нет времени спорить с вами. Идите и ждите. Когда подадут вагоны, тогда и поедете.

Карл ушел.

В вагоне его ожидала приятная весть.

— Тебя искал один человек, — сообщил Янка. — Очень хотел повидать. Судя по внешнему виду, какой-то видный работник, вероятно комиссар. Просил передать эту записку.

Он вручил Карлу коричневый конвертик, в котором лежал вырванный из блокнота листок бумаги в клетку.

«Сердечный привет, Карл Андреевич!

Мои сотрудники передали, что ты меня несколько раз разыскивал. Был в горах в командировке. Сейчас пробуду несколько дней здесь. Приходи, дорогой. В любое время буду в твоем распоряжении. Может, смогу тебе быть чем-нибудь полезным? Не стесняйся говорить о своих нуждах — если в моих силах, готов все для тебя сделать. Жду.

Черняев».

Прочитав записку, Карл улыбнулся.

— Наверно, что-нибудь хорошее? — спросил Янка.

— Да, очень хорошее, — ответил Карл. — Жаль, что

ты меня не позвал, когда этот человек был здесь. Я же был рядом — у начальника станции. Завтра поедем.

— Начальник станции обещал? — раздался голос Симана Бренгулиса.

— Нет, начальник станции ничего не обещал, — ответил Карл. — Но теперь я точно знаю, что нам здесь не придется долго томиться.

Он немедленно отправился в город и разыскал Черняева. Бывший командир очень радушно встретил старого боевого товарища. На столе появились два стакана крепкого, горячего чая. Вначале разговор шел на общие темы. Карл узнал, что Черняев теперь — член Бийского военно-революционного трибунала. Рассказав о смерти отца и ликвидации латышского села, Карл описал жизнь беженцев в лесном лагере и недавний разговор с начальником станции.

— Мы как будто находимся во власти злых чар. Продукты, которые нами запасены на дорогу, кончаются, а мы еще с места не сдвинулись. На каждом шагу нужно давать взятки. Сегодня еще кое-что можно собрать для взятки, но скоро у нас ничего не останется за душой. Что будет тогда?

— Ты уже обращался куда-нибудь за помощью? — спросил Черняев.

— В эвакуационном отделе мы ежедневно говорим о своем положении, но они бессильны чем-либо помочь. Или просто не хотят помогать.

— В партийном комитете не был?

— Нет. Я ожидал твоего возвращения из командировки.

— В Чрезвычайную комиссию тоже носа не показывал?

— Не показывал. Да и что мне там делать — наш вопрос не политический. Он скорее относится к хозяйственным неполадкам.

— Вот ты у меня какой, — засмеялся Черняев. — Когда нужно было бороться за Советскую власть, ты знал свое место и умел обращаться с оружием, а сейчас, когда нужно помочь Советской власти осуществить справедливость и защитить честных людей от негодяев, ты не знаешь, с какого конца начать и где искать поддержку. Вот что я тебе скажу, мой друг, — Черняев сразу сделался серьезным. — Все, что происходит в нашей жизни, — политика. Если нечестные люди, в которых еще бродит ядовитая закваска старого мира, своими действиями компрометируют советские порядки, вымогают взятки и дезорганизуют хозяйственную и общественную жизнь государства, то это с их стороны такая политика, которую мы не можем оставить без отпора. И если ты видишь подобное, ты не смеешь молчать. Без промедления иди в Чрезвычайную комиссию и назови вещи своими именами. Если б ты это сделал, ваш эшелон давно находился бы за Уралом. Из Бийска я помогу вам выехать. Свяжусь с Барнаулом и позабочусь о том, чтобы ваш эшелон без задержки проследовал до Новониколаевска. Но весь путь следования я не могу вам обеспечить, не могу везде присутствовать. А вредителей и взяточников в настоящее время на железнодорожном транспорте больше, нежели ты можешь себе представить. И запомни раз навсегда: если на твоем пути встретится кто-нибудь из этих негодяев, знай, что за ним стоит враг, работающий против Советской власти и закона, и ты не должен бояться этого подлеца. На железной дороге существуют органы Транспортной чрезвычайной комиссии. Представителей этих органов ты найдешь на каждой крупной станции. Как только случится какая-нибудь заминка или с вами поступят несправедливо, без промедления иди в Транспортную чрезвычайную комиссию и попроси их помочь. И я ручаюсь, тебе всегда окажут содействие.

— Я это учту, — пообещал Карл. — Большое спасибо за ценный совет.

В присутствии Карла Черняев созвонился по телефону с Бийской чрезвычайной комиссией и просил поинтересоваться, для какой цели в вагонном парке стоят двадцать вагонов порожняка. Потом он закурил и долго в глубоком раздумье смотрел на Карла.

— Почему ты уезжаешь? — спросил он наконец. — Какое счастье надеешься найти в Латвии?

— А я и не надеюсь найти там счастье, товарищ Черняев, — ответил Карл. — Просто там... я буду полезнее, чем здесь.

— Ты волен поступать как знаешь, — продолжал Черняев. — Я совсем не пытаюсь отговорить тебя, хотя ты и здесь очень пригодился бы, — я в этом уверен. Но хочу все же дать тебе товарищеский совет: не позволяй

им, этим белым тиранам на своей родине, затуманить твое сознание и втянуть себя в их болото. Ты слишком порядочен и честен, для того чтобы стать чужим нам.

— Не беспокойся, дружище, — взволнованно отозвался Карл. — Не стану чужим. Тебе никогда не придется краснеть за меня.

Они поздно расстались в тот вечер.

...На следующий день, девятого октября, рано утром из вагонного парка вышли на дезинфекцию семнадцать порожних вагонов. В полдень объявили посадку тем семьям, которые жили еще под открытым небом. А вечером, пыхтя, подошел черный паровоз, его прицепили к первому вагону, и раздался перестук буферов. Это был нервный конь, с недовольным кучером: он дергал вагоны такими внезапными и мощными толчками, что люди валились с ног и на печках опрокидывались чайники. И все-таки это было радостное движение! Пусть дергает, трясет как хочет, — лишь бы двигаться. Беженцы втащили лесенки в вагоны, и никто больше не осмеливался выйти из них, хотя поезд простоял на станции еще несколько часов.

И вот в полуночный час, когда по крыше вагона барабанил дождь, а за окнами завывал ветер, станционный колокол прозвонил три раза, и на свисток кондуктора паровоз отозвался пронзительным гудком. Загремели буфера, состав дернулся, и колеса завели свою веселую песню.

Начался великий обратный перелет!

Янка всю ночь не мог заснуть. Он лежал у окна и смотрел, как в темноте проносятся мимо телеграфные столбы, купы деревьев, деревни, поля, и радостно думал: «Мы едем... Все-таки едем...»

Дребезжали стены вагонов, лязгали буфера, за окном выл ветер. Это была колыбельная песнь. Впервые после долгих месяцев сладко и безмятежно спали усталые путники.

3

Это был действительно необычный конь — черный, замасленный, покалеченный. Ему были присущи все качества норовистой лошади. Зная это, железнодорожники

не прицепили сразу все сорок вагонов, а оставили десять из них в Бийске. Но и при езде с неполным составом паровоз временами останавливался. Простояв посреди степи час-другой, он набирался сил и плелся дальше. На полпути к Барнаулу паровоз оставил поезд и укатил назад в Бийск за оставшимися десятью вагонами.

— Если так будут везти всю дорогу, мы и к весне не доберемся, — рассуждали пассажиры.

— К какому-нибудь концу придем, — мрачно отшучивались другие.

Весь долгий день они томились на месте. Смотреть было не на что — голая равнина, редкая березка на краю степи и серое осеннее небо. Парни раздобыли дрова, и беженцы развели у полотна костры и варили картофель. Вечером возвратился паровоз с остальными вагонами, и ночью эшелон отправился дальше.

И странно, всякий раз, когда поезд останавливался, людей охватывало беспокойство, они не могли уснуть, но стоило эшелону тронуться, как все успокаивались и беспечно засыпали в своих темных клетках. Движению присуща успокоительная сила, и чем быстрее передвигался состав, тем спокойнее чувствовали себя беженцы.

В Барнауле беженцам сообщили, что они могут получить по фунту хлеба на человека, но для этого поезд должен задержаться до вечера. Они отказались от хлеба, хотя у некоторых осталось всего несколько сухарей.

И поезд отправился дальше. Урчали пустые желудки, во рту скапливалась слюна, и, обманывая себя, люди пили много чая. Необходимость примиряет со всем и заставляет преодолевать даже застенчивость. Одного только стыдились люди: обнаружить перед другими свой голод. Во время еды они забирались в самые темные углы вагона. А те, кто сидел на верхних нарах, поворачивались к соседям спиной, чтобы никто не видел, что и сколько они едят. У кого не было уже ничего, делали вид, что едят, долго жевали, чмокали губами и даже пытались изобразить отрыжку. У кого еды хватало, те скрывали свою состоятельность. Бренгулис, который вначале был недоволен нижними нарами, теперь сообразил, в чем их преимущество: там, внизу, всегда царила темнота, и если залезть подальше в угол, можно спокойно жевать полным ртом все, что бог послал. У

тебя есть сало, масло, мед, белые сухари и целый мешок пшена. Откровенно говоря, ты бы мог ехать не волнуясь, если на какой-нибудь станции поезд и задержится подольше. А когда ты съешь все, то под рубашкой, в нательном мешочке, у тебя хранится несколько золотых червонцев. Но все же и ты не можешь хладнокровно видеть, как на другом конце вагона соседи забалтывают в теплой воде щепотку муки и получается нечто похожее на коровье пойло. Довольно неприятная картина. Но еще неприятнее слушать, как маленький мальчик на верхних нарах говорит сестре:

— Айинь, я хочу есть. Нет ли у тебя сухарика?

Она совсем тихо что-то отвечает, шарит в мешке, но ты знаешь, что там ничего нет. И мальчик большими блестящими глазами смотрит на соседей, когда те сосут намоченные в чае сухари. Взрослые в таких случаях отворачиваются, делают вид, что не замечают, но ребенок не понимает, что смотреть неприлично. Ну что тут делать? Ты роешься в своем мешке и, прячась от других, пододвигаешь мальчугану несколько сухарей и сразу делаешь вид, что ничего не произошло. Стыдишься, но чего? Того, что у тебя еще есть право на жизнь, а у других его нет? Или того, что ты живым и здоровым пройдешь через испытание, а другие погибнут?

На полпути между Барнаулом и Новониколаевском, на станции Черепаново, поезд простоял целый день. Утром на тормозной площадке санитарного вагона лежал новый покойник — женщина. Она умерла ночью, и фельдшер вынес ее, чтобы родные похоронили. Делать гроб не было времени. Родные завернули покойницу в простыню и зарыли в кустах недалеко от железнодорожного полотна. После этого поезд шел без задержек до самого Новониколаевска. По утрам те, у кого в санитарном вагоне лежали близкие, шли к тормозной площадке. Вторым покойником оказался маленький мальчик, третьим — какой-то одинокий старичок из Малиены*. Освободившиеся после них места в санитарном вагоне занимали новые больные.

На четвертый день поезд прибыл в Новониколаевск и опять простоял на станции весь день. Беженцам выдали по фунту картофеля, немного сахара и кофе. Рядом со станцией находился базар. Беженцы понесли продавать остатки вещей. Янка Зитар утром вышел посмотреть

большую станцию, но картина была настолько безотрадной, что он поскорей вернулся в вагон и весь день проспал. Большая узловая станция Сибирской магистрали оказалась забитой составами. С Поволжья, где в этом году была страшная засуха, на восток мчались эшелоны с голодающими. У каждого вагона валялись кучи отбросов, блуждали бродячие собаки, копошась в этой клоаке. Повсюду тянулись бесконечные ряды вагонов, дальше виднелись депо, фабрики, вихри пыли и, насколько хватало глаз, стоял дым. В таком воздухе вянут цветы, гниют деревья и ржа съедает железо. Здесь никому не хватает воздуха, человек перестает мечтать.

4

Вечером поезд тронулся. Казалось, на большой Сибирской магистрали путешествие должно идти успешнее. Паровозы более мощные, реже меняются бригады. Ох, уж эти злополучные бригады! Они были самым большим бедствием для беженцев: всюду, где они менялись, люди заранее готовились к томительному ожиданию. Только один раз, в Каргате, поездная и паровозная бригады сменились за четыре часа, поэтому многие беженцы, отправившись на базар, не успели вернуться и отстали. На следующий день они догнали эшелон пассажирским поездом.

Днем и ночью мимо окон вагона проносился грустный пейзаж Барабы — похожая на море, необозримая болотистая степь, усыпанная мелкими карликовыми березками и чахлым кустарником, заросшая грубой осокой и камышом. Изредка показывалось стадо, поднималась в воздух стая птиц, и опять часами не видно было ни одного живого существа. Местами виднелись большие выгоревшие от степного пожара площади, где земля чернела, как уголь. А ведь где-то здесь, в этом болотном царстве, жили люди, месяцами отрезанные от всего остального мира; они пасли скот и ждали, когда зимняя стужа натянет ледяной покров на топкую Барабу и можно будет проехать в степные города. Здесь совсем не на что было смотреть. Беженцы радовались, что поезд так быстро мчался через эту равнину. На станциях

они добровольно ходили помогать железнодорожникам грузить дрова на паровоз. У беженцев уже выработалось свое суждение о машинистах. Некоторые из них умели плавно стронуть поезд с места и развить большую скорость, не дергая вагоны, — это были мастера своего дела. Другие горячились и дергали эшелон. Иной машинист позволял себе жестокие шутки: после гудка давал полный ход назад, затем круто тормозил и вдруг рывком двигался вперед. Эшелон трясся как в лихорадке, из одного конца в другой пробегал дробный перестук буферов, в вагонах все падало и летело.

На второй день после отъезда из Новониколаевска пришлось отнести в санитарный вагон мать Зитаров. Она заболела еще в лагере и больной села в эшелон. Спертый воздух, угар, идущий от чугунной печки, топившейся круглые сутки, и водянистые каши не способствовали ее выздоровлению. Альвина стала настолько слабой, что не могла сама выйти из вагона. А когда соседи узнали, что у нее тиф, поднялся ропот. Никто, правда, не говорил ничего в глаза, но хмурые лица, недовольное перешептывание и посещение Бренгулисом фельдшера ясно выражали беспокойство людей. Нельзя было требовать, чтобы соседи примирились с присутствием в вагоне опасно больного человека. Тринадцатого октября Зитариене унесли. На следующий день ей стало гораздо хуже, и утром пятнадцатого октября, когда поезд остановился для смены бригад на станции Татарская, Карл нашел мать на тормозной площадке. Ей уже ничего не надо было.

Комендант поезда вычеркнул из списка беженцев Альвину Зитар, в вагоне номер двадцать стало немного просторнее, а три парня рыли в степи яму. У них нашлась всего одна лопата, поэтому рыли попеременно. Земля, как и полагается на болоте, была сырая. Как только выкопали ямку, в нее набралась вода, и вычерпать ее было невозможно — пришлось бы вычерпывать всю влагу Барабы. Пока один копал, двое ведрами черпали воду и выливали в канаву. Так они трудились несколько часов. За это время Эльза и Сармите одели Зитариене и завернули в простыню — гроб негде было достать. Когда могилу вырыли, сыновья стали совещаться, не завернуть ли мать еще и в вытканное ею одеяло. Но Эрнест сказал, что матери это не поможет, а за

одеяло можно получить каравай хлеба; лицо матери можно накрыть каким-нибудь плотным платком.

Перед тем как опустить покойницу в могилу, из ямы еще раз вычерпали воду. Но первые лопаты земли, брошенной на покойницу, подняли фонтаны грязных брызг. Увидев это, женщины зарыдали еще громче, а мужчины, отвернувшись в сторону, усиленно сморкались. Они торопились скорее засыпать могилу и сделать могильный холмик. Цветов уже нигде не было, и могилу обложили березовыми ветвями, бока укрепили дерном и поставили два накрест прибитых круглых березовых колышка с маленькой дощечкой на месте их скрещивания. На ней черной краской написали имя и фамилию покойной и соответствующие даты.

Теперь у Зитаров не было ни отца, ни матери. До сих пор семью возглавлял Карл. Но старшим был Эрнест. По некоторым соображениям он хотел бы сам перенять эту почетную позицию (на видземском побережье их ждала отцовская усадьба, и кто-то должен был стать там хозяином), но такой почет налагал и обязанности, заботы о младших братьях и сестрах, а в теперешние трудные времена проще заботиться только о себе. Нет, Эрнест не протестует, если главой семьи останется Карл. У него шире плечи и больше опыта — пусть поломает голову, как доставить всех домой. Но еще неизвестно, кто станет хозяином в Зитарах: ведь порядок в подобных случаях устанавливает закон.

Принято, что после смерти человека родные проверяют его имущество и делят наследство. Если Карл и последовал этому обычаю, то у него на то были особые причины: он просто проверил, сколько еще осталось продовольствия и какие вещи можно продать, если оставшегося продовольствия не хватит до конца пути. Осталось почти полмешка сухарей, несколько килограммов сала и килограмма четыре муки. Если учесть, что изредка в больших городах им будут выдавать немного хлеба, то, живя экономно, еды хватит на две недели. Но тогда нельзя терять в пути ни одного лишнего дня, потому что за кое-какой хлам и ненужную одежду в лучшем случае можно получить продукты еще на одну неделю.

Они вступили в состязание с самой судьбой. У них еще оставались слабые надежды победить в этом состя-

зании, но, если встретится какая-либо случайность, маленькое, непредвиденное препятствие, — проигрыш неизбежен.

Такое препятствие возникло тут же, на станции Татарская, где эшелон остановился для смены бригад.

5

Город находился поблизости от станции. Ничего более мрачного нельзя было себе представить. До самого горизонта ни селения, ни леса — только открытая мертвая степь и заросли чахлых березок, а посреди этой пустыни большая станция — депо, вагонный парк и многочисленные пути. Утром пятнадцатого октября, когда эшелон с беженцами остановился в Татарской, там уже стояло восемь составов — они ждали смены паровозов. Тут были эшелон с польскими беженцами, поезд с красноармейцами и два продовольственных маршрута. Теперь к ним еще прибавились алтайцы, так что паровозов ждали пять составов, которым нужно было добраться до Омска. В остальных четырех поездах, направлявшихся на восток, ехали голодающие с Поволжья — татары, чуваши, башкиры и мордвины. Они томились в Татарской уже много суток, некоторые поезда стояли здесь вторую неделю, все свободные паровозы в первую очередь прицепляли к продовольственным маршрутам.

Ранее приехавшие уже привыкли к длительному ожиданию и не бегали ночью на станцию узнавать, когда на путях раздавался гудок какого-то вновь прибывшего паровоза. Латыши приехали недавно и поэтому нервничали, волновались по поводу каждого гудка и надоедали дежурному по станции.

— Да говорят же вам, ждите своей очереди и оставьте нас в покое! — отвечали им.

Но как они могли успокоиться, когда нечего было есть, когда тиф нет-нет да и выхватывал из их рядов людей, а до конечной цели еще оставалось больше четырех тысяч верст?

Но пришлось и им учиться терпению. Просидев здесь два-три дня, они поняли, что нетерпение и жалобы не помогут, другим приходится еще труднее.

Что это было именно так, беженцы убеждались ежеминутно. Следовало лишь походить около других поездов или в обеденное время не закрыть двери вагона, и около них сразу же появлялись серые, похожие на тени лица и безумные, жутко блестевшие глаза заглядывали в вагон. Эти люди терпеливо и робко бродили вокруг, беззастенчиво смотрели, как другие едят, и взглядами, полными немой мольбы, провожали каждый кусок, подносимый ко рту. Они не ели уже много дней и стали так же неразборчивы, как умирающее от голода животное. Им ничего уже не было противно, они ничем не брезговали. С дракой, вырывая друг у друга из рук, налетали они на помои, выливаемые иногда за дверь; жадно хватали каждую шкурку сырого картофеля, грызли кости, вылавливали все крупинки пищи, оказавшиеся в помоях. Просить и умолять они не осмеливались, но их немое покорное ожидание, их скорбные взгляды действовали сильнее всяких слов.

Все время, пока поезд стоял в Татарской, лил дождь, иногда падал мокрый снег и дул холодный ветер. Солнце ни разу не засияло над этим гибельным местом. Темные ночи сменялись серыми днями. Поезда приходили и уходили, а эшелон беженцев не двигался с места.

6

Стояло отвратительное ненастье. Новый состав с волжанами остановился рядом с эшелоном алтайцев и загородил от них длинный, пустынный перрон станции. Янка с утра вместе с другими парнями отправился за дровами, нарубил изрядную вязанку маленьких березок и теперь сушил у печки промокшую одежду. В степи Фриц Силинь сообщил ему приятную весть — он сегодня передал Лауре письмо.

— Это произошло так. Лаура по утрам ходит за кипятком, я заметил это еще раньше. Поэтому, как только она ушла, я отправился следом. На перроне не было ни одного человека, и я теперь действовал совсем иначе, чем в Бийске. Просто подошел к ней, поздоровался и сказал: «Извините, я должен вам кое-что передать, — вынул письмо и подал ей. — Это от моего друга». Она удивленно посмотрела мне в глаза и хотела уйти.

«Простите, но вы меня совсем не знаете», — сказала она. «Но мой друг вас знает, и вы его тоже», — сказав это, я сунул ей письмо в руку и ушел. Потом я увидел, что она, улыбаясь, положила письмо в карман.

Кругом была слякоть, в печной трубе завывал ветер, и каждый сильный порыв его вдувал в вагон клубы дыма. Но Янка чувствовал себя чудесно: он опять напомнил Лауре о себе и знал, что она теперь о нем думает. Тут же рядом, через четыре вагона... Это гораздо ближе, чем от горелого леса до долины Казанды. Янке уже не нужно закрывать глаза и вызывать в своем представлении образ и голос Лауры. Нет, он может выйти из вагона и встретить ее, поздороваться с ней и потом думать весь день о том, какой она была сегодня. В Новониколаевске он встретил ее одну между чужими вагонами, и Лаура так ласково ему улыбнулась, что у него замерло сердце. Но он не остановился и не спросил:

— Как вы поживаете?

Позже, в Каргате, он видел Лауру в зале ожидания станции. Она холодно ответила на приветствие Янки и отвернулась, видимо, обиделась на что-то. Но на что? Теперь Фриц опять передал ей письмо. Хорошо ли это?

Когда в вагоне заговорили о том, что нужно пойти за кипятком, Янка надел теплую тужурку и сказал:

— Давайте посуду, на этот раз схожу я.

Он взял четыре больших бидона и отправился на станцию. У кипятильника они встретились. Лаура первая набрала кипяток и пошла. Но это ничего — до эшелона изрядное расстояние, а она идет медленно, совсем медленно, словно ожидая чего-то. Как медленно сегодня течет вода! Прошло немало времени, пока Янка наполнил бидоны и поспешил следом за Лаурой. У эшелона волжан он нагнал ее. Когда Янка поравнялся с ней, она искоса взглянула на него, улыбнулась и поставила посуду на землю, дуя на пальцы.

— Очень горячий кипяток... — сказал Янка.

— Да, горячий... — ответила она.

Им нужно было переходить через тормозную площадку. Янка первым взобрался на площадку и взял у Лауры посуду. Потом он спустился с площадки по другую сторону поезда и опять взял бидоны Лауры и свои. Поставив их на землю, он ждал, пока она спустится.

— Спасибо, — произнесла она. — Вы не обожглись?
— О нет, совсем не так горячо.
— Да, теперь уж, наверно, остыл.

Вот и все. Лаура ушла в свой вагон, Янка — в свой. Позже он сообразил, что не следовало так быстро спускаться с тормозной площадки — тогда и Лаура поднялась бы туда и он мог бы ее о чем-нибудь спросить. Возможно, она и сама заговорила бы.

К вечеру погода немного улучшилась. Янка вышел погулять и у ворот депо нашел несколько вагонных буферов. Он поднял один из них вверх. О, у него еще есть сила в мускулах. Потом, когда он будет есть больше мяса, сможет поднимать два, три буфера одной рукой — Зитары сильная порода. Жаль, что Лаура не видит его.

Возвращаясь обратно, он встретил Лауру и Руту. И на этот раз она добрая, — вероятно, та неизвестная обида забыта и прощена. Она даже оглянулась, пройдя мимо Янки, и у него после этого весь вечер было веселое настроение. Радостный, взобрался он на соседние верхние нары и стал играть в шашки с Айей. Он все время выигрывал, а Айя, краснея, улыбалась своим проигрышам. Янка мог выигрывать сколько угодно, ведь он ясно видел расположение шашек на доске, а глаза Айи были затуманены присутствием Янки и его неожиданной любезностью. Изредка, переставляя шашки, их пальцы соприкасались. Янка ни о чем не думал, он только чувствовал — пальцы девушки горячие и слегка дрожат, вероятно от волнения. Но Айя... Наконец он опомнился, сообразив, что нехорошо поступил, взобравшись на нары Айи.

— На сегодня довольно, — сказал Янка и спустился с нар.

Айя ничего не ответила.

Укладываясь, Янка размышлял: «Все-таки как странно, что даже здесь, под сенью голода и смерти, возможна такая вещь, как любовь. Какая это, в самом деле, удивительная сила! Ее ничто не может заглушить, это дивный цветок, способный цвести при любых обстоятельствах и в любых условиях. Для него не страшны темнота и холод. Он обходится без солнечного света и тепла, пускает корни в самой скудной почве и способен вытянуть жизненные соки даже из каменистого грунта».

И еще одна странность: покорно и скромно мечтал

Янка о Лауре, ему было достаточно одного ее ласкового взгляда; одно приветливое слово из ее уст и мимолетная улыбка наполняли его счастьем. Больше он ничего не требовал. Но точно такой же была Айя — покорная и непритязательная. И если б он пожелал, то мог бы доставлять ей счастье каждую минуту, он, этот богач из вагона номер двадцать, ибо всякое его слово, обращенное к Айе, было для нее точно кусок золота. Оно значило больше, чем хлеб, мясо и пшенная каша, которых требовало тело, и он мог рассыпать эти богатства полными пригоршнями. Но он скупился. Такой же была и Лаура. А не могло ли быть, что Лаура ожидает, когда он станет более щедрым? Может быть, она, так же как Айя, ловила дары его любезности и лишь гордость не позволяла ей выказывать это так открыто, как делала Айя? Лаура была более сильная натура, Айя слабее. Янке нравились сильные люди.

7

На шестые сутки ушел польский эшелон. Теперь настала очередь латышей. Но вечером, когда из депо вышел единственный свободный паровоз и комендант предупредил беженцев, чтобы они не уходили далеко от вагонов, людям пришлось пережить новое разочарование: в самый последний момент начальник станции отозвал паровоз, так как ночью ожидался воинский эшелон и он не имел права отдать единственный паровоз беженцам.

Воинский эшелон прибыл, и через час его уже не было в Татарской. До утра прибыли еще два состава из Омска, но паровозы отдали продовольственным маршрутам, и алтайцы глядели, как умчались на запад черные паровые кони. Беженцы простояли на станции весь седьмой и восьмой день. Кто-то из железнодорожников сказал, что поляки «подмазали» и поэтому уехали. Теперь стало понятно, почему беженцев здесь морили: без взятки не уехать. Паровоз нужно купить за деньги.

«Комитет дорожного фонда» без ведома Карла Зитара опять собрался на совещание. В фонде еще оставалось полмиллиона рублей, но члены комитета берегли их для более важных мест — Омска и Екатеринбурга.

Нечего делать, решили израсходовать последние запасы и послали к начальнику станции представителей.

Вечером взятку отправили по назначению. Ночью из депо вышел паровоз и его прицепили к эшелону алтайцев, хотя на соседних путях стоял длинный продовольственный маршрут. Промучившись девять суток на месте, беженцы опять почувствовали успокаивающее движение вагона, но уже не ощущалось той радости, которую они испытали, когда поезд впервые тронулся со станции Бийск: слишком многое уже упущено.

Янку мучили мрачные предчувствия. «Не доехать нам до конца. Впереди еще огромное расстояние — четыре тысячи верст. Одного за другим раскидают нас по краям дороги».

Он вдруг сделался странно равнодушным ко всему. Сознание, что спасения нет и придется погибать, не возбуждало в нем отчаянного сопротивления, ибо не имело смысла противиться неизбежному. Его лишь успокаивала эгоистичная мысль: он погибнет вместе с Лаурой. Обоих постигнет одна участь...

8

Двадцать второго октября поезд добрался до Омска. Его дотемна держали на правом берегу Иртыша, а вечером пропустили через мост и поставили у станции Куломзино.

Там они опять простояли три дня. Но здесь был совсем другой мир и другие причины стоянки. С высокого берега Иртыша открывался широкий вид на степи, на течение могучей реки, которая, родившись в горах Китая, спокойно текла на север к Ледовитому океану. Вдалеке, посреди степной равнины, раскинулся Омск.

Здесь в латвийском консульстве просмотрели документы беженцев и проверили их права на латвийское подданство. Это оказалось очень сложным делом — за долгие годы многие беженцы потеряли документы. Достаточно было хоть какого-нибудь доказательства: квитанции об уплате налога, старого железнодорожного билета, какого-нибудь удостоверения или метрической выписки. У некоторых не оказалось и этого, и их вычеркивали из списка, но они не ушли из вагона, а спокойно ехали дальше, надеясь, что в конце пути все выяснится.

В Куломзине беженцев отправили в баню. Это было ценнее, чем фунт хлеба, но насекомых от этого не убавилось. Совсем наоборот: почувствовав запах свежего, чистого тела, они кусали с еще большим ожесточением, и главным образом тех, на ком было чистое белье, — это старая, давно проверенная истина. Каждый раз после смены белья человек не мог спать, потому что к нему перекочевывал весь «живой инвентарь» соседей. Сермукслис рассказал Янке, что с ним случилось в первую неделю пути: заметив появление вшей, он сразу же сменил белье, но насекомых стало еще больше. На следующий день он опять переодел рубашку, на третий — тоже, пока не дошел до того, что нечего стало переодеть. Спасения не было. Ничего другого не оставалось, как покориться и стоически переносить укусы насекомых. И когда он пробыл целую неделю в грязном белье, не меняя его, то заметил, что живности стало меньше, а та, что осталась, ведет себя спокойнее — поползает лениво по спине, немного покусает и забирается в швы спать. Таким образом, грязь в известных случаях имела свою положительную сторону.

Вблизи станции находился базар. Янка собрал оставшиеся у него русские книги и понес продавать. Впервые в жизни он увидел такую грязь, как здесь: нигде не обойти ее, — кругом черная топь. Посреди грязи стояли палатки торговцев, лотки коробейников, высились горы арбузов. У подвод с солью прохаживались казахи. Трескучим голосом ревели степные верблюды, обдавая прохожих клочьями пены; кричали продавцы, торгуясь из-за каждого пустяка с таким темпераментом, что скорее напоминали сварливых забияк, чем коммерсантов; опустившись на корточки среди грязи и напевая свои странные песни, у ящиков с папиросами и мешочков с жареными подсолнухами сидели китайцы. Белый, как мел, хлеб, сочные куски жеребятины, разрезанные арбузы с розовой мякотью и черными блестящими семечками пленили глаза голодных беженцев.

Здесь можно было все достать. Но беженцы, поглядев, брели дальше, по щиколотку увязая в грязи. — Мягко идти, — смеялись они, посматривая друг другу на ноги. Кому удалось что-либо продать, купили хлеба.

Другие не покупали ничего и представляли, каким вкусным должен быть этот белый хлеб. Может быть, и им еще доведется когда-нибудь его поесть, а может быть, и нет.

В Куломзине Янка опять нашел несколько старых буферов. Он пытался поднять их одной рукой, но теперь они казались тяжелее, чем в Татарской. Позднее, в Перми, он находил еще буфера, и они показались ему еще тяжелее — еле удавалось поднять их до плеча. Потом уже пошли и такие буфера, что даже двумя руками не поднять. Чем дальше на запад, тем тяжелее становились буфера, хотя по виду они ничем не отличались от прежних. Чем это объяснить?

Янка забывал взвеситься и потому не знал, что по сравнению с неизменным весом буферов сам он теряет в весе каждый день; только тяжесть на душе становилась все больше.

Янка совсем помрачнел, его уже не могли развеселить даже самые смешные события. Однажды вспыхнула братоубийственная война между латышами и литовцами. Бренгулис варил перед вагоном картофель; литовцы развели свой костер так близко к костру Бренгулиса, что тот начал затухать. Бренгулис предложил им уйти, места хватит хоть на десять костров. Но какая-то литовка начала ругать Бренгулиса и бросать в него горящие головешки. Защищаясь, наш молодчик лягнул темпераментную даму и сбил ее с ног. Поднялось настоящее вавилонское столпотворение. В конце концов потребовалось вмешательство коменданта поезда, иначе началось бы всеобщее побоище.

...Янка мыл у дверей вагона ботинки: он зачерпнул грязь. Немного поодаль возились у костра Эльза и Сармите. Из вагона, где ехали Ниедры, вышли Лаура и Вилма. Они направились прямо к Янке. Он охотно спрятался бы в вагон, но ботинки были слишком грязны. Не видя иного выхода, он остался на месте в ожидании девушек. И впервые Лаура, поравнявшись с ним, остановилась и сказала:

— Добрый вечер...

Янка пробормотал что-то в ответ.

— Мы пришли вас ограбить, — сказала Лаура. — Это, правда, нечестно, но я думаю, вы извините нашу дерзость.

— Почем знать, — улыбнулся Янка, взволнованный и немного струсивший. — У меня нечего грабить.

— Может, все же найдется что-нибудь, — Лаура лукаво взглянула на него. — Я слышала, у вас много книг. Мы хотели попросить у вас что-нибудь почитать.

Янка вскочил в вагон и через минуту вернулся с большой кипой книг. Он предложил взять их все. Но девушки заявили, что это будет слишком много, и взяли только четыре — за остальными они придут в другой раз. Да, конечно, это даже и лучше. По крайней мере оставалась возможность еще когда-нибудь встретиться и говорить с ними.

Позднее Янка пошел гулять на перрон. Там он вновь увидел Лауру. Она пришла на этот раз одна. Заметив Янку, Лаура отправилась на другой конец перрона, а оттуда по деревянным мосткам — еще дальше, за станцию. Остановившись у конца мостков, она оглянулась. Никого вокруг не было. Янке казалось, что она ждет его, иначе зачем бы пришла одна и удалилась в такое уединенное место. После сегодняшнего разговора он стал смелее и подумал, что ничего особенного не будет, если он подойдет к ней и заговорит. Ведь они знакомы. Правда, Лаура в Татарской получила сумасбродное письмо за подписью Я. З., но если бы ей это не понравилось, она бы не просила книг, не пришла бы на перрон и не остановилась бы в конце мостков.

Как бы там ни было, Янку охватило радостное настроение. Он окинул взглядом станцию, убедился, что нигде не видно ни одного знакомого, и быстро, смело приблизился к Лауре. Никто не мог утверждать, что он направляется к ней — может быть, у него совсем другая цель; просто по пути встретил знакомую, остановился поговорить. Этого требует приличие, понимаете, простое приличие, и нечего над этим смеяться. (Но, милый Янка, кто же смеется?) Да, он подходил все ближе и ближе к Лауре, с тихим изумлением в сердце: так вот, оказывается, как это просто; не нужно только волноваться из-за мелочей.

Еще тридцать шагов. Теперь только двадцать. Лаура видела, что он приближается, и совсем не собиралась убегать; она сделала несколько шагов в одну сторону, затем в другую и, улыбаясь, смотрела на него, потом остановилась и застенчиво потупилась. В этот момент

на перроне неизвестно откуда появилась Айя. Она махала Янке рукой и кричала, чтобы он подождал ее. Янка с досадой остановился. Какой дьявол принес ее именно теперь?

Но дело тут же выяснилось.

— Иди в вагон, Янка, только что подали паровоз! — сообщила Айя. — Мы сейчас едем.

Раздался первый звонок. Айя права — медлить нельзя. Янка украдкой глянул на Лауру, но и она услышала слова Айи и спешила к поезду.

Следя за его взглядом, Айя тоже заметила Лауру, и губы ее сжались.

— Я, наверно, тебе помешала... — тихо проговорила она. — Но откуда мне было знать?

— О чем ты говоришь? — удивился Янка. — Вас, женщин, никогда не разберешь. Вечно у вас глупости на уме.

— Это та самая, которая давеча приходила за книгами, — продолжала Айя.

— Да. Ну и что же?

— Разве я что говорю? Ты иногда с ней здороваешься.

— Я, вероятно, не должен этого делать?..

— Никто тебе не запрещает. Но ничего в ней особенного нет.

Янка больше не отвечал. По дороге он думал о том, что совсем было бы неплохо, если бы Айя не пришла и он опоздал бы на поезд. Лаура тоже опоздала бы, и им пришлось бы догонять эшелон на пассажирском поезде. Тогда они, оставаясь вдвоем несколько часов, может быть даже весь день, могли бы о многом поговорить. Нет, он совсем не благодарен Айе за эту услугу. Она и сама, очевидно, поняла это и весь вечер была какая-то странная, словно чувствовала себя виноватой перед Янкой.

9

Эту ночь и весь следующий день поезд шел без задержек. Изредка паровоз набирал воду, топливо и продолжал путь. Вечером приехали в Называевскую, где менялись поездные бригады. Здесь эшелон опять за-

стрял, но это уже была не болотистая Татарская — станция чистая, погода солнечная. Привыкнув к продолжительным стоянкам, беженцы использовали их: стирали белье, ходили за дровами, бродили по базару и опять кое-что продавали. Так прошло два дня. На третий день люди забеспокоились: здесь, вероятно, собираются устроить вторую Татарскую. Ждать паровоз девять суток они не могли. До Петрограда придется менять бригады не меньше десяти раз. Если на каждой станции сидеть по неделе, то до границы бо́льшая часть пассажиров эшелона отдаст концы.

Опять какой-то «славный малый» ждал взятки. Уж очень прытки эти начальники крупных станций — никогда не упустят возможности поживиться. Опять члены «дорожного фонда», посовещавшись, отправились торговаться с начальником станции. О, у этого человека был огромный аппетит — без миллиона и пошевелиться не желает.

— Если не дадите, до рождества продержу: все в моей власти.

Члены «фонда» стали обходить вагоны, собирая деньги.

— Пусть это будет последнее место, где мы «подмазываем», — говорили беженцы. — Да и смысла нет — все равно до конца живыми не доедем.

Всемогущий железнодорожный деятель в их сознании выглядел как мистическое чудовище. Прожорливый и ненасытный, он подстерегал их на каждой станции, в каждом паровозном депо лежал каменной глыбой поперек полотна и не пропускал эшелон до тех пор, пока ему не уплачивали пошлину, кровавую дань, последние вздохи умирающих от голода людей. И в то же самое время при его любезном содействии тысячи спекулянтов ездили из одного края в другой, высасывая из народа все соки и наживаясь за счет гибели своих собратьев.

Несколькими неделями позже, 6 декабря 1921 года, народный комиссар путей сообщения Феликс Дзержинский в своем обращении* назвал эти мерзости их настоящим именем и объявил беспощадную войну всем взяточникам на транспорте. Содрогнулась тогда свора алчных негодяев перед справедливым гневом народа; но сегодня они еще старались урвать, что возможно.

Увидев, что дело идет опять к новым взяткам, Карл Зитар вспомнил совет Черняева и решил действовать по его указанию. В то время как члены «комитета дорожного фонда» собирали по вагонам деньги и продукты для взятки, он отправился в отделение Транспортной чрезвычайной комиссии и полчаса беседовал наедине с начальником отделения.

И случилось так, как предвидел Черняев: члены «комитета дорожного фонда» еще не закончили сбор большого «пожертвования», как из депо вышел паровоз и был прицеплен к поезду беженцев. Деятели «фонда» и пассажиры эшелона от изумления опешили, но Карл рассказал им о своей миссии. Да, даже в это трудное и сложное время нашлась сила, которая была в состоянии обеспечить справедливость наперекор всем взяточникам.

Следующая смена бригад прошла довольно благополучно — за один день. В Ишиме беженцы получили хороший паровоз, и эшелон за ночь доехал до Вагая. Вначале казалось, что беженцы и здесь легко отделаются, — комендант эшелона предупредил, чтобы люди не уходили далеко от вагонов, так как все готово к отправке. Но вскоре начальник станции получил какую-то телеграмму, и эшелон с беженцами поставили на запасной путь. Он простоял там весь день. На следующий день ничего не изменилось. Члены «фонда» уже поговаривали, что надо пустить в ход собранные деньги.

Тогда Карл Зитар понял, что опять настало время отправиться в Чрезвычайную комиссию. Он так и сделал. Результат этого похода опять был поразительным: как только председатель отделения Чрезвычайной комиссии — моложавый, очень славный человек — поговорил по телефону с начальником станции на настоящем революционном языке, сразу нашелся паровоз и поездная бригада, и через час поезд уже двигался дальше на запад.

Это был последний раз, когда Карлу пришлось воспользоваться советом Черняева. Теперь многие узнали, кому они обязаны тем, что живыми добрались до границ своей родины и что в дороге больше не пришлось рыть новые могилы.

Эшелон с беженцами двигался теперь вперед такими темпами, которые следовало признать максимальными

при существующей обстановке. Председатель Вагайского отделения Транспортной чрезвычайной комиссии не успокоился на том, что помог эшелону отправиться со станции; он связался со своим начальством и устранил все препятствия на дальнейшем пути его следования до самого Екатеринбурга. Значение этой помощи могли не оценить только такие люди, как Бренгулис и ему подобные, у которых в мешках и ларях хранились неисчерпаемые запасы продовольствия.

Эшелон стремительно мчался через приуральскую степь. На следующей станции бригады сменились за час. Показались горы, большие заводы, рудники. Мимо вагонных окон мелькали леса, глубокие долины и заброшенные монастыри. Но эшелон нигде больше не останавливался. Шел снег, земля повсюду побелела. Быстрей! Еще быстрей вперед! Нужно наверстать упущенное!

Это была бешеная гонка. Пел ветер, стучали колеса и угрюмо ворчали пустые желудки. Осталась позади граница Азии. Во время этой стремительной езды Янка несколько дней не встречал Лауру. Выбегая на станциях за кипятком, он мельком видел ее, но не было времени для разговора. Зато когда поезд прибыл в Екатеринбург и простоял несколько часов, Янка опять нашел ее. И странно, он почти не узнал девушку: это была уже не та Лаура. Лицо ее посерело, глаза потеряли прежний блеск, а походка сделалась медлительно-усталой и тяжелой. Казалось, плечи Лауры согнулись под невидимым грузом.

Такой же стала и Айя Паруп. Пожалуй, даже еще более слабой и серой. Таким же стал и Янка. Все они, казалось, покрылись слоем золы. Но этот слой нельзя было отмыть никаким мылом, это была печать голода. Они уже почти целую неделю довольствовались лишь тем, что выдавали на некоторых станциях эвакопункты. Но этого было слишком недостаточно, чтобы сохранить силы.

10

В Омске эшелон алтайцев разделили на два. Литовцы, поляки и белорусы поехали через Урал южным путем, через Челябинск, а латышей и эстонцев направили

северной стороной. Из состава в сорок вагонов осталось только двадцать пять. Это обстоятельство послужило латышам на пользу: чтобы не отправлять неполный эшелон, в Екатеринбурге к их эшелону прицепили пятнадцать вагонов с продовольствием. Их срочно нужно было доставить в Петроград. *«Срочно!»* Это значило, что начальники станций больше не посмеют медлить с отправкой и беженцы в возможно короткий срок доберутся до большой северной столицы. За вагонами с хлебом зорким оком следили продовольственные комиссары и Чрезвычайная комиссия. Попробуй только саботировать или допустить бюрократический трюк — и ты сразу же опалишь пальцы, жадный до взяток чиновник! Вровень с мукой и мясом, отправляемыми в Петроград, теперь становились и беженцы: эшелон невозможно разделить надвое, отправив вагоны с продовольствием отдельно, а людей оставив на месте. Волей-неволей приходится пропускать их без выкупа. Невероятные дела!

Второго ноября поезд отправился из Екатеринбурга. Только теперь началась настоящая езда — решающий участок великого марафонского бега. Шаг за шагом беженцы набирали утраченную в предыдущем состязании дистанцию, понемногу обгоняли ушедшего вперед соперника. Костлявый призрак голода начал отставать.

Поезд быстро мчался на запад, словно судно, в паруса которого дует мощный пассат.

Шестьсот человек кое-как влачили существование. В вагоне Зитаров только два семейства еще не ощущали нужды — Бренгулисы и Силини. Зариене вполне открыто попрошайничала у большого Симана, Карл Зитар выдавал своим семерым едокам все меньшие и меньшие порции. А на другом конце вагона два человека на верхних нарах жили тем, что получали через день на больших станциях. Айе Паруп и ее маленькому брату раз в два дня выдавали по чашке горячего супа и по полфунта хлеба. Этого еле хватало на один раз. Одни едят, другие делают вид, что едят, а ты натягиваешь на голову одеяло и лежишь, хотя спать тебе не хочется. Удивительно, как они вообще еще выдерживали — Айя и Рудис. Зная, что помощи ждать неоткуда, они спрятались в своем углу и словно исчезли для соседей. Случалось, об их присутствии не вспоминали целыми днями, пока на какой-нибудь станции старост вагонов не вы-

зывали к коменданту поезда за продуктами. Тогда брат с сестрой вылезали из-под одеяла, получали свою порцию и ели долго, медленно и бережно, чтобы в миске не осталось ни одной капельки супа и на пол не упала ни одна крошка хлеба. Напрасно у дверей вагона, попрошайничая, чирикали воробьи, — им никто ничего не давал. Люди сами походили на этих серых воробьев, таких же голодных, продрогших и с такой же упорной волей к жизни.

На одной станции, недалеко от Перми, Эрнесту Зитару посчастливилось поймать живого голубя. Уже одно это было удивительно, — откуда там мог взяться голубь? А еще удивительнее, что он был такой мягкий и упитанный. Когда птицу ошпарили и, разрезанную на мелкие кусочки, варили на печке, все пришли к заключению, что это удачный улов. А Зариене, вспомнив прежнюю дружбу с Эрнестом, подсела поближе к нему.

— Ты ведь не выбросишь потроха? — поинтересовалась она. — Это хорошая вещь.

Эрнест ничего не ответил ей.

— Если ты ничего не имеешь против, я долью в котел еще кружку воды, будет больше супа, — продолжала Зариене. — Мяса я не прошу, а супу ведь ты не пожалеешь.

Но воды уже было налито столько, что больше некуда было лить, и Зариене пришлось остаться без супа. Люди стали жестоки.

А поезд спешил все дальше на запад, вниз с уральских высот, сквозь пермские и вятские леса, к морю. Ничто больше не задерживало его свободного, бурного бега.

Двенадцатого ноября эшелон прибыл в Петроград и остановился на Варшавском вокзале.

11

В Петрограде поезд простоял восемь дней. Для Янки это было самое прекрасное время за весь долгий путь; он бы ничего не имел против того, чтобы задержаться здесь еще дольше. Вместе с Фрицем Силинем бродил он по огромному городу, осматривая его достопримечательности и в трамвайном вагоне исколесил Петроград вдоль

и поперек. Здесь было на что посмотреть: широкие проспекты, ряды гранитных дворцов, памятники, музеи, рынки, порт. Прежде всего Янка отправился на набережную Невы. После четырех лет он вновь увидел настоящие суда и живых моряков. Целый час простоял он на берегу у какого-то старого парохода, прислушиваясь к грохоту лебедок и наблюдая, как грузят товары. Каждая мелочь такелажа, свернутый канат, ржавый якорь, выкрашенная в коричневую краску мачта и спасательный круг с названием корабля пленяли его глаз. Нева катила темные воды к морю, со стороны залива дул свежий, влажный западный ветер — ветер с моря, соленый бриз, только что ласкавший зеленоватые гребни волн.

Здесь же на набережной возвышались корпуса Адмиралтейства. Два громадных якоря у входа, знаменитый золоченый шпиль, воспетый в свое время великим Пушкиным, Морской музей, памятник Петру Первому на берегу Невы... Куда ни шагнешь — всюду история, дыхание славного прошлого и настоящего. Зимний дворец, Эрмитаж, Исаакиевский собор, Сенат, Манеж и статуя Александра III с мешком на голове. А улицы — бесконечная перспектива великолепных зданий.

Вечером Янка сидел в маленьком музыкальном зале и слушал «Бориса Годунова»*. В зале было холодно, как в сарае, зрители сидели в пальто, а вместо оркестра оперную инструментальную партитуру исполнял на рояле озябший пианист. Рояль находился на сцене, на виду у публики. Когда в драматический момент смерти Бориса на сцену вышла большая крыса и, устало волоча по полу хвост, последовала за исполнителем с таким спокойствием, точно она находилась в укромном углу склада, а не на освещенной сцене, — в зале раздался смех, и солист на мгновение растерялся, так как именно сейчас публика должна была если не плакать, то по крайней мере вздыхать.

Днем позже Янка с братьями и некоторыми парнями пошел в латвийское консульство. Консул сообщил, что все мужчины призывного возраста обязаны явиться к нему для получения соответствующих указаний.

В приемной консульства их ожидал пожилой человек надменного вида, одетый в черную визитку. Он холодно взглянул на вошедших. Как только кто-то из парней

пошевелился и сказал что-то соседу, этот человек сильно вспылил.

— Дикари! Азиаты! — заревел он. — Здесь вам не Сибирь, а латвийское консульство! Если не умеете вести себя, выйдите отсюда и ждите на лестнице! Латвии такие варвары не нужны.

— Чего вы так расстраиваетесь? — спросил его Карл Зитар. — Ничего ведь не случилось.

Лакей консульства — это действительно был он — смерил его презрительным взглядом.

— Свое красноречие оставьте в России, — язвительно сказал он. — У нас в Латвии митингов не устраивают, вашему языку придется привыкнуть к молчанию. Там Европа. Понятно вам?

Карл пожал плечами и замолчал, а «европеец» продолжал брюзжать до тех пор, пока беженцев не пригласили к консулу.

Дипломат «независимой» Латвии более сдержанно, но так же язвительно и с таким же презрением обдал их еще раз холодным, враждебным дыханием. Они почувствовали его сразу, переступив порог этого здания. Грубые, пренебрежительные замечания, насмешливые ответы на все вопросы, барская резкость и надменность... Этот человек смотрел на них как на низшие существа. С ним совершенно невозможно было серьезно говорить. Он старался унизить своих посетителей, чем-нибудь уколоть их человеческое достоинство и, так же как его лакей, в каждой фразе упоминал Европу и Азию.

Кратко объяснив, что в Латвии всем им без промедления нужно зарегистрироваться в уездных военных управлениях и быть готовыми к призыву на военную службу, консул указал на дверь и прошипел:

— Идите!

Очутившись на улице, Янка спросил Карла:

— Почему он так злится на нас? Что мы ему сделали?

— Он европеец, а мы в его глазах дикари... — ответил Карл. — Он старался приучить нас к особенностям европейской цивилизации.

Нельзя сказать, чтобы это первое соприкосновение с форпостом «независимой» Латвии привело в восхищение кого-либо из возвращавшихся домой беженцев. Они вернулись на станцию молчаливые и подавленные. Кое

у кого в сердце закралось мрачное предчувствие по поводу того, что их ждет на родине. И получилось, что некоторые оставили эшелон тут же, в Петрограде, а другие сошли с поезда в Луге и Пскове, не желая идти навстречу унижениям и издевательствам, которые им столь недвусмысленно обещали теперешние хозяева и вершители судеб желанной родины: на военных беженцев правящие круги белой Латвии смотрели как на вредный, «развращенный» идеями коммунизма элемент. Поэтому так необузданно кричал лакей консула и так презрительно фыркал сам консул.

Холодным, враждебным духом повеяло с запада на возвращающихся домой людей.

...В Петрограде нуждающимся беженцам не приходилось долго ломать голову — их заботило одно: скорее бы везли дальше. Богатые днем ходили по рынкам, скупали дорогие меховые шубы, золотые часы, толстые, широкие обручальные кольца, никелированные самовары и другие ценные вещи; вечерами раздумывали, как все это перевезти через границу. Было известно, сколько и каких вещей разрешается каждому вывозить, но это не облегчало их положения: они накупили полную норму того, что разрешено к провозу, а в чулках еще хранились золотые и серебрянные деньги. И чем больше их было, тем больше приходилось ломать голову. К счастью, в эшелоне, помимо богатых, были и бедные — они теперь очень пригодились богатым землякам. Во взаимоотношениях беженцев произошла неожиданная метаморфоза: богатые по-братски приходили к бедным, несли им хлеб, масло, мед, мясо и крупу, щедрой рукой оделяя захиревших попутчиков. За это не требовали ничего, только маленькую, необременительную услугу: перевезти через границу кое-что из ценностей. Бренгулис купил Айе Паруп и Зариене роскошные лисьи шубы и дамские золотые часы. Эрнест Зитар тоже получил прекрасные золотые карманные часы. Многие невзрачные, серые беженцы щеголяли в куньих шапках и солидных купеческих шубах. Правда, это было лишь временное великолепие — до Ритупе, не далее, — но разве это уменьшало удовольствие от роскошного наряда? И парадоксально: чем беднее был беженец, тем больше ценили его состоятельные соотечественники, тем бо́льшую он мог оказать услугу. Как бы в награду за то, что они

так бедны, на них излился теперь дождь радушия — хлеб и колбаса, сало и масло. И лишь теперь выяснилось, какие запасы продуктов таились в мешках земляков в то время, когда у других кровь высыхала в жилах и пепельно-серыми становились от голода лица. Это, конечно, было хорошо, что они отдавали сейчас свои излишки бедным. Но человечнее было бы отдать это им раньше, — тогда меньше могил возникло бы у железнодорожного полотна.

Двадцатого ноября беженцы выехали из Петрограда. Все дни, пока поезд стоял здесь, Янка ни разу не видел Лауры. Он не думал о ней. Соленый морской воздух, дыхание большого города, суда и начало новой жизни на время прервали мечты Янки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

В Острове приказали выгрузить из вагонов вещи. Красноармейцы следили, чтобы ничего не прятали в снег. Конфисковали произведения искусства. Искали золото, деньги, драгоценности. Работники таможни рылись в снегу и местами находили завязанные в носовые платки узелки с золотыми пятирублевками. Они делали свою работу спокойно, но обстоятельно и с юмором.

— Смотрите, товарищи, опять курочка золотое яичко снесла, — шутили они, найдя спрятанный в снегу кружочек золота.

— Толковая птица. Такой холод, а они все еще несутся. Наверно, питание хорошее.

— А еще говорят, что в России голодно.

Зитарам нечего было прятать. Эрнест и Карл со спокойной совестью вытряхивали содержимое своих мешочков перед работниками таможни.

И, словно зная, что здесь бесполезно тратить время, таможенники для видимости бегло осмотрели вещи бедных беженцев и разрешили унести их в вагоны. Но когда принялись за осмотр имущества Бренгулиса и других богачей, то ощупывали каждый узелок по три-четыре раза, проверили каждую складку одежды. И небезуспешно. Зажиточные земляки, побагровев,

смотрели, как таможенники вытаскивали из разных тайников то драгоценные перстни, то золотые часы, то броши, медальоны и кружочки золотых денег. Каким образом эти драгоценности очутились там, они, право, не знали. Бренгулис сопел и фыркал носом, но объяснить работникам таможни, где он приобрел эти ценности и почему положил среди ненужного хлама, был не в состоянии, — у этого дяди что-то произошло с памятью.

Когда весь эшелон был проверен и вещи сложены обратно в вагоны, в каждом из них оставили по одному человеку, а остальных повели в таможню — для проверки документов и денежных запасов отъезжающих. И опять некоторым видным землякам пришлось расстаться с солидными пачками советских денег, спрятанных в карманы брюк и пиджаков.

Поезд простоял в Острове ночь, а на следующий день отправился дальше. В одиннадцать часов переехали границу. Паровоз убавил скорость. На границе соскочили с поезда сопровождавшие его красноармейцы.

На станции Ритупе беженцы пересели в латвийские вагоны, и вскоре их повезли дальше, в Резекне.

2

Обнесенный высоким проволочным заграждением, охраняемый вооруженными солдатами, широко раскинулся карантин для беженцев на окраине Резекне. Ближе к воротам находилась большая баня с дезинфекционными камерами. Дальше дорога шла мимо здания канцелярии, кухни, амбулатории и других помещений к низким одноэтажным баракам, где беженцы жили положенный срок.

В первую ночь приезжих поместили в каком-то временном жилье, где было два ряда нар. Наутро, сразу после завтрака, всех отправили в баню; беженцы прихватили с собой для дезинфекции белье, верхнюю одежду и постельные принадлежности. Горячий воздух камер покончил с насекомыми. После бани беженцам предложили перебраться в другие бараки. Теперь на нарах не видно было никого, кто бы чесался или искал насекомых. Если же кто и делал это, то просто по привычке.

— Как будто чего-то не хватает, — шутили они. — Кто нас теперь по утрам будить станет?

Заботиться о пробуждении им не пришлось. Этим занимались крикливые нервные молодые люди в маленьких шляпах «тип-топ» и белых воротничках. У них у всех были одинаковые шляпы, у одних серые, у других зеленые, одинаковые воротнички, черные ботинки с блестящими черными калошами и одинаковые, пронзительно-сердитые голоса.

Одного такого молодчика, без причины накричавшего, Карл Зитар послал к черту и этим нажил себе большие неприятности. Молодчик, правда, перестал кричать, но, вытаращив глаза на дерзкого смельчака, спросил, как его зовут. Вскоре Карла вызвали в карантинное бюро, в комиссию по освобождению.

— Почему вы держите себя так дерзко с нашими работниками? — спросил Карла один из чиновников.

— Дерзко? — удивился Карл. — Да он же и есть самый дерзкий тип, какого мне когда-либо приходилось видеть. Он не умеет разговаривать по-человечески и кричит, как на собак. Разве мы виноваты, что у него слабые нервы и неприятная работа? И почему он так кричит? Мы ему ничего плохого не сделали и не собираемся делать.

— Ах, вот как? — усмехнулся чиновник. — Вам здесь не нравится? Здесь для вас не рай? Хорошо, мы это учтем. Можете идти.

Карл возвратился в барак и весь день был мрачен.

Каждые полчаса в бараке появлялся кто-либо из служащих карантина — бóльшая часть из них были явными шпиками охранки. В красивых полушубках с пышными воротниками, блестящих кавалерийских сапогах и шляпах, они шныряли из барака в барак, исподтишка наблюдая за приезжими. Время от времени некоторых беженцев вызывали и уводили на допрос. Иногда кто-нибудь из зажиточных земляков о чем-то шептался с чиновниками карантина или в сумерках незаметно пробирался в пункт охранки и информировал работников о деятельности спутников в Советской России и теперешних их настроениях.

Пока комиссия по освобождению подробно не изучила каждого прибывшего, никому не разрешалось уехать из карантина. Некоторых освободили довольно

скоро — дня через два, другим пришлось провести в карантине несколько недель, пока из родной волости не прислали на них характеристику. Для тех, кого охранка считала подозрительными элементами, ворота карантина открывались только в том случае, если какой-нибудь домовладелец, кулак или торговец присылал письменное поручительство; кто не мог представить поручительства, того через некоторое время отсылали обратно в Советскую Россию.

Поздно вечером, когда обитатели барака улеглись спать, внезапно явились несколько чиновников охранки и произвели тщательный обыск имущества Зитаров. Ничего не обнаружив, они приказали Карлу одеться и следовать за ними.

На окраине, в отдельно стоящем бараке, Карла допросил сам начальник пункта.

— Вы служили при большевиках в милиции города Барнаула?

— Служил.

— Потом вступили в банду красных партизан и боролись против войск Колчака?

— Да, конечно. Но это была не банда. Это был отряд честных борцов.

— Вы, бывший офицер латышских стрелков, связались с красными! — начальник пункта изобразил удивление. — И вам не стыдно?

— Чего я должен стыдиться? — спросил Карл.

— Это мы увидим после, — процедил сквозь зубы начальник пункта.

Карла арестовали. Когда об этом узнали родные, они поняли, что здесь, в карантине, им не дождаться освобождения Карла, поэтому решили постараться поскорее выбраться отсюда и затем из своей волости выслать брату солидное поручительство.

Самые большие надежды они возлагали на корчмаря Мартына: тот теперь наверняка имеет вес и значение в волости. Если Мартын поручится за Карла, его непременно освободят.

С некоторыми обитателями карантина, например Симаном Бренгулисом, случились неприятности другого порядка. Когда эшелон миновал границу, большинство бедняков, помогших прятать имущество богачей, сняли с себя роскошные меховые шубы и отдали их владельцам. Айя Паруп сделала это, не ожидая, когда Бренгулис напомнит ей. Так же поступило большинство других. Богатым землякам оставалось поблагодарить их и уложить в тюки возвращенное имущество. Но Бренгулис оказался менее счастливым. Когда он напомнил Эрнесту о золотых часах, тот ответил, что лучше подождать до Резекне — часы у него в сохранности. Точно такого же мнения была и Зариене (они, видимо, сговорились). После бани и дезинфекции Бренгулис расположился рядом с Зитарами. Но Эрнест и словом не обмолвился насчет возвращения часов, а Зариене расхаживала по карантину в роскошной лисьей шубе. У Бренгулиса на душе стало неспокойно. Встретив Эрнеста у дверей барака, он отозвал его в сторону и сказал:

— Ну, теперь я сам справлюсь. Давай, ты и так долго хранил.

— Что? — спросил Эрнест, словно не понимая, о чем идет речь.

— Часы. Мы же договорились, что в Резекне я их заберу. В тесноте не так уж приятно хранить чужое имущество.

— Да? А почему я должен отдать вам свои часы? — удивился Эрнест.

— Я ведь купил их на свои деньги.

— Кто это видел?

— Перестань шутить. Кто же этого не знает...

— Кто-нибудь был при том, как ты мне их отдавал? Укажи свидетелей.

— Какие же нужны свидетели?

— Часы мои, и при мне они и останутся. Если ты думаешь иначе, спроси, как записано в таможенной описи. Я привез их из России. А по эту сторону границы ты у меня их не покупал.

— Значит, ты собираешься отрицать? — побагровел Бренгулис.

— Что значит отрицать или утверждать? Дело обстоит так, как я сказал, и больше нам не о чем говорить.

Так оно и осталось. Не помогли ни угрозы, ни задабривание — Бренгулис больше не увидел своих часов. Самое обидное, что он не мог ничего сделать Эрнесту, ведь свидетелей не было.

Подстрекаемая Эрнестом, Зариене тоже начала брыкаться:

— Что? Когда? Какую шубу?!

Но она оказалась более мягкосердечной и вернула шубу. Правда, не совсем безвозмездно — Бренгулису пришлось дать ей кое-что из съестного и сто рублей латвийскими деньгами. Но когда в бараке кто-нибудь интересовался, который час, Эрнест Зитар с самодовольным видом вынимал массивные золотые часы и открывал крышку:

— Четверть одиннадцатого.

3

На следующий день после ареста Карла в барак, где находились Зитары, вселились Ниедры. Янка узнал об этом только вечером, вернувшись после колки дров на кухне карантина. Сообщила эту новость Айя, поместившаяся напротив Зитаров на других нарах.

— Ты не пойдешь знакомых проведать? — спросила она, когда Янка поужинал.

— Каких знакомых? — ответил он вопросом на вопрос.

— Ну, тех, в том конце барака у дверей...

Янка взглянул в узкий проход между нарами. Но в бараке царил полумрак, и дальние нары нельзя было разглядеть. Он направился к двери и с полдороги вернулся: на краю нар с книгой в руке сидела Лаура. Странно, он только сейчас вспомнил, что она находится здесь и что у него есть с этой девушкой что-то общее. Последние недели пути от Урала они жили каждый своей жизнью — теми полными забот буднями, когда не остается места для размышлений и нежных чувств. В Екатеринбурге он увидел лишь тень Лауры, да и сам он был не лучше ее. Глядя на Лауру, Янка не понимал, как он мог забыть, не думать о ней. Ему стало стыдно. Ведь могло случиться, что он потерял бы ее навсегда. Пока он колол дрова для кухни карантина, зарабатывая соленую селедку и фунт хлеба, Ниедры могли получить из комиссии по освобождению разрешение на выезд, и в один прекрасный день он тщетно разыскивал бы Лауру по всем баракам. Как хорошо, что этого не произошло и он вовремя проснулся!

Да, но какой смысл в этом пробуждении? Несколько

грустных мгновений, один-другой вечер, когда ноет в груди от сознания неосуществимости твоих желаний. Лаура иногда садится на подоконник в том конце барака, ты садишься на другой подоконник в этом конце, у обоих в руках книжки, но вы не читаете их и время от времени тайком смотрите друг на друга. Эти взгляды вы прячете только от окружающих, сами вы уже не избегаете их. Может быть, и этого достаточно, но это еще не все. О, нет — это только крохи. Вечером приходит мать Лауры немного побеседовать и берет какие-нибудь книги. Иногда она смотрит на тебя таким странным, понимающим взглядом, и тогда тебе кажется, что она все знает, и ты от страха покрываешься испариной, ожидая, что она заговорит.

Однажды она действительно хотела начать говорить о чем-то; долго приготовлялась, точно ей трудно было собраться с мыслями, а потом произнесла:

— Я хотела бы высказать кое-какие соображения...

Но, взглянув на Янку и увидев побледневшее лицо парня, она, видимо, отказалась от своего намерения и так и не сказала ничего.

Эльза впоследствии удивлялась:

— Эта Ниедриене какая-то странная. Пришла, собиралась поговорить о чем-то важном и ничего не сказала.

Никто еще ничего не знал о Лауре и Янке, за исключением Айи. Но она таила все в себе, хотя именно ей приходилось тяжелее других. Она первая из всех знакомых Зитаров получила разрешение на въезд в Латвию и вечером двадцать шестого ноября отправилась с вещами на станцию. Янка помог ей и Рудису донести узел и побыл там, пока подали вагоны. Он не спрашивал у Айи ее будущий адрес и не обещал писать. Но она сама робко ему об этом напомнила и просила дать адрес. Такая же скромная и нетребовательная, как всегда, она протянула Янке на прощание руку и тихо произнесла:

— Вспоминай иногда меня.

А уходя, в самый последний момент торопливо шепнула:

— Тебя я никогда не забуду...

Затем она отвернулась и исчезла в вагоне. Скоро поезд тронулся, и Айя скрылась из жизни Янки надолго.

Ему стало немного грустно, но жалости он не ощущал. Этот момент должен был когда-нибудь наступить — мы все так рассеемся в разные стороны, перелетные птицы, вернувшиеся на свою северную родину. Кто нас опять соберет воедино? Никто. Повторения не будет. Возможно, только поздней осенью мы опять вспомним друг друга, когда молодые птенцы научатся летать. Но прежняя весна уже больше не вернется...

На следующий день Сармите уехала в Курземе.

Днем позже разрешение на въезд получили Ниедры. В то утро Янка рано отправился в комиссию по освобождению, вместе с Лаурой и Рутой встал в очередь. Но бывшие в помещении парни затеяли шумную возню, и их выгнали на улицу. Тем временем Ниедры получили документы, а когда Янка продвинулся до окошечка канцелярии, часы пробили три и чиновники кончили работать.

Вечером Ниедриене принесла книги и простилась с Зитарами. Уходя, она сказала Янке:

— Вы не поможете нам снести вещи на станцию?

Возможно, это было простой случайностью, что именно его она просила оказать последнюю услугу, а не Эрнеста или кого-нибудь другого (ведь у Ниедр в поезде было много знакомых), но Янке показалось, что это большое преимущество дано ему из особых соображений. Благодарный, что ему представится возможность побыть вблизи Лауры до самой последней минуты, он не мог дождаться, когда отъезжающих пригласят на станцию.

Наконец этот момент наступил. Был поздний вечер. Люди уже спали. Отъезжающие собирали вещи и спешили на станцию, хотя поезд уходил только через час. Янка взял один из мешков Ниедр и вместе с другими мужчинами отправился в багажный сарай. Рута тоже шла с ними, а Лаура осталась в бараке присмотреть за оставшимися вещами. Может быть, потому, что скоро придется расставаться, Рута сегодня была приветливее с Янкой, чем когда-либо. Возможно, что она и раньше ничего плохого не думала, но у Янки теперь становилось тепло на сердце всякий раз, когда она обращалась к нему с вопросом: не слишком ли тяжела ноша? Уедут ли Зитары завтра и в какую сторону они направятся?

Поставив мешок под навес багажного сарая, Янка и Эдгар поспешили обратно в барак. Там почти ничего не осталось. Эдгар выбрал себе ношу потяжелее и сразу ушел. Янка взял второй мешок, Лаура собрала оставшиеся мелочи, и они на некотором расстоянии последовали за Эдгаром. Дорога по территории карантина освещалась плохо: лампочки горели далеко друг от друга на верхушках столбов. Было безлюдно. На этот раз Янка не торопился. Мешок давил плечи, но он беспечно откинул голову, когда Лаура повторила недавний вопрос Руты: не тяжело ли ему? Да, и она была сегодня мила с ним, как никогда. Всю дорогу они шли близко, рядом, полные неясной тревоги и невысказанных вопросов. Изредка они обменивались несколькими ничего не значащими словами. Ближе и ближе становилась станция, и вместе с ней надвигалось то неизбежное, за которым опять начнется неизвестность, тьма и медленное тление, отчаяние несбывшихся мечтаний. Оба они знали это и, не будучи в силах выразить свои чувства словами, искали близости, прислушивались к шагам друг друга и словно ждали чуда, которое даст выход этой мучительной напряженности. Те немногие, незначительные слова, которые они произносили, выговаривались с трудом, голос срывался, в горле что-то сжималось, и голова горела от внутреннего огня.

Близок, совсем близок был конец пути — на расстоянии брошенного камня, не больше. Янка подтянул мешок повыше и придержал его левой рукой, а правую опустил вниз. Лаура шла справа от него. И он почувствовал, что его руки коснулась чья-то рука и в мимолетной ласке легко, легко скользит по ней. Он взглянул на Лауру. Они улыбнулись друг другу — это было грустно и радостно. И казалось, что в этой легкой ласке и робких прощальных улыбках заключалось все пройденное, ускользающее теперь в прошлое, все муки неизвестности и хрупкие надежды на будущее. Это была благодарность за прошлое и робкое обещание на всю дальнейшую жизнь, первый и последний луч зари в предутренних сумерках, потому что небосклон обоих до самого горизонта покрывали густые тучи и зарождающийся день выглядел серым и мрачным.

Янка не остался на станции до ухода поезда. Положив мешок на вещи Ниедр, он простился. И Рута была

той, которая в последний момент сказала все, что не смогли выговорить ни Лаура, ни сам Янка.

— *До свидания!* Мы ждем вас к себе. Не на рождество, а немного позже, когда чуть устроимся. Значит, на троицу, но это уже определенно.

— Обязательно... — пообещал Янка и ушел. Замечательная женщина эта Рута, добрая, всегда придет на помощь в трудную минуту. Эту последнюю поддержку он не забудет никогда.

Пустым стал барак, опустел карантин. Янка нигде не находил себе места. Как бездомная собака, бродил он кругом, сам не зная, чего ищет. Спать не хотелось, читать он не мог, но труднее всего было думать, потому что каждая мысль только напоминала ему о том, что́ он сегодня потерял и что́, может быть, уже никогда не найдет. Там, в тайге, он убедился, насколько коварна жизнь; и хотя ее первое коварство Янка счастливо преодолел, все-таки он сомневался теперь, удастся ли ему победить еще раз. Ибо наступило время, когда нужно было поменьше мечтать, начать работать — строить, созидать, устраивать свою жизнь, вносить свою долю в общий труд человечества. Это долг каждого человека, если он хочет оправдать свое существование. Здесь была грань, за которой Янка, младший в семье, должен был стать Яном Зитаром.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

СУРОВАЯ ЖИЗНЬ

9 — 2030

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Белая земля. Инеем покрыты деревья. Река, протекающая мимо усадьбы Зитаров, уже спрятала свои буроватые воды под ледяной покров, и не слышно больше журчания струй. На прибрежной ольхе одиноко сидит нахохлившаяся от холода ворона — старая, угрюмая птица. Изредка она косится на пригорок, в сторону двора усадьбы, и сердито произносит: «Карр...» Как не сердиться, если такой холод, а в зобу у птицы пусто! Хоть бы когда-нибудь на этом дворе вылили помои, попался бы какой-нибудь запоздалый цыпленок или зарезали бы свинью... Изменились времена. А прежде в старом доме кишмя кишел народ и в каждом закутке было полно всякой живности. Хлев пустует, и петух там не поет, не хрюкнет поросенок; окна дома закрыты ставнями, некоторые просто забиты досками. Только одно окно на северном конце дома не закрыто, и изредка там из трубы поднимается струйка дыма. Как крот в норе, живет здесь старый человек — седой, лохматый, насупленный. Летом он косит траву на прибрежных заводях, ставит в реку верши или закидывает в море сеть, а на зиму прячется в свою берлогу и топит печь. Он вылезает только, когда кончаются дрова или на большаке показывается чья-нибудь подвода. Да, тогда он выходит во двор, останавливается у флагштока и долго смотрит на дорогу. Никто чужой не смеет войти во двор, что-нибудь взять — пролазам и воришкам в Зитарах нечего делать. Старый Криш — так зовут его люди — спит чутким сном и не терпит в своем дворе чужих.

Все равно, будь то упавшая с крыши черепица, трухлявая конская дуга или лемех плуга, — он ничего не позволяет трогать.

Только однажды он вынужден был молчать и, поджав губы, смотреть, как чужие люди хозяйничают в доме Зитаров. Это случилось, когда сюда явилась толпа солдат в серо-зеленых мундирах. У них были винтовки в руках, и говорили они на чужом языке. Дом в то время пустовал, хозяева уехали, и чужие вели себя так, словно здесь все принадлежит им. Криш тоже было поехал с хозяевами, но скоро возвратился с маленьким узелком через плечо и можжевеловой палкой в руке. Первое время он еще ругался, когда немецкие солдаты рубили ставни на дрова, а для растопки кололи на лучину дверные наличники (хотя тут же рядом, рукой подать, находился лес), но солдаты только смеялись над ним и нарочно дразнили Криша. Скоро он стал молчаливым и угрюмым. Уходя, чужие порубили все комнатные двери и стулья, а какой-то весельчак выбил стекла на веранде — им, видимо, нравилось разрушать то, что другие создавали.

Откуда-то потянуло падалью. Старая ворона взмахнула крыльями и полетела на добычу. Она поднялась высоко над вершинами деревьев и зоркими птичьими глазами окинула окрестность. На дороге с южной стороны показалась подвода. Пронзительно визжит под полозьями снег, за подводой идут люди. Может быть, это и есть те, кого так долго ждал старый Криш? Но куда же он делся, почему не выходит к флагштоку? Ах да, он в лесу собирает хворост и накладывает его на санки. Сегодня он ушел далеко от дома, потому что вблизи весь хворост уже собран.

«Карр, карр!» — издевается ворона над Кришем и вылетит дальше, ее глаз успел заметить добычу. Это выброшенная в поле дохлая кошка. Две вороны уже клюют ее. Надо поспешить, чтобы урвать какой-нибудь кусочек получше.

Ворона улетает, а Криш остается. Он уже наломал хворосту и наполнил санки почти наполовину, но не хочет уходить, пока не наложит полный воз. Стараясь удержать в равновесии поднятый кверху шест с крюком на конце, старик переходит от одного дерева к другому, зацепляет им сухой сук и дергает его до тех пор, пока

сломанный сук не упадет на землю. Стоптанные пасталы* задубели, намотанные на концы штанин онучи заледенели, но Кришу тепло, лицо горит, и при дыхании из ноздрей вырываются две белые струйки пара. Наконец все готово. Криш увязывает воз веревкой, раскуривает трубку и впрягается в санки вместо лошади.

Когда тропинка идет в гору, Криш поворачивается лицом к саням и, пятясь, шаг за шагом, втаскивает воз в гору, а когда дорога ровная или спускается под гору, у него еще остается время на размышления. О чем может думать этот старый человек? У него же ничего своего во всем мире нет. Он привык к одному месту и дому, не принадлежащему ему, к людям, которые не приходятся ему родней. Но у этой привычки такая сила, что он не может избавиться от нее. Однажды, когда Зитары уехали в Россию, Криш попытался отделаться от нее. Он не поехал с ними, а остался в Видземе у чужих людей. Там была работа и хлеб, никто его не прогонял. Но через несколько дней Криш связал свои пожитки в узелок и побрел, еще хорошо не зная куда. Словно во сне перешел он через линию фронта и поплелся обратно в старое моряцкое гнездо. В Зитарах он сначала хотел только переночевать. Хозяйничавшие там немецкие солдаты прогнали Криша, но он не подчинился им и в конце концов отвоевал себе место в людской за печкой. На следующий день он уже не думал об уходе, — усадьбе нужен хозяин, мужчина, который за всем смотрит и охраняет. Тогда это было тяжелой и неблагодарной обязанностью: домашний скарб растаскан, хозяйственный инвентарь, рыболовные снасти и мебель присвоили соседи, а всем оставшимся распоряжались немцы. У Криша сердце обливалось кровью при виде этого разрушения. Не смея и слова сказать, он в глубине души ненавидел и проклинал каждого немца. Поступки этих людей напоминали ему забавы умалишенных. Когда солдату хотелось горячего кофе, он не утруждал себя, не шел за дровами на двор, а рубил дверь или подоконник. Растопкой служили книги капитана Зитара. Тонкие салачные сети словно были созданы для вытирания ног, а белыми занавесками оказалось очень удобно мыть солдатские котелки.

Тащит воз Криш и думает: долго ли будет он жить один в этом доме? Каждый день беженцы возвращаются

из России. Почему не едут Зитары? Все рушится. Земля не пахана, зарастает травой, проваливаются крыши, и все с большей жадностью посматривает родня капитана на покинутую усадьбу. Корчмарь Мартын еле сдерживается — ему все мало. Больше всего Криш хочет, чтобы с его плеч сняли бремя ответственности. Достаточно он здесь все охранял, ругался с немцами, соседями и выслушивал упреки корчмаря Мартына: этот молодчик хитер, как лиса, и ненавидит Криша за то, что тот не пускает его в дом. Но долго ли Кришу удастся его сдерживать? Если капитан пробудет еще год-другой на чужбине, Мартын найдет путь, как пробраться в Зитары. Закон будет на его стороне — он ведь второй сын старого Зитара и наследник брата.

Наконец сани втянуты на гору. Отсюда уже хорошо видна усадьба. Но что это? Криш останавливается и подносит к глазам руку: посреди двора стоит подвода, на ней разные тюки, а вокруг суетятся люди, много людей, четверо или пятеро; они развязывают воз, снимают тюки, взваливают их на плечи и переносят на крыльцо. Некоторых Криш как будто узнает, других еще нет. Теперь он догадывается, кто приехал. От волнения он забывает про трубку, и она гаснет. Криш бросает сани и, насколько позволяют старые ноги, бежит к дому.

2

— Ведь это, кажется, старый Криш, — воскликнула Эльга, первая заметившая старика. Все оставили на минуту тюки.

— Слава богу, вернулись-таки! — крикнул Криш еще издали. Голос его дрожал, лицо искривилось то ли от смеха, то ли от слез. Эльзу и Эрнеста он сразу узнал, они меньше изменились, а Янку и Эльгу нужно было сначала хорошенько разглядеть и потом еще как следует подумать, прежде чем назвать каждого из них по имени. — Боже милостивый, как выросли! А ведь когда-то я их на руках носил.

Как теперь быть: пожать приезжим руку и, отвернувшись, смахнуть большим пальцем предательскую слезу или поцеловаться со всеми, как полагается после столь

продолжительной разлуки? Он ведь почти всех их выняньчил. Криш ограничился, однако, только рукопожатием, потому что в конце концов он был всего лишь старым батраком, и только. Да к тому же он оброс такой колючей седой бородой, что Эльза, догадавшись о его намерении, сразу же дала понять, что излишние нежности тут ни к чему.

— А где же хозяин с хозяйкой? — спросил Криш, поздоровавшись со всеми. Напрасно искал он глазами плечистую фигуру капитана. Дверь дома была еще на замке, и он не мог быть внутри.

Все замолчали. У приехавших плотнее сжались губы.

— Кто где, — промолвил наконец Эрнест. — Один в сибирской тайге, другая в степи, — невесело усмехнувшись, он добавил: — Мертвых домой не возят.

Теперь Криш больше ни о чем не спрашивал. Растерянный, он помог разгрузить воз, открыл дверь и задумчиво посматривал то на одного, то на другого.

— А я-то думал, вот приехал домой хозяин, начнет распоряжаться. А теперь как же...

— Без хозяина Зитары не останутся, — засмеялся Эрнест. — Может, я им и буду.

Эльза и Янка пристально взглянули на брата: так вот что у него на уме. Пусть, пусть — время еще есть. Они ничего не сказали. И, как полагается будущему хозяину, Эрнест первым шагнул через порог дома, оценивающим взглядом окинул комнаты.

— Почему держишь ставни закрытыми? — спросил он Криша; в голосе его уже чувствовались твердые нотки повелителя. — Здесь так темно, ничего не видно.

— Я поищу свечку, — предложил старый батрак.

— Зачем свечу? Лучше открой ставни.

— Открывать нельзя, в рамах нет стекол. Повыбили немцы. Хорошо, что хоть некоторые остались, а то здесь было бы как в сарае.

— Так, — протянул Эрнест. — Значит, ты был плохим караульщиком. Вот и оставь на него дом.

Он рассмеялся, но никто не поддержал его. Криш принес свечу. Глазам приехавших открылась картина опустошения. Когда-то такое уютное, теплое жилье стало неузнаваемым. Битое стекло, обрывки обоев, изрубленные дверные косяки, паутина во всех углах, писк мышей и запах плесени, кругом пусто, голо, холодно.

Ни стула, ни стола, ни шкафа, ни одной картины на стенах; только в большой комнате посреди потолка пыльная розетка от лампы — единственное напоминание о том, что здесь когда-то было.

Эльза туже стянула на плечах материнский платок:

— Но здесь же... здесь же совсем нельзя жить...

Эрнест в замешательстве кусал губы.

— Значит, так... Вот как, значит. Все вещи пропали. Криш, ты знаешь, куда они делись? Может быть, можно хоть что-нибудь получить обратно?

— Если захотят отдать. Мебель вся у корчмаря Мартына. Он ее сразу увез, как только хозяин уехал.

— Но инвентарь-то не забрали? — спросил Эрнест.

— Все, сынок, почти все. Часть у родни, часть у чужих. Под навесом ничего не осталось, кроме... сохи и деревянной бороны. Да, еще осталась старая навозная телега.

— А сети, невод, речные верши?

— Ими давно ловят рыбу соседи. Я уж их и так и этак совестил, а они только зубоскалят — хозяин, дескать, подарил им, когда уезжал.

— Я им подарю, — прошипел Эрнест. — Ты мне все расскажешь, где что находится. Я им покажу, как брать чужое имущество.

— Как же нам теперь быть?.. — заговорила Эльза. — Здесь негде расположиться. Придется просить ночлега у соседей.

— Я никуда не пойду, — ответил Эрнест. — Кому не нравится здесь, может поискать себе места получше.

— Я сама-то ничего, но ребенок может простудиться, — заволновалась Эльза. — Смотри, как ты рьяно берешься, Эрнест. Так держишься, будто ты уже и вправду хозяин.

Приехавшие продрогли, а людскую надо было еще топить. Да и есть хотелось. Пришлось действовать. Янка притащил санки Криша, груженные сучьями. Эрнест затопил печку, а Криш принес картофель и соленую салаку. Скудное угощение, плохой прием. Пустая клеть, а на дворе зима — как хочешь, так и живи. Новому хозяину было над чем поломать голову. Он не собирался заботиться о других — сами взрослые, пусть каждый думает о себе, — но и он не мог питаться манной небесной. Поэтому Эрнест не остановил Эльзу, когда та

после скромного ужина заговорила о том, что надо бы еще сегодня сходить в корчму. Маленький Саша кашлял — у Анны, вероятно, найдется какое-нибудь варенье или мед. Слышно, они теперь стали богатыми людьми...

— Конечно, сходить можно, — согласился Эрнест. — Я думаю, что Янка с Эльгой тоже могли бы пойти. Всем здесь все равно негде устроиться, пока я не приведу все в порядок. Может быть, потом я тоже зайду. Только не говорите сейчас Мартыну ничего о мебели, а то он начнет ее прятать. Надо появиться неожиданно. И потом я бы хотел разыскать Ремесиса — того, кто нам в Видземе наболтал, что наш дом сгорел. Откуда он, дьявол, взял это?

Они на самом деле все время верили болтовне Ремесиса и думали, что застанут в Зитарах пепелище и развалины. Если бы Ремесис тогда не ввел их в заблуждение, возможно, они совсем не поехали бы в Россию. Эрнест хотел заставить его отвечать перед богом и людьми.

— Я с ним поговорю один на один, пусть только он мне попадется.

Дождавшись сумерек (при дневном свете не хотелось появляться на дороге в лохмотьях), Эльза, Янка и Эльга отправились в корчму. Эрнест остался в Зитарах.

3

Когда у человека голова на плечах, ему всегда хорошо, в каких бы обстоятельствах ни приходилось жить. Корчмарь Мартын со спокойной совестью мог поучать молодых искателей счастья, которые только и мечтали об обетованной земле Америки.

— Здесь тоже хорошая Америка. Надо только уметь...

Что именно нужно уметь, об этом он умалчивал. Но его жизнь служила наглядным ответом на этот вопрос. Он не кончал никаких особых учебных заведений, знал только простую арифметику, но какие горы можно было свернуть этой простой наукой, если браться за дело как следует! Мартын знал цену вещам и умел учитывать конъюнктуру. Когда другие разорялись, он наживался. Во время голода Мартыну пришлось ослабить ремень на одну дырочку; бодрость его духа всегда поддерживала

здоровая ненасытность. Соседи болтали, что Мартын умеет наживаться за счет несчастья других и что его честное слово ломаного гроша не стоит, он заботился только о том, чтобы сбалансировать свой хозяйственный бюджет. Разве он виноват, что ему так безумно везет? Делайте то же и вы. Разве вам кто запрещает?..

Не так уж много лет назад он был всего лишь состоятельным корчмарем, торговал в арендованном помещении и брал пиво в рассрочку. К началу войны он скопил небольшой капитал и выжидал удобный момент, чтобы пустить его в оборот. Все его позднейшие достижения зависели только от того, что он умел выбирать подходящий момент. Потоки беженцев, хлынувшие из Курземе, были для него большой удачей. Затем спекулятивные операции с интендантами русской армии, парусник зятя Зиемелиса, еще два дровяника и большая дача, которую в голодное время продала за баснословно дешевую цену какая-то разорившаяся семья. Наконец, Мартыну, как долголетнему арендатору, предоставили в наследственное владение и корчму со всеми пристройками и землей. Он оборудовал там трактир первого разряда с бильярдом и комнатами для приезжих. На одном конце открыл лавку. Теперь Мартын уже мечтал о покупке грузового автомобиля.

Почтенный и благообразный с виду, круглый и румяный, как яблоко, всегда хорошо одетый, в скрипящих ботинках без шнуровки, с толстой золотой цепочкой, растянувшейся по животу, он царил на своем хозяйственном корабле, распоряжался работниками и процветал на радость и гордость всей округе. К старости он даже сделался набожным и не отказывался от церковных должностей в своем приходе, участвовал в работе волостного правления и местного общества взаимного кредита.

Анна, жена его, была отличной хозяйкой, правда, не такой общественницей, как ее муж, но, во всяком случае, уважаемой дамой. У них была красавица дочь, восемнадцатилетняя Миците. Она училась в Риге, играла на фортепьяно и умела танцевать все модные танцы. Таким образом, корчмарь Мартын медленно, но верно вводил семейство в избранное общество. Пусть теперь возвращается Андрей Зитар с сыновьями и дочерьми и встанет рядом. Кто из них займет первое место? Корчмарь Мартын думал, что приезд брата будет большим триумфом для него, Мартына. Андрей вернется стариком, его сыновья — простые крестьянские парни. «Если я пожелаю, они встанут за прилавок в моем трактире и будут обслуживать моих посетителей».

Так он иногда мечтал. Но, по правде говоря, не слишком жаждал возвращения брата, лучше, если бы Андрей совсем не возвратился. Старый дом Зитаров представлял собой довольно лакомый кусок, к тому же квартира корчмаря уже несколько лет гордилась ценной мебелью, некогда украшавшей комнаты капитана. Мартын, Анна, а также и Миците привыкли смотреть на нее как на собственность и кое-какой свой хлам снесли на чердак. Неожиданная перемена отнюдь не была бы желанной для их хорошо налаженной жизни. Поэтому, читая иногда по вечерам в газетах сообщения о прибытии из Советской России эшелонов с беженцами, Мартын чувствовал, как в сердце его закрадывается тревога. Обдумав этот вопрос во всех мелочах, он успокоился. Вернее всего, брат приедет домой гол как сокол. Первое время ему не за что будет ухватиться, и он еще будет благодарен, если Мартын по своему мягкосердечию заплатит ему сколько-нибудь за старую мебель. Буфет не хлеб, а шкаф не нужен тому, у кого нечего туда вешать. Все уладится по-хорошему...

Одним словом, Мартын не терял надежды и хорошего расположения духа. Но когда однажды, просматривая счета о поступлении и продаже товаров за неделю, Мартын услышал лай собаки во дворе и в ту же минуту в дверь просунулось круглое лицо судомойки, на душе корчмаря стало неспокойно.

— В чем дело? — спросил он, сдвинув на лоб очки (зрение у Мартына было великолепное, но ведь со стороны выглядело куда солиднее, когда он при ведении письменных дел надевал очки).

— Вас там спрашивают какие-то. Наверно, гости.

— Разве жена их не знает?

— Госпожа вышла в лавку, а я не знаю, что им сказать.

— Хорошо, хорошо. Придется пойти мне самому...

Мартын встал, положил очки на стол и минутку задержался, пока судомойка сообщит гостям о том, что хозяин сейчас выйдет. А хозяин совсем не собирался

сломя голову бежать навстречу каждому гостю, он был слишком почтенным и солидным. Застегнувшись и откашлявшись, он наконец вышел.

Да, там стояли они, эти голодранцы, все в ряд, робкие и улыбающиеся, словно попрошайки. Все же чаша сия не миновала Мартына.

4

— Ах ты, боже милостивый! Наконец-то вернулись домой! — воскликнул Мартын и поспешил обнять «дорогих» родственников. Сердце его переполнилось радостью, для каждого у него нашлось ласковое слово, в уголках глаз заблестели слезы. — Это что у тебя там за игрушка? — спросил он у Эльзы, державшей на руках маленького Сашу. Когда чужой захотел на него взглянуть, мальчик закричал, пряча лицо на груди матери.

— Ах, вот что? Значит, ты теперь дамой стала? А где же благоверный? — продолжал Мартын.

— Нет в живых. Застрелили, — ответила Эльза и застенчиво улыбнулась, словно прося извинить за то, что не может показать Мартыну своего мужа.

— Гм, так, так... — Мартын, который всегда знал правила приличия, потер большим пальцем глаза. Белки их сразу же поскраснели. — У нас тут тоже стреляли. Но ты только посмотри, как Янка-то вырос! Скоро невесту будем подыскивать. А давно ли крестный отец Мартын качал его на коленях. Попробуй покачай теперь такого! А это, наверно, маленькая Эльга? Милосердный бог, да вы, дети, в тени росли, что ли! Вытянулись, как флаг-мачты.

Ему был присущ такой юмор, который больше смешил его самого, чем слушателей. Янка даже не пытался рассмеяться. А Эльга смущенно потупилась и робко принюхивалась к приятным запахам, доносившимся из кухни, расположенной здесь же, рядом.

Когда Мартын выполнил свой долг гостеприимства, появилась Анна. И все началось сначала. Но она сразу же заметила, что здесь не все Зитары. «Где же Андрей? Где Альвина? Где Карл?»

Это была тяжелая минута. На сердце Мартына одновременно с горем о дорогом умершем брате легла темная туча заботы. Хотелось спросить, что они думают теперь делать. Но поспешность не была свойственна натуре Мартына. Он отложил этот вопрос на более позднее время.

Племянников пригласили в комнаты и предложили раздеться. Пока те приводили себя в порядок и отогревались, Анна поспешила на кухню приготовить гостям ужин, а Мартын, побыв немного с приезжими, последовал за женой.

— Как теперь быть? — начал он сразу. — Голы, как крысы. А ведь у нас тоже не богадельня. Раз-другой принять мы еще можем, но когда на твою шею сваливается целая семья, это уже не дело. Как ты думаешь?

Анна была мягкосердечней, но она привыкла не возражать мужу.

— Уж я, право, не знаю. Как-нибудь надо устраиваться. Если взрослые начнут работать, они сами позаботятся о младших.

— Похоже на то, что они собираются остаться здесь. А куда мы их поместим? Если дать помещение, надо давать и дрова, и еду. Мы ведь не банкиры какие-нибудь.

— Все это верно, Мартын, но совсем отказаться от них тоже неудобно. Пойдут разговоры...

— Ну, о соседях я меньше всего беспокоюсь. Если они настолько богаты, то пусть и заботятся об этих голодранцах. Мало у нас своих забот? Грузовой автомобиль мне никто не подарит. К лету Миците понадобится пианино.

В конце концов супруги, очевидно, о чем-то договорились, потому что, когда Мартын вернулся, он опять был шутлив и любезен.

— Узнаете эту фрейлен? — спросил он, положив перед ними на стол альбом с фотографиями, на первой странице которого красовались фотографии Миците. Она выглядела довольно миловидной. Слегка вздернутый надменный носик, завитые волосы, круглое полное личико и полуоткрытые в улыбке губы. По сравнению с изнуренными девушками Зитаров, тела которых покрывали старая одежда довоенного времени и приобретенные во время эвакуации лохмотья, Миците действительно казалась изящной барышней. Просто не

верилось, что эта девушка приходится двоюродной сестрой. Она училась в женской гимназии и играла даже на фортепьяно. Следующие страницы альбома заполняли фотографии ее подруг и друзей. Среди них были офицеры и студенты; о других, менее значительных людях Мартын не говорил ничего. Он имел основания гордиться.

— Жаль, что Андрей не вернулся, — сказал он, — мог бы беседовать со своей крестницей по-английски.

— Разве Миците учится английскому? — удивилась Эльза.

— Ну, она его, вероятно, уже изучила, — улыбнулся Мартын. — Сыплет как горох: олрайт и вери вел, сенк ю, хау ду ю ду. Ну, точно старый капитан. Плохо только, что летом дома ей не с кем практиковаться. Здесь никто не знает английского.

— Она может разговаривать с Янкой, — вмешалась маленькая Эльга.

— Как? Разве Янка тоже ходил в гимназию? — удивился Мартын.

— В гимназии изучают не английский, а латынь... — усмехнулся Янка. Хвастовство дяди начинало его раздражать. — Я научился самоучкой.

— Ну, это, конечно, не то, что в школе... — усомнился Мартын. — Научиться болтать кое-как может каждый. Но если хочешь изучать по-настоящему, нужен учитель.

— У меня был неплохой учитель, — обрезал его Янка. — Как ты думаешь, дядя, разве отец не знал английского?

Казалось, в этом вопросе Мартын был побит, но борьба не кончилась.

— Языка одного недостаточно, — вздохнул он. — Теперь учат разным наукам. Если бы ты видел, и каких только книг нет у Миците! Да, плохо, когда юноше приходится оставаться без образования. Но кто же тут виноват. Я тоже считал, что Андрей сделает своих сыновей господами. Теперь уж ничем не поможешь. Не всем быть господами. И если человек рыщет по свету в поисках счастья, ему приходится всю жизнь оставаться простым мужиком.

В соседней комнате послышался звон посуды. Альбом с фотографиями был просмотрен. Эльза разговаривала с Мартыном о Сибири. А помрачневший Янка разглядывал обстановку трактирщика. Тяжелый дубовый шкаф с зеркальной дверью, стол, стулья — все это когда-то стояло в доме его отца, так же как диван, буфет и многие красивые безделушки. Янка про себя порадовался сегодняшним угрозам Эрнеста: «это надо сделать неожиданно...» Как тебе это не понравится, дядя Мартын!

Наконец стол был накрыт, и Анна пригласила гостей к ужину.

— Не обессудьте. Чем богаты, тем и рады.

Мартын усмехнулся скромности жены. «Чего у нас не хватает? — спросил бы он. — Вот жаркое из свинины с тушеной капустой; вот салат из тыквы, варенье, мед и настоенная водка. Нажимайте сколько влезет! Только смотрите, чтобы не стало дурно, — после голодания нужно начинать с молочка». Сам он никогда не голодал, но ел за троих, — такая натура. Возможно, он хотел показать пример. Ужиная, Мартын искоса посматривал, как едят племянники. Ничего, обижаться нельзя. Такой пищи они давно не видали. Только не воображайте, что вас всегда будут здесь так угощать, — сегодня вы гости.

Эльга не умела скрывать аппетита, и у Мартына на сердце потеплело при виде того, как она ест, — будет о чем рассказать соседям. Эльза была не лучше, но она делала это более ловко: ела медленно, в перерывах разговаривала, занималась сыном и маскировала грубую потребность природы изящными манерами. Только Янка, словно упрямый козел, перепробовал все, но ничего не накладывал на тарелку по два раза. Лениво жевал он мягкую свиную грудинку, откусывая маленькими кусочками хлеб. И напрасно ждал Мартын, что он начнет есть капусту с ножа. Неужели они там, в лесах Сибири, не успели забыть, как держать себя за столом в приличном доме? Мартыну казалось, что это только пустое зазнайство, — изысканные разговоры и изящные манеры не к лицу голытьбе.

К концу ужина, когда у корчмаря Мартына появилась уже отрыжка, Эльза заговорила о Карле.

— Без солидного поручителя его не выпустят. У вас, дяди, есть и имя, и положение. Если бы вы написали в охранное управление и поручились за него...

— Гм... — проворчал Мартын, ковыряя вилкой в зубах. — Это не так просто. И зачем Карл спутался с этими коммунистами? Если я поручусь за него, а он опять начнет дурить, мне придется расхлебывать эту кашу. Осенью я вступил в айзсарги*. Там строгие порядки. Неизвестно еще, как посмотрит на это мое начальство.

Отказать сразу у него не хватило мужества, но в душе решение было готово еще в самом начале разговора: никакого поручительства! Пусть Карл сам выбирается из беды.

В знак того, что дальнейшие разговоры по этому вопросу он не собирается вести, Мартын обратился к Янке.

— Как у тебя с военной службой?

— В феврале надо идти, — ответил тот.

— Так, так. Еще два месяца впереди. А что ты думаешь делать до того?

— Посмотрю. Если бы где-нибудь найти работу...

— В зимнее время трудновато найти. Разве только за питание.

— Можно и так, — согласился Янка.

— Жаль, что раньше не приехали, — продолжал Мартын. — Я осенью принял продавца в лавку. Эльза могла бы обслуживать в трактире гостей.

— Конечно, это можно, — поспешно согласилась Эльза.

— Но теперь уже поздно, — сказал Мартын. — Мне, правда, еще нужен один работник для рыбной ловли, да не знаю, не покажется ли Янке такая работа слишком грубой.

— Работа остается работой, — пробормотал Янка. — Мы в Сибири тоже не в конторах сидели.

— Одежду и высокие сапоги я тебе дам, но только ты сразу же должен приступить к работе. Грести ведь ты умеешь? Остальному научат другие.

Так Янка стал батраком у своего дяди. Жалованье ему еще не назначили — время зимнее, ловля неважная. Да, видимо, придется помогать и тем, остальным. Как тут говорить о жалованье? Насчет Эльзы у Мартына возник другой план. Если бы он удался, Эльза была бы пристроена. Янка потом слышал, как тетка шепталась с сестрой:

— Долго ли ты будешь так мотаться одна? У него

мельница. Не старый еще. Но я ведь ничего. Поступай, как знаешь...

Потом они вышли на кухню, и в окошечко, через которое подают кушанье, Анна указала в трактирный зал:

— Вот он — в большой шубе и зеленом шарфе. Совсем не такой уж старый.

После этого Эльза задумалась. В самом деле, долго ли ей мыкаться одной? Нет, он не так еще стар. Правда, волосы редковаты, но они еще не седые.

— Но ведь неизвестно, как он сам, — проговорила она.

Анна загадочно улыбнулась.

— С ним-то мы договоримся, если только ты захочешь.

В тот вечер об этом больше не говорили. Гости остались ночевать, потому что Янке уже с утра надо было приступать к работе, а Эльзе предстоял серьезный разговор с Анной. Хозяин, когда гости улеглись, вышел в трактир и сообщил посетителям новость:

— Брат скончался, семья разорена. Я теперь должен обо всех заботиться...

Пьяницы выслушали его и захотели узнать все подробности, чтобы рассказать дома и этой новостью отвести от себя упреки жены за поздний приход. Но так как об этом не скоро расскажешь, они заказали полдюжины пива, потом еще полдюжины.

Трактирщику Мартыну сибиряки принесли чистый доход.

Мельнику Кланьгису, который тоже находился тут же, Мартын как бы в шутку сказал:

— Но одна из них, это, я тебе скажу, девица. Видная женщина! Как раз такая, какую тебе нужно. Вот только пойдет ли она за тебя?

Все рассмеялись. А Кланьгису было над чем подумать.

5

Следующие два дня доставили одним жителям побережья большое волнение, другим — большое веселье. Еще не успела распространиться весть о возвращении молодых Зитаров, как началась суматоха, поднятая

Эрнестом. С самого начала показалось подозрительным то обстоятельство, что он не навестил родственников — трактирщика Мартына и Зиемелисов. Подробнейшим образом выспросив все у старого Криша, он составил список вещей, и однажды утром они оба направились в Лиелноры, где хозяйничал его дядя по матери. Хозяин Лиелноров — человек пожилого возраста — был членом волостного суда.

— Ты, дядя, сам видишь, как у нас получилось, — сказал Эрнест. — Отец с матерью покоятся на чужбине, старший брат Ингус погиб, а дом без хозяина совсем пропадает.

— Да, без хозяина дело плохо, — согласился Лиелнор.

— Кому теперь впрягаться в хозяйскую лямку? — продолжал Эрнест. — По годам получается — старшая Эльза. Но что она понимает в сельском хозяйстве? Да и какая женщина хозяйка в разоренном доме...

— Женщина тут не годится, — опять согласился Лиелнор.

— О Янке и Эльге говорить не приходится, они еще несовершеннолетние. Из всех один я смыслю кое-что в хозяйстве. Отец всегда говорил, что мне придется остаться хозяином. Как ты, дядя, думаешь, не наступило ли сейчас это время? Суд захочет назначить опекунов. Но ты наш дядя, и с тобой мы лучше всего ужились бы. Только не дай бог, если опекуном над нами назначат дядю Мартына. Тогда я махну на все рукой — пусть хозяйничает, кто хочет.

Лиелнор тоже недолюбливал Мартына. Он не раз надувал его, когда Лиелнор под хмельком продавал ему скот.

— Ну, это мы посмотрим! Неужто мы с таким молодчиком не справимся! — самоуверенно заявил он. — Как-никак, я тоже голос имею при решении дел в волости.

— Если б ты помог, было бы верное дело, — сказал Эрнест.

Лиелнор помог ему. В тот же день они поехали в волостное правление и подали заявление в суд. Когда это было сделано, Эрнест показал опись вещей, растасканных соседями. Криш подписался в качестве свидетеля, и суд заверил этот факт. Лиелнору поручили пройти

с Эрнестом по домам и быть посредником при отчуждении имущества.

На следующий день Эрнест, Лиелнор и Криш объездили усадьбы некоторых соседей. Они не вдавались ни в какие рассуждения. Если кто-нибудь протестовал, Лиелнор показывал опись с печатью волостного суда и говорил:

— Отдавайте по-хорошему, иначе дело пойдет в суд и у вас будут неприятности.

Опасаясь неприятностей, соседи почти не артачились, и широкие сани Лиелнора быстро наполнились имуществом Зитаров; здесь были плуги, бороны, веялка, точильный станок, куски сети, колоды для поения скота и ебруя. На одном возу все не уместилось, и им пришлось ехать еще раз. Эрнест посмеивался над вытянутыми физиономиями соседей. Эти славные малые, оказывается, совсем не собирались ничего присваивать и скорее заслуживали благодарности за то, что сохранили имущество Зитаров от окончательной гибели. Некоторые даже назначили цену за хранение, но Эрнест заткнул им рот, напомнив, что и за пользование вещами полагается платить.

Вечером зашла жена корчмаря Анна проведать, как поживают родственники. Мальчугану Эльзы она принесла меду, взрослым — изрядный кусок мяса и мешок крупы, но о мебели не упомянула ни слова. Эрнест очень приветливо поболтал с Анной, просил ее передать привет Мартыну и обещал зайти к ним, как только выберет время. Казалось, ничто не угрожало благополучию дяди. Но это было лишь затишье перед бурей.

На следующий день, светлым солнечным утром, когда в трактире уже гудела компания ранних гостей, к дому подъехали сани Лиелнора. Член суда опять сопровождал племянника. Сердце Мартына как-то странно екнуло, когда он увидел в своем дворе новых гостей.

— Иди наверх, протри окна в комнатах для приезжих, — сказал он судомойке. Кухарке велел спешно жарить отбивную.

Устранив лишних людей, он пошел навстречу дорогому племяннику. Мартын встретил Эрнеста на крыльце, обнял, как любящий отец долгожданного сына, поцеловал и растроганно утер глаза. Радость свидания взволновала его до глубины души.

— Ах ты, боже милостивый! Наконец-то я опять тебя вижу! Как сердце изболелось, пока вас не было. И ты тоже, Лиелнор? Ну заходите, заходите в комнату. Анна, куда ты пропала? По такому случаю полагается как следует выпить.

Он уже поспешил к буфету за стопками. Но это был буфет капитана Зитара, и то, что он так хорошо подошел к квартире трактирщика, сейчас раздражало Эрнеста.

— Не беспокойся, дядя, — произнес он. — Выпить мы успеем и потом, сначала поговорим о деле.

— Да, конечно, дела всегда на первом месте, — поспешно согласился Мартын. — Так присядьте же! Ну на что это похоже?

Но Эрнест не сел, потому что стул, который ему предлагали, был из дома его отца.

— Я, дядя Мартын, приехал за своими вещами, — сказал он. — Теперь они нужны мне самому. Отдай то, что принадлежит мне, и разойдемся.

Нехорошо, что он говорил так вызывающе громко, — могли услышать в трактире. Мартын обозлился.

— Неужели и у тебя были какие-то вещи? А я не знал этого. Мне казалось, что только у твоего отца было имущество, а с ним бы я столковался.

— Не будем попусту терять время, — перебил его Эрнест. — У меня в кармане судебная опись, и здесь присутствует Лиелнор, член суда. Отвечай коротко и ясно: отдашь вещи по-хорошему или придется позвать на помощь полицию?

Мартын вопросительно посмотрел на Лиелнора.

— Все так и есть, как Эрнест говорит... — подтвердил тот.

— Против закона я никогда не шел, — пробормотал трактирщик. — Но почему нам ссориться? Разве я отказываюсь? Пожалуйста, берите! У меня своих вещей достаточно. По крайней мере дом освободится от чужого хлама. Это ведь известно — делай человеку добро, а он тебе платит злом.

— С чего нам можно начать? — спросил Эрнест.

— Сначала ведь надо освободить мебель! — возразил Мартын.

— Ну, так освобождай скорее. Я хочу засветло все свезти домой.

Мартын предпочел бы сумерки.

— Нельзя ли это оставить до вечера? — сказал он почти просительным тоном. — Мы за день вынем из шкафов посуду, одежду. И работники освободятся, помогут.

Но Эрнест не поддавался на уговоры: Лиелнору некогда.

Какое это было зрелище, когда Мартын и Анна, кряхтя, принялись за работу! Куда теперь все девать? Одежду еще можно было положить на кровать, а посуду и стаканы пришлось ставить прямо на пол, так как стол и стулья тоже забрал Эрнест. Он позвал Криша, и они втроем с Лиелнором снесли все в сани. И это среди бела дня! Люди едут мимо, смотрят, работники подталкивают друг друга и украдкой посмеиваются: — Юрьев день*...

А наверху в маленькой комнатке сидит мельник Кланьгис и любезничает с Эльзой, пощипывая ее за бока. Он любит ущипнуть женщину, ведь этот пожилой холостяк никогда еще не был женат.

Квартира трактирщика приняла довольно жалкий вид, точно тут пронеслась тропическая буря. Анна всхлипывала. А Мартын грозился не оставить так этого бесчестья. Слишком сильно он не мог сердиться: ведь у него больное сердце. Поэтому он негодовал тихо.

— Пусть Эльза не шляется сюда так часто! — заявил Мартын жене. — Я не собираюсь в своем доме устраивать приют. А Янка для рыбной ловли пусть надевает старые сапоги. И не подсовывай ты ему так много мяса — морда у него без того начинает лосниться, а сам он становится все ленивее.

Он кусал того, кто доступнее, жалил маленьким, но болезненным жалом. И получал некоторое удовлетворение.

А затем пришлось принести с чердака кое-что из старого хлама, ибо квартира, как и природа, не терпит пустоты. Пыль, мышиный помет, кое-что отбито, отломано, поцарапано, запах плесени и паутина повсюду. О, что теперь скажет Миците! Приедет она домой на рождественские каникулы и не узнает своего милого гнездышка.

Так Эрнест стал хозяином в Зитарах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Мартын считал, что в большом хозяйстве лишняя статья дохода никогда не помешает. Если человеку принадлежат лавка, трактир, несколько парусников и земля, то с таким же успехом он может иметь сети и стать пайщиком невода. Разумеется, сам он не поедет в море и не станет мочить руки в соленой морской воде, особенно зимой, когда она такая студеная. А кому на своей шкуре не приходится испытывать трудности морского лова, тот мало заботится о тех, кто цедит сетями морскую пучину. Какое ему дело, что его батрак — сын брата. Он все равно не позволит ему носить дорогостоящие высокие сапоги и гноить полушубок, сшитый в позапрошлом году. Нет, милый мой, у нас есть другая пара сапог. Правда, они протекают, как сито, но ты можешь заткнуть дыры паклей и обернуть ноги соломой. А из одежды у нас еще найдется какой-нибудь измазанный варом свитер, штаны в смоляных пятнах и изъеденная мышами ватная тужурка. Носи на здоровье и не говори, что дядя тебя голым посылает на работу. Барином ты никогда не был и не будешь.

Но Янка и не думал жаловаться. Правда, он выглядел немного странно, когда надел старые, покоробившиеся сапоги «гармошкой», изношенную дядину тужурку, пропахшую насквозь тухлой рыбой и пеструю от многочисленных комочков ваты, вылезавших из всех дыр. Но зато ему дали настоящую рыбацкую зимнюю шапку из черной юфти, обшитую плюшем. Эта шапка однажды упала в квашню, и плюшевая отделка была запачкана тестом. Теперь тесто крепко присохло к ворсу, и никакими силами его невозможно было отскоблить.

В первое утро Янка пришел на взморье громоздким и неуклюжим, Мартын объяснил компаньонам по рыбной ловле, кто это такой, и оставил его в распоряжении штурмана. Их теперь было трое — Янка, Рудис Сегдинь, возвратившийся осенью с военной службы, и старый Витынь. Рыбачили сетями для салаки и кильки, иногда закидывали на окуня и сырть. Кильку в свежем виде отправляли в Ригу, а салаку коптили у Витыня. Расчетами и торговлей ведал Мартын.

В тяжелой морской лодке выезжали они утром в море, закидывали сухие сети и вытаскивали заброшенные накануне. Намокшие, покрытые испариной от тяжелой работы, Янка и Рудис садились на весла и гребли домой. Весла покрывались льдом, мокрая одежда стояла колом, а распухшие от холода руки делались красными, толстыми, онемевшие пальцы не гнулись. Старый Витынь — сухой, замученный ревматизмом человек — сидел за рулем.

На берегу их ожидали приемщицы рыбы. Янка и Рудис сначала выполаскивали и развешивали сети, потом сносили салаку в коптильню, а вечером, когда Янка возвращался домой, он еще колол дрова, носил воду на кухню и кое в чем помогал хозяйке. Работы всегда было достаточно. И тем не менее Мартын не стеснялся рассказывать соседям, что только из жалости держит у себя племянника.

Янка ел с батраками и спал в маленькой каморке за кухней. Когда все дела были закончены, он запирался там, развешивал мокрую одежду у печки и несколько часов писал. Никто им особенно не интересовался, и это было хорошо. Он приводил в порядок свои прежние стихи, собирался написать несколько коротеньких рассказов и попытать счастья в каком-нибудь журнале или газете. Сравнивая то, что он писал, с теми произведениями, которые появлялись в печати, он чувствовал, как в нем рождается смелость и уверенность. Если могут они, смогу и я!

Это была трудная, но здоровая жизнь. За несколько недель на лицо Янки вернулся румянец, мускулы приобрели упругость, накапливалась сила. Что за беда, если дядя Мартын все время посматривает на тебя свысока и всячески старается унизить, подчеркнуть существующую границу? Иногда он высмеивает тебя в присутствии всех работников, а если ты чего-нибудь не знаешь, не удержится от ехидного замечания:

— Ну что с него можно требовать — в лесу рос.

И изо дня в день ты должен выслушивать восхваления Миците, которая приедет домой на рождество. Тогда-то ты увидишь, какая ты пылинка по сравнению с ней.

Только жена трактирщика обходится с тобой ласковее. Изредка, тайком от мужа, она приносит в твою каморку лакомый кусочек со своего стола, проверяет состояние твоих носков и расспрашивает о жизни на чужбине. Иногда она даже прослезится. Но тебе хорошо и так, как оно есть. Ты работаешь и мечтаешь днем на море, а ночью в своей каморке. И то, что сейчас происходит, не кажется тебе настоящей жизнью. Нет, это только прелюдия к будущим событиям. Тогда и ты будешь жить. Теперь ты только думаешь об этом и иногда вспоминаешь одну девушку, которую обещал навестить на троицу. Что тебе еще нужно? За дюнами шумит море, за стеной гудит скопище пьяниц, и продрогшие лошади грызут в конюшне столб. А ты мечтаешь и смотришь поверх всего этого в даль.

Подошло рождество.

В сочельник утром Янка вышел в море раньше обычного. Рыбаки хотели поскорее вытащить сети и обработать улов, чтобы с честью встретить канун праздника. Пожилых интересовала баня, молодым хотелось успеть сходить к парикмахеру, а потом в церковь на елку. Рудис всю неделю толковал о вечеринке во второй день праздника и допытывался у Янки, пойдет ли он. Там соберутся все друзья детства, и сибиряк сможет сразу всех повидать. Янке, конечно, хотелось посмотреть на друзей детства и показать здешним девушкам и парням, каким взрослым и возмужалым он стал на чужбине, но... у всех здешних парней были черные суконные пиджаки, белые рубашки и галстуки, а Янка все еще носил старую солдатскую гимнастерку и запачканный смолой вязаный свитер. Он не хотел смешить своим видом людей. Кроме того, в праздники можно будет хорошенько поработать и закончить один рассказ.

— Увидим, как будет, — ответил он Рудису. — Вероятно, не смогу пойти.

Но Рудис сразу понял, в чем дело.

— Мы почти одного роста, — сказал он. — У меня два костюма. Один из них я могу тебе уступить.

— Все равно все узнают, что это твой, — ответил Янка.

— Никто не узнает. Если хочешь, я сегодня принесу в трактир.

Янка ничего не ответил, только сердито налег на весло, а взгляд его помрачнел.

Сети были закинуты далеко в море — на глубину

двадцати сажен. На море стоял густой туман. Они плутали до полудня, пока не нашли первый порядок. Парни надели кожаные фартуки и начали тянуть сети, старый Витынь отвязывал грузила. Ледяная вода обжигала руки, и время от времени приходилось хлопать ими по бокам, пока пальцы не начинали ныть и не становились опять гибкими. Дно лодки обледенело, снаружи она тоже вся покрылась толстой коркой льда, а узлы сетей так затянулись, что хоть режь их ножом.

Они провозились несколько часов. Наконец все сети были вытащены, и солидный улов кильки погрузил лодку глубоко в воду. Под парусом нельзя было идти — лодка могла зачерпнуть. Поэтому, подкрепившись хлебом и холодным кофе, парни опять взялись за весла.

Пока выгружали рыбу и развешивали на кольях сети, наступил вечер. Усталый Янка шагал через дюны к дому. В сапогах хлюпала вода, обветренное лицо горело как в огне. Сочельник...

В трактире уже были зажжены лампы и присяжные пьяницы сидели за столиками. Приказчик в лавке еле успевал отпускать товар, — сегодня было много покупателей. В освещенных окнах соседних домов виднелись девушки, греющие на лампах щипцы для завивки волос. Люди готовились к празднику.

Янка тяжело шагнул в кухню, бросил на скамью мокрую кошелку:

— Вот рыба.

Под ногами образовались лужицы воды. Толстая кухарка, взглянув на ноги Янки, проворчала что-то насчет половика. В этот момент из соседней комнаты показалась чья-то голова: белое, круглое, довольно миловидное личико, два блестящих вопрошающих глаза и удивленно открытый маленький рот. Янка некоторое время смотрел на нее. В дверь просунулось круглое плечо девушки, и губы ее задрожали от сдерживаемого смеха. Ни слова не говоря, Янка повернулся и вышел из кухни.

«Это, вероятно, Миците, — подумал он и обрадовался тому, что не поздоровался с ней. — Ты мне не хозяин и не начальник. Учи алгебру, барышня».

А в столовой барышня жаловалась матери:

— И это мой двоюродный брат! Он ведь совершенно

не умеет вести себя. Если придется встретиться с ним в обществе...

Анна с нежностью смотрела на свою любимицу.

— Что поделаешь, милая дочка. Он не получил хорошего воспитания. Все равно что из лесу пришел. Тебе не мешало бы немного подучить его.

— Но сегодня-то, надеюсь, мне не придется идти с ним в церковь?

— Он останется дома.

2

В тот вечер Янка действительно остался дома. Если бы он даже захотел, все равно никуда не попал бы — об этом позаботилась семья трактирщика.

Не успел Янка переодеться в сухое, как его уже разыскивал дядя Мартын.

— Поди помоги внести в погреб ящики с пивом.

Грузовик доставил с пивоваренного завода пиво на праздник. Когда ящики были снесены в погреб, Анне потребовался помощник. И кто же, кроме Янки, мог ей помочь. Он рубил корм свиньям, посыпал песком дорожки во дворе, носил в кухню воду и дрова, бегал в лавку за пряностями. Но когда Мартын решил, что Янка должен сегодня помочь и в трактире (гостей было много, в конюшне полно лошадей приехавших в церковь прихожан), парень взбунтовался и заявил: — Я не пойду в трактир таким пугалом. — И не пошел. Мартын хотя и проворчал, что это глупая гордость, но настаивать не решился. Янка поужинал на кухне и ушел в свою каморку. Теперь он догадывался, почему его сегодня так загоняли: Мартын боится, как бы он не вздумал пойти в церковь на елку, а там будет барышня Миците со своими подругами, и родственник в потрепанной одежде мог бы шокировать ее. Работай, парень, дома! Работа услаждает жизнь. Ты не барин.

Он закрыл дверь на ключ и достал бумагу. Вспомнил Лауру и не мог написать ни единой строчки. Может быть, и ей приходится переносить всякие унижения и служить у чужих людей? Вспоминает ли она когда-нибудь Янку? Ждет ли его, или новые события,

новые мысли уже смели все образы прошлого? Хоть бы скорее уйти на военную службу.

Фыркали лошади, звенели бубенцы. Скрипел снег под полозьями саней, спешащих домой. Причетник тушил в церкви свечи. Холодные звезды сияли над белой землей. Смех во дворе, голос Миците, и ласковый вопрос Анны:

— Ты не замерзла, детка?

Потом они сидят за столом, трое Зитаров — отец, мать и дочь. Миците рассказывает о том, что видела в церкви, родители слушают и улыбаются. Завтра к Миците придет подруга, и обе отправятся на вечеринку. Они здесь пользуются таким успехом, что от парней отбою нет. Ухаживает за ней и Ян Ремесис. Он изучает медицину и пишет стихи. Их иногда даже печатают в календарях и школьных журналах. Вот что значит образованность и хорошее воспитание.

А четвертый Зитар сидит в своей каморке в мрачном раздумье. Он тоже пишет стихи, но их нигде не печатают, и поэтому он ничтожество, незаметная пылинка. У тех троих стол ломится от праздничных угощений, они даже не в состоянии съесть все, несмотря на очень хороший аппетит. Возможно, именно поэтому Анна вспоминает наконец о Янке.

— Пожалуй, следовало бы позвать? Что он там один сидит в своей каморке. Как ты думаешь, Миците?

— Позови, я ничего не имею против. Все равно когда-нибудь надо знакомиться.

Анна встает и уходит, Миците смотрится в зеркало. Дверь в каморку Янки закрыта, и Анне приходится постучать.

— Кто там? — слышится раздраженный возглас Янки.

— Это я, — отвечает Анна. — Не придешь ли ты, сынок, поужинать с нами?

— Спасибо. Я поел с работниками.

— Ах вот как. Ну, может, ты просто зайдешь поболтать немного? Мы одни.

— Я еще не брился. К парикмахеру некогда было пойти, а своей бритвы нет.

— Ах вот что. Тогда ничего не поделаешь. Но ненадолго все же ты мог бы выйти. Своих нечего стесняться.

— Спасибо, тетя, я лучше лягу спать.

И в подтверждение своих слов Янка гасит в каморке огонь — в замочной скважине не видно света. Анна, вздохнув, уходит.

— Не хочет идти. Он ведь очень стеснительный.

— Ну, упрашивать его мы не пойдем, — говорит Мартын. — Миците, не покажешь ли ты свои отметки?

Миците краснеет как маков цвет.

— Нельзя ли отложить это на завтра? Я совсем не помню, куда я засунула свой табель.

Какая глупая фантазия у родителей и учителей — дважды в год проверять табель, особенно если по некоторым предметам плохие отметки. За предметы, в которых Миците делает успехи, отметок не ставят: ты можешь танцевать как сильфида и выписывать коньками самые сложные фигуры — они не считают это образованием. Хорошего мужа можно найти и без алгебры и логарифмов.

— Все же, Миците, покажи лучше сейчас, — настаивает отец. — У меня сегодня есть время.

Нечего делать, Миците достает табель. Но, пока родители изучают его, у нее начинает болеть голова.

— Мама, у тебя нет какого-нибудь порошка?

Порошок находится, но от этого отметки в табеле не улучшаются. Насколько возможно бережно любящий отец спрашивает:

— Как ты, Миците, думаешь — не придется ли тебе остаться еще на год в этом классе?

— Если б у нас был другой учитель математики, я бы уже давно перешла, — отвечает Миците. — А этот настоящий черт.

Виноват учитель. Миците всегда оказывается права. И дружная семья приходит к выводу, что это просто преступно разрешать подобным инквизиторам мучить молодежь. Такой одаренный ребенок, а ей не дают хода. Ну где же тут справедливость? Где благородство? Ну отдохни, деточка... Возьми еще пирожок с вареньем.

3

В воскресные дни и в праздники трактир у большака не выделялся ничем: то же самое пиво, что и в обычные дни, те же посетители и одна и та же цена.

Только одеты здесь все немного получше. И Мартын Зитар нацепляет часовую цепочку на красивый жилет. Черный бархатный жилет с белыми перламутровыми пуговицами — это выглядит очень благообразно. По воскресеньям Мартын закручивает кончики усов кверху и сморкается в носовой платок; он расходует несколько носовых платков в день, нос у него солидных размеров, но в будни Мартын не занимается такими пустяками.

Ежегодно в первый день рождества в трактире зажигали елку для приглашенных гостей — завсегдатаев трактира, которые больше оставляли там денег. Всякую голытьбу нечего удостаивать приглашения за хозяйский стол. Обычно резали индейку, жарили рыбу и на козлы ставили бочонок домашнего пива — так выходило дешевле. Но, как правило, этого не хватало. Когда бочонок хозяина опустошали, у гостей начинало шуметь в голове и они наперебой заказывали по полдюжины, по дюжине пива за свой счет. В итоге елка вполне себя окупала, как и все, к чему Мартын прикладывал свою ловкую руку. Хозяин получал большое моральное удовлетворение, а еще большее — его гости: Мартын Зитар поступал как порядочный человек, он угощал!

Утром в первый день рождества Рудис Сеглинь принес Янке домотканый костюм. Ворот на френче застегивался, поэтому галстук не был нужен.

— Заходи за мной, — сказал Рудис. — Я буду тебя ждать до семи часов.

— Там видно будет, — ответил неопределенно Янка.

Он попросил у приказчика бритву и побрился. Волосы тоже просили ножниц, но парикмахер был далеко и вряд ли у Янки хватило бы времени сходить к нему.

— Молодой, сходи принеси дров, — первой обратилась к нему кухарка.

— Хорошо, *старая*, — ответил он и отправился. После этого она его больше не звала молодым.

— Ты сена дал лошадям? — спросил дядя.

— Сынок, нужно сколоть лед со скамейки у колодца, — ласково сказала Анна.

И за это — целая пригоршня пряников и несколько больших орехов. Наслаждайся и думай о Вифлееме*, пока у судомойки не накопилось полное ведро помоев:

— Сходи-ка вынеси на помойку.

Но хоть один благородный поступок все же был совершен в тот день: Янку пригласили к обеду за хозяйский стол. Здесь же наконец состоялось его знакомство с двоюродной сестрой.

— Как ты вырос, — произнесла Миците.

— Ты тоже не стала меньше, — ответил Янка.

— Поговорите по-английски, — торопил Мартын, жаждавший триумфа. Но Миците первая не начинала говорить, а Янка считал, что даме надо отдать предпочтение.

— Ты много в Сибири волков убил? — шутила Миците.

— Ни одного. Только зайцев и куропаток.

Разве с таким пошутишь? Он совсем не понимает юмора. И обед проходит тихо, без разговора на английском языке. Немного погодя Миците удается втянуть Янку в беседу, и она выясняет, что двоюродный брат не знает ни одного модного танца. Она показывает ему свои книги, пригласительный билет на вечер гимназистов и набросок ее портрета, сделанный каким-то странствующим художником. Она очень удивлена, что Янка в Петрограде был даже в опере.

— Будущей осенью я поступлю в консерваторию. Хотя мне некоторые советуют учиться скульптуре.

У нее так много талантов, что неизвестно, который лучше развивать. Результаты, вероятно, во всех случаях будут одинаковы.

Болтая с Янкой, она принимает лукавый вид, даже начинает кокетничать, будто он не родня, а посторонний юноша. У нее пухлые губки, смелый и вызывающий взгляд; когда отец и мать уходят в соседнюю комнату, Миците просит у Янки руку, — она погадает. И она гадает, совсем близко подсев к Янке.

— Ты когда-нибудь уже целовался? — спрашивает Миците.

— А если и целовался? — смеется он.

Завитые волосы Миците щекочут Янке кончик носа, и он чихает. Миците усмехается и изучает его ладонь. Руки ее горячи, и от одежды струится сладкий аромат.

— Ты был когда-нибудь влюблен? — спрашивает опять Миците.

— Пожалуй, да.

— Кто она — блондинка или брюнетка?

— Хорошо не знаю.

— Она была ласкова с тобой?
— Что значит быть ласковой?
— Ты, наверно, ничего не понимаешь в любви.
— А ты?
— Не думай, что я тебе расскажу. Вам нельзя доверять. Все сразу своим друзьям передадите. Мне твой брат Ингус нравился.
— Чем?
— Он нравился всем девушкам.
— И чтобы нравиться девушкам, мне тоже нужно быть похожим на Ингуса?
— Ну конечно. Он был красивый парень, романтик. Ты никогда таким не будешь.
— Почему же?
— Я это вижу.

Она встает, идет к зеркалу и некоторое время изучает свое лицо. Потом оборачивается и лукаво улыбается: вот какая я, пойми меня. Ты рос в лесу и ничего не знаешь о жизни, а у меня есть опыт. Если б ты был чуточку подогадливее, милый братец... Ну, это мы еще увидим. Зитары не умеют сдерживать себя, а ты умеешь. Какой же ты Зитар? Твой отец был настоящим мужчиной. Или ты думаешь, что я не видела, как он приходил сюда, в корчму?

Потому ли, что Миците понравилось болтать с двоюродным братом, или по случаю первого дня праздника, но Янку не беспокоили всю вторую половину дня. Его ничего не заставляли делать — пусть сидит в комнате и занимает кузину. Под вечер пришла подруга Миците — Марта Ремесис, и Янка должен был познакомиться с ней. Она ровесница Миците, учится с ней в одной гимназии и к тому же соседка. Обе девушки крепко дружат. Но Марта — полная противоположность Миците: она более хрупкого сложения, мечтательна, беспричинно восхищается многим; разговаривая, опускает глаза и, когда к ней обращаются, краснеет и улыбается. В ней нет чувственности Миците. Изредка она украдкой посматривает на Янку, о чем-то думает и при этом краснеет.

— Вы были так далеко и видели полсвета, — говорит Марта. — Это, вероятно, очень интересно.
— Я по крайней мере об этом не жалею, — отвечает Янка.

— Уважаемый господин брат, не будешь ли ты так любезен и не оставишь ли теперь нас одних, — прерывает Миците их разговор. — Мне пора собираться на вечер. Вы успеете поговорить в другой раз.

Янка уходит в свою каморку и чувствует себя как-то странно, не как обычно. Он словно ноющий зуб: собирается болеть, но острой боли еще нет.

Одевшись на бал, Миците влетает в каморку Янки.
— Ты, наверно, сегодня никуда не пойдешь? Вечер окончится около трех часов ночи, а в это время темно, как в яме. Ты не можешь прийти к имению встретить меня? Прихвати маленький фонарик.
— А если кто-нибудь будет тебя провожать?
— Я совсем не хочу сказать, что ты обязательно должен прийти. Но если бы ты захотел... Ян Ремесис остался в Риге, иначе он тоже был бы на вечере. Ты знаешь — у имения, где дорога поворачивает к взморью!
— Придется пойти.
— Хорошо. Я скажу маме, что ты встретишь меня.

Девушки уходят. Янка расхаживает по каморке, изредка поглядывая то на бумагу, что стопочкой лежит на столе, то на одежду Рудиса Сеглиня. Она лежит на кровати. «К черту, что я — пес какой-нибудь? Вечер устраивается для всех, независимо от того, приглашает ли меня Миците с собой или только велит подождать у дороги».

Янка, обозлившись, начинает поспешно одеваться.

4

Зал, где устраивался бал, помещался в верхнем этаже волостного общественного здания. Там же находился буфет, ибо в афишах было сказано: «Большой буфет и хороший духовой оркестр!» Триста гостей толклись в тесных помещениях, поднимая пыль и вдыхая ее. Самые видные семейства сидели в первых рядах. Временами раздвигался ситцевый занавес и зрители могли видеть сцену и людей, которые что-то там делали. Какой-то фокусник показывал всякие чудеса: глотал шпагу, разрезал на куски своего ассистента и потом невредимым вытаскивал из ящика. Услаждали глаза зрителей и разными фокусами с водой и огнем. А когда

10 — 2999

публика достаточно натерпелась всяких страхов, появились два клоуна, которые весело дурачились и пели двусмысленные песенки.

Вы думаете, этим все кончилось? Нет, спорту тоже было отведено место в программе. Жители побережья увидели двух сильнейших в мире людей. Один орудовал неслыханными тяжестями: лежа на спине, он держал на груди восемь подростков (взрослые стеснялись выходить на сцену), поднимал двухпудовые гири с такой легкостью, точно это были тыквы, и делал упражнения с полыми шарами. Второй силач был искусным борцом.

— Кто хочет, выходи на французскую борьбу! — обратился он к публике. — За жизнь я ручаюсь, но здоровье не гарантирую.

Понятно, ни у кого не хватило смелости выйти против этой груды мускулов. В конце концов быть его противником вызвался силач, поднимавший тяжести. Они боролись ровно двадцать минут, пока не проломили пол на сцене. Публика засмеялась. Тогда борец рассердился и одним махом положил на обе лопатки силача, поднимавшего тяжести. Оркестр заиграл туш, и под гром аплодисментов занавес медленно задернулся. Распорядители вынесли из зала скамейки, уборщицы подмели пол. Какой-то мужчина ходил по залу с бумажным пакетом в руках и посыпал пол тальком.

Пожилые люди отодвинулись в сторону, молодежь заволновалась, и девушки поспешили в дамскую комнату попудриться. Сейчас должен был начаться бал.

В помещении буфета за отдаленным столиком сидели Эльза Зитар и мельник Кланьгис. Кавалер угощал свою даму пирожными.

— Может быть, еще полдюжины? — спросил Кланьгис, когда первые шесть пирожных были уничтожены.

— Нет, благодарю вас, господин Кланьгис, — улыбнулась Эльза. — Тогда я не смогу танцевать.

— Но бутылку вина мы еще можем выпить, — не унимался Кланьгис. — Вино согревает кровь.

— Ну, у вас еще хватает своего тепла, — пошутила Эльза.

— Вы думаете? — мельник был польщен и постучал ложечкой о тарелку. — Бутылку вина и бисквиты!

Так вел себя человек, у которого не было жены, а

кошелек полон денег. Будем наслаждаться жизнью, будем пить и есть! О! Он был весьма остроумен и весь вечер говорил двусмысленности, но Эльза тоже за словом в карман не лезла. Оба они знали, чего хотят, и хорошо понимали друг друга. Только ничего определенного еще не было сказано.

— Господину Кланьгису не скучно на мельнице?

— Как когда. А разве молодой женщине не скучно все время торчать рядом с хмурым братом и старым батраком?

— У меня есть сын.

— Гм, да. У меня сына нет.

— Но у вас еще может быть.

— Вы думаете? Если вы дадите мне взаймы своего. Прошу вас, выпьем этот бокал за сыновей!

Так они оба дурачились, танцевали, опять ели и опять пили, болтая о всяких пустяках. Издалека, намеками старались узнать мнение друг друга, не говорили ни да, ни нет, но дело двигалось вперед с такой быстротой, что уже около полуночи у Кланьгиса вырвалось:

— Вы пошли бы за меня?

— Ну, об этом еще нужно подумать.

— Конечно. Как же иначе.

Это была сама жизнь, немного примитивная и грубая. Но в большой жизненной гармонии нужны и грубые аккорды. Эльза была замечательная женщина — краснела, когда это было необходимо, и становилась игривой, когда серьезность уже неуместна. Кланьгис совсем не был стар. Что значат какие-то пятьдесят лет? Эльзе уже исполнилось двадцать семь. В Зитарах все равно не жизнь, а идти в услужение к чужим людям — фи...

Но вот в буфет вошел Янка, он, видимо, кого-то искал. У Эльзы мигом исчезло хорошее настроение, и она отвернулась к стене.

— С вами что-нибудь случилось? — озабоченно спросил Кланьгис.

— Ничего. У меня, наверно, что-то попало в зуб. Немного заболел.

Янка постоял у дверей, зло усмехнулся и вышел в коридор. У Эльзы прошла зубная боль.

— Не перейти ли нам в заднюю комнату? — предложила она. — Здесь слишком много ходят. И как будто сквозит...

— Можно, — согласился Кланьгис. Они перебрались со своими приборами в более тихое место. Там их никто не беспокоил, и Янка больше не появлялся.

И чего он искал в буфете и в коридорах, в то время как оркестр в зале играл один танец за другим? И зачем он вообще пришел на этот вечер? Рудис Сеглинь сразу же занялся выпивкой и сейчас пел соло, остальные молодые рыбаки ему слегка подтягивали. Янке не хотелось пить. Как странно: он не видел друзей детства больше четырех лет, но всех их вспомнил и узнал. А они не узнавали его. И когда им сказали, кто он такой, долго его разглядывали, шептались между собой и по одному подходили поговорить. Люди попроще — те, кто пахал землю и работал веслами, — скорее узнавали его. Самыми забывчивыми были те, кто учился в рижских гимназиях или были студентами. Сами они не подходили, а когда Янка приближался к ним и называл свою фамилию, они долго припоминали.

— Янка Зитар? Ах, да, кажется, мы когда-то были знакомы. Не учились ли мы в одном классе в прогимназии? Ах, *вы* уезжали в Россию? Да, теперь я вспоминаю...

Несколько вежливых фраз, у всех один и тот же вопрос — и стереотипный конец: «Прошу извинить меня. Очень жаль, что нет времени поговорить подольше... но надеюсь, что мы еще встретимся в другой раз».

Они уходили не оглядываясь. И можно было уверенно сказать, что этот другой раз никогда не наступит. Вначале они будут избегать его, позднее, когда станут искать сближения, Янка не захочет с ними встречаться. Если друг детства говорит «вы», — значит, вы стали чужими. Запомни это хорошенько, Янка, иначе тебя сочтут навязчивым, а ведь ты не желаешь быть таким.

Эта метаморфоза его изумила, впервые приходилось переживать подобное. Как могут стать чужими люди, которые вместе росли, играли, строили планы на будущее? И неужели все это только потому, что после совместного обучения в школе один ходит белоручкой с портфелем, а другой рубит деревья и носит грубую одежду? Янка в то время еще не понимал некоторых элементарных законов жизни, поэтому случившееся

огорчило его. И как немного нужно для того, чтобы все стало иначе, — только лучшее платье, белый воротничок и немного денег в кармане.

Грустно размышляя, он одиноко бродил на празднике, мешая всем и опротивев самому себе. В перерыве между танцами он встретил в коридоре Миците и Марту Ремесис. Они спешили в дамскую комнату, раскрасневшиеся и возбужденные от танцев.

— А, ты тоже пришел! — удивилась Миците.

— Друзья затащили, — похвастался Янка. У него ведь был не один друг, а много.

Марта остановилась и хотела было заговорить с Янкой, но Миците не позволила:

— Пойдем же, нам нужно спешить, иначе набежит народ и до зеркала не доберешься.

— Ох, верно! — опомнилась Марта. — Ну, сегодня вам нечего жаловаться на скуку — так много старых знакомых, — улыбнулась она.

Издали она еще раз оглянулась на Янку и опять улыбнулась.

В два часа Янка оделся и ушел с вечера. «В первый и последний раз», — решил он. На душе стало веселее, и он, посвистывая, пошел домой. У имения, где дорога поворачивает к взморью, остановился: идти домой или дождаться Миците, как договорились?

«Лучше все-таки дождусь, а то подумает, что я обиделся и убежал домой».

Он не хотел показать, что обращает внимание на такие пустяки. Поднял воротник и, чтобы не замерзнуть, стал ходить взад и вперед. Вдали шумело море. Зимней ночью звезды яркие, некоторые из них белые, другие красноватые и зеленые. «Которая из них моя?» — думал Янка.

— Ах, ты еще здесь? — удивилась Миците, когда Янка, кашлянув, подошел к ним на перекрестке. — Мы думали, что ты уже давно дома.

— Я только что вышел, — соврал он, хотя уже целый час дрог на улице.

С Миците была Марта.

— Иди в середину, — сказала Миците. — Проводим Марту до аллеи Ремесисов и потом пойдем домой.

— Но вам же это не по пути, — возразила Марта.

— От Ремесисов мы можем пройти прямо лугами,

через реку, — сказала Миците. — Там, вероятно, возчики сена уже проложили дорогу.

Девушки подхватили Янку под руки, и веселая троица, громко болтая, отправилась в путь.

— Ты сегодня хоть раз танцевал? — спросила Миците у Янки.

— Еще как — глазами! — отозвался он.

— Куда же ты исчез, когда объявили дамский вальс?

— Как исчез? Я все время там вертелся.

— Почему же Марта не нашла тебя? Искала по всем уголкам, а ты словно в воду канул.

— Миците! — укоризненно воскликнула Марта.

— О, пардон! Я выдала секрет. Он еще, пожалуй, вообразит о себе.

Держась друг за друга, они шли, толкаясь, чтобы согреться. Один раз Миците нарочно поскользнулась и упала в занесенную снегом канаву, увлекая за собой всех.

— Какой ты неловкий кавалер, — упрекнула она Янку. — Как можно такого приглашать на дамский вальс? Он свальсирует еще обоих на пол. Хоть бы помог дамам подняться.

Так они резвились до самой аллеи Ремесисов. Марта, правда, несколько раз пыталась начать серьезный разговор, но Миците тут же придумывала какую-нибудь очередную проказу. У Ремесисов залаяли собаки. Марта освободила локоть Янки и простилась:

— Всего хорошего, до свидания.

— Ты слышал: до свидания! — подтолкнула Миците Янку. — Она хочет еще видеть тебя. Ну, поблагодари же, скажи, что тебе это доставит большое удовольствие.

— А если мне это действительно доставит удовольствие? — отпарировал Янка.

— Гм, да. Тогда дело принимает серьезный оборот, — зубоскалила Миците. — Где двое счастливы, там третий лишний.

— Миците, ты сегодня невыносима! — воскликнула Марта и, тихо засмеявшись, убежала. «Как эти две столь разные по характеру девушки могут дружить?» — подумал Янка, глядя вслед Марте.

— Куда нам теперь идти? — спросил он.

— Разве ты забыл, где мы живем? — удивилась Миците.

Оставшись наедине с Янкой, она вела себя не так шумно. Она тихо взяла Янку под руку и, успокоившись, шагала рядом по луговой дороге. У нее, очевидно, были какие-то свои думы, и потому до самой речной заводи она не промолвила ни слова. Янка тоже не знал, о чем говорить.

Когда они миновали заросли ольшаника, Миците остановилась и стала всматриваться в темноту.

— Это не наш сарай вон там, направо? — заговорила она.

— Где? Ничего не вижу.

— Пойдем посмотрим.

Дороги тут уже не было. Они пошли по рыхлому снегу. Шагах в тридцати от дороги стоял старый сарай с сеном.

— Наш, — сказала Миците. — Ты еще не ездил за сеном?

— Нет, не ездил. Может быть, сено раньше завезено.

— Вероятно. Но мы сейчас посмотрим.

Конечно, они могли это сделать. Дверь сарая оказалась не запертой, а лишь заложенной снаружи тяжелым деревянным засовом. Янка легко отодвинул его. Миците вошла первой. Там лежало еще много сена.

— Янка, куда ты делся? Я не вижу тебя!.. — тихо вскрикнула Миците.

— Я здесь.

— Да где же? Дай руку.

Она опустилась на сено. Янка сел рядом.

— У меня руки теплее, чем у тебя, — сказала она.

— У тебя перчатки плотнее, — ответил Янка.

— Ты думаешь, это зависит от перчаток?

— Отчего же еще?

— Тогда ты ничего не понимаешь.

Минуту царило молчание. «Почему она не собирается идти домой?» — думал Янка. В сарае было теплей, чем снаружи, пахло душистым сеном.

— Ты мне вчера не ответил, целовался ты когда-нибудь? — спросила Миците.

— Почему это тебя так интересует?

— Так просто. Разве это плохо?

— Конечно нет.

— Тем более. Значит, ты можешь сказать.

— Ну, хорошо, чего там скрывать. Да, целовался.

— А это приятно?

— Разве ты сама не знаешь?

— Но я хотела узнать, как это происходит с другими.

Опять наступила пауза. «Надо бы идти», — думал Янка.

— Янка!

— Да, Миците.

— Ты можешь поцеловать меня. Я никому не скажу.

Ей было восемнадцать лет, она пятый год училась в средней школе. Но иногда взрослые люди ведут себя как дети.

— Если ты этого хочешь...

— А ты сам нисколько?

Он поцеловал ее. Она захотела еще раз поцеловаться. И не как-нибудь, а по-настоящему, по-особенному, как целуются в фильмах кинозвезды.

— Ты когда-нибудь это видел, Янка?.. Я ничего не скажу... Куда ты пошел?

— Я думаю, нам пора идти.

— Стряхни с меня сено.

Она больше не взяла Янку под руку и до самого дома молчала. Шла быстрыми шагами впереди Янки и, когда он что-нибудь говорил, отвечала коротко и сухо, словно нехотя:

— Да... Нет... Вот как...

В корчме еще продолжалось праздничное веселье. Елка, зажженная для званых гостей, потухла, теперь слышалось пение, угощение шло за счет гостей. Наружная дверь не была заперта, потому что время от времени кто-либо из гостей выходил во двор полюбоваться звездами. Никем не замеченные, Янка и Миците прошли в дом. Янка сразу же отправился в свою каморку, а Миците — на хозяйскую половину. Общество этих забулдыг совсем ей не нравилось, несмотря на то что они были друзьями отца и лучшими его клиентами.

— Сегодня не придется поспать, — сказала Миците матери.

— Скоро разойдутся, — успокоила ее Анна.

— Но я не могу слушать их болтовню, — не унималась Миците. — Хвастовство пьяниц — самая отвратительная вещь на свете.

— Так-то оно так. Мне и самой другой раз надоедает. Да ведь что поделаешь, — вздохнула мать.

— Знаешь что? Я лучше пойду поболтаю с Янкой. Только не говори папе, что я дома, он еще вздумает показывать меня гостям.

— Нет, нет, не скажу. Но разве ты есть не хочешь?

— Дай что-нибудь, я захвачу с собой.

Минутой позже она, не постучав, вошла к Янке, неся в одной руке блюдо со сладкими пирогами, в другой — полбутылки вина.

— Там настоящий ад, — сказала Миците. — Я посижу здесь, пока они не уйдут. Возьми ватрушку. Это вишневая наливка, такая густая, что губы липнут.

Она опять была весела и любезна. После поздней прогулки по морозному воздуху ужин пришелся весьма кстати. Наливка оказалась не только сладкой, но и крепкой, возможно, в нее добавили немного спирта.

— О чем ты вечно думаешь? — спросила Миците, когда разговор оборвался по вине Янки.

— Неужели действительно похоже на то, что я думаю?

— Я часто это замечаю. Ты, наверно, мечтаешь о той, которую когда-то поцеловал.

Нет, об этом он сегодня совсем не думал: Айя — это не Лаура, и Миците ничего не знала о них.

— Может быть, я думаю о тебе, — ответил он шутливо.

— Тогда ты, вероятно, представил на моем месте ее? Я тебе не запрещаю, думай что хочешь, но ведь со мной ты можешь хоть немного поговорить.

Разговаривать с Миците он, конечно, мог, но вообразить на ее месте Лауру... Лучше бы она не напоминала — сразу стало грустно.

— Знаешь что? Мы лучше закроем дверь на ключ, — предложила Миците. — Забредет еще какой-нибудь забулдыга, его не выставишь потом.

Она сама встала и закрыла дверь. Потом, сев на козлы, где была устроена постель Янки, начала поигрывать носками туфель, любуясь своими маленькими красивыми ногами.

— Кто спит за этой стеной? — спросила она.

— Никто. Там кладовая.

— А с другой стороны?

— Там лестница на второй этаж. Разве ты не знаешь расположения дома своего отца?

— Я хотела проверить, знаешь ли его ты, — тихо заменилась она. — Сейчас при огне у тебя, вероятно, не хватило бы духу поцеловать меня. Ты и в темноте был не очень смел.

Только одно у нее было на уме.

— А у тебя хватило бы?

— Зачем спрашиваешь? Попытайся. Но нет, лучше все-таки потушим огонь.

Заметив, что Янка колеблется, она опять встала и сама погасила огонь. В темноте послышался сдержанный смех девушки. Но это была не Лаура, все ее намеки проходили мимо сознания Янки. Он даже не пытался понять их. Ясно, что так мог поступить только последний глупец. Миците это и заявила ему:

— Ты дурак. Скучнейший и наивнейший парень из всех, кого мне приходилось видеть.

Когда он и после этого ничего не понял, она стала нервничать.

— Ты еще помнишь библейский рассказ об Иосифе и жене Потифара?*

— Да, и что же?

— Хочешь быть таким, как Иосиф? А мне больше нравится царь Давид.

Они беседовали на библейские темы до тех пор, пока в сенях не послышался пьяненький разговор уходящих гостей и хриплый голос Мартына Зитара не поставил над всеми сегодняшними событиями точку:

— До свидания, друзья!

Другому, несовершившемуся событию поставило точку гневное сопрано Миците:

— Чучело! Я этого не забуду.

Не объяснив значения этих слов, она шумно, намеренно грохоча, открыла ключом дверь и вышла, оставив растерянного Янку в темноте.

Наутро трактирщик Мартын имел с племянником не совсем обычный разговор, смутивший последнего больше, нежели странное поведение Миците накануне вечером.

— Ты у меня, парень, берегись, чтобы я тебя с волчьим паспортом из дому не отправил, — пригрозил Мартын, лично явившись в каморку Янки.

— За что же? — удивился Янка.

— Ну, не притворяйся, не притворяйся, — прошипел Мартын. — Миците все рассказала.

— Да что все-то?

— Ах ты, щенок этакий! Он еще делает вид, что ни «а», ни «бе» не знает. Скажи мне, зачем ты девочку повел в сарай? Чего ты к ней приставал? Закрыть на ключ дверь, погасить лампу, а потом вести такие разговоры! Смотри, как бы я тебе не оторвал уши!

— Я ничего не понимаю...

— Выходит, Миците врет? — Мартын вспылил еще больше. — Посмей только еще приставать к ней! Из жалости я поселил тебя под моей крышей, а у тебя на уме всякие пакости. Я с тебя теперь глаз не спущу. Как только замечу что-нибудь, выгоню вон!

Сказав это, он удалился.

Немного погодя и Анна, встретив Янку, огорченно покачала головой:

— Как тебе не стыдно. Ты ему доверяешь как родному, а он...

Никто больше не хотел разговаривать с Янкой, и весь праздник в корчме царила угрюмая тишина.

Янку душила злоба. Если бы Миците была парнем, он бы поколотил ее, но она была девушкой и могла безнаказанно ходить куда хочет и делать что ей вздумается, защищенная преимуществами своего пола от всяких неприятностей.

Встречаясь с Янкой в присутствии других, она принимала гордый и оскорбленный вид и даже не смотрела в его сторону. Но если вблизи никого не было, она весело и вызывающе усмехалась ему. «Это за то, что ты такой, — казалось, говорила ее озорная улыбка. — Я озорная, и я так поступаю, и ничего ты со мной не сделаешь».

С ней действительно ничего нельзя было поделать. Она женщина, существо, которое берегут и лелеют. Сердиться не имело смысла, поэтому Янка, позлившись некоторое время, перестал расстраиваться и отнесся к происшедшему юмористически. Это просто веселое происшествие, где нет ничего серьезного.

5

Сразу же после праздников Янка отослал в несколько редакций свой «новый урожай»: по рассказику — в две газеты и несколько стихов в журнал. Если б это напечатали, на небосводе латышской литературы должна была показаться новая звезда, ничуть не бледнее ранее взошедших светил. Следует лишь немного подождать, пока почта и редакторы выполнят свои обязанности. О, как они обрадуются, вскрыв пакеты Янки:

— Смотрите, у нас появился новый талант! Побольше бы таких...

Жирным шрифтом будет напечатано имя автора (псевдоним, конечно), и широкий круг читателей сразу почувствует, что у этого молодого писателя совсем другая хватка, чем у остальных.

А пока Янка опять занимался обычной работой — студил руки в холодной морской воде, обдирал в кровь пальцы, развязывая замерзшие узлы на сетях, и его одежда пропитывалась кисло-соленым запахом рыбы. Но дух его, словно голубь, витал над поверхностью вод, над буднями и всеми житейскими трудностями. Янка жил надеждами и считал дни.

«Теперь мои рукописи уже на столах редакторов. Сейчас их вскроют и прочтут. Сегодня их, наверно, уже набирают. Завтра-послезавтра я найду в газетах что-нибудь приятное».

Ничего он не дождался. Его рассказы не были напечатаны ни через неделю, ни через месяц. И напрасно искал он ответа в отделе редакционных писем. Видимо, его произведения сочли настолько глупыми, что редакторы даже не ответили. Только толстый журнал отозвался на посланные Янкой стихи. Но какой это был ответ! Имели ли они право так ответить молодому таланту: «Оставьте Пегаса в покое. Неужели вы не замечаете, что в ваших стихах есть все, кроме поэзии?»

Его, правда, немножко обескуражил насмешливый тон ответа и молчание остальных редакторов. Но разве это может напугать сильного молодого человека? Ничуть. Если б ему не предстояло в скором времени идти на военную службу, он бы им показал, как пишет Ян Зитар. Только терпение, терпение и настойчивость. Он

как-нибудь соберется с духом и сам придет в редакцию — головы ведь не снимут.

Да, военная служба. Было время, когда Янка, как полоумный, мечтал о военном мундире, бежал вместе со стрелками на позиции и всячески добивался чести быть военным. Тогда ему отказали. Теперь, когда он получил право надеть мундир и учиться военным премудростям, он уже не стремился к этому. Война окончилась, а вместе с ней рассеялась и ее мрачная романтика, — в мирное время военная служба не представляла собой ничего соблазнительного. Но служить придется.

Накануне отъезда Янка обошел своих родственников. Все давали ему всяческие наставления; один совал тусок масла, другой — носки или пару латов. Эрнест сказал, что и он дал бы что-нибудь, но ничего нет.

— Ты ведь понимаешь. Пиши письма, я стану отвечать.

У Эльзы началась пора сватовства, она была занята — где уж тут интересоваться другими?

— Поезжай и будь счастлив, у меня своя жизнь.

С корчмарем Мартыном он не условился о жалованье, и в последнее время их отношения были довольно натянутыми. Но когда Янка зашел проститься, сердце дяди обмякло, и рука его стала щедрее:

— Вот тебе деньги на дорогу.

Мартын дал ему десять латов — не больше: все равно прокутит по пути в полк. Анна положила в мешочек Янке каравай белого хлеба и целый круг чайной колбасы (Мартын этого не знал). Она даже немного всплакнула.

Вместе с остальными парнями волости, с озорными забавами и песнями, Янка уехал в Ригу. Многих провожали родные; у некоторых к шапке был приколот выращенный в комнате цветок; кое-кого оплакивали загрустившие девушки. Янку не провожал никто, и некому было ждать его возвращения. Свободный и одинокий, он мог уйти и не вернуться, исчезнуть совсем. Разве это плохая жизнь?

В Риге он зашел проведать Миците, но она куда-то ушла, и Янку встретила одна Марта Ремесис. Это было кстати — наконец-то они могли поговорить. Они проболтали несколько часов, и кончилось тем, что Янка узнал

адрес Марты и обещал писать ей. При прощании она подарила Янке фотографию.

Потом он вместе с другими парнями шатался по столовым на улице Дзирнаву, съел четыре порции клюквенного киселя с молоком и впервые в жизни напился, несмотря на то что в тот день все винные лавки были закрыты. Простые деревенские ребята, обычно тихие и стеснительные, шумели на улицах, ссорились с прохожими, некоторые даже осмелились дерзить полицейским. Когда на следующий день они собрались в уездном военном управлении, старый полковник ругал их до хрипоты, затем сказал:

— Вот вы какие, значит? Хорошо, я вам покажу, как напиваться и безобразничать! Всех отправить в Резекне — там вас научат.

Так он и сделал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

У Эрнеста Зитара вся зима прошла в сплошных хлопотах и трудах. Нелегко было получить в свое владение усадьбу, строения, землю и все права на них, и неизвестно, как бы еще дело обернулось, если бы у Эльзы не появился Кланьгис. Самая опасная соперница на получение отцовского наследства теперь меньше всего претендовала на него. Нужна ли ей запущенная, пришедшая в упадок усадьба Зитаров, когда у Кланьгиса паровая мельница и четыреста пурвиет земли? Она теперь могла разыгрывать из себя великодушную и сказать брату:

— Зачем я стану тебя разорять? Забирай хозяйство и выплати мне мою долю.

Несколько раз ездил Эрнест в волостной суд и в Ригу. Наконец все было в порядке — усадьба принадлежала ему, и он мог взять в банке первую ссуду. Эрнест не замедлил это сделать. Но две тысячи латов оказались слишком незначительной суммой: Эльза хотела получить за причитающуюся ей часть усадьбы наличными теперь же (нужно готовить приданое), опекунов тоже следовало угостить, необходимо было купить лошадь,

достать семян на весну, да и сам он не мог питаться одним воздухом. Эрнест искал новые кредиты. В таких трудах совсем не оставалось времени, чтобы заняться хозяйством, и здесь Криша как будто сам бог послал: пока хозяин поил опекунов и искал кредиторов, старый батрак трудился один — ремонтировал сельскохозяйственные орудия, чинил крыши, возил со взморья песок и заготовлял новые столбы для изгороди. Всякий видел, что в Зитарах что-то делается — молодой хозяин серьезно взялся за дело. Что из того, что сам он ни к чему не приложил руки и все делал старый Криш? За это ведь он разрешал ему жить в своем доме, давал приют, дрова и иногда кормил.

— Мы усердно работаем, — говорил Эрнест, — у меня теперь работник и лошадь. — В некоторые окна он вставил стекла. В большой комнате стоял буфет без посуды и пустой платяной шкаф; дубовый стол выглядел неплохо и без скатерти. А спал молодой хозяин в родительской кровати — Эльзе он ее не отдал. Кто-то из соседей подарил Эрнесту молодого кота; и мыши больше не пищали в комнатах, а крысы перестали грызть сапоги. Все налаживалось. Эрнест пополнел, и впервые в доме Зитаров появились долги.

Иногда в Зитары заворачивал Кланьгис. Он никогда не приходил с пустыми руками: бутылка вина, конфеты, плитка шоколада или пачка печенья. И всегда — хорошее настроение. Однажды вечером, когда он опять сидел в комнате Эльзы на втором этаже, у них произошел решающий разговор.

— Скоро пасха, — заговорил Кланьгис.

— Да, приближается весна, — ответила Эльза.

— Пожалуй, пора бы и насчет хозяйки подумать.

— Да, пора. Если протянуть до Юрьева дня, можно и без всего остаться.

— Вот поэтому я и хочу вовремя договориться.

— Хорошая мысль.

— Пойти-то пойдет любая, но не всякую я возьму.

— Конечно. Такой шаг надо как следует обдумать.

— Я уже обдумал. И давно — еще с самого рождества. Вот только не знаю, есть ли у *нее* какое-либо мнение на этот счет.

— Может быть, и есть.

— Ах так? — Кланьгис сразу же подсел поближе к Эльзе. — Интересно, что же она скажет?

— Она думает так: если делать что-нибудь на пасху — а это самое подходящее время, — то надо бы уже теперь ехать к пастору насчет оглашения. Пока три раза огласят и приготовятся к свадьбе...

— Совершенно верно. Эти церемонии отнимают много времени.

Немного погодя пригласили наверх Эрнеста. Бутылка вина была уже откупорена и шоколадные конфеты насыпаны на тарелку. Эльза обратилась к брату:

— Видишь ли, Эрнест, ты теперь у нас в семье старший, считаешься как бы главой семьи.

— Так оно выходит, — этот балбес принял все всерьез и сразу же важно надулся.

— А так как мы с господином Кланьгисом решили пожениться, то хотели сначала поговорить с тобой. Как ты на это смотришь?

Глава семейства и хозяин Зитаров теперь только осознал, какой важной персоной он сделался. Патриарх, отец и мать семейства Зитаров — к нему обращаются за советом! Но молодые оказали ему должное почтение, и он возражений не имел.

— Если вы все как следует взвесили, о чем же тут говорить. Женитесь, я вам не помеха. Но посаженым отцом я не смогу быть, потому что сам еще не женат.

После этого они выпили и поцеловались. Эрнест, правда, рассчитывал, что молодые поцелуют ему руку — все-таки он им теперь вместо отца и старший по положению, — но ему пришлось разочароваться, этой чести его не удостоили. Да и как бы оно выглядело, если б Кланьгис, пожилой человек, сделал это. Эрнест поставил только одно условие: чтобы из семьи корчмаря Мартына никого на свадьбе не было.

— Я так хочу, так тому и быть...

Они расстались в добром согласии и мире. И казалось, что ничто больше не нарушит семейной гармонии, не внесет тревог и забот в дом, где царит порядок и разум. Но не тут-то было.

В конце зимы, наполовину забытый и никем не ожидаемый, вернулся в отцовский дом Карл Зитар.

2

Что искал он здесь? Какое счастье надеялся найти в старом семейном гнезде? Может быть, его влекли сюда воспоминания детства? Словно нелепый кошмар, прошли последние месяцы жизни Карла. Несколько недель его терзали и допрашивали в карантине в Резекне. Синяки и ссадины на теле Карла служили доказательством усердных трудов чиновников охранки. В январе его перевели в Ригу и посадили в тюрьму. Опять допросы, угрозы, коварные обещания, и опять синяки и ссадины на теле.

Мартын Зитар, как и полагается верному айзсаргу, не написал поручительства. Неизвестно, чем все это кончилось бы, — возможно, Карла отослали бы обратно в Советскую Россию, — если бы им не заинтересовались два товарища военных лет, с которыми он вместе сражался на Острове смерти и у Пулеметной горки*. Они теперь служили в латвийской армии и командовали один батальоном, другой ротой. Их совместное поручительство освободило к концу зимы Карла Зитара из заключения. Скомпрометированный, политически неблагонадежный для существующей власти, без всяких перспектив найти работу в государственных учреждениях и органах самоуправления — таким он возвратился домой и уже после первых минут свидания убедился, что и здесь его появление не вызвало особого восторга.

У Эрнеста на душе стало совсем неспокойно: кто его знает, что у этого Карла на уме? Не претендует ли он на свою долю и не начнет ли оспаривать права брата на усадьбу?

— Да, такие, значит, дела, — сказал Эрнест Карлу. — Контракт теперь находится у меня. Как старший сын, я не имел права отказаться, — ведь кому-нибудь надо брать на себя эту обузу.

— А ты этого не хотел? — спросил Карл.

— Разве там спрашивали, чего ты хочешь. Становись и действуй, а то найдем другого.

— Значит, ты оказался как бы жертвой, — усмехнулся Карл.

— Но ведь кому-то нужно быть хозяином, — нахмурился Эрнест.

— Какой из тебя хозяин. Козел в огороде.

— Ты же видел, сколько я успел за короткий срок здесь сделать. Через год ты не узнаешь Зитары.

— Если только Кришу не надоест батрачить на тебя.

— Ну, что вы спорите, — вмешалась в разговор Эльза. — Мне тоже полагалась бы часть дома, но я сознаю, что всем здесь нет места.

— Понятно, — произнес Карл и отвернулся. Лицо его искривила горькая усмешка.

— Ну, какой-нибудь угол я б тебе мог выделить, — продолжал Эрнест. — Но я считал, что ты захочешь устроиться самостоятельно. Ты ведь воевал и можешь потребовать надела земли.

— Карлу дадут землю, — заметила Эльза. — А если он останется в отцовском доме, то все потеряет. Нам-то, остальным, не на что надеяться. А если Карл еще получит какой-нибудь центр имения*, Эрнест со своими Зитарами и близко к нему не подходи.

— Ты будешь глупцом, если упустишь такую добычу, — с жаром ухватился Эрнест. — Что у нас здесь — каких-нибудь сто пурвиет. А центр имения... Большие постройки, громадный фруктовый сад, может быть, еще и озеро или река.

— О, могут наделить еще и баронским дворцом! — восхищалась Эльза. — Как офицер стрелков, ты можешь на это рассчитывать. У тебя нет знакомых в землеустроительной комиссии? Там как будто работают несколько бывших офицеров.

— Может, попросишь прирезать немного земли и к Зитарам? — высказал предположение Эрнест. — При случае закинь словечко за меня. Я слышал от Лиелнора, что скоро начнут делить помещичьи поля. Мне бы не помешало еще пурвиет тридцать.

«С хорьками нечего толковать», — подумал Карл.

— Не думаешь ли ты, Эрнест, что мне следует тебе приплатить за то, что ты разрешаешь мне отказаться от своей доли? — посмеялся он. — Сколько бы ты хотел за это?

— Ну, чего ты смеешься, — недовольно произнес Эрнест. — Земледельца из тебя все равно не получится. Кто раз попробовал легкой жизни, тот уж больше не возьмется за тяжелый труд.

— Ты точно охарактеризовал себя, — улыбнулся

Карл и поднялся. — Посмотрим, кто из нас будет земледельцем, а кто легкой жизнью станет жить. Раньше здесь, на побережье, не было ни одного шута, теперь один появился.

— Как ты смеешь разговарить так со старшим братом! — вспыхнул Эрнест. — Вы мне все обязаны подчиняться.

— Ах ты, шут гороховый, — засмеялся Карл. — Ты лучше смотри, как бы над тобой не назначили опекунов. Помнишь народную сказку: у отца было три сына, двое умных, третий... Выходит, что третьим являешься ты.

Карл переночевал у Криша в людской. Долго беседовал он со старым батраком, расспросил обо всем и дал ему несколько полезных советов по хозяйству. Карлу не было места в старом семейном гнезде. Но, уходя отсюда, он все же испытывал желание, чтобы оно сохранилось и не развалилось совсем.

— Попробуй втолковать Эрнесту что следует, — просил он Криша. — А если он начнет артачиться, иди к Лиелнору и попроси, чтобы он его обуздал. Ума у него не больше, чем у ребенка, а испорчен он, как четверо взрослых.

На следующий день, навестив по пути корчмаря Зитара и выслушав печальное повествование Мартына о жестокости Эрнеста в вопросе с мебелью, Карл уехал. Пришло время вить самому свое гнездо. Школьные годы потеряны, от инженерства нужно отказаться навсегда. Младшим Зитарам приходилось начинать с того же, с чего начинали старшие: с мотыги и раскорчевки пней. Судьба поколений повторялась.

3

Вечером на второй день пасхи окна церкви осветились тихим, торжественным светом. Снаружи у дороги стояло множество лошадей, разукрашенных флажками и брусничником. Наряднее всех был вороной жеребец мельника Кланьгиса: новенькая уздечка, хомут, седелка, вожжи были украшены никелированным набором. Покрытая черным лаком дуга увита гирляндой из брусничника и бумажными флажками. Всякий раз, как статное животное встряхивало головой, раздавался звон бубенчиков.

В церкви венчали при огнях и с маршалами*, как того пожелала невеста. От дверей до самого алтаря был постлан ковер, отпечатаны листочки с псалмами. Все выглядело очень красиво и торжественно, и людям было на что посмотреть и можно будет языки чесать еще по крайней мере месяц после свадьбы. Только в одном вопросе свадебной церемонии непрошеные свидетели не были согласны: нужно ли невесте венчаться именно в белом платье? Как-никак вдовье дело, у самой мальчишка дома, а она морочит голову такими штуками. И как это священник не видит да и Кланьгис позволяет такой обман?

— Вот увидите, она еще переживет этого Кланьгиса и выйдет за третьего. Это такая порода.

— И пошла-то она за него из-за состояния.

— Какая в нынешние времена любовь?..

— С ее стороны что-то родни не видно. Поссорились, верно.

— Эрнест здесь.

— Ну, этот — отпетый...

— Посмотри, какие у Кланьгиса черные волосы и усы!

— В прошлом году об эту пору он был седым.

— Вот жена удивится, когда он линять начнет.

— Он каждый месяц ездит подкрашиваться.

— Пока был холостым, франтил. Теперь жена есть. О чем горевать? Жена никуда не денется.

— Куда она денется? Что у нее есть?

— А тоже нос задирает.

— Это у Зитаров врожденное.

— А ты заметила, как невеста наступила на ногу жениху?

— Хочет верховодить.

— И будет. Так ему, старому лопуху, и надо. Не взял себе равную по возрасту.

И все это шипение происходило только потому, что молодожены гнались за внешним эффектом. Вот вам за это! Почему вы, такие-сякие, не могли все сделать без шума в имении пастора или на мельнице? При огнях и с маршалами слепить людям глаза, белое платье.

Пожилой человек надел новый фрак, словно какой-нибудь директор! Вот вам!

А потом этот великолепный свадебный поезд! Двадцать лошадей, запряженных в дрожки, рессорные коляски и фуры. Весна! Теплый вечер, запах смолы... Скворцы уже хлопочут около своих скворечен; более сильные самцы отвоевывают лучшее летнее жилье, тем, кто послабее, приходится лететь в лес и довольствоваться дуплом дерева. Почетные ворота и флаг на конце шеста... Просторный дом, светлые окна. В комнате духовой оркестр. Играйте марш! Сколько стоит номер? Весна! По краям крыш, словно белые, прозрачные морковки, висят сосульки. У молодожена болят кости, он не может танцевать. Но у него много денег.

— Горько! Горько!

«Молодой» муж целует жену, и горькое становится сладким. Он сидит на почетном месте, этот пожилой человек с крашеными волосами. Сегодня его усы не топорщатся, как у моржа, концы их закручены и гордо поднимаются кверху, — ведь всю прошлую ночь они находились в зажимах. Через месяц он будет седым.

Шафранная булка с изюмом, холодная телятина, домашнее пиво, водка и сладкие наливки, потом цикорный кофе. Очень шумно, громкий смех, и все-таки что-то не так, как должно быть на свадьбе. Неискренне, фальшиво, точно музыка шарманки, прогремело это событие. Ни настоящей радости, ни досады — только что-то для видимости. Наступает момент, когда усталые гости уезжают домой спать. А Эльза принимает ключи от дома и начинает свысока разговаривать с работниками.

— Сегодня ты не пойдешь в трактир, — заявляет она мужу.

Через неделю мельник пишет завещание — таково желание жены. С каждым днем он становится все незначительнее в своем доме, кое в чем он уже не имеет решающего слова. Но они довольно хорошо ладят между собой, ведь корыстолюбие присуще их натурам. На этом фундаменте построено их согласие.

После свадьбы Эльза взяла к себе маленькую Эльгу, потому что в доме нужен был человек, который обслуживал бы хозяйку и присмотрел за ребенком. Лучше уж свой человек, чем служанка: он так же все выполняет, а платить ему не надо. Чета Кланьгисов могла даже похвастать своей благотворительностью.

— Взяли к себе сиротку.

Мудрый человек умеет все повернуть себе на пользу: чего он коснется, то сразу отразится лучами благодарности и почтения; он как солнце, вносящее свет в горестную ночь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

За одну неделю Карл Зитар имел три важных разговора. Они сыграли решающую роль во всей его дальнейшей жизни.

Первый состоялся в Риге, в Центральной землеустроительной комиссии. Долго просидев в приемной и напрасно ожидая, что швейцар доложит о нем члену комиссии Гобе — тому самому, который когда-то был прапорщиком и командиром взвода в стрелковой роте Карла, — он наконец не выдержал и совершил неслыханную дерзость: без доклада вошел в кабинет своего бывшего боевого товарища. Излишне усердствующего швейцара пришлось немного потеснить в сторону, и из-за этого поднялся небольшой шум.

Член комиссии Гоба хмуро и недовольно посмотрел на вошедшего:

— Я вас не приглашал.

— Я знаю, но мне некогда ждать до второго пришествия, пока ты вздумаешь пригласить меня, — ответил высокого роста мужчина в старой, обтрепанной военной форме. — Меня зовут Зитар. Может быть, помнишь?

Да, конечно, хорошо вглядевшись, Гоба узнал бывшего командира. Он пошел Карлу навстречу и протянул руку.

— Почему ты не передал записку? Я бы тебя сразу принял. Ну, извини. Ты сам видишь, как мы тут бьемся, — головы не поднять. Чем могу служить?

— Я пришел выяснить свои права на землю, — ответил Карл.

Они уселись по обе стороны письменного стола. Гоба

предложил папиросы, и дальше беседа потекла уже совершенно интимно.

Рассказав о своих делах после ухода из полка, Карл спросил:

— Могу я рассчитывать, что получу землю?

Подумав немного, Гоба ответил вопросом на вопрос:

— Ты уже вступил в какую-нибудь партию?

— Нет. Но какое это имеет значение?

— Довольно большое. С одной стороны, это хорошо, что ты еще никуда не вступил. Теперь ты можешь вступить в такую, которая имеет больше влияния. С мелкими группировками лучше не связывайся, там ничего толкового не получится.

— На фронте мы были все равны...

— Фронтовое время прошло, а в политике нынче не сабля решает дела. Если б ты не скомпрометировал себя там, в Сибири, то по своему положению и заслугам мог бы получить первую категорию. Теперь тебе о ней и мечтать не приходится. Объекты наделов различны. Не всем воинам удастся получить центры имений, фруктовые сады и мельницы, кое-кому придется пойти и на раскорчевку. Вступи в Крестьянский союз* и в айзсарги. Если не сделаешь этого, может случиться, что и со своей первой категорией попадешь в кусты.

Карл покачал головой.

— Из меня айзсарг не получится. Если пролитая мною на фронте кровь ничего не значит...

Гоба усмехнулся.

— Многие центры имений получили люди, которые пороху и не нюхали. У них хорошо привешен язык, у них связи и громадные аппетиты, хотя они никогда не мокли в траншеях, не испытывали нужды и не рисковали жизнью. Некоторые из них даже приносили вред своему народу, наживались за счет его разорения, и единственная их заслуга в том, что они не в одиночестве стоят на политической арене. Невыгодно находиться в одиночестве, каким бы ты честным и хорошим ни был.

— Но если ты знаешь это...

— Мы все это знаем.

— А если вы это знаете, то почему допускаете подобные вещи? Ведь когда-нибудь история скажет свое слово и народ заклеймит презрением этих коммерсантов.

— Как тебе объяснить?.. Мы вынуждены допускать это. Фактическая власть, народное представительство, находится в руках партий. Ни одна отдельно взятая партия не сильна настолько, чтобы управлять страной так, как ей хотелось бы. Силы разделены, правителей много, и они не могут обойтись друг без друга, приходится ладить со всеми.

— Соглашение?

— Да. Приблизительно так. Все происходит на почве компромисса. Если кто-нибудь из наших хочет что-либо получить, за это мы должны дать другим что-то равноценное.

— Даже если им это не полагается?

— Такой вопрос просто неуместен.

— И чтобы решить какое-то небольшое дело, нужно идти на несправедливость?

— Этого требует компромисс.

— Гоба, тебе не кажется, что это... отвратительно?

Гоба пожал плечами:

— Надо привыкать, милый. На фронте мы привыкли ко вшам и запаху трупов.

— Но ведь теперь все это прошло. Люди не могут вечно ходить в грязном белье и переносить дурной запах. Как ты считаешь, неужели не проснется в народе чувство чистоплотности? Что, если ему в один прекрасный день опротивеет вся эта ложь, все наши компромиссы и он возьмет в руки дубинку?

— Тогда многие получат по шее.

— В том числе и ты?

— Весьма возможно.

— И все те, кто брал не полагающееся им?

Гоба молчал.

— Нет, друг, такими делами я не желаю себя марать, — продолжал Карл.

— Тогда мне трудно тебе помочь. Ты получишь кустарник и пни.

— Ну что ж! Если другие это могут, почему я не могу?

— Но у тебя уйдет полжизни, прежде чем ты вздохнешь полной грудью.

— Зато другая половина будет моей, и никто не посмеет указать пальцем на меня или моих детей: «Вон

один из *тех*!» У меня к тебе только одна просьба, и ты, вероятно, сумеешь ее выполнить.

— В зависимости от обстоятельств, дорогой Зитар.

— Я хотел просить вот о чем: если мне вообще что-нибудь дадут, то дайте землю в той местности, где я родился и вырос. Я слышал, что в нашей волости есть наделы. На своей стороне тяжелый труд будет легче.

— Может быть, устрою... — пообещал Гоба.

На этом их беседа кончилась.

Выполнив все формальности, Карл уехал в Курземе, чтобы разыскать Сармите.

2

Он нашел ее в одной из усадеб в окрестностях города Талсы. Немецкие войска, оставляя Курземе, не сожгли дом Валтеров и хлев — они были из камня. Зато клеть сгорела до основания. Но пока она им не была нужна: у хозяина усадьбы, старшего брата Сармите Жана, еще нечего было там хранить.

До войны Валтеры арендовали усадьбу у барона. Когда Жан вернулся из немецкого плена, ему отдали усадьбу как надел за погибшего брата Ансиса и как долголетнему арендатору. Хозяйство было небольшое — в общей сложности около сорока пурвиет, но Жану Валтеру стоило немалых трудов привести эти сорок пурвиет в порядок. Нужно было заново покрыть кровлей все постройки, подготовить сельскохозяйственный инвентарь и семена, вырастить скотину, а затянутые травой залежи превратить в поля и нивы. Жан Валтер вместе с женой кое-что уже сделали, но многое еще оставалось незавершенным.

Появление Карла здесь никого не удивило. Сармите ждала его всю зиму, а остальные знали, кем он был для нее. Догадываясь, что им нужно о многом поговорить без свидетелей, брат Сармите и ее невестка всю вторую половину дня работали во дворе.

Карл все время думал, что разговор будет очень коротким и простым, ведь для них все было ясно. Но оказалось, что это совсем не так легко. Вместо того чтобы рассказать Сармите, как он тосковал по ней, как спешил сюда и как рад, что они опять вместе, Карл долго,

пространно, с ненужными подробностями рассказывал о недавних переживаниях в тюрьме. А разве Сармите была лучше? Разве не прятала она сияющих глаз? Разве не мечтала хоть раз прижаться к своему другу? В будничный день она надела лучшее платье и, неизвестно почему смущаясь, самым подробным образом расспрашивала Карла о событиях минувшей зимы и рассказывала о том, что сама делала в это время. Благоразумный, обстоятельный разговор: всю зиму стоит очень хороший санный путь, у нас есть четыре поросенка... Позавчера брат вычистил дымоход...

Это могло продолжаться до вечера, но, к счастью, в конце концов они опомнились. Не для того ведь Карл приехал в Курземе и Сармите оторвалась от домашних дел, чтобы занимать друг друга подобными разговорами.

— Я был в Зитарах, — решительно начал Карл.

— Да? — голос Сармите сразу приобрел другой оттенок. — Как там теперь? Дом, вероятно, сгорел.

— Нет, он цел. Хозяином заделался Эрнест. Встретил меня, как цербер: «Никому здесь нет места». Без суда там ничего не получится, но, я думаю, не стоит начинать. Если даже получишь через суд свою часть усадьбы, что это будет за жизнь! Два кота в одном мешке.

— Это верно.

— Я теперь думаю о том, где бы обосноваться. Как будто есть возможность получить надел. Но если дадут где-нибудь участок с пнями...

— Разве в Сибири не было пней? А потом там жилось не так уж плохо.

— Конечно, со временем, когда разработаешь землю... Но это нелегкий труд. О себе я не беспокоюсь, вся жизнь еще впереди. Потерпел бы первое время, потрудился бы над землей. Но... — у него не хватило смелости сказать самое главное.

— В чем же ты сомневаешься? — спросила Сармите. Оба смотрели в разные стороны, и оба покраснели.

— Я один там ничего не сделаю... — с трудом выдавил Карл. — Одному нечего и начинать. Лучше уж наняться к какому-нибудь хозяину в батраки или работать в городе.

— Почему же тебе идти туда... одному?

— Я не знаю. Может быть, оно и не так. Но имею

ли я право приглашать с собой в такую жизнь другого человека? Что я могу ему обещать? У меня нет ничего. Впереди лишь тяжелый труд, а вначале, кроме того, и нужда. Помощи тоже не от кого ждать.

— Разве ты с кем-нибудь уже говорил?

— О помощи?

— Нет, о том... о чем ты сказал сейчас.

— Затем-то я и приехал сюда. Ты думаешь, я могу об этом еще с кем-нибудь, кроме тебя, говорить?

— Нет, не знаю. Но если ты думаешь, что я...

— Только тебя я и имею в виду.

— ...что я боюсь трудностей...

— Я этого не говорю.

— ...и что я думаю только о том, как бы легче и богаче...

— Разве я это сказал?

— ...тогда ты меня не знаешь.

Вот и все — чистый пустяк, одна мысль и несколько слов, но как трудно произнести их — с каким напряжением и натугой. После этого сразу легче стало. Опять можно было говорить друг другу милые, смешные слова, шутить над своей застенчивостью и сомнениями, ворковать о будущем.

— И ты будешь моей женой. Всю жизнь будем вместе.

— До самой смерти.

— И всегда будем верными, хорошими, хорошими друзьями?

— Попробуем, может быть, и получится.

— А если мы когда-нибудь поссоримся?

— Тогда мы больше не будем друзьями.

— Конечно, так и будет. Этого нельзя допускать. И почему ты мне так нравишься?

— Сама не знаю, что я в тебе нашла хорошего. Почему я должна любить именно тебя?

— Но подумать только: она последует за мной хоть в болото и никогда не уйдет. Жидкая путра* и соленая салака, хлеб с мякиной и картофель в мундире... Какими же станут эти пальчики через год, через несколько лет? Сармите...

Они шутили до тех пор, пока у обоих на глазах не показались слезы. Но они улыбались. Странные люди.

Так кончился второй разговор.

3

Сармите рассказала невестке о большой перемене в своей жизни, та, в свою очередь, передала эту новость мужу, и вечером они уже могли все вместе обсудить кое-какие важные вопросы.

— Когда вы собираетесь начать свою новую жизнь? — спросил Жан Валтер.

— Лучше всего нынешней весной, — ответил Карл. — Если только землеустроительная комиссия к тому времени отведет землю. Гоба, правда, обещал разрешить этот вопрос на первом же заседании.

— А вы оба подумали о своей дальнейшей жизни? — продолжал Жан. — Как вы будете жить первое лето? Где поселитесь, пока построите дом?

— Первое время придется идти на заработки и приютиться где-нибудь у соседей, — рассуждал Карл. — Все мелочи невозможно предусмотреть, потому что мы не знаем, где именно нас поселят. Если это будет в нашей местности, тогда это гораздо проще. Хотя на помощь родственников я не надеюсь.

— У вас обоих есть право на часть наследства...

— Пока я дождусь чего-нибудь от Эрнеста, я успею десять раз умереть голодной смертью.

Молодой Валтер некоторое время о чем-то размышлял, затем вопросительно взглянул на жену. Как бы догадываясь, о чем думал муж, она утвердительно кивнула головой, и Жан сказал:

— Если Сармите действительно собирается начать самостоятельную жизнь и покинуть нас, она имеет право кое-что взять с собой. В Валтерах двум семействам было бы тесно, тем более что оба семейства молодые и, надо думать, в будущем станут увеличиваться. Нам следует подумать и о дальнейшем. Так как остаюсь хозяином здесь я, то обязан выплатить Сармите часть ее наследства. Но пока я смогу выполнить свое обязательство, пройдет несколько лет. Нельзя ли нам сделать так: этой весной, если вас наделят землей, я дам вам одну рабочую лошадь, корову, семенной картофель и кое-что из инвентаря. Всего этого у меня, правда, нет, но я могу получить ссуду и выплату ее возьму на себя. Вам не придется об этом заботиться.

Вот какие у людей бывают братья!

— Конечно, это не будет значить, что Сармите уже получила все, что ей полагается. Но остальное мы уладим потом, по мере возможности. Что вы на это скажете?

Что тут оставалось говорить?

Так окончился третий разговор.

Теперь началось хождение по учреждениям. Прошло несколько недель, прежде чем Карл раздобыл нужные документы и справки. Наконец все оказалось в порядке. Очевидно, это дело было не настолько важным, чтобы вершителям его пришлось пойти на взаимные компромиссы: к весне Гоба сообщил старому боевому товарищу, что ему выделен участок в родной волости — тридцать шесть пурвиет земли. Он находится в шести километрах от усадьбы Зитаров, на Болотном острове. Там же выделен участок еще одному семейству, значит, они не будут одинокими на своей нови.

Карл сейчас же уехал на побережье осмотреть отведенную землю и сделать кое-какие первые шаги. Он оставался там до пасхи. В праздники, когда Эльза справляла на мельнице Кланьгиса шумную свадьбу, он возвратился к Сармите. Сразу же стали готовиться к отъезду. И за неделю до Юрьева дня они отправились в путь — в свое свадебное путешествие на Болотный остров. Все их имущество уложилось на один воз, и еще осталось место для поросенка и нескольких мешков картофеля.

4

— Сармите, садись теперь на воз, дальше дорога будет сырая... — сказал Карл, когда они доехали до ольшаника. Позади оставались холмистая равнина, поля, крестьянские усадьбы, темно-серые пашни, луга и пастбища. Сыростью и сумраком повеяло на них от кочковатого болота, покрытого лужами затхлой воды, затянутой красноватой ржавчиной; от густого кустарника и деревьев, березок со сгнившими макушками, почерневших гнилушек в воздухе стоял запах тления. Каркали вороны, носились сороки, из-за сухого ствола ели выглядывала черная птица с красной головкой — черный дятел. На болотном мху еще виднелась прошлогодняя клюква.

Местами телега погружалась в грязь по самую ступицу, тогда лошадь останавливалась; привязанная к телеге корова с мычаньем брела за подводой. Дорога действительно стала значительно сырее, и Сармите поступила благоразумно, взобравшись на воз.

— Нам еще далеко ехать? — спросила она, когда заросли закрыли край поляны.

— Совсем немного осталось, — откликнулся Карл, увязнув по колено в грязи. — Это зимняя дорога, поэтому здесь так плохо. По летней дороге надо делать большой крюк.

Он избрал плохую дорогу не из-за того, что она была ближе, ему просто не хотелось ехать мимо знакомых на побережье. Никто не должен видеть, с каким «богатством» они приехали на Болотный остров.

— Ну, Гнедко, нажми еще, скоро выберемся!

Высокие ели толпились вдоль края болота, кругом лежал мягкий мох, все окутывал сырой полумрак. А под мхом покоились стволы упавших деревьев, давно уже покрытые зеленым саваном. Лесное кладбище, призрачное и тихое. Теплый весенний ветер, сушивший открытые поля, здесь совсем не чувствовался.

— Видишь просвет впереди, Сармите?

— Да, там светит солнце.

— Сейчас мы будем дома.

Еще немного, и они добрались до Болотного острова. Дорога пошла в гору, стало суше, чаща поредела, и глазам приезжих открылась довольно большая поляна, окаймленная лесом и кустарником.

— Что там, за кустами, налево?

— Река, Сармите. А по берегу наши луга.

— А дальше, напротив?

— Полоса леса. За нею дом наших соседей.

— Но от нас его не видно.

— Теперь нет, но когда-нибудь увидим.

— Когда вырубим лес?

— Да, тогда будет видна вся поляна до большака.

— А что с другой стороны, где большие ели?

— Там лес.

— В нем никто не живет?

— Никто.

— И мы здесь будем одни среди леса?

— Разве ты не видишь дымок?

— За тем вон пригорком?

— Да. Там наш сосед по острову. Он поселился раньше нас.

Болотный остров представлял собой заброшенную лесную вырубку. Пни сгнили, старые корни истлели. На всей возвышенности, окаймленной болотом и рекой, почва была супесчаной.

На берегу острова с южной стороны — маленький дощатый сарайчик с окном и дверью, обращенными к дороге. Это было временное жилье, построенное этой весной Карлом. В одном конце сарайчика лежала груда досок и куча опилок.

Воз остановился у двери. Тихо, негостеприимно встречал Болотный остров своих завоевателей.

— Здесь будет наше первое картофельное поле, — указал Карл на менее заросший участок земли. — А там можно нынче посеять озимую рожь, — и он указал на другую полоску земли, где еще предстояло выкорчевать несколько пней. — Дом мы построим поближе к реке, на южном склоне; там будут хорошо расти фруктовые деревья и для пасеки неплохо. Но прежде всего нужно прокопать на лугу канавы, тогда уже в этом году у нас хватит сена для лошади и коровы.

— Если ты займешься рытьем канав, когда же вспашешь землю под картофель?

— Немного позднее. Ведь еще ранняя весна.

— А когда ты расчистишь поле под рожь?

— Осень еще далеко.

— А когда построишь жилье на зиму?

— В свободное время, Сармите.

— Ведь придется еще и на заработки ходить. Как же ты выкроишь время на заготовку бревен и постройку дома?

Куда ни посмотри — всюду полно работы. И вся она спешная, безотлагательная. Дни и ночи, месяцы и годы труда, речные воды, нетронутая целина и топкое болото — и всему этому противостоят только две пары человеческих рук. О человек, когда ты будешь спать, когда отдохнешь? Разве не пугает тебя это добровольное рабство?

Нет, эти люди ничего не боялись, с улыбкой смотрели они вперед. Шли навстречу суровой борьбе, стараясь не думать, как все это будет, — так было лучше, Если б

человек знал, какие страдания ожидают его завтра, послезавтра, у него не хватило бы мужества бороться.

Сарайчик был обит досками только снаружи — для лета хорошо. Если немного и будет продувать ветер, не беда — все-таки под крышей, в сухом месте. Но до осени необходимо обшить его досками изнутри, насыпав между ними опилки. Тогда тепла будет достаточно. Если еще оклеить старыми газетами, здесь станет даже уютно.

— Для лошади и коровы мы выроем землянку. Куры и поросенок могут находиться в сенях, надо только сделать перегородку.

В первый же вечер им хватило работы до глубокой темноты. Пока разместили пожитки, убрали скотину и сколотили нары для спанья, подошла ночь. Потом Сармите начистила картофеля и варила кашу, а Карл заготовлял дрова и носил воду. Родник находился далеко. Мокрые сучья не горели, и чугунная печурка немилосердно дымила. На ужин была каша без сала. Курземский хлеб, взятый в дорогу, заплесневел, зачерствел и крошился.

Таким был первый вечер на острове, и таких вечеров предстояло много-много. Темная лачуга и черствый хлеб, дым от очага и уйма несделанной работы. В щели свистел ветер. Озаренные лунным светом, стояли серые ряды пней, словно войско, окружающее завоевателей Болотного острова, а внизу, в трясине, мерцали блуждающие огоньки. Все ночи казались одинаковыми, а их будет сотни, тысячи. Днем иногда сияло солнце, но людям некогда было любоваться им. Они видели лишь землю и ходили по ней, опустив головы, словно сила земли притягивала их. Только когда темнело, они иногда выпрямляли спины. Позже они не в состоянии были сделать даже и этого.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

— Ложись! Встать! Бегом — марш! — раздавались на учебном поле голоса капралов и сержантов. От беспрерывного крика они почти совсем охрипли.

В полной боевой форме, с кирпичами в вещевых мешках, молодые солдаты маршировали сомкнутым строем, по команде ложились в пыль и грязь — кому где придется. Если капралу казалось, что отделение недостаточно четко выполнило его команду, он несколько минут подряд гонял его бегом вокруг учебного поля, заставлял маршировать на месте до тех пор, пока уставшие парни могли хотя бы еле-еле передвигать ноги.

Янка Зитар шагал рядом со своим старым сибирским другом Фрицем Силинем. Они начали военную службу в разных батальонах, но, когда через несколько недель отбирали курсантов для инструкторской* роты, оба попали туда и были назначены в один взвод и в одно отделение. Ни у того, ни у другого в полку не оказалось больше знакомых, и они держались друг друга. Фрицу довольно часто присылали из дому деньги и съестное. Янка редко получал письма; кроме Марты Ремесне, никто не писал. Изредка Миците приписывала в конце письма Марты несколько строк с шаблонным приветом.

Большинство капралов и сержантов были сверхсрочники, кулацкие сынки. Для них не существовало большего удовольствия, чем издеваться над подчиненными, гонять молодых солдат, всячески унижать их, придумывать какие-нибудь особые способы наказания. Так старались они привить подчиненным дисциплину и покорность. Молодые солдаты ругали их последними словами и мечтали о мести.

— Эх, встретить бы такого молодчика вечером в уголке потемней да надавать по зубам, чтобы всю жизнь помнил!.. — воскликнул Янка.

— И предупредить: если вздумаешь отыграться, в следующий раз сделаем из тебя покойника, — поддакнул Фриц Силинь. — Пусть не воображают, что они такие недосягаемые.

В тот же вечер они, оба товарища, стояли под ружьем: какой-то услужливый доносчик передал подслушанный разговор старшему сержанту. Это был хороший урок. Янка и Фриц никогда уже не выражали возмущения в присутствии других солдат. Янку не так угнетали физические трудности военной службы — он был достаточно сильным, чтобы справиться с самыми трудными испытаниями, — как бесконечные моральные унижения. Начальство на каждом шагу старалось подчеркнуть, что

солдат — бесправное существо, червь, которого можно раздавить, вещь, с которой можно сделать все, что захочешь. Командир взвода, старший лейтенант Силис, всегда носил с собой гибкий стек. Поучая солдата, как правильно делать тот или иной прием, он пускал в ход стек; бил провинившегося и по рукам, и по ногам, а нередко стек оставлял темно-красный рубец на лице или на шее. Один из сержантов обычно ставил весь взвод в положение так называемого «французского шага» и до тех пор держал так солдат, пока некоторые парни, не выдержав, не падали на землю; после этого он собирал всех слабых в отдельную группу и минут пять заставлял их ложиться и вставать.

Здесь это называлось военным воспитанием.

— Изучайте и запоминайте все, что мы с вами делаем, — говорили инструкторы курсантам. — В этом году мы дерем с вас шкуру, для того чтобы в будущем году вы умели драть ее с тех, кого будете обучать. Без пота не усвоишь ни одного дела. А те, кто хочет остаться на сверхсрочной, должны это дело знать как свои пять пальцев.

Унижая и истязая солдат, начальство старалось привить им жестокость. Так иногда дрессировщик поступает с молодой собакой, которую выращивают для особого назначения.

Янка, стиснув зубы, думал: «Нет, из меня сверхсрочника не выйдет — на эту собачью должность можете поискать кого-нибудь другого».

Одно было неоспоримо: здесь он хорошо закалился, но в то же время загорелся неугасимой ненавистью ко всем командирам — высшим и низшим. А ведь военные сановники Латвии воображали, что они воспитывают защитников своего государства.

2

На пасху некоторых новобранцев отпустили домой. Янка тоже мог получить увольнение, тем более что за неделю до праздника Эльза прислала ему свадебную карточку, отпечатанную золотыми буквами. Но он не взял увольнения, оставив его до троицы: в эти дни его будут ждать в Ниедрах, — именно так было условлено при расставании. Что значила свадьба Эльзы с каким-то

Кланьгисом по сравнению с возможностью увидеть Лауру и несколько дней пробыть с ней вместе. Янка охотно подождет два месяца. Он нисколько не завидовал тем счастливцам, которые накануне пасхи уехали домой.

В пасхальные дни Янка зубрил устав и учился собирать винтовку. Все время, оставшееся до троицы, он был старателен, ни разу не получил наряда. И тем не менее мечты парня об отпуске не осуществились.

Все получилось очень плохо. Янка долго потом сердился на себя, а еще больше на сына прасола из Малиены — толстого тупицу Адату. Один вид Адаты внушал отвращение. У двадцатилетнего парня была порядочная плешь на голове и две пряди седых волос — одна на левом виске, другая на затылке. Он напоминал озябшую курицу в период линьки. Нос Адаты всегда был красным и мокрым, рот — вечно открыт. Он ни с кем не дружил, из-за малейшего пустяка бежал жаловаться офицерам, а непосредственное начальство задабривал папиросами и деньгами, которыми состоятельный отец снабжал отпрыска в достаточном количестве. Адата делал вид, что не замечает презрения товарищей, пролезал в их кружок, подслушивал, а потом бежал доносить офицерам и инструкторам. С первого дня Янке был противен этот человек — он никогда не умывался рядом с ним. Эта антипатия, превозмочь которую Янка был не в силах, привела в конце концов к столкновению.

Произошло это за два дня до троицы. Янка уже обратился к непосредственному начальнику с просьбой об увольнении и получил согласие. Оставалось подождать, пока выпишут документы. Парни начищали пуговицы мундиров, утюжили брюки и наводили блеск на сапоги, чтобы при осмотре перед увольнением выглядеть браво. Один из товарищей обещал Янке сапоги, Фриц Силинь — кожаный ремень. Все шло хорошо и гладко. Наступил обеденный перерыв. Товарищи Янки играли во дворе в футбол, а он один сидел в комнате и пришивал к френчу новые знаки различия и трафареты. Вдруг откуда ни возьмись вбежал Адата.

— Где старший сержант?

— Не знаю. Спроси у дежурного, — неохотно ответил Янка.

— Ах, ты не хочешь сказать? — сын прасола подскочил к Янке и, озорничая, провел ладонью по его лицу,

схватил за нос и подергал: — Где старший сержант, я спрашиваю. Не скажешь? Не скажешь? Не скажешь? Не...

От прикосновения этой липкой, неопрятной руки Янке стало нехорошо. Он вскочил и дал Адате такую оплеуху, что тот растянулся на полу:

— Вот тебе старший сержант!

Или удар оказался слишком сильным, или Адата, падая, ударился носом об пол, но у него из обеих ноздрей пошла кровь. Поднявшись на ноги, он поносил Янку и грозил ему старшим сержантом.

— Вот я пожалуюсь, и ты будешь подпирать винтовку.

— Вон из комнаты, грязная скотина! — крикнул Янка.

— Кому ты приказываешь, чучело! — кричал Адата. — Пошел ты в конце концов к... Свинячья шляпа! Сопляк!

Вторая оплеуха была еще основательнее, и Адата отлетел к печке. Над правым глазом у него быстро вспух большой синяк. Третьей атаки Янки он не стал дожидаться. Пестрый, как синица, он выбежал в коридор и закричал:

— Помогите! Помогите! Где старший сержант! Зитар меня избил!

Немного погодя Янку вызвали к старшему сержанту.

— Почему поколотил Адату?

— Потому что он меня задевал, господин сержант.

— Чем он тебя задевал?

— Словами и рукой, господин сержант.

— Что он сделал?

— Ладонью провел по моему лицу и дергал за нос.

— Ну и что в этом особенного? Тебе ведь не было больно.

— Не больно, а противно, господин старший сержант. У него неопрятные руки. Когда он ими прикасается, от них дурно пахнет.

— На час под ружье!

— Мне или Адате, господин старший сержант?

— Еще на час за рассуждения!

— Благодарю, господин старший сержант.

— Третий час за вызывающее поведение!

— Понятно, господин старший сержант. Разрешите обратиться к командиру роты?

Старший сержант злобно взглянул на Янку.

— Я сам буду говорить с командиром роты. Если он разрешит, тогда обратишься к нему. Можешь идти. Доложи дежурному. Первый час отстоишь сегодня, после строевых занятий.

Вечером Янка «сушил штык» у дверей казармы. Он был не единственным, поэтому стоял под винтовкой без особого труда. Куда тяжелее было переносить усмешки и замечания Адаты. Облепленный пластырями, он намеренно проходил мимо строя наказанных и дразнил Янку:

— Ну что, получил? Подпирай теперь, пока подошвы

не загорятся. Смотрите, как браво стоит наш Зитар. Важным каким стал, ни с кем не разговаривает.

Похоже было, будто злой прохожий дразнит цепную собаку. Янка крепче стиснул зубы и старался думать о том, как безобразно оттягивает плечи тяжелый вещевой мешок. Но отпрыск прасола продолжал издеваться, пока этого не заметил старший сержант.

— Ты что здесь слоняешься? — крикнул он из окна.

— Просто так, господин старший сержант, — испуганно ответил Адата. — Все сделано, а в казарме скучно.

— Ах вот как, ты мучаешься от скуки? — усмехнулся командир. — Надень боевую форму, возьми винтовку и становись рядом с Зитаром. Будет веселее.

О, какой рев раздался в роте! И как вытянулось у Адаты лицо, когда его поставили под ружье рядом с другими! Они стояли уже давно, и их отпустили раньше, а он один, точно деревянный идол, еще стоял там. В его адрес летели далеко не лестные замечания товарищей.

На следующий вечер роту выстроили перед казармой. Ротный командир принес увольнительные и приступил к осмотру увольняемых.

— Те, кто собирается в увольнение, — три шага вперед! — раздалась команда.

Шестнадцать парней — из каждого взвода по четыре — вышли из строя и встали в отдельный ряд. И Янка тоже. Сапоги у всех блестели как вороново крыло, пуговицы сияли, а ремни были затянуты так туго, что дыхание захватывало. Взволнованно бились сердца молодых солдат: если все пройдет благополучно, сегодня вечером они уедут. Ротный командир, сопровождаемый старшим сержантом, обходил строй, осматривал каждого и проверял, знает ли тот, как держаться вне казармы. Но недаром они всю неделю готовились к этой минуте. Все прошло гладко. Наконец капитан вынул из кармана увольнительные и стал по одному вызывать солдат к себе. Вызванный должен был по всем правилам устава подойти к командиру роты, отсалютовать, взять свидетельство, поблагодарить и вернуться в строй.

Про вчерашнюю стычку с Адатой никто не вспоминал, и Янка уже думал, что командир роты еще ничего не знает. Его вызвали последним. Уже это одно доказывало, что предстоит особый разговор.

— Рядовой Зитар из первого взвода! — вызвал

капитан. Но он не добавил: «Получите увольнительное свидетельство». Нет, он прежде всего внимательно осмотрел Янку, затем, подумав немного, взглянул на свидетельство и опять на Янку. — Вы вчера дрались с Адатой?

— Так точно, дрался, господин капитан! — покраснев, ответил Янка.

— Вам тоже выписано увольнительное свидетельство, но его придется разорвать. Старший сержант, отметьте: рядовой Зитар на пять суток без увольнения, начиная с завтрашнего дня, за то, что он в помещении роты затеял драку. Вы, Зитар, будете сидеть все праздники в роте и хорошенько уясните себе, что разрешено и что запрещено солдату.

Все пропало. Огорченный и взволнованный Янка вернулся в строй. Он не знал, на кого сердиться за эту неудачу: на Адату, на старшего сержанта или на командира роты. Больше всего он досадовал на самого себя: не умел сдержаться, все испортил. Пробудилось отчаянное упрямство: нет справедливости на свете, не буду дальше учиться — пусть выгоняют из инструкторской роты. Уеду без разрешения.

Но у ротного командира было еще что-то на уме. С хмурой усмешкой прохаживался он перед строем, продолжая держать в руке увольнительное свидетельство Янки.

— По нашей роте было намечено к увольнению шестнадцать человек, — наконец сказал он. — В связи с тем, что Зитар не едет, одно место остается свободным.

У всех загорелись глаза: еще один человек мог уехать домой. Адата тоже заволновался: может быть, я? Он сегодня был так популярен, из-за него наказали драчуна. Кажется, капитан имеет в виду его, вон как приветливо и поощряюще смотрит он в его сторону.

— Адата! — действительно позвал капитан.

Он вышел из строя:

— Да, господин капитан!

«Неужели командир роты в самом деле отдаст мое свидетельство этому скоту?» — думал Янка. Все можно было стерпеть, только не такой явный вызов. В груди Янки закипал бурный протест, ему хотелось кричать.

— Ну, рядовой Адата, — произнес капитан, — может быть, вы хотите отправиться?

— Так точно, хочу, господин капитан! — обрадованный солдат вытянулся в струнку.

По строю тихо пробежал ропот удивления.

— Хорошо, Адата, вы можете поехать сегодня вечером.

— Спасибо, господин капитан! — крикнул Адата так громко, словно его резали.

И это унижение Янке пришлось перенести молча.

...Все праздники Янка провел в казарме. Он ни с кем не разговаривал, не изучал устав и ничем не интересовался. Кроме того, он твердо решил больше никогда не ходить в увольнение, даже если ему это будут предлагать. Со временем самая большая горечь этого дня прошла, но совершенно забыть об этом он никогда не мог. Никто не знал, как много потерял он, когда командир роты разорвал его увольнительное свидетельство. Сам он узнал об этом довольно скоро — сразу же после Иванова дня.

3

Марта Ремесис прислала Янке странное письмо.

«Милый друг Ян Зитар! — писала она. — Сегодня я пишу тебе в последний раз. Ты меня очень огорчил. Чем — ты сам должен знать. Но чтобы все было ясно, я тебе скажу. У нас сейчас конфирмовали юношей и девушек, в том числе и меня. Я тебе об этом еще раньше писала и просила, чтобы ты приехал на конфирмацию.* Было много гостей, и я получила целую гору цветов. Не было только тебя. Я знаю — ты мог бы приехать и не приехал. Почему? Только потому, что тебе безразлично, что здесь происходит и что делаю я. А если это так, нам нет смысла затруднять друг друга письмами. У меня сейчас каникулы, и я нахожусь дома. Здесь много дачников, и о скуке говорить не приходится. Думаю, что и у тебя нет недостатка в развлечениях, иначе ты приехал бы когда-нибудь навестить меня. Твоя сестра, теперешняя госпожа Кланьгис, интересовалась тобой и взяла адрес. Вероятно, ей можно было его дать? На этом кончаю. Ответа не жду.

Марта».

— Интересные дела! — подосадовал Янка. — Оправдывайся теперь в несовершенных проступках. Она лучше меня знает, что я могу и чего не могу.

Он решил не отвечать Марте. Заносчивая, капризная девчонка!.. Но я тоже не шут какой-нибудь. Я никогда не стану навязываться.

Вскоре после этого он получил первое письмо Эльзы.

«Здравствуй, брат! В первых строках моего письма хочу сообщить тебе, что я жива и здорова, чего и тебе от всего сердца желаю. Я живу хорошо, нахожусь в Кланьгях и стала их хозяйкой. Что ты поделываешь и как проходит твоя военная служба? Не нужны ли тебе деньги? У нас, правда, большие расходы, перестраиваем квартиру и собираемся покупать новую мебель, но, если тебе не хватает казенного пайка, напиши. Ты, наверное, знаешь, что Карл женился (на той самой Сармите) и теперь на Болотном острове заводит хозяйство. Им живется довольно туго. Но что поделаешь, я тоже не могу всем помогать. И Карл всегда был таким гордым. Он не умеет просить, а ведь мой муж мог бы одолжить ему немного денег. Будь здоров и пиши.

Твоя сестра *Эльза*».

Она даже забыла вложить марку для ответа.

С жестоким наслаждением написал Янка ответ.

«Здравствуй, сестра! Твое письмо получил. Благодарю за то, что поинтересовалась мною, и за предложенную помощь. Я полагаю, что если у вас в Кланьгях такие большие расходы, то не следует затруднять себя лишними тратами. Мне тоже живется довольно хорошо. Нахожусь на хорошей должности, на всем готовом и получаю сравнительно неплохое жалованье — шесть латов в месяц. К осени предвидится повышение по службе, тогда жалованье будет еще больше. К казенным щам и черному хлебу привык. В первые месяцы было тяжелей и лишняя копейка пригодилась бы на почтовую бумагу, марки и ваксу; кроме того, мне очень хотелось купить новый ремень (стоит шесть латов), но потом посчастливилось купить подержанный, так что теперь у меня есть чем подпоясаться. В долги залезать не желаю. Если есть пища, что еще человеку надо? По праздникам нам дают белый хлеб, а по воскресеньям клецки и рисовую кашу. Если б ты знала, какая она вкусная! Я прибавил в весе и живу в казарме, как кот. Здесь много молодых ребят. Мы, правда, пока не поручики и не капитаны, но нам еще не так много лет, как некоторым владельцам мельниц. Вечером, когда кончается ученье, мы пьем кофе и макаем черный хлеб в сахарный песок, это так же вкусно, как пирожное. Иногда мы напеваем песенку:

О Изабелла, звезда моих очей!

Из всего этого, дорогая сестра, тебе должно быть ясно, что нужды мы не испытываем и лишние деньги только развратили бы нас. Ты поступила правильно, что не послала сюда невесть чего, а сначала осведомилась. И самая большая тебе благодарность за то, что ты этого не сделала раньше, пока я еще не привык к здешним условиям и не закалился от всяких соблазнов.

С сердечным приветом ко всем вам — твой брат *Ян*».

Все более одиноким и свободным становился Янка. Вольно и невольно разрушал он один за другим все мосты, соединявшие его с прошлым; все лицемерные отношения, навязанные семьей и обществом, исчезли, как тающий снег. Теперь он принадлежал только себе — себе и сегодняшнему дню.

На Иванов день поехал в отпуск Фриц Силинь. Янка в тот день добровольно изъявил согласие быть дежурным по кухне. Он досыта наелся гущи от супа и вечером, после дежурства, получил еще с собой в казарму полный котелок каши. Это было настоящее блаженство. В таком состоянии можно даже сочинять стихи, и Янка чуть не поддался прежней слабости. К счастью, остальные парни раздобыли где-то гири и устроили состязания. Это дело было знакомо и Янке. Выжать одной рукой сто двадцать или сто пятьдесят фунтов — ничего не составляет, но если другие этого не могут, то это называется рекордом. Когда надоело возиться с гирями, они вынесли во двор гимнастическую кобылу и стали прыгать через нее. Стемнело. Возле казарм прохаживались гарнизонные красотки — пожилые, беззубые, густо нарумяненные дамы.

— Хи-хи-хи! Молодой человек, пойдемте погуляем по берегу озера. У вас есть деньги?

Кое-кто откликнулся на приглашение. Другие с отвращением отвернулись. Устав от гимнастических

занятий, Янка лег на кровать и сразу уснул как убитый. И так было лучше — не приходилось думать.

Фриц Силинь приехал из отпуска с мешком еды и массой новостей. Вечером он пригласил Янку полакомиться. Уничтожая пирожки с мясом и подслащивая жизнь вишневым вареньем, они обсуждали все, что случилось нового. Отец Фрица получил место лесника и жил хорошо. Остальные сибиряки устроились кто на селе, кто в городе. Бренгулис купил большой дом где-то около Цесиса и занялся скотоводством, а Рейниса Сакнитиса Фриц встретил в Риге на улице. Он признан негодным к военной службе и работает у Блукиса мясником. Блукис усиленно скупает скот, и у него колбасная мастерская, лавка на улице Бривибас и два ларька на рынке.

— Мне хотелось повидать самого Блукиса, — рассказывал Фриц. — но он на Иванов день уехал на свадьбу. И знаешь, к кому?

— Наверно, к кому-нибудь из сибиряков?

— Совершенно верно. К Ниедрам. Ты же был с ними хорошо знаком.

Кусок пирожка застрял в горле у Янки. Он не смог проглотить его.

— Значит, к Ниедрам, — тихо пробормотал он, стараясь, насколько возможно, сохранить хладнокровие, но сердце колотилось в груди как безумное. — Чья же там свадьба? Наверно, Эдгара.

— Нет, одной из дочерей. Кажется, младшей, ее звали Лаурой. Ты ведь с одной из них встречался. Не та ли самая?

— Нет, это другая... — принужденно улыбнулся Янка.

— Я так и думал, — засмеялся Фриц. — Иначе ты так спокойно не сидел бы. Ну, чего смотришь? Ешь пироги, пока не зачерствели.

— Спасибо, я уже наелся как следует. Нехорошо много есть на ночь.

Как умеренно ни ел Янка, в ту ночь он все равно не мог уснуть. Сообщение Фрица ошарашило его, как удар дубиной: мозг горел, каждый нерв трепетал; десятки раз Янка сбрасывал одеяло и каждые полчаса бегал пить. Он испытывал невыносимую жажду, губы сохли и покрывались белым налетом. И в тупой растерянности

он только и мог вновь и вновь без конца повторять один и тот же вопрос: «Почему? Возможно ли это?»

Последний мост, связывавший его с прошлым, рухнул, все погибло и уничтожено. Скитайся по жизни, блуждай, словно в тумане, ибо у тебя не осталось мечты, не о чем больше грезить, нет ни одной иллюзии, за которой можно следовать. Наконец-то он достиг высшей ступени свободы, стал совершенно одиноким. Но он уже не радовался этому. Нет, Янке казалось, что он высмеян, обманут и одурачен; оплевана его мечта, прекрасная и возвышенная. Почему?

«Мог бы я что-нибудь изменить, если бы приехал к Ниедрам на троицу? Может быть, и тогда уже было поздно?»

Несколько дней Янка жил, как во сне; не мог уяснить самых простых вещей ни в классе, ни в строю, пока не утихла острая боль. На смену ей пришла глубокая апатия. Это не значило, что он смирился, — он только не думал больше об этом... Но окончательно точка не была поставлена.

Неделей позже Янка получил письмо от Эльзы и немного денег. Он прочитал только подпись, сразу же вложил письмо и деньги в другой конверт и отправил обратно.

После этого ему никто больше не писал. Так он прослужил весь срок военной службы, ни разу не взяв увольнения. Когда товарищи спрашивали его, почему он так поступает, Янка только пожимал плечами:

— Мне не к кому ехать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Летом на Болотный остров не забредет ни один человек. Здесь постороннему делать нечего. И никого не занимает, что происходит тут, за трясиной. Иногда соседи, живущие на краю низменности, замечают струйки дыма, изредка до них доносится шум падающего дерева и монотонный стук топора. Он похож на постукивание усердного дятла и слышится то рано утром, то вечером и в лунные ночи, когда во всех домах люди уже давно

улеглись спать. В остальном эти там, за трясиной, спокойные люди. Петь они не умеют, никогда не слышно, чтобы они перекликались между собой; даже в самую тихую погоду нельзя расслышать ни одного доносящегося оттуда слова. Когда на этой стороне замычит корова, случается, что с острова ей ответит жалобное мычанье одинокой скотины. Видимо, там есть также два петуха и несколько кур; иногда оттуда доносится лай щенка.

Каждое утро из-за болота приходит молодой мужчина. Днем он работает в большой усадьбе, пашет чужую землю, возит удобрение на поля, копает канавы и чинит дороги. За это его кормят, дают немного денег, — здесь он батрак. А вечером он возвращается на свой остров, корчует пни, очищает землю от корней и тяжелой мотыгой рыхлит дерн.Работу, которую он здесь выполняет, он крадет у дня, и за нее ему никто ничего не платит, потому что здесь он хозяин. Когда он спит, когда отдыхает и как ему не надоедает батрачить? Спросите об этом у луны, у полуночной тьмы и у маленькой женщины: она единственная видит его безумный труд. Не думает ли он, что под пнями и трухлявыми корнями схоронен клад? Может быть, поверив какому-нибудь старинному сказанию, он принял болотные огоньки за алмазные зерна? Вскопав маленький клочок земли, он сажает туда картофель и говорит жене:

— Наше поле...

Потом у них появляется несколько таких кусочков земли, гряды, борозды, посевы. Через некоторое время, после теплого дождя, там пробивается зеленая ботва, сморщенная, как лицо старика.

— Смотри, как растет... — говорит человек. — Хорошая земля...

Он немного фантазер, как и его жена. Разве иначе они поселились бы здесь. Они на все смотрят сквозь увеличительное стекло: где одна борозда, там они видят сотни, и вскопанная маленькая грядка кажется им целым полем. Когда-нибудь ведь так и будет... Может быть... а может быть, и нет. Жители Болотного острова питаются черным хлебом и надеждами. К осени у них вырастет боровок, будет мясо и картофель. Одна корова у них уже есть, а если Буренка принесет телочку, тогда они станут ее растить. И через несколько лет у них будет две коровы. Они даже станут масло сбивать...

— Все было бы хорошо, если бы тебе не нужно было ходить на заработки, — сказала Сармите.

— А на что бы мы жили тогда? — спросил Карл.

— Подумай только, если бы ты весь день работал на себя. Сколько мы сделали бы тогда до осени! Два, три года — и мы самостоятельные люди.

— Будущим летом уже не придется ходить на заработки.

— А дом, хлев? Где ты возьмешь на них деньги?

— Ну, так на третий год заживем свободнее.

— Нам понадобятся семена и инвентарь. Всю жизнь в этой одежде тоже не проходишь. У тебя и сейчас не в чем на люди показаться...

— Прибавим тогда еще один год.

Но чем больше они об этом говорили, тем запутаннее становились сроки и свободная жизнь отодвигалась на неопределенное будущее. Лучше не думать об этом.

В северной стороне Болотного острова, за холмом, жила семья другого новосела — Дандены. Муж был инвалидом войны и получал пенсию — у него не сгибалась левая рука.

— Счастливый человек, — сказала Сармите. — Он по крайней мере волен распоряжаться собой.

— Я бы сказал: несчастный человек, — возразил Карл. — На что он способен с одной рукой? Скажи, что они сделали за эту весну? У кого больше сделано — у Данденов или у нас?

— Разве тебе это легко далось?

— Все же легче, чем Дандену. Где я стукну раз топором, он должен долбить пять, шесть раз. Он целый день бьется над одним пнем, а я его выкорчевываю за полчаса. У нас уже выкопаны две основные канавы, и земля на лугу не зыблется, когда ходишь по ней. А что Данден выкопал?

— Зато ты и работал четыре воскресенья.

— Буду работать еще сорок и, если нужно будет, сорок четыре, зато и результаты будут видны. Одна рука заменяет целого человека.

В особенности, если это могучая, мускулистая рука Карла Зитара. Вот где наконец пригодилась его сила. Никогда прежде не ощущал он так свое преимущество, как теперь. Что для другого было огромнейшим трудом,

он проделывал шутя. Проработать полный рабочий день у Пурвмалов и после этого до самой темноты на своей земле для него не составляло особого труда. Он удивлялся, что другие видели в этом что-то особенное. Когда же и работать человеку, если не сейчас, имея силу и желание чего-то достигнуть? Земля на острове не такая уж трудная, она только немного хуже залежных полей. Подождите лет пять-шесть (даже все десять), и пусть тогда попробует сравниться с ним Эрнест со своими Зитарами. Если б только не постройка да выдержала бы Сармите...

Мотыга и лопата всегда блестели у него. Утром в воскресенье Карл точил топор. Только к осени он стал опять читать газеты.

В Пурвмалах — в большом доме на низменности, где работал Карл, — не было хозяина. Там вела хозяйство молодая Пурвмалиене. Ей было немного за тридцать, и она уже четвертый год вдовела. В этой местности молодые девушки выходили за людей значительно старше себя. Мужья скорее годились им в отцы или деды. Парни тоже были настолько умны, что не женились на равных им по возрасту (что у таких за душой!), а брали в жены перезрелых и зажиточных старых дев. И человек сразу становился на ноги. А через несколько лет он хоронил жену, — старость недолго уживается рядом с молодостью.

Пурвмалиене пришла сюда из батрацкого дома. Муж был на сорок лет старше ее, с очень больным сердцем. Лет через пять он умер — не слишком рано и не поздно, именно так поступали все разумные люди. У них не было детей, как и у других подобных им супружеских пар. Молодую хозяйку сватали какие-то пожилые ремесленники и даже учитель, вышедший на пенсию, но она сказала:

— Мне и так неплохо, — ее уже не заботила нужда, а делить состояние с каким-нибудь пылким голодранцем было еще рано.

Во время войны в Пурвмалах останавливались военные. Затем расположились немецкие кавалеристы. Это было яркое, незабываемое время.

Хуже стало, когда войны затихли и военные рассеялись по свету. В Пурвмалах не хватало мужских рабочих рук. Старый Микелис, проживший здесь весь батрацкий век, был уже слаб, а парни, возвращавшиеся из армии, предпочитали селиться на побережье или хозяйничать, а не батрачить на краю болота. Но вот на Болотном острове появились новоселы — голытьба. Сухорукий Данден гордился пенсией, да он ни на что и не годен. А второму нечем гордиться; он счастлив, если сможет что-нибудь заработать. Так хозяйка Пурвмалов получила хорошего работника, а значительная часть залежных полей в ту весну опять увидела плуг. Луга тоже перестали сдавать исполу лачужникам. Теперь в Пурвмалах можно было держать больше скота. За несколько месяцев старая усадьба приобрела совсем иной вид. Были вычищены заросшие канавы, починены изгороди загона, появились новые мостики, а в дождливую погоду скот не вяз в топкой грязи у входа в хлев; этот угол засыпали свежим гравием.

Пурвмалиене умела быть благодарной. Может, старый Микелис думал, что эта благодарность полагается ему? Значит, он ошибался. Хозяйка знала, кого нужно благодарить за чистоту и порядок. Но она делала это так, чтобы не знали другие и не зародилась ненужная зависть. В субботние вечера и в дни, когда сбивали масло, она всегда откладывала в сторону лепешку или бурачок с маслом, и, когда Карл уходил домой, хозяйка провожала его, чтобы поговорить о работе на завтра. Зайдя за угол, где их нельзя было увидеть из дома, она вынимала из-под фартука спрятанный бурачок или лепешку и отдавала Карлу.

Такие гостинцы она посылала часто, это как бы входило в жалованье Карла. Если он пробовал возражать, Пурвмалиене только рукой отмахивалась:

— Вы мне отработаете. Разве здесь мало дела?

И сама спешила удалиться, словно стыдясь сделанного.

Как не взять, когда человек дает от всего сердца, а дома каждый кусочек приварка на вес золота. Так началось и так продолжалось — затянувшиеся дела трудно исправлять. А хозяйке только немного за тридцать, и она совсем недурна. Старый Пурвмал, этот нюхатель табака и ворчун, понятно, не оставил о себе никаких приятных воспоминаний, но позднее, когда в доме жили офицеры, Пурвмалиене усвоила некоторые полезные привычки. Она никогда не появлялась непричесанной и

каждый вечер мыла лицо, иногда даже и шею. Ее нельзя было увидеть с забрызганными грязью ногами или в испачканной навозной жижей юбке. Она всегда выглядела чистой, свежей и подтянутой. Даже небольшая полнота не портила ее. Русые волосы живо обрамляли простой овал ее лица. Приятная женщина, трезвая, наделенная достаточной для ее положения житейской мудростью.

Кроме старого Микелиса, в Пурвмалах был еще пастух, мальчик лет шестнадцати — его звали Гарис — и работница Леонтина. Вот и вся прислуга. Во время сенокоса и других спешных работ нанимали поденных рабочих. Одно было отлично в Пурвмалах — здесь хорошо кормили; хозяйка сама ведала кухней. И казалось лишь немного странным, что полдник работникам носила не Леонтина, а сама хозяйка, и слишком часто случалось так, что новосел с Болотного острова оказывался в поле один, тогда как остальные были заняты работой вблизи дома. Поставив еду, хозяйка усаживалась где-нибудь поблизости и ждала, пока Карл поест. Каждый раз ей казалось, что он слишком мало ест.

— Ну что это для такого крепкого мужчины. Не дотянете до ужина. Доедайте все, чтобы мне не нести назад.

Иногда она сидела так довольно долго, беседуя о хозяйственных делах и рассказывая о том, как здесь было прежде. Потом, словно вдруг опомнившись, вскакивала, и, покраснев, говорила:

— Как я сегодня заболталась. Люди бог знает что подумают... — и удалялась со смущенной улыбкой.

Карлу никогда не приходило в голову спросить у нее, что же именно люди могут подумать. Сам он ни о чем не думал — здесь была работа, деловой разговор и хорошее питание. Но хозяйке, вероятно, хотелось, чтобы он начал думать и наконец понял, как это подозрительно, что они так долго болтают вдвоем в уединенном месте. Он не отличался особой сообразительностью, поэтому ей пришлось высказаться более определенно.

— Вы еще ничего не слыхали? — спросила как-то хозяйка.

В тот день Карл чинил крышу стога на лугу у реки, и они сидели в тени за кустами.

— О чем именно? — спросил Карл.

— Кое-кто о нас сплетни распускает.

— Вот как?

— Рта, конечно, никому не заткнешь, но все же неприятно.

— Что же они говорят?

— Неудобно даже повторять, — покраснев, хозяйка смотрела в сторону. — Они говорят, что вы живете со мной.

— Богатая фантазия у людей. Кто же этот умник, что выдумал такое? Хотелось бы с ним поговорить с глазу на глаз.

— Только не делайте этого. С женщинами лучше не связываться. Я не хочу называть ее имени, — здесь же, недалеко живет.

— Да, это весьма неприятно. Видно, придется мне не работать в Пурвмалах.

— Почему же? — испугалась хозяйка. Этот человек опять не понял ничего и своей несообразительностью мог все испортить.

— Но ведь вам неприятно слушать сплетни.

Сплетни... Как ему объяснить, что никаких сплетен нет, что все придумано ею, чтобы направить его мысли в нужную сторону.

— Вы думаете, что этим вы поможете? — вздохнула она. — Все равно будут говорить. Но уж если говорят, то... Самое обидное, что приходится все это выслушивать напрасно.

— Да, — сказал Карл.

— Как ты ни живи, все равно говорить будут.

— Это верно.

— Тогда уж лучше, чтобы ты знал, за что тебе приходится выслушивать. Хуже не будет.

Он ничего не ответил. Немного спустя она спросила:

— Разве не так?

— Что? — он взглянул на нее.

— Лучше терпеть виновному, чем без вины.

Карл, не ответив, взял топор, начал затесывать конец шеста. Крышу стога надо было закончить к вечеру. Обернувшись через некоторое время, он увидел, что хозяйка еще не ушла. Видимо, она не могла успокоиться насчет сплетен. Тогда он заговорил:

— Мы на Болотном острове к осени кое-кого ожидаем. Как вы думаете, кто это будет: мальчик или девочка?

— Пригласите меня в крестные, если я отгадаю? — улыбнулась хозяйка. Она сложила в корзинку посуду и собралась уходить.

— Хорошо, пригласим.

— Ну, тогда пусть лучше будет сын. Новому хозяину нужен помощник.

Домой она не пошла, а по краю поля отправилась посмотреть, что делают другие работники. Леонтина в огороде полола свеклу. Старый Микелис приводил в порядок зароды на клеверном поле. У болота покрикивал на скотину пастух. Солнце еще сильно припекало, волновалось почти уже спелое поле ржи. Из сухого болота доносился опьяняющий запах багульника. Хозяйка свернула в сторону кочкарника, чтобы посмотреть на стадо.

— Коровы еще не начали бегать? — спросила она Гариса.

— Нет, пока ничего, — ответил пастух. — Только овцы так и ломятся к полю с викой.

Хозяйка постояла, осматривая стадо.

— Где же Магоне?

— Наверное, в кустах. Я посмотрю.

Гарис нехотя отправился на край болота. Хозяйка пошла за ним. На кочке, свернувшись, лежала гадюка.

— Иди убей змею! — испуганно закричала Пурвмалиене.

Она не пошла дальше, а дождалась, пока Гарис нашел палку. Но парнишка, видимо, побаивался гадюки и выбрал слишком длинную палку. Он ударил и не попал — гадюка исчезла в зарослях.

— Ни на что ты не годен, — презрительно проговорила хозяйка и удалилась. Нагретый воздух струился и переливался, точно муаровая лента. Всюду летали паутинки. «Если не будет дождя, трава выгорит...» — думала хозяйка. Вернувшись домой, она долго смотрелась в зеркало на комоде, затем достала ножницы и отрезала у своей блузки рукава до самых плеч. У нее красивые, полные руки и круглые плечи. Теперь их можно было видеть.

2

Сразу же после сенокоса кончилась работа Карла в Пурвмалах. После Иванова дня хозяйка привезла из Риги второго постоянного батрака, и новосел с Болотного острова уже не был ей так необходим. В сущности, так даже получилось лучше. Ни один человек не смог бы выдержать такое напряжение, какое выдерживал Карл всю весну и первую половину лета. Правда, за это время было и заработано кое-что. Теперь можно передохнуть и заняться собственными делами. Пока не начались осенние дожди, надо выкопать рядом с дорогой большую отводную канаву, иначе потом не выберешься с острова. Канава была необходима и Дандену, и другим хозяевам, которые по этой дороге возили зимой дрова и бревна, но попробуй дождись от них помощи.

— Если подумать как следует, то хочется спросить: чего ради я тут бьюсь? — сказал Карлу инвалид. — На пропитание мне хватает. Могу еще немного подработать каким-нибудь ремеслом или открыть маленькую лавочку. Все равно за свою жизнь всего не переделаешь.

Рассудительный человек — и умные речи: если не можешь всего сделать, лучше не делать ничего. Оба они были пожилыми людьми и долгое время жили в Риге. Трудности, встреченные на Болотном острове, открыли им глаза, — чего нельзя поднять, то нельзя снести. Они тоже приехали сюда с большими чаяниями и желанием трудиться: поработаем немного, и у нас будет уголок на старости лет и прочный фундамент в жизни. Так они мечтали несколько месяцев. Потом Данден начал задумываться. А его жена спрашивала его:

— Кто знает, стоит ли?

Ни одна работа не стала у них спориться. Пни оказались очень цепкими, земля переплетена корневищами, родниковая вода отзывала болотом. По вечерам от комаров нет спасения, а что здесь будет зимой, когда, кроме снега и темных елей, ничего не увидишь?

Сено они с горем пополам наскребли, изредка поливали огород, но о посеве ржи Данден не заикался. Они с сожалением смотрели на Зитаров, как те надрывались, как спешили. Ничего не поделаешь — у них другого выхода нет, приходится. Но мы больше не можем...

Большую канаву Карл выкопал один. И удивительно

— дорога больше не утопала в грязи. Все говорили, что это давно следовало сделать. Единственное, что получил он за эту двухнедельную работу, — волость освободила Карла на этот год от гужевой и дорожной повинности.

Потом они стали собирать грибы и цветы и продавали их скупщикам с побережья, которые пересылали товар в Ригу. Таким путем они заработали немного денег и восполнили брешь, образовавшуюся после ухода Карла из Пурвмалов. На зиму они насолили большой чан грибов. А когда начался массовый лов салаки, Карл поехал на побережье и купил несколько пур рыбы. Корчмарь Мартын подарил им порожнюю бочку из-под сельди, и они в ней засолили салаку. А затем пришлось спешно строить хлев для коровы и лошади. Карл вырыл в склоне холма землянку: три стены были готовы, четвертую сложили из торфа и дерна, а крышу застлали и засыпали землей. Жилой сарайчик обили изнутри досками и пространство между ними засыпали опилками.

Никто из Зитаров их не навестил. Они знали, что Янка на военной службе, а Эльза вышла замуж. Жителям Болотного острова нечем было угощать гостей — пусть лучше они не приходят.

Сармите понемногу шила маленькие забавные платьица, и лицо ее покрылось коричневыми пятнами.

— Ты меня еще узнаешь? — спрашивала она Карла.

— Нынче зимой здесь не будет скучно, — отвечал он.

— У нас появится музыка.

— Этот музыкант не даст тебе ночью спать, — ответила Сармите.

— Поэтому ему надо приготовить колыбельку. Придется как-нибудь съездить к Эрнесту.

— Зачем? Эрнест ведь не столяр.

— Может быть, обойдемся без столяра. Видишь ли, Сармит, у нас дома в свое время была старая колыбелька. Ее еще, вероятно, мой дед смастерил. В ней качались два поколения Зитаров. Когда-то в ней лежал мой отец, его братья и сестры. Потом колыбель снесли на чердак. А когда стали рождаться молодые Зитары, старую колыбель опять принесли вниз, заново покрасили, и она долгое время служила моей матери. Иногда мы, играя, укладывали туда кота и до тех пор укачивали его, пока у него не начинала кружиться голова. Когда все выросли, ее опять унесли на чердак и завалили всяким

хламом. Мне кажется, эта колыбель должна еще быть там. Когда ее покачивали, она немножко скрипела, но так приятно, что детям сразу хотелось спать. Теперь таких уже не делают.

На следующий день Карл запряг лошадь и поехал в Зитары. Эрнест и все остальные теперь кое-что узнали о Болотном острове. Колыбель действительно еще не была изрублена на дрова. Крепкая и выносливая, она не поддалась действию времени. Долгие годы пролежала она в пыли, всеми забытая и как бы ожидая, что ее опять пригласят на прежнюю, привычную работу. Она еще способна была вынянчить и третье, и четвертое поколения Зитаров. Когда ее выносили, она заскрипела. Если бы у нее спросили, что она хочет этим сказать, она, вероятно, ответила бы: «Удивляюсь, почему вы отдаете меня из этого дома. Тут я так долго служила. Разве я здесь никогда больше не понадоблюсь?» И старый дом грустно ответил бы: «Да. Так оно и есть. Так оно и есть...»

Но больше, чем старая колыбель, скрипел глава семьи — Эрнест, старший в роде:

— Трудные времена... Налоги... Неурожайный год...

— Разве я у тебя чего-нибудь прошу? — спросил второй Зитар, который увозил семейный символ жизни на Болотный остров.

И Эрнест перестал плакаться. Картофель был весь выкопан и клеть закрыта на замок. Когда Карл уезжал, собака с лаем проводила его до дороги. Она больше не узнавала его, потому что от этого человека не пахло рыбой и морем, от него шел запах болота...

Около Мартынова дня у Сармите родился сын. Родители назвали его Андреем в честь деда. Пока Сармите лежала, Пурвмалиене несколько раз приходила ее навестить и поухаживать за ребенком. Теперь в Пурвмалах был новый работник, там обходились и без нее. Начиная с того жаркого дня хозяйка носила кофточки без рукавов. Так она пришла и на остров. Если б ты не был таким рассеянным, Карл Зитар...

3

В один прекрасный день Дандены исчезли. Не сказав ни слова ближайшим соседям, инвалид продал корову

мяснику, картофель и сено — лачужникам побережья и ночью уехал с Болотного острова. За исключением тонкостенного сарая, в котором ютились Дандены, здесь не оставалось ничего. Через некоторое время Карл получил письмо. Дандены просили его присмотреть за оставленной «постройкой», а за это, пока хозяйство никто не купил, пусть соседи спокойно косят их луга и пользуются разработанной землей. Это, конечно, было не таким уж значительным подспорьем, но не слишком обременительным оказались и новые обязанности Карла — кому нужна хлипкая дощатая лачуга инвалида? Может быть, Данден боялся, как бы Карл сам не употребил ее на свои нужды? Вскоре в газетах появилось объявление: «Продается хозяйство в прекрасном месте. Лес, река, заливные луга. Земля частично возделана. Имеются новые постройки. Цена по соглашению».

Карлу предоставили строительный лес тут же на острове, в полукилометре от дома. Как только Сармите окрепла и могла управляться по дому, Карл взял пилу, топор и отправился в лес. Безумец — он хотел со всем один справиться! Некоторые ели оказались настолько толстыми, что их нельзя было обхватить двумя руками. Промучившись дня два, Карл пришел к выводу, что одному эта работа не под силу. Но где взять помощника? О Сармите не могло быть и речи, Эрнест не пойдет на помощь, а нанимать людей — чем им платить? Карл уже собирался идти в Пурвмалы просить работника помочь ему, но ему вдруг повезло. В воскресенье явился старый Криш проведать, как живут молодые. Узнав об их заботах, он удивился, как это они не вспомнили о нем.

— Дома теперь обойдутся без меня, — сказал он. — Скоту сено завезено, а покормить может и сам хозяин.

Он даже не пошел в Зитары, чтобы сообщить Эрнесту о причине своего отсутствия, и на следующее утро вместе с Карлом отправился в лес. Чтобы не задерживать Криша, Карл не обрубал сучья на деревьях — только валил их. Лес в этом месте был редким, поэтому деревья не мешали друг другу. Карл с Кришем проработали всю неделю. В субботу вечером все деревья были повалены. Тут явился Эрнест. Если бы поблизости не оказалась Сармите, неизвестно, чем кончилось бы все это.

— Смотри-ка, что у него за мода — переманивать у хозяина работников! — вместо приветствия проговорил Эрнест. — Неужели нельзя было как-нибудь известить меня? Я уж решил, что с Кришем что-нибудь случилось.

Он очень сильно испугался за своего батрака. Да и как не испугаться: ему не найти другого такого работягу. Но сейчас получилось хорошо: ту неделю, что Криш работал на Болотном острове, можно будет засчитать в уплату за наследство, если Карл когда-нибудь заикнется о своей доле.

— Когда поедете в церковь, заверните к нам, — сказал Эрнест при расставании. Он мог смело сказать так, — Карл никогда не ходил в церковь.

До рождества Карл обрубил сучья и сжег те, что помельче. А как установился санный путь, стал возить бревна домой. Лошадь, простоявшая все лето без дела, округлилась, несмотря на то что овес ей приходилось видеть только во сне. Зато теперь ей досталось. Карл спешил вывезти бревна и потом на месяц-другой уйти на заработки, — в ту зиму повсюду рубили лес. Деньги были необходимы до зарезу, к весне нужно на остров привезти пилораму, приготовить деньги на плотника, а там предстояло еще много всяких расходов. Следующим летом надо обязательно подвести дом под крышу и вывести трубу. А работать в долг никто не захочет.

Это была жаркая зима и для человека, и для лошади. Человек не жаловался, а животное не умело этого делать. Лишь иногда, вытаскивая в гору особенно тяжелое бревно, лошадь останавливалась и оглядывалась на хозяина: разве ты не видишь, как мне тяжело? Болотная осока невкусна, а гора высока и воз тяжел. Ну как ты ее ударишь? Лучше берись сам за дело, подопри плечом и тащи. И пусть на шее чуть жилы не лопаются от натуги, но воз вытянуть надо. Нужны деньги, независимость и хлеб.

Из ноздрей лошади валят клубы пара. Останавливаясь на отдых, она тяжело и часто водит запавшими боками. Животное уже немолодо, зубы стерлись, жесткую траву оно жевать не может. Всю жизнь ее погоняли и погоняли.

— Ну, потяни же еще!

Однажды лошадь падает и долго не поднимается. Она тяжело дышит, с тихим ржанием силится встать на

ноги и не может, потому что оглобли слишком тяжели и крепко стянутый хомут держит ее как в тисках. Тогда Карл выпрягает ее, дает немного отдохнуть и опять запрягает. Пока дорога идет по лесу, еще ничего — там снега достаточно. Но вот на открытом месте солнце растопило тонкую корочку льда и воз местами приходится тащить по голой земле. Человек кричит, размахивает кнутом, подталкивает сани, и, видимо, ему стыдно бить лошадь. Он шумит, пугает и понукает животное, но у земли цепкие, липкие пальцы. Не свирепствуй, человек! Какое мне дело, что у тебя пустая клеть и обширные планы. Живи потихоньку, работай в меру — всего сразу не захватишь. Ты хочешь в этом году построить дом? Построишь в будущем году. Хочешь начать новую расчистку? Это сделают твои дети. Не иди против природы, не опережай время!..

Понимает ли человек эти мудрые советы? Прислушивается ли он к ним? Он не научился беречь себя и других и потому остается в конце концов один.

Стоит посреди дороги Карл Зитар, большой человек с тяжелыми руками, и нет у него больше лошади. Он смотрит на коченеющее животное и не может понять, почему это так. Еще столько невывезенных бревен, не заработана и половина нужных ему денег, а он должен все оставить. Что это значит?

Ты проживешь лишний год в старой лачуге... — вот и вся мудрость. Но он не может понять этого. Если бы его сила равнялась его воле, он сам впрягся бы в сани и потащил воз.

К вечеру, волоча за собой сани с упряжью и шкурой павшей лошади, Карл вернулся на остров. Бревно осталось у дороги.

— Что мы теперь будем делать? — спросил он у Сармите.

— Время — лучший советчик, — ответила она. — А теперь садись ужинать.

Он пытался есть, но не мог.

Карл потерял лошадь в середине зимы, в самое горячее для работы время, и теперь ему совершенно срочно нужна была новая лошадь, иначе вся намеченная рабочая программа пойдет насмарку.

У других потеря не вызвала бы никаких затруднений: они попросили бы ссуду в банке, подыскав поручителей. И Карл нашел бы их: корчмарь Мартын сам состоял в правлении общества взаимного кредита, а подпись Кланьгиса значила больше, нежели все хозяйство Болотного острова. Но что станут тогда говорить Мартын и Эльза?

«Мы помогли! Он встал на ноги только благодаря нам!»

Нет, так дело не пойдет!

Любому другому пришла бы в голову мысль о правах на наследство. Он пошел бы к Эрнесту и потребовал выплаты своей доли. Но Карл сказал:

— Разве я у тебя что-нибудь прошу?

Если он теперь попросит, Эрнесту придется искать новую ссуду, опять с поручителями, и в конце концов получится то же самое, что с Мартыном и Кланьгисом.

Неужели нет никакого другого выхода?

Два дня Карл ходил по острову и думал. Ел грибы с картофелем, колол дрова, прислушивался, как маленький Андрис распеленатый сучит ножками в колыбели, и все думал. Сармите не беспокоила его, не расспрашивала. На следующий вечер он оделся и отправился в Пурвмалы.

Вскоре Карл Зитар приобрел новую лошадь — он еще на одно лето продал свои руки Пурвмалиене. Будет ли это испытание последним? Кто знает?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Осенью в полку выпускали молодых инструкторов. Янке дали чин капрала и вместе с шестью другими парнями, кончившими курс с отличием, оставили в кадрах инструкторской роты. Потом им предоставили двухнедельный отпуск. Янка от него отказался. Свободное время он посвятил спорту и чтению книг. Кое-что можно было достать в полковой библиотеке, но Янка брал книги и из городской библиотеки и какого-то частного книжного магазина. К военной службе Янка привык, и она больше не казалась ему трудной. Несмотря на то

что он все время довольствовался лишь «казенным хлебом да щами», здоровье его было лучше, чем когда-либо, за все время службы Янка ни разу не обращался в полковую амбулаторию.

В конце февраля прибыли новобранцы и у инструкторов настали горячие дни. На учебном поле с утра до вечера раздавались слова команды; капралы осипли, а полковой сапожник не успевал прибивать подметки к «танкам». Все повторялось сызнова — сомкнутый и развернутый строй, полевое учение, устав и курс гимнастики. Разница заключалась лишь в том, что в прошлом году муштровали Янку и его товарищей, а в нынешнем — он и его товарищи муштровали новобранцев, те же, в свою очередь, через год будут муштровать новичков.

Командир роты как-то сказал, что капрал Зитар мог бы по окончании срока обязательной военной службы остаться на сверхсрочную, но Янка ему ничего определенного не ответил.

Он знал, что дома, где ему ничего не принадлежало, его не ждет счастье. Янка больше не строил никаких воздушных замков, не имел планов на будущее и научился смеяться над тем, что раньше могло его волновать до глубины души. Восторженность ранней юности развеялась. Янка знал: мечты — это одно, а действительность — совсем другое. Что-то было надломлено в нем. Янка чувствовал, что он уже не тот, каким был год или полтора назад, — и ему казалось, что начинается старость, хотя это были всего лишь признаки зрелости. Когда перед троицей тащили жребий, кому досрочно уволиться, Янка равнодушно направился к урне. Вытащит счастливый жребий — ладно, не вытащит — останется в полку до осени. Он не понимал волнения товарищей. Некоторые из них краснели, бледнели, покрывались холодным потом и разворачивали дрожащими пальцами роковую бумажку с таким видом, точно от этого зависела вся жизнь. Вытащив счастливый жребий, они не в силах были скрыть свой восторг, кидались друг другу на шею, плясали. А среди неудачников находились и такие, которые не стыдились плакать; некоторые глупцы думали даже о самоубийстве. И все это из-за каких-то трех дополнительных месяцев службы.

Янка вытащил счастливый жребий. Он мог отправиться на все четыре стороны. Фриц Силинь, которому тоже повезло, пригласил его с собой в город.

— Пойдем выпьем, старик прислал мне деньги.

Янка отказался. Когда он возвратился в свое отделение, на него уставились десять парней, стараясь по выражению лица догадаться, освобожден он или остается. Но лицо его было таким же, как всегда: равнодушным, задумчивым, сдержанно-холодным.

— Господину капралу не повезло, — произнес кто-то.

— Нет, я вытащил счастливый жребий, — спокойно ответил Янка.

— Почему же вы не радуетесь? — удивились они.

— Я и не горюю, — ответил он.

После троицы Янка уехал. При прощании товарищи сказали:

— Напиши, как твои дела.

— Ладно, напишу, — пообещал он.

Но он не писал. Да ему никто бы и не ответил. Человеку не следует оглядываться назад — от этого только страдают. А мы все избегаем страданий. Когда-то одна женщина сказала Янке:

— На троицу мы ждем вас к себе в гости.

А в Иванов день там была свадьба.

В Риге Янка задержался на два дня. Он побывал в порту. Но в торговом флоте Латвии тогда было еще мало судов, работы не хватало даже старым морякам. Идти на дровяник у Янки не было ни малейшей охоты, а чтобы поступить в мореходное училище, нужно иметь двадцать месяцев морской практики и немного денег. У Янки не было ни того, ни другого.

На стоянке он нашел моторную лодку, которая привезла рыбу из его родного поселка. Когда рыбаки отправились в обратный путь, Янка поехал с ними.

2

День тихий, знойный. Море спокойно, как пруд. К северу от устья реки рыбаки тащат невод. Босиком, подвязав брюки ниже колен, Янка бредет по теплой воде. Зацепив пояс за веревку невода, он ложится всей тяжестью на широкую плетенку и пятится к берегу. В едином ритме кланяются фигуры восьми человек, и

невод медленно выходит на берег. Тяжелый, монотонный труд, где не о чем думать, не о чем говорить. Только терпеливо пяться назад и считай куски невода, которые нужно вытащить на берег.

Какой-то парень небрежно зацепил пояс, и, когда он навалился на плетенку, она соскочила. Незадачливый рыбак навзничь упал в воду. Маленькое событие, много смеху, потому что больше не над чем смеяться.

— Один лосось в этом улове обеспечен, — сказали рыбаки.

— Да еще какой крупный.

— Поэтому давайте поживее, — торопил кормчий невода старый Витынь. — Скорей попадете на бал.

Было воскресенье. Вечером предполагалась вечеринка в старом помещичьем парке. Молодые парни только об этом и думали и тихонько ворчали на неугомонных пожилых рыбаков.

— Если вытащат лосося, захотят закинуть еще раз. Разве они когда-нибудь угомонятся.

Опять кто-то свалился в воду, и старый Витынь радостно сказал:

— Ну, будут два лосося... — говорилось это, конечно, по привычке, но он все-таки немного верил в приметы.

Зная суеверие Витыня, парни перемигнулись, и теперь чуть ли не ежеминутно кто-нибудь валился в воду, но всегда старался упасть так, чтобы забрызгать Витыня. Он радостно считал упавших и в предвкушении богатого улова даже раскраснелся весь. Семь, восемь, одиннадцать...

— Ничего не скажешь — такое славное течение. В прошлом году об эту пору мы вытащили полкалы. Один самец вытянул шестьдесят четыре фунта...

— Значит, на вечеринку не попадем... — вздохнул Рудис Сеглинь.

— Что у тебя там загорелось? — усмехнулся Витынь. — Возьмем выпивки и повеселимся здесь. Девушек хватает.

Он был прав: теплая погода привлекла на дюны множество дачников. Они принимали солнечные ванны так усердно, точно выполняли какую-то работу. Когда у них один бок подрумянивался, они подставляли солнцу другой, совсем как это делает кухарка, пекущая блины. Но как блины нельзя испечь без жира или масла,

так и они тоже смазывали свое тело жирными ма-
зями и по темному цвету загара судили о своем здо-
ровье. Осенью они страдали от насморка и ангины.

Заметив, что сейчас будут вытаскивать улов, купаю-
щиеся столпились на пляже и наблюдали за петлей не-
вода, обозначенной бахромой, — она становилась все
ýже.

Городские жители не знали, что рыбаки не любят,
когда чужие суют нос в мотню невода. Они думали, что
их любопытство льстит этим грубым людям, которые в
сопревшей одежде с утра до вечера полощутся в воде.

— Это не тяжело? — интересовались они. — Сколько
вы можете заработать в день?

В неводе оказалось два лосося, и старый Витынь
настаивал на том, чтобы закинуть невод еще раз. Но
молодые возражали. Они долго спорили, пока невод не
выбрали в карбас.

— Ну, так как же? — настаивал Витынь. — Неужели
я как кормчий не имею решающего слова?

— Какой ты кормчий, у тебя же нет форменной фу-
ражки, — смеялся Рудис Сеглинь. Он стоял на берегу
и не собирался садиться в карбас.

— Если вы уж настолько богаты, что не нуждаетесь
в деньгах, тогда мне нечего говорить, — настаивал Ви-
тынь.

— Завтра тоже будет день, — проворчал Янка. —
Чего мы здесь надрываемся? Мало того, что всю не-
делю шлепаем по морю, надо еще и в воскресенье бур-
лачить.

— Рудис, ты сядешь в карбас, или нам придется
закидывать без тебя, — уже резко сказал Витынь.

— Я пойду домой переодеться.

— Иди, свою долю не получишь. Ну, ребята, берите
весла и становитесь по местам.

— Погоди, Витынь, мне надо сходить на дюны, —
крикнул один и ловко выскочил из карбаса.

— Мне тоже!

За ним последовали еще несколько человек.

Витынь сплюнул в море и подчинился большинству.

— Не убегайте! — крикнул он. — Поставим на место
карбас.

Вот это был настоящий разговор. Какими прилеж-
ными вдруг сделались молодые парни! С какой готов-

ностью бросились к веслам и уперлись в парусную ска-
мейку. Один миг — и тяжелый карбас оказался на
якорной стоянке. От радости, что они сегодня пойдут на
вечер, парни затянули озорную песню. Слова песни ока-
зались столь забористыми, что загоравшие дамы не вы-
несли этого и, взяв простыни и зонтики, поспешили уйти
с пляжа. Некоторые девушки, добежав до опушки, оста-
новились и дослушали все же песню до конца. Она им
понравилась. Может быть, им нравилось и еще кое-
что, но этого нельзя было выказывать.

Так жил теперь Янка Зитар. У него были веселые,
беззаботные друзья, тяжелая работа и умеренный зара-
боток. Он никогда и ни в чем не отставал от других:
ни в работе, ни в развлечениях, которые иногда стано-
вились довольно дикими. Когда рыбакам приносили
водку, он не уступал старым пьяницам. Если у парней
завязывалась драка, Янка тоже участвовал в ней. Он не
хотел чем-либо отличаться от товарищей, обгонять дру-
гих, — ему было хорошо в этой жизни. В своем сознани
он провел границу между реальным и нереальным.
Недостижимое его больше не привлекало. Возвратив-
шись с военной службы и взвесив все возможности, он
решил, что здесь и есть настоящий якорный рейд, где
можно поставить на якорь свой мятежный корабль.
Этим летом он еще тянул невод как напарник Реме-
иса, на следующую весну вместе с другими молодыми
рыбаками он приобретет свой невод. Через несколько
лет он станет кормчим, у него будет рыболовная снасть
на лето и на зиму и в дюнах своя лачуга, дом с трубой
и дверьми. Так же как Карл, он ни у кого не попросит
помощи, и чего достигнет, того достигнет самостоятельно.
Вам кажется, это слишком немного? А что такое
много? И для чего нужно это многое?

Рядом с Зитарами стоял недостроенный дом Мике-
лиса Галдыня. Микелис не вернулся с войны, а выслан-
ная его жена, Вилма, тоже не возвратилась. Янка по-
говорил со старыми Галдынями, и они сдали ему внаем
домик сына. Янка сам варил себе еду и заботился о
доме. Это было, конечно, не очень удобно, но недавняя
военная служба достаточно подготовила его к такой
жизни. Поселяться в Зитарах у Эрнеста он не хотел:
Эрнесту вполне достаточно одного дарового батрака —
старого Криша.

Поставив лодку с неводом на якорную стоянку, Янка отправился домой. Мимо него проехали дрожки, запряженные вороным жеребцом. На дрожках сидели четверо: батрак Ремесиса, Марта, ее брат Ян в студенческой фуражке и Миците. По всему было видно, что они едут на бал в парк. Издали доносились тихие звуки духового оркестра.

Янка еще ни разу не встречался с Мартой Ремесис, хотя она уже третью неделю находилась дома. Он еще не забыл последнего ее письма и думал, что лучше с ней не встречаться. Живите, как вам угодно, идите своей дорогой, я иду своей... Но сегодня он решил пойти на вечеринку — обещал товарищам. Там ожидалась драка с парнями из соседнего поселка, и все свои должны находиться в строю. Разве он виноват, что и Марта вздумала пойти туда? Ведь не ради нее он идет, как и она не собирается там встретиться с ним. Если Марта и вообразит что-либо подобное, он сумеет разубедить ее.

3

Он долго не мог простить себе этого. Уже много лет спустя при воспоминании о событиях того вечера Янка краснел от стыда. Что значит характер человека и добрые намерения, если у него не хватает самообладания и в нужный момент он не может управлять собой? Не произошло ничего такого, что в здешних условиях считалось бы особенным, — маленькая осечка, смешная неловкость, и только. Но как это неприятно и как это терзало сердце человека!

Танцы уже начались, когда Янка появился в парке. Танцевальная площадка находилась на небольшой полянке, с трех сторон окаймленной пригорками, заросшими густым кустарником. На каждом пригорке стояло по беседке, откуда доносился сейчас звон стаканов и оживленная болтовня. Янка стал разыскивать товарищей. На танцевальной площадке их не оказалось — вероятно, подкреплялись в каком-нибудь уединенном уголке парка. Они обычно не любили танцевать в трезвом виде и при освещении. Янке не хотелось лезть на глаза публике. Одежда на нем была не блестящая: синие шевиотовые брюки, черный френч, на голове моряцкая фуражка с белым верхом. Только фуражка и ботинки были новыми. Янка намеренно не приобретал одежду, потому что осенью собирался купить все новое. Два костюма за один год — это слишком дорогое удовольствие для простого рыбака.

Товарищей он нашел в беседке на холме. Как и полагается в подобных случаях, на столе стояла большая батарея бутылок. Некоторые из них уже были пусты, и громкий, развязный разговор парней ясно указывал, куда девалось содержимое бутылок.

— Выпей! — сказали они. — Чего киснешь?

И Янка пил, чтобы догнать товарищей. А так как они подкреплялись уже давно, ему пришлось пить сразу большими порциями, чтобы сравняться с ними. Через час все были в одинаковом состоянии. Рудис Сеглинь запел, все ему подтянули. Когда они умолкли, из соседней беседки послышалась мелодия той же песни: кто-то передразнивал их.

— Кто там сидит? — парни настроились воинственно. — Надо заткнуть глотки этим попугаям.

— Э, чего там! — крикнул Рудис Сеглинь и кинул пустую бутылку в беседку. Послышался звон разбитого стекла. Песня смолкла.

— А ты знаешь, кто там? — спросил Янка у Рудиса.

— Интеллигентики, — презрительно отозвался тот. — Студент Ремесис со своей компанией. С такими и начаться не стоит. Еще успеем кулаки в ход пустить.

— Интересно, стали бы они передразнивать нас, если бы мы запели про соловья и розу? — заметил один из парней.

Это была самая непристойная песня в их репертуаре.

— Оставьте, ребята, — сказал Янка. — Это уж слишком. Нас выставят из парка. На море мы можем петь что в голову взбредет, а здесь публичное место.

— Плевал я на всю эту публику, — пробормотал Рудис.

Янка поспешил наполнить стаканы, и, когда их опустошили, опасная затея была забыта.

Внизу объявили дамский вальс. Большинство парней, убежденных в своей неотразимости, поспешили на танцевальную площадку. В беседке остались только Янка и Рудис. Славный малый этот Рудис Сеглинь, одна лишь беда — слишком быстро пьянеет, а потом спит.

У Янки, напротив, только что разгорались щеки и в глазах появились озорные огоньки. Робость и сомнения захлестнуло водкой. Янка снова был полон беспокойного напряжения: хотелось двигаться, озорничать, обращать на себя внимание. В нескольких шагах отсюда, в беседке, за кустами, сидят другие люди. Ты их знаешь, Янка, и они тебя знают. Почему ты должен сидеть здесь и смотреть на дремлющего за столом товарища? Тебе не хочется спать, ты пришел веселиться, погулять и показать себя. Почему бы тебе не пойти к ним? Один из них твой школьный товарищ. Что из того, что он теперь изучает медицину, а ты бродишь с неводом? Его сестра писала тебе письма, иногда даже ревновала тебя; а вторая девушка — твоя двоюродная сестра. Ты просто недооцениваешь себя, думая, что должен оставаться здесь. Ты и там будешь на месте.

— Рудис, ты уже спишь? — спросил Янка.

Ответа не последовало.

— Ну и спи. Я скоро вернусь.

Янка встал, одернул френч и вышел из беседки. Соседняя беседка вся заросла вьющимися растениями, и с тропинки нельзя было разглядеть, кто там сидит. Уже смеркалось. Взобравшись по ступенькам, Янка заглянул в беседку, но ничего не мог разглядеть.

— Разрешите побеспокоить? — сказал он на всякий случай.

— Что вам нужно? — нелюбезно отозвались изнутри. Это был голос Марты. Она сидела одна в углу беседки.

— Это я, — ответил Янка. — Узнаете?

— Ах вы? Я думала, какой-то пьяный слоняется.

Слегка смутившись, Марта протянула ему руку. Полтора года заметно изменили ее. Она казалась более стройной и женственной. В прошлом году ее конфирмовали, и этой весной она окончила школу.

— Как вы поживаете? — спросила Марта.

— Мы когда-то были на «ты»... — это сказала водка. — И я думаю: если мы решим продолжать знакомство и встречаться, будем по-прежнему говорить друг другу «ты». С тобой, Марта, у меня было и есть о чем говорить. А с вами, барышня Ремесис, мне еще следует познакомиться, а это, вероятно, не так просто.

В полумраке было удобно разговаривать. Но Марта, очевидно, хотела немного подразнить его.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — сказала она. Янка не мог видеть ее улыбки. — Мой брат ушел танцевать с вашей двоюродной сестрой. Если бы вы немного здесь обождали, то...

— Прошу извинить за беспокойство, барышня Ремесис... — опять сказала водка.

Янка повернулся и хотел уйти, но по дорожке к беседке приближались Миците и Ян Ремесис. Янке стало стыдно, что он вломился в чужое общество и что этому его поступку нет никакого оправдания. Зачем он сюда пришел? Что ему нужно? Уйти незаметно он уже не мог. Если бы беседка не заросла так густо, он выскочил бы на противоположную сторону. Марта, улыбаясь, наблюдала за его растерянностью.

— Ты не заждалась нас, Марта? — воскликнула Миците, поднимаясь по ступенькам в беседку. — О, да ты не одна! Смотри, Ян, какая она хитрая, — пока мы танцуем, у нее рандеву.

Ян Ремесис вопросительно посмотрел на Янку. Они были ровесниками. Молодой Ремесис был чуть ниже, но плотнее. Янка смущенно поклонился. Ян Ремесис слегка нагнул голову.

— Это мой двоюродный брат Ян Зитар, — сказала Миците. — Но как ты, Янка, здесь очутился?

Марта ответила за него:

— Он работает напарником на неводе у отца. Им что-то понадобилось для невода.

Ян Ремесис протянул Янке руку.

— Удивительно, как это я вас сразу не узнал. Помню еще, как вы из прогимназии зимой убежали со стрелками на позиции. Чего у вас там не хватает на неводе?

— Нужны веревки для грузил, — сказал Янка, бросив на Марту благодарный взгляд. — Ничего особенного, только несколько камней вывалилось. Может быть, я там же, в лодке, подыщу.

— Хорошо, я скажу отцу, — сказал Ян. Миците что-то шепнула ему на ухо, и в тот момент, когда Янка уже собрался уходить, Ян Ремесис вдруг стал любезным и предложил Зитару сесть. — Ведь мы старые знакомые и встретились через шесть лет. Такое важное событие нужно отметить.

Пока все усаживались за стол, он наполнил два стакана.

— Это латышское шампанское — спирт, разбавленный лимонадом. Дамам мы на этот раз не дадим.

Чокнувшись с Янкой, он, как бы показывая пример, быстро опрокинул свой стакан. Янка удивился, с какой легкостью Ремесис выпил крепкий напиток. Янка тоже кое-как осилил стакан. Горло словно обожгло, на глаза навернулись слезы, — он выпил почти чистый спирт, слегка разбавленный лимонадом. Закусить было нечем, одни конфеты, какая это закуска.

— Ян, ты нам еще не читал свои последние стихи, — вдруг вспомнила Миците. — Долго ли мне придется тебя упрашивать?

— Гм. Не знаю. Не будет ли это скучно остальным, — Ремесис покосился в сторону Янки.

В голове у Янки шумело, он чувствовал, как надвигается что-то темное, мозг его горел, все понятия смешались. Он перестал сознавать, где находится и что его окружает, да и желания не было доискиваться. Временами появлялись какие-то проблески сознания, и тогда Янка понимал происходящее. Не спросив разрешения, он налил в стакан сельтерской и с жадностью выпил. На короткое время это помогло, он мог сидеть прямо и скрывать от других свое состояние.

Ян Ремесис читал свои стихи. Когда он кончил, Янку обуял бес гордости: что он тут расхвастался, как будто только он один умеет сочинять стихи.

— Если бы я захотел, я бы тоже так мог... — подумал он вслух.

— Значит, вы тоже пишете стихи? — спросил Ремесис.

— В школе мои сочинения были лучше ваших, — ответил Янка.

— Тогда я еще не интересовался литературой, — примиряюще заметил поэт. — И вообще по тому времени нельзя судить. Талант появляется не у всех в одно время — у одного рано, у другого в зрелом возрасте. И одного таланта еще недостаточно.

— Вот как? — удивился Янка.

— Его нужно развивать, — продолжал Ян. — Изучать классиков, найти свою форму, свой стиль.

— Кто учил Кольцова форме и стилю? — спросил

Янка. — Какая учеба была доступна бедному гениальному Чаттертону*, этому семнадцатилетнему юноше, который написал настолько удачное подражание средневековой балладе, что обманул самых умных английских критиков? Вполне понятно, что ему пришлось умирать с голоду, за то что он одурачил мудрецов.

— Только сам-то ты не разыгрывай из себя мудреца, — одернула его Миците. — Ловить лососей не такое уж большое искусство. А если ты такой умный, почему бродишь за неводом?

— Ты права, — согласился Янка. — Если человек ходит за неводом, где же его ум...

Опять Миците пошепталась с Ремесисом, и тот наполнил стаканы.

— Выпьем, чтобы не хромать.

На этот раз напиток был еще крепче, привкус лимонада почти не чувствовался. Выпив свой стакан до дна, Янка больше не пьянел, вероятно потому, что все время спокойно сидел на скамейке. Марта держалась в стороне и не переставала украдкой наблюдать за Янкой. Он начинал постепенно кое-что выбалтывать. Может быть, это только обычная тяга пьяниц прихвастнуть, а может быть, и бессознательное прямодушие — и он вот-вот раскроет какую-то тайну.

Заиграли музыканты. Отдохнув, они трубили теперь во всю мочь.

— Пойдем танцевать! — сказала Миците. Ремесис предложил ей руку, и они ушли. Просто удивительно, сколько мог выпить этот студент: два пивных стакана почти чистого спирта ему, как медведю земляника! Не покачивается, не болтает глупостей. А я...

— А что если бы и мы пошли танцевать? — сказал Янка и поднялся.

И в тот же момент произошло что-то непостижимое. Странная слабость охватила Янку. Она прошла по всем жилам от мозга к груди, от груди к рукам, в ноги до самых подошв, заполнила каждую клеточку тела. Больше Янка уже не мог управлять своими движениями, тело потеряло опору. Грузно и неуклюже съехал Янка обратно на скамейку. Правая рука, бессильно повиснув, задела за торчащий наружу гвоздь и была оцарапана до крови.

Нечеловеческим усилием ему удалось преодолеть

надвигающуюся на него темноту и на минуту сосредоточиться. Он взял стакан, осмотрел его со всех сторон и понюхал. Пахло спиртом. Тогда он потянулся через стол и нащупал стакан Ремесиса. Понюхал — никакого запаха. На дне стакана еще осталось немного жидкости. Янка выпил ее — это был чистый лимонад. Не веря себе, он проверил остальные стаканы. Но ни один стакан не имел острого и специфического запаха спирта.

Теперь он понял, почему Ремесис совершенно не пьянел. Но кому нужна эта провокация? Напоить, сделать смешным и ни к чему не годным?

Вдруг он помрачнел и, застонав, сжал голову кулаками, тяжело дыша, временами всхлипывая, точно разъяренный зверь.

— Что с тобой? — спросила Марта. Она заметила странные манипуляции Янки со стаканами и поняла, что случилось что-то такое, чего не должно быть. Неужели он безумствовал лишь потому, что ни в одном стакане не оказалось больше водки? — Что с тобой? Тебе не хорошо? — она села рядом с Янкой и положила ему на лоб руку. Лоб горел, и прикосновение прохладной руки было приятно. — На что ты сердишься?

Янка поднял голову.

— Он мне давал спирт, а сам пил лимонад. Для чего это ему нужно было? Как это благородно — выставить другого шутом и поиздеваться над ним. «Вот что мы можем себе позволить по отношению к вам, таким-сяким!» Но пусть он много о себе не воображает. Врачом он будет, но поэтом — никогда. Я никогда не буду врачом и, может быть, всю жизнь стану батрачить на море, но если бы я захотел...

Марта внимательно слушала.

— Что я ему сделал, что он... — хотел было продолжать Янка, но Марта прервала его:

— Но я-то ведь ничего тебе не сделала? Ты не сердишься на меня?

— На тебя? Нет, ты хорошая. Ты одна настоящий человек в этой толпе.

— Какое же тебе дело до всех остальных? Пусть они провалятся в тартарары. Будь умницей, Ян, выпей сельтерской, и тебе станет лучше.

— Значит, и тебе это уже известно?

— Я так часто слышу об этом... — улыбнулась она.

Он выпил залпом всю бутылку, затем поднялся.

— Мне здесь оставаться нельзя, не то и в самом деле сделаюсь шутом. А я не хочу доставлять им эту радость, поэтому... пойду домой.

— Я провожу тебя до дороги, — сказала Марта. И это было кстати: Янка вначале совсем не мог идти — шатался, натыкался на кусты. Марте пришлось поддерживать его. Странно: за столом у него кружилась голова, а ноги слушались; теперь в голове прояснилось, а ноги никуда не годятся. Очевидно, пары алкоголя переместились вниз.

— Тебе не совестно со мной идти? — спросил он.

— Не говори глупостей, — сказала Марта.

— Вряд ли ты пожелаешь еще когда-либо встретиться со мной?

— Я думаю, мы еще встретимся. И тогда я тебе кое-что по-дружески скажу.

Понемногу Янка опять научился ходить.

Проводив его до дороги, Марта вернулась обратно.

Дома Янка почти совсем протрезвился и в ту же ночь пережил первый приступ моральной реакции, настолько острый, что он не в состоянии был заснуть. «Никогда больше не буду пить, — думал он, не зная куда девать раздираемую тяжелым похмельем голову. — Никогда больше не буду вторгаться в незнакомое общество».

Вечером на следующий день, возвращаясь домой с лова, он встретил в дюнах Миците.

— У тебя голова не болит? — спросила она, еле сдерживая смех. — Какой номер выкинул Ремесис!

— А у тебя ни в каком другом месте не болит? — обрезал ее Янка.

Миците перестала смеяться.

— Ты становишься грубым, — сказала она и, густо покраснев, ушла.

4

Янка совершенно разошелся со своей семьей. Нельзя сказать, чтобы у них была какая-нибудь вражда — скорее просто равнодушие людей, которые теперь не нужны друг другу. Со смертью родителей исчезла последняя связь, разрублен соединительный семейный корень, и

каждый новый побег созревал теперь самостоятельно. Зитары разделились теперь на две группы.

В первую входили Эльза и Эрнест. Несмотря на свои бесчисленные недостатки, они были самыми удачливыми, потому что обладали практической смекалкой. Они умели думать только о себе. Поглощенные этой заботой о собственном благополучии, они пренебрегли своими обязанностями по отношению к остальным членам семьи. Они не были сентиментальны и романтичны, для великой борьбы и жертв они не годились. Но жизнь знает, на что каждый способен, поэтому не перегружала их непосильным бременем. Побуждаемый Кланьгисом, Эрнест недавно вступил в айзсарги. — Кланьгис уже давно числился в айзсаргах и командовал волостным отрядом.

Вторую группу составляли Карл, Янка и Эльга. Эти шли своим путем, гордые, увлекающиеся мечтатели. Из упрямства, может быть и из-за непрактичности, они избрали самую трудную дорогу. Возможно, они и держались бы все вместе и помогали друг другу, если бы борьба за жизнь не указала каждому его дорогу. Но, как бы там ни было, где-то все же существовал общий полюс их интересов и стремлений.

После той неудачной вечеринки Янка все лето никуда не ходил. Останавливало и оскорбленное самолюбие, и нужно было накопить денег, чтобы купить новый костюм. А каждая такая вечеринка стоила немало.

Лов в то лето был удачный. В августе они добыли много лосося и сырти. Больше двух месяцев Янка не брал в рот водки, отказываясь даже от обычной бутылки, что покупали за счет артели после каждого улова в субботу вечером. И теперь было ясно, что водку он совсем не любил и пил ее, чтобы не отстать от товарищей. Словом, он находился на том пути, когда сначала выпивают за компанию, чтобы походить на взрослых, потом по привычке и в конце концов уже по необходимости. Если не будешь пить, тебя станут дразнить молокососом и баптистом, а мы хотим быть мужчинами. Неважно, что такая мужественность многих лишала воли и калечила им жизнь. Сами делаем и сами страдаем. Не навязывайтесь со своими советами — мы совершеннолетние.

Новый костюм Янка заказал в Риге у хорошего порт-

ного, хотя он стоил вдвое дороже, чем готовый костюм в одном из магазинов на Мариинской улице, где одевались его товарищи. Остальные вещи, тоже самого хорошего качества, он приобрел в крупных магазинах. Товарищи сказали Янке, что глупо бросать деньги на ветер. Но что бы они не думали, он хоть однажды доказал, что у него такие же права на приличную одежду, как, например, у какого-нибудь Яна Ремесиса. В этом мелочном мире главную роль играла внешность, по ней оценивали человека. Услуживая посетителям, корчмарь Мартын кланялся хорошо одетым гостям, а остальным равнодушно ставил бутылки и сейчас же отворачивался задом. Разве он кланялся человеку? Конечно, нет — мы гнем свои спины перед капиталом, и толстому кошельку мы говорим: «Господин!» Иногда такой почет обходится всего в несколько сот латов.

Следуя существовавшей в этой местности традиции, Янка в ту осень конфирмовался. Подготовительные занятия к конфирмации, которым богословы придают такое большое значение, были просто фарсом: собирались вместе юноши и девушки переходного возраста и чуть постарше, и у всех было одно желание — хорошенько побеситься, подразнить пастора, посмеяться над ним и пофлиртовать. Большинство уже успело забыть вызубренные в школе заповеди и символ веры, а учиться этому вызнова не было ни малейшего желания. Старый пастор говорил с заметным немецким акцентом. Для крестин, свадеб или похорон он еще годился, но там, где следовало научить мировоззрению, пробудить интерес к проблемам нравственности и дать принципиальную установку беспокойным, полным энергии и стремлений молодым людям, он был бессилен и даже никогда не пытался, да, вероятно, и не смог бы удовлетворить жажду молодежи к познанию. Когда они становились любопытными и спрашивали о тайнах жизни и вечности, пастор отвечал им ничего не говорящей цитатой из библии. В равнодушии этих слов сквозила рутина. Он ничем не мог привлечь внимания слушателей. Пока он говорил, молодежь шалила и хихикала.

Две недели ходил Янка в усадьбу пастора — каким приходил, таким и возвращался. Под конец ему даже стыдно стало, что он участвовал в этой комедии.

Янка не прогадал, сделав дорогой костюм. И впрямь

внешняя оболочка была важнее всего и воздействовала на окружающих сильнее, чем все остальное. Он убедился в этом сразу же после конфирмации, тут же у церкви. Янка даже сам не сознавал, насколько он в тот день выделялся среди товарищей. Черный костюм сидел как нельзя лучше, выгодно подчеркивая стройность его мускулистой фигуры; голову он держал так, словно ему принадлежал весь мир. Белый воротничок и сорочка оттеняли лицо, покрытое темным загаром. Люди смотрели на Янку и перешептывались, вспоминая покойного капитана.

Первой его подхватила Миците, сунула в руку поздравительную карточку и, пользуясь правами двоюродной сестры, поцеловала в щеку. Такое излияние чувств Янке было вовсе не по душе; он покраснел, но воздержался от иронического замечания. Немного подальше его ожидала Марта Ремесис с братом. Янка не видел их со времени злополучной вечеринки. Немного смущенная, Марта подошла к нему и поздравила «вновь испеченного мужчину».

— Мне нужно что-то тебе передать, но сейчас нельзя, — торопливо прошептала она. — Сегодня вечером буду на взморье.

Больше они ни о чем не успели договориться. Рядом вертелась Миците. Ян Ремесис тоже счел нужным пожать руку старому школьному товарищу.

— Надеюсь, вы не сердитесь за ту шутку на вечере? — спросил он.

— От шуток шея не переломится, — улыбнулся Янка.

А дальше он попал в руки своей семьи. Миците не отходила ни на шаг, видимо, взяв на себя обязанности добровольного покровителя.

— Надеюсь, ты сфотографируешься в этом костюме? — спросила она, уводя Янку к родственникам, которые столпились на дороге, ожидая их. — Одну карточку обязательно должен подарить мне.

— Хорошо, хоть две, — ответил Янка.

— В двух видах, не правда ли? Анфас и в профиль.

— Непременно.

И тут Янку ждал большой сюрприз. Он выполнил традиционный обряд совершенно самостоятельно, не требуя ни от кого помощи, сам ввел себя в жизнь. Ему и в голову не приходило, что в честь этого события

нужно устроить какой-то торжественный обед. На это у него и денег не было. И вдруг Эрнест, ожидавший его у церковной ограды вместе с Эльзой и женой корчмаря Анной, гордо объявил:

— Приходите все в Зитары. Мы там кое-что приготовили.

— Мой муж остался там, — сказала Эльза. — Карл и Сармите тоже приехали. Сегодня соберемся все вместе.

— А Эльга? — спросил Янка.

Эльза смешалась:

— Эльга... Ты же сам понимаешь, — всем нельзя уйти из дому. Кому-нибудь надо остаться с ребенком.

Ничтожное обстоятельство, но Янка сразу почувствовал горечь. Если уж все собрались, почему именно Эльгу оставили дома? Наверно, постеснялись взять с собой, поскупились купить ей платье. И напрасно Эльза была ласкова и всячески льстила ему — он огорченно молчал.

Как это Эрнесту пришло в голову устроить торжество? Ведь Эрнест не из легкомысленных и ради доброй славы не станет тратить деньги. Он, правда, заменял отца и унаследовал дом, но сам вряд ли додумался бы до этого.

А дело было так. За несколько дней до этого он ездил в волостное правление и, встретив там Карла, имел неосторожность проговориться, что в воскресенье конфирмуют Янку.

Карл и был тем человеком, который напомнил ему о его долге.

— Ты один все забрал. Янка ничего от тебя не требовал и ничего от тебя не получил. Ты обязан устроить ему праздник... Если ты этого не сделаешь, это будет позор.

И Эрнесту пришлось потратить восемьдесят латов. Но это было неизбежно, и Эрнест подчинился, хотя и не с легким сердцем. Позднее он увидел, что все совсем не так уж плохо. Тут можно было набить себе цену — разыграть роль доброго, заботливого брата.

— Я его пропустил через конфирмацию, — хвастался он потом. — Что? Разве все было не так, как надо? Все что мог, сделал. Пусть дальше сам о себе заботится.

Придя в Зитары, Янка понял, почему Карл и Сармите не могли встретить его у церкви: они были очень

плохо одеты. На Сармите — то самое красное ситцевое платье, которое Карл купил ей весной, и, видимо, оно было единственным. А Карл так и не сумел сменить свою обтрепанную военную форму на что-нибудь лучшее. Янке стало очень неудобно за свое щегольство. В сердце возникло восхищение и уважение к двум этим молодым людям с уединеннего болота, которые упорным трудом завоевывали место в жизни. Да ведь они герои, настоящие герои будней! И ничтожным показалось Янке все, о чем он когда-то мечтал и чем восхищался. «Вот о ком надо песни петь!»

— Как у тебя дела с постройкой нового дома? — спросил Янка Карла.

— Уже подвели под крышу. Труба тоже сложена. Может быть, к осени удастся отделать одну комнату.

— Слишком спешить не следует, — предупредил Кланьгис. — Пусть доски хорошенько просохнут. Иначе может завестись грибок.

— Пейте же, — угощал Эрнест.

Посуду дала взаймы Эльза. Всего за стол сели восемь человек. Кришу вынесли обед в людскую. Эрнест больше заботился о выпивке, — разве у кого-нибудь дома еды не хватает? Женщины сразу же после обеда собрались вместе, поговорили о семейных делах, осмотрели старый яблоневый сад. Только Миците осталась с мужчинами. Словно желая загладить нанесенную Янке обиду, она теперь усердно поддерживала компанию, не отказываясь даже от водки, а пока не было в комнате матери, курила украдкой.

— Я купила тебе подарок, — сказала она Янке. — Но теперь передумала и куплю другой.

— Зачем же? — рассмеялся Янка. — Нельзя ли узнать, что это было?

— Нет, не скажу. Но у мамы ты не смей спрашивать. В следующее воскресенье получишь то, что я сегодня придумала. Это тебе очень пригодится.

— Пейте же, — повторял Эрнест.

Кто мог подумать, что так приятно играть роль хозяина: ты сидишь на почетном месте, одетый в мундир айзсарга, и угощаешь гостей. Все благодарны тебе, даже большой Кланьгис. У него можно будет при случае занять денег, только надо это сделать так, чтобы Эльза не знала.

— Плохо, что у вас нет патефона, — сказала Миците. — Можно бы потанцевать.

Но было весело и без патефона. Ах, если бы кто-нибудь из соседей посмотрел на это сборище родственников — как они весело шутили и старались угодить друг другу! Вполне можно было подумать, что в семье Зитаров царит самое искреннее согласие. Возможно, эта искренность жила всегда и лишь обстоятельства мешали постоянному ее проявлению, — сегодня было воскресенье, праздник, теплое солнце и приподнятое настроение.

Первыми собрались домой Карл и Сармите. Маленький Андрис был оставлен в Пурвмалах, а покормить скотину обещала Леонтина.

— Вы бы остались, — сказал Эрнест. — Кто же будет водку допивать?

Затем последовали взаимные приглашения приехать в гости, и в ответ были получены заверения и даже намечены приблизительные сроки приезда. И казалось, что только сейчас они наконец поняли, насколько они друг другу дороги и необходимы.

Янка проводил Карла и Сармите до дороги.

— Когда кончим лов, я приду к вам, — сказал он. — Постарайся к этому времени припасти какую-нибудь работу по постройке дома.

— Тогда прихвати с собой топор, — посмеялся Карл. — У меня только один, и тот щербатый.

— У тебя поперечная пила есть?

— У Попова* в Риге...

— Хорошо, тогда я захвачу и пилу.

Они уехали. Маленькая лошаденка бежала рысью. Старая таратайка, безбожно грохоча, скоро исчезла в облаках пыли.

«Он мог командовать полком, если бы остался в России... — думал Янка, глядя вслед уехавшим. — А что он нашел здесь? Что ожидает его в будущем? Недостойный сидит в родном гнезде, словно ястреб, и никого не подпускает к нему. А тот, кому полагалось бы быть на этом месте, принужден ютиться на болоте».

При этом Янка забыл о том, что сам он вышвырнут из родного гнезда и что сегодняшняя сердечность случайна — это просто реклама. Стало грустно, алкоголь опять сделал его чувствительным. Янка вернулся в

комнату и осмотрел подарки — большой альбом для фотографий со свабедным снимком Эльзы и Кланьгиса, вязаный джемпер, псалтырь и небольшой букетик цветов — мелкие белые и синие полевые цветы — и простой серый конверт: «Поздравляю в день конфирмации, желаю счастья. Эльга».

Отдавая подарок Эльги, Эльза даже просила извинить ее, что привезла такой пустяк. Но именно от этого пустяка у Янки защемило сердце, и все остальные подарки показались ему незначительными.

Вскоре после отъезда Карла и Сармите разошлись и остальные родственники. Хозяйка корчмы Анна не доверяла кухаркам и должна была сама присмотреть за приготовлением ужина: летом у нее жило на пансионе несколько человек. Миците не пошла с матерью, а осталась помогать Эльзе укладывать посуду. Когда Кланьгисы уехали, она присоединилась к Янке и Эрнесту, и они втроем допили все. Теперь уже никак нельзя было обижаться, что мало выпито. Эрнеста стало клонить ко сну. Лицо Янки разгорелось, словно у девушки. А Миците курила одну папиросу за другой и пыталась научить этому искусству Янку. Она слишком громко разговаривала и беспричинно часто смеялась.

Уложив Эрнеста, Янка унес подарки в свой «дом» и проводил Миците почти до самого трактира. Девушка изрядно захмелела и тяжело опиралась на руку Янки.

— Теперь девушки будут тебя любить, — сказала она.

— За что же именно? — усмехнулся он.

— Ты становишься красивым.

— При чем тут красота, если других добродетелей нет, — отшутился Янка.

— Вспомнишь мои слова, — заверяла Миците. — Девушки будут любить тебя. Жаль, что ты мой двоюродный брат, не то и я влюбилась бы.

Оболочка, только оболочка!.. Она стоит двести латов. Где же настоящие люди, не замечающие этой оболочки? Чистые, глубокие сердца и ясный рассудок?

Солнце уже опускалось за макушки сосен. Приближался вечер. Возвращаясь по лесной тропинке домой, Янка вспомнил Марту Ремесис. Сегодня вечером она обещала прийти на взморье. И должна что-то передать

ему... Однажды Марта обещала ему что-то сказать как другу. Янка свернул с тропинки и через дюны направился на взморье.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Дул легкий норд. Он всегда дует здесь в августе. Вода в море уже похолодала, и теперь при ловле рыбы нужно было надевать высокие сапоги. Клокочущие на отмелях валы, свистящий песок и голоса встревоженных чаек загнали горожан в их удобные дачи. Появившийся на пляже человек был одинок, казался беспокойной птицей.

Янка окинул взглядом пляж, но Марты не было видно. Может быть, она не придет — ведь они не успели окончательно условиться. Янка решил подождать до заката и стал медленно прохаживаться по взморью, до лодочной стоянки и обратно к пустынным пескам. Последняя буря залила пляж, и он сделался ровным и твердым, на песке не оставалось даже следов, и Янка не мог узнать, был ли здесь кто-нибудь. Но когда он проходил мимо холма, сидевшая там девушка — это была Марта Ремесис — незаметно покинула укрытие, сделала круг и вышла ему навстречу.

— Ты давно ждешь? Извини, меня задержали... Ты располагаешь временем?

— Хоть до утра.

— Но здесь становится холодно.

— Пойдем куда-нибудь, где нет ветра.

Они отправились на то место, откуда Марта только что пришла. Там действительно ветра не было; позади стеной стоял холм, перед глазами море, всякого прохожего видно за километр, а сам остаешься незамеченным.

На Марте было легкое летнее пальто; в волосах виднелось несколько запутавшихся сосновых игл. Они сели на брусничник и некоторое время молча любовались игрой солнечного заката.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — заговорила наконец Марта.

— У меня какое-то непривычное смущение, — ответил Янка. — Весь день находиться в центре внимания и притом без всяких заслуг. Право, не знаю, нравится ли мне это? А ты не замечаешь: я опять сегодня пьян.

— На этот раз не очень заметно.

— Привычка. Со временем я так привыкну, что ты не заметишь, пил я или нет.

— И ты этим очень гордишься?

— Не знаю, может быть, этого и не будет. А как бы тебе хотелось?

— Мне бы хотелось, чтобы ты... в конце концов начал думать о себе, заботиться о своем будущем, — задумчиво проговорила Марта, срывая бруснику. Набрав горсть спелых ягод, она рассыпала их по песку.

— А разве я не думаю? — спросил Янка. — Каждый день хожу на работу, добываю средства к существованию. Нынче я еще напарник, а будущей весной у меня будет своя доля в неводе. Со временем заведу разные снасти, научусь всем рыболовным тонкостям и построю моторную лодку.

— Ты это серьезно?

— Конечно. Разве все это незначительные вещи и об этом нельзя думать серьезно? Посмотри на окружающих — жизнь их такова, это их будни и их идеалы.

— И все-таки ты себя растратишь, если останешься в этих буднях и последуешь их идеалам.

— В каком смысле? Ты, может быть, думаешь, что я ничего не достигну?

— Нет, у тебя это получится не хуже, чем у других. Но я сомневаюсь, стоит ли это делать.

— А ведь у меня нет выбора.

— Может быть, у тебя нет желания? Неужели ты настолько непритязателен, что спокойно примиряешься с тем положением, в какое тебя поставили обстоятельства?

— Я не хотел стать алчным.

— Есть разные виды алчности. Есть такая, что ее следует стыдиться, и есть иная, что делает человеку честь. Мне казалось, что в тебе есть духовная жажда, чего нет у других. Возможно, я ошибалась.

Наступила пауза. Каждый старался угадать, что у другого на уме и как успешнее победить в этой странной борьбе. Янка нарушил молчание.

— Ты мне обещала что-то сказать. Или об этом и хотела говорить?

— Приблизительно. Но зедь мы пока только спорим.

— А ты знаешь, мне впервые приходится так серьезно и интересно спорить.

— Это хорошо, что ты наш спор находишь интересным. Видимо, я права. Тебе все-таки придется со мной согласиться.

— А не кажется ли тебе странным, что ты, младшая, даешь мне советы?

— Тебя это оскорбляет?

— Нисколько. Ну, а если я стану тебя поучать, тебе это понравится?

— Мне кажется, что я не слишком заносчива.

— Это верно. Иначе ты бы не сидела здесь и не разговаривала со мной. В сущности, кто я такой? Ни в голове, ни в кармане ничего нет. Дорогая барышня Ремесис, вы мне оказываете большую честь, расходуя свое драгоценное время.

— Я сейчас же уйду, если ты будешь дурачиться.

Они расхохотались, и серьезное настроение вернулось к ним не сразу.

— Скоро я опять уеду, — заговорила Марта.

— И до рождества я тебя не увижу, — в тон продолжил Янка. — С кем же я тогда буду говорить и... Здесь, в самом деле, смертельная скука будет.

— Но ты ведь сам этого хочешь.

Он долго смотрел на Марту, и, когда вновь заговорил, голос его был совершенно спокойным, но губы нервно дрожали:

— Что же мне еще остается?

— Поезжай и ты, в Риге места хватит.

— А что я там буду делать? Только армию безработных увеличу на одного человека. У тебя дело другое, ты кем-то будешь, а я...

— Ты тоже можешь, но не хочешь. И знаешь что, я, пожалуй, хотела бы, чтоб ты был пьян. Тогда ты более откровенен.

Янка покраснел, вспомнив свое поведение в парке. Наверное, все-таки он тогда наболтал лишнее. И он поспешил переменить тему разговора.

— Я слышал, ты окончила среднюю школу. Теперь ты едешь работать или учиться?

— Я буду учиться в университете.

— Хорошо! Ты когда-нибудь действительно станешь человеком.

— Нет, ты не переводи разговор на другое. Лучше ответь мне: ты на самом деле думаешь на всю жизнь остаться простым рабочим?

— Да, Марта, я так решил.

— Но почему? Только чуточку усилий — и ты выбе- решься. Ведь ты окончил прогимназию. Года за два ты кончил бы вечернюю среднюю школу и мог бы учиться в высшем учебном заведении; поступил бы на подходя- щую работу и занял в обществе то положение, какое тебе по праву принадлежит. Для теперешней твоей ра- боты ты слишком интеллигентен. Ты можешь подражать теперешним твоим товарищам, но таким, как они, ни- когда не станешь, а впоследствии почувствуешь боль- шую горечь за неудавшуюся жизнь. Не смейся над при- родой. Она тебе дала много такого, чего нет у других, и ты не имеешь права отталкивать ее дары.

— Странно ты рассуждаешь, Марта. Не всем же иметь высшее образование, кому-то надо взять на свои плечи и грубую, тяжелую работу. И того, кто это делает, нельзя презирать. Если избранные нас презирают, это зна- чит — они неправильно понимают законы жизни, пере- оценивают себя.

— И ты думаешь, многие поймут и оценят твой геро- изм? — грустно улыбнулась Марта.

— Достаточно, если я сам понимаю. Это для меня большое удовлетворение.

— Если все так, как ты говоришь, почему у тебя се- годня на руках эти замшевые перчатки? У других я та- ких не видела.

— Мальчишеская затея, чужое влияние, — сказал Янка. — Хорошо, что ты мне напомнила об этих перчат- ках. Я никогда больше не совершу такой глупости.

Он снял перчатки, скомкал их, хотел закинуть, но по- том раздумал и сунул в карман:

— Скоро начнется копка картофеля. Они пригодятся какой-нибудь копальщице. Осенью земля холодная и грязная.

Марта смущенно поднялась:

— Уже поздно. Пока я доберусь домой...

Янка проводил ее до аллеи Ремесисов. Солнце давно село, густые сумерки окутали землю.

— А вот то, что я тебе хотела передать, — сказала Марта. — По правде говоря, после того, что я услышала сегодня, я сомневаюсь, понравится ли тебе...

— Что бы это ни было, мне оно очень, очень понра- вится, — сказал Янка, принимая тоненький пакетик (Марта весь вечер прятала его на груди). — Потому что ты хорошая и иногда думаешь обо мне.

Они расстались, не сговорившись о новой встрече.

Дома Янка зажег свечу и развязал подарок Марты. Это был маленький альбом для стихов. На первом ли- стке было написано рукой Марты: «Когда ты заполнишь эти листки своими (только своими!) стихами, позволь мне их прочесть. Недолго придется ждать, не правда ли?..»

«Поздно, мой светлый друг, — думал Янка. — Я больше не умею петь, мой голос стал грубым и резким от морских соленых ветров... Тебе придется долго ждать...»

2

Наутро Янка натянул на ноги тяжелые рыбацкие са- поги и отправился на карбас. Дни потекли, как прежде, неудачи чередовались с богатыми уловами, за штормом следовал штиль. Если ветер дул с запада, лил дождь и вода поднималась до подножия дюн. Промокшие до костей, в сапогах, доверху полных воды, работали ры- баки. Непогода пригоняла к берегу большие стада ло- сосей. После каждого улова рыбаки согревались водкой и спешили обратно в море. Если дул восточный ветер, море успокаивалось, но вода была холодна как лед. Тогда рыбаки негнущимися пальцами зацепляли пояса за веревки невода и до тех пор хлопали себя руками по бо- кам, пока в кончиках пальцев не начинало болезненно покалывать. Потом руки уже не мерзли, а горели. Пер- чатки на этой работе мешали. Летний загар сменила краснота медного оттенка, густая, темная, как закатное солнце.

Вечерами Янка настолько уставал, что не в силах был сходить в лавку, позаботиться об ужине. Затопив печь и развесив мокрую одежду, он закусывал тем, что

оказывалось под рукой, и ложился спать. Пока топилась печь, можно было прочесть газету — книг он не брал в руки с весны. Это была дикая, первобытная жизнь. Тело она укрепляла, но дух дремал. Мускулы стали большими и твердыми как камни, бицепсы распирали швы на рукавах старого пиджака. Какая от всего этого польза? Какой смысл в том, что ты одним взмахом можешь сломать лопасть большого весла, что у тебя волчий аппетит и спишь ты без сновидений? Может быть, хорошо только одно, что такая жизнь очищает человека, делает естественнее его чувства и желания.

В субботу вечером пришла Миците и отдала Янке обещанный подарок. Это была красивая трость с серебряной монограммой. Монограмма стоила больше, чем сама трость.

— Спасибо, — сказал Янка. — Она мне очень пригодится.

— Марта завтра уезжает в Ригу, — сказала Миците. — Я поеду позже. Если хочешь с ней встретиться, пойдем со мной, — она вечером будет у меня.

— А если она не хочет меня видеть? — спросил Янка.

— Ну, в этом-то я кое-как разбираюсь. Зачем же она третьего дня гуляла здесь по дороге? Наша работница видела ее. ...Если думаешь идти, собирайся. Я спешу, может быть, Марта уже ждет меня.

— Я... не пойду.

— Почему? Она же тебя интересует.

— Меня многое интересует, но из-за этого не стоит быть смешным.

— Если ты не пойдешь, у меня будут неприятности.

— Какие же?

— Я не могу тебе этого сказать. Но если ты обещаешь не проболтаться...

— Хорошо, не проболтаюсь.

— Марта хочет с тобой встретиться. Она просила устроить так, будто встреча произошла нечаянно. Ты ведь понимаешь, девушке это неудобно. На этот раз проявим активность, и вам обоим будет хорошо. А я выполню свое поручение.

— В трактир я все-таки не могу идти. Это уже не будет случайностью.

— Тогда встречай нас попозже на дороге. Я провожу Марту до столба на перекрестке, и там мы «нечаянно»

встретимся. Сделай вид, что идешь ко мне что-то передать, ну, например, книгу, что ли. Я сразу распрощаюсь и велю тебе проводить Марту домой. Разве это не будет выглядеть «нечаянно»?

— Ты хороший организатор, — засмеялся Янка.

— Если тебе когда-нибудь в подобных случаях понадобится помощь, вспомни обо мне, — улыбнулась и Миците.

— Жаль, что ты не была вместе со мной в Сибири. Там мне очень недоставало такого помощника, а сам я был слишком глуп.

И зачем ворошить прошлое? Это вышло нечаянно, но внезапное прикосновение к минувшему обожгло Янку, словно горячий уголь. Хорошо, что Миците этого не заметила.

Она ушла. Янка достал бритву и взбил пену. Обветренное лицо, покрытое щетиной недельной давности, выглядело диковато.

3

Все произошло так, как Миците обещала: она проводила Марту и, остановившись у столба, болтала до тех пор, пока не появился Янка.

— Ах, это ты! — воскликнула Миците. —Значит, у Марты будет попутчик. О, какой резкий ветер! Мне холодно.

Из приличия еще несколько слов в адрес Марты, несколько — Янке, и она побежала домой. Пока она была здесь, разговаривали оживленно. А теперь вдруг появилась неловкость. Они оба знали, что при расставании один вопрос остался без ответа и сейчас, если только хватит смелости, надо разрешить его. Может быть, Янка, обдумав за это время сказанное тогда Мартой, признает, что она права, и изменит решение? Не пропал ли у Марты всякий интерес к будущности Янки после его высокомерного разглагольствования в тот вечер, и не из любопытства ли она желает послушать, как он ответит на ее советы?

— Говорят, ты завтра уезжаешь, — прервал Янка затянувшееся молчание. Они уже изрядно отошли от столба, скоро нужно было сворачивать вправо от большака.

— В понедельник начинаются экзамены, — тихо ответила Марта. — Через неделю все окончательно выяснится.

— Ты думаешь, что можешь не пройти по конкурсу?

— Ничего неизвестно. Иногда на какой-нибудь мелочи может провалиться самый подготовленный.

— И тогда?

— Тогда опять придется ждать весь год, готовиться к новому экзамену.

— А до этого? — голос Янки дрогнул робкой надеждой. Он стыдился своего эгоизма.

— Все равно, какой бы ни был результат, домой я не вернусь, — вызывающе откинула Марта голову. — Останусь в Риге, попытаюсь получить работу и буду брать уроки.

Опять наступило молчание. Янка отошел от Марты. Они шли каждый по своей стороне дороги.

— Долго ли вы еще будете ловить неводом? — спросила Марта.

— Две, самое большее — три недели.

— А затем?

— Достанем сети и будем ждать появления кильки.

— А зимой? Ведь несколько месяцев здесь совсем нечего делать.

— В это время рыбаки чинят снасти, а у кого их еще нет, вяжет новые.

— А если не хватит денег? Есть ведь тоже надо.

— Конечно, зубы любят работу. Поэтому мы осенью запасаемся несколькими пурами картофеля и солим бочку салаки. Если не хватит этого, в лавке можно получить кое-что в кредит.

— А если человек настолько горд, что не хочет делать долгов?

— В Ригу он все же не поедет за помощью, потому что зимой много дела в лесу. Молодежь, которой это не по душе, как, например, мне, ищет работу на судах и уходит в море до весны. Некоторые остаются там и на лето, на другой и на третий год и так скитаются всю жизнь.

— В прошлый раз ты этого не говорил. Или ты уже изменил прежние намерения и начинаешь думать о кораблях?

— Я говорю только о возможностях.

— Значит, все-таки ты допускаешь, что, может быть, придется искать другое занятие?

— Каждый человек живет как умеет.

— Но почему у тебя всегда такие... упрямые планы?

— Мне они нравятся.

Опять замолчали. Вот уже аллея Ремесисов, но они словно не заметили ее и шли все дальше, мимо дома...

— Ты посмотрел мой подарок? — спросила Марта.

— В тот же вечер.

— И что ты на это скажешь?

— Что сказать? Ты хорошо придумала.

— Ты уже много стихов вписал в альбом? Может быть, на рождество я их смогу прочесть?

— Там еще нет ни одной строчки, только те, что ты вписала.

— Тебе некогда. Но потом ты будешь свободнее.

— Боюсь, что для *этого* я долго не найду времени.

— Может быть... тебе просто нечего писать?

О, как она умна! Как сумела найти больную струнку Янки и добиться того, что ей нужно. Свой вопрос Марта задала серьезно и искренне, и у Янки даже не возникло ни малейшего подозрения в том, что здесь кроется какой-то тайный умысел. Но он уловил легкую иронию, это кольнуло его самолюбие, и оно сразу надулось, как шея рассерженного индюка. Да он и на самом деле индюк. Разве иначе он ответил бы так необдуманно:

— Ну, а если б я написал и даже печатался? Если б у меня было целое море тем, идей — так много, что они захлестнули б меня? Нет, Марта, у меня есть о чем писать. Но я не понимаю, зачем мне заниматься этим. Если я буду молчать, разве кто-нибудь от этого пострадает? Если я стану писать — чего достигну? Известности, более легкой жизни, положения в обществе? Пока мне все это безразлично. Теперь до меня никому нет дела, и, если бы кому-нибудь пришла охота нападать на меня, я бы определенно знал, в чем они правы и чего хотят. Я мог бы защищаться, бороться. А тогда... Люди, которые не в состоянии написать связно ни одной фразы, посмеивались бы над моими произведениями. Меня могли бы совершенно безнаказанно публично поносить, превратить в ничтожество. И мне оставалось бы только молчать. Возможно, они и правы, а я ошибаюсь. Чем значительней были бы мои достижения, тем меньше мне

прощали бы это. В конце концов я заболел бы еще манией преследования и жаждой лести. Все, что я сейчас делаю, очевидно, целесообразно; это простые, полезные дела, и ни один человек не может упрекнуть в том, что я занимаюсь пустяками. Как только я начну писать, ощущение этой простоты исчезнет, искусство сделает меня самого искусственным и моя деятельность будет основываться на воображении, на фикции. Я начну публично размышлять, люди станут следить за моими мыслями, и мне покажется, что я выполняю серьезную и нужную работу. Ведь мне за это будут платить. Так толпа платит фокусникам и факирам, показывающим на базарной площади фокусы. Мне только не придется обходить публику с шапкой в руках.

— Милый Янка, ты высмеиваешь самого себя, — прервала его Марта. — Я знаю, почему ты это делаешь: ты боишься, что у тебя не хватит силы противиться своему призванию. Некоторое время тебе, быть может, удастся себя обманывать, но как-нибудь ты все равно не утерпишь и возьмешься за перо.

— Случается — люди поддаются преступной слабости.

— Когда ты начнешь?

— Не знаю. Лет пять, по крайней мере, хочу пожить так — изучить жизнь и людей.

— Потом пройдет еще пять лет, может быть больше, пока ты пробьешь дорогу. Зачем тебе так долго ждать?

— Если у нас во рту есть испорченный зуб и он не болит, мы не торопимся его вырвать — он расшатается и выпадет сам.

— И для этого нужно ждать пять лет?

— Возможно, и дольше. Если корень здоровый, зуб не так скоро раскачается, даже если в нем больной нерв.

Марта больше ни о чем не спрашивала. Янка понял: этот спор имеет скрытый смысл, и они говорят так в последний раз. Он не отозвался на зов друга. И голосом друга говорила женщина. Янка был слишком недогадлив, чтобы расслышать ее призыв, он не ответил на него, и теперь ему опять оставаться в одиночестве.

— Ну, мне нужно идти, — сказала Марта, когда они вновь дошли до аллеи Ремесисов. — Мы пойдем каждый своей дорогой. Но я знаю — со временем ты из-

берешь другой путь. Я буду следить за тобой, и мне будет приятно, если ты далеко пойдешь. А теперь будь здоров... Будь здоров, Ян Зитар...

Неожиданно она охватила руками голову Яна и легко прикоснулась губами к его лбу. Это был трепетный поцелуй, похожий на самое легкое дуновение ветерка, — прощальное приветствие друга. Она ушла. Сердце Янки вдруг затосковало, точно он был обречен на вечное одиночество. Прислонившись к изгороди, он долго стоял на дороге. Только когда во дворе Ремесисов залаяли собаки, он вспомнил, что нужно уходить.

4

«Я лицемер, — думал Янка, возвращаясь домой. — Все, в чем я и сегодня, и в прошлый раз уверял Марту, только слова. Ведь я согласен с ней, сам тоскую о том, к чему она меня зовет, стремлюсь с того дня, как начал мыслить. О, если бы я верил в осуществление своей мечты! Мне бы и в голову не приходило отрицать свои стремления и надежды на будущее. Но я, боясь провала, лицемерно говорю, что меня это не интересует. Разве не похож я на лису из басни Крылова, которая, поняв, что ей не достать виноград, пренебрежительно сказала: «На взгляд-то он хорош, да зелен...» — и ушла. Ты сам, Янка, разрушил последний мост, соединявший берег своей теперешней жизни с другим берегом, далеким и манящим. Необдуманно погрузил ты свою жизнь в черную, беспросветную тьму, полную мук, и назвал это героизмом и самопожертвованием». Янке стало вдруг мучительно жаль себя, он испугался своего упрямства. Конечно, прекрасно приносить себя в жертву, но это возможно до известного предела. Желание жить запрещает человеку полное самоуничтожение, ибо это уже не жертва, а самоубийство. Ян Зитар, ты уже начинаешь сожалеть о своем безрассудстве, и лишь самолюбие не позволяет тебе отказаться от неверных решений. Без всякой радости и удовлетворения пойдешь ты все дальше вперед, пока смерть или увечье не сломит твою гордость.

Выйдя на большак, Янка услышал в темноте громкие голоса. Должно быть, какие-то забулдыги плелись из

корчмы. Они то запевали, то кричали и ссорились. В этот вечер весь мир принадлежал им. Дайте дорогу — его величество Алкоголь идет! Скоро из темноты появились двое.

Всякий благоразумный человек свернул бы в сторону и пропустил пьяных, они были очень воинственно настроены. И если бы эта встреча произошла вчера, Янка свернул бы в лес, не подумав о том, что это может уронить его достоинство. Но сегодня все получилось иначе.

«Не уступлю дороги! Что это за персоны?»

И он пошел по самой середине дороги, навстречу орущим. Если не заденут, он тоже промолчит, а если привяжутся (а они обязательно это сделают), он им покажет, как мало уважает он герольдов его величества Алкоголя. В лице двух гуляк навстречу ему шло его настоящее и, возможно, будущее, и хотелось ударить его кулаком в лицо. Янка заблаговременно вытащил из карманов руки, и все его нервы напряглись до предела.

«Будь что будет!» — подумал он, узнав хозяйских сынков. Он приближался к ним, не замедляя и не ускоряя шага.

— Кто такой? — крикнул один из них.

— Ян из Шауляя, кость покупает, — прошепелявил второй.

Янка не произнес ни слова. Их разделяло всего три шага. Оба парня загородили ему дорогу. Он свернул немного в сторону и хотел пройти мимо.

— Эй,ты там, истребитель салаки! — крикнул первый парень. — Не форси — можешь наскочить на кулак.

Янка опять ничего не ответил, но кто-то схватил его за рукав и потянул назад.

— Поставим ему на рожу печать, — бахвалился второй парень. — Этим салачьим пузырям так и надо.

Янка вдруг повернулся и ударил кулаком в лицо стоявшего ближе к нему парня. Тот растянулся на куче гальки.

— Вот тебе истребитель салаки! Вот тебе салачий пузырь! — сопровождал Янка краткими пояснениями каждый следующий удар. — А вот тебе и печать на твое рыло! Вот тебе кулак, на который можно наскочить темным вечером!

Второй парень немного тверже держался на ногах, но вскоре и он оказался на земле; сыпля проклятья, он

размазывал по лицу кровь, сочившуюся из разбитой губы. Янка не был мастером кулачного боя, но в этой стычке все преимущества были на его стороне: те двое здорово насосались и не могли попасть кулаками туда, куда метили. Парней побуждала к драке пьяная блажь. Янку заставляла драться злоба на что-то большее, чем его противники. Он не знал, как долго продолжалось это нелепое происшествие, но после его третьего удара противники больше не нападали, и Янка мог спокойно продолжать свой путь. В драке он содрал кожу на сгибах пальцев и потерял зуб, а его противники еще целую неделю ходили с лицами, залепленными пластырями, и уверяли всех, что расшиблись при падении.

Что дало Янке это происшествие? Наслаждение борьбой, радость победы? Возможно. Но важнее всего было сознание, которое, казалось, неотвратимо и навсегда погрузило его в избранную им жизнь:

«Вот где мое настоящее место — крепкий кулак и лошадиная работа. Для этого я годен и к этому предназначен, — следовательно, конец всем фантазиям и нечего стремиться к невозможному».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Улетели на юг журавли. Барсуки забрались в норы и залегли на зимнюю спячку. Полевые мыши переселились в жилье человека, чтобы до весны вывести еще одно поколение и просуществовать кражей в клетях, в кладовых и погребах. Опустели скворечники, и воробьи могли теперь смело оккупировать брошенные жилища. Но они предпочитали носиться над полями, лесами, над дворами, высматривая, когда хозяйка кормит кур, и подбирать крупинки и крошки творога из-под самого носа у сердитого петуха. Весной будет война и раздор: самцы начнут драться между собой и все воробьиное племя как один сердито запищит на черных бродяг, о которых люди так заботятся, словно те несут им яйца. Это было вопиющей несправедливостью, сердца маленьких птичек чуть не разрывались от негодования: ты честно и преданно живешь на одном месте, не боишься ни стужи,

ни лишений. А какая тебе польза от твоей любви к родине? Ты сер, мал и не умеешь красиво петь, и людям кажется, что без тебя можно обойтись. А всяким свистунам, избалованным бродягам они строят скворечники и наблюдают за тем, чтобы кошка не тревожила сидящую на яйцах самку. Умеет ли такой скворец быть благодарным за оказанное ему внимание? Пока здесь земля обетованная и теплое солнце, он живет на месте. Но как только перестанут на каждом шагу валяться червяки и подует прохладный ветер, он просвистит «будьте здоровы!» и исчезнет неизвестно куда. Заморыш и лежебока! Но здесь мы, выносливые и невзыскательные! «Чирр, чирр...» — кричим мы, какая бы ни была погода. Люди не замечают нас, пока мы около них. А помните, как было в одном доме, где мы три года подряд не вили гнезд и не прыгали по двору? Каким задумчивым стал хозяин, и что говорили соседи: «У нас воробьи не живут. Это не к добру...» Тогда-то они поняли, что им не хватает нас, и не могли дождаться, пока какая-нибудь пара поселится у них в куче хвороста. Они сыпали крупу, крошили хлеб, а кошку запирали в комнате. Наконец мы дали себя задобрить. И какая же это была радость! — У нас опять воробьи! — хвастались хозяева. Они зимой уже не чувствовали себя одинокими. Если бы среди воробьев царило полное единодушие, ни один скворец не смел бы появиться вблизи дома.

Ветер кружил в воздухе пожелтевшие листья. Одна за другой уходили в город подводы, груженные вещами дачников. Окна дач закрыли ставнями. Распрямила сухой стебель трава на дюнах, сосновая хвоя засыпала следы ушедших горожан. Море окуталось дымкой дождя.

Однажды рыбаки последний раз вытащили невод. Он был пустым.

— Нечего тут больше копаться, — сказали рыбаки. Они разобрали невод, и каждый увез домой свою часть. Общественный инвентарь — лебедку, тросы, весла, ворот для вытаскивания невода и якоря — убрали в клеть кормчего; карбас оттащили подальше на берег, где его не доставали вода прилива и весенний лед, и опрокинули вверх днищем. Заработок последней недели пропили вместе — хозяева и батраки. И каждый отправился своей дорогой.

Рудис Силинь с месяц тому назад ушел со знакомым капитаном в Англию за новым судном. Теперь он вернулся в Ригу, и Янка получил от друга письмо.

«Два матроса должны идти на военную службу. Если хочешь устроиться на судно, приезжай немедленно. Я уже говорил капитану про тебя».

Янка знал капитана, он когда-то ходил штурманом у старого Зитара. Вновь ожила прежняя мечта о море. «Теперь или никогда», — подумал Янка и сложил вещи в морской мешок. Что бы он стал делать всю долгую зиму на берегу? Если вязать сеть, уйдут все сбережения и не на что будет жить; если поступить батраком к трактирщику Мартыну, не останется времени на вязку сетей и будущей весной опять придется бродить с неводом в напарниках. Уж лучше уйти в море, заработать деньги и купить готовые сети. Заодно и свет посмотришь.

Янка заявил Галдыню о том, что он отказывается от домика Микелиса, лучшую одежду и разную мелочь оставил у Эрнеста и уехал в Ригу.

2

Янка отправился на старом, славном «Нейбаде». Поздно вечером суденышко добралось до Риги и пришвартовалось у набережной Даугавы. Вместе с несколькими другими пассажирами Янка остался ночевать на пароходике. Он подремал немного в маленьком «салоне» и уже ранним утром был на ногах. Оставив вещевой мешок на хранение знакомому матросу «Нейбада», он отправился на поиски судна, где служил Рудис Сеглинь. Рудис писал, что они стоят в Андреевской гавани*, недалеко от большого элеватора. Если уголь еще не разгружен, судно должно находиться там.

Миновав «Сельдяную сортировочную», от которой несло селедочным рассолом, Янка очутился в самом мрачном и грязном углу гавани. Весь берег был завален горами угля. Под ногами хрустела угольная крошка, а мостки судов, казалось, покрывал слой сажи. Работа только что начиналась. Грохот лебедок и шипение пара мешались с пронзительными голосами людей. Из открытых судовых люков одна за другой поднимались наверх корзины — словно громадные нечистые части извергали

ежеминутно в воздух тяжелые плевки угля. Рабочие, стоявшие на мостках, подхватывали корзины и высыпали уголь в тачки, другие бегом отвозили груз на берег. Над палубами судов стояли облака черной пыли, и штурманов невозможно было отличить от грузчиков угля. Медная обшивка дверей кают и рамы иллюминаторов уже не сверкали на солнце. Белый китель кока стал пестрым, как голландская корова.

Пробираясь мимо тачек с углем, Янка испачкался. Брюки блестели от осевших на них мелких кристалликов угля, руки посерели, словно их выпачкали в золе, и в нос набилась угольная пыль.

Судно, которое он искал, стояло рядом с большим элеватором. Янка поднялся на мостки и пошел наверх.

— Чего путаешься под ногами! — закричал на него грузчик. Янка посторонился, чтобы дать ему дорогу, и чуть не свалился с мостков. Внизу его подкарауливала блестящая, как деготь, вода. Кое-как он добрался до палубы и остановился у поручней, чтобы немного прийти в себя от безумного хаоса. Но где там! Из переполненных корзин валились куски угля, рабочие у лебедок кричали, чтобы сторонились, и при повороте стрелы крана одним из стропов с головы Янки сдернуло шапку. Настоящий ад!

— Эй, вы там! — крикнул ему какой-то моряк, по-видимому боцман. — Что тебе здесь надо?

— Капитана! — крикнул Янка в ответ.

— Капитан в городе, — ответил моряк. — Зачем он тебе? Вероятно, хочешь наняться?

— Может быть. Я знаю капитана. Он обещал мне место.

— Тогда тебе придется подождать. А пока иди-ка ты лучше на берег.

— Не могу ли я увидеть Рудиса Сеглиня? — спросил Янка.

— Сеглинь в кубрике. Прошлую ночь он стоял на вахте и теперь спит.

Янка проскользнул кое-как в носовую часть судна. Он знал, что матросские кубрики на всех кораблях помещаются на правой стороне, поэтому смело искал дверь. Носовое помещение разделял узкий, темный коридор. По сторонам его были две двери. У одной, прислонившись к грязной железной стенке, стояла девушка

в простой крестьянской одежде. Заметив Янку, она отвернулась и закрыла глаза грязным носовым платком. Янка услышал тихие всхлипывания. Плечи девушки вздрагивали от сдерживаемых рыданий. Он растерянно остановился, не зная, что делать. Рядом с девушкой на полу стоял небольшой чемодан — вероятно, она приехала издалека.

— Что с вами случилось? — решился наконец Янка. — Вы кого-нибудь разыскиваете?

— Я... я приехала к брату... — захлебываясь от рыданий, произнесла девушка.

— И его здесь нет?

— Там, в каюте... — она кивнула на дверь матросского кубрика и заплакала еще безудержнее. Больше от нее ничего нельзя было добиться.

Янка пожал плечами и постучал в дверь. Никто не отозвался. Он нерешительно открыл дверь. Горела керосиновая лампа с сильно закопченным стеклом. На матросских койках валялись грязные полотенца и одежда. На нижней койке кто-то храпел. В углу слышался плеск воды. С одной из коек на Янку смотрело сердитое бледное лицо женщины: растрепанные волосы, голые плечи, одна лямка на сорочке оборвана...

— Чего пялишь глаза? Если входишь, входи, а нет, так выметайся! — проговорила женщина осипшим, пропитым голосом.

Он вошел в кубрик. На столе стояла сдвинутая в беспорядке немытая посуда, облипший кофейной гущей кофейник, тарелки с остатками еды, а посредине — две пустые бутылки из-под водки.

— У тебя нет курева? — спросила женщина.

— Я не курю, — смущенно сказал Янка.

— Какой же ты мужчина? — послышался голос другой женщины с койки нижнего яруса, и, вглядевшись пристальнее, Янка увидел там другое полуобнаженное, растрепанное существо. Из стоявшего в углу ведра с нечистотами несло зловонием.

— Сеглинь в кубрике? — спросил Янка.

На той койке, откуда доносился голос второй женщины, кто-то заворчал:

— Кто там?.. Что нужно?

— Это ты, Рудис? — Янка подошел ближе.

На него смотрело тупое, пьяное лицо друга.

— Ты приехал? Олрайт. Я уже говорил старику... ммм... все в порядке...

— Скоро монопольку откроют, — пробормотал еще чей-то голос на верхней койке. — Ты можешь сходить за водкой? Магарыч все равно придется пить.

— Принеси мне сельтерской, — добавила женщина, лежавшая рядом с говорившим.

— Там за дверью какая-то девушка, — сказал Янка. — Заплаканная. Говорит, что пришла к брату.

— Что она, ошалела, что ли? В такую рань явилась. Ведь я ей сказал, чтобы после обеда... — пробормотал любитель водки.

Это, вероятно, был брат девушки. Когда Янка спросил его, тот подтвердил — да, это на самом деле он. Но разве его вина, что сестра пришла в такой момент.

— Не лучше ли вам выйти и поговорить с ней? — продолжал Янка.

— Кто ей запрещает войти? — проворчал моряк.

— Может быть, она хочет рассказать о домашних делах, а здесь это неудобно.

— Ну, правильно. Разве я не знаю, что у них за песня? Деньги, подавай деньги! Тоже большое счастье.

«И среди таких людей я собирался жить...» — содрогнулся Янка. Полуобнаженные женщины равнодушно смотрели, как он поморщился. Та, что лежала в койке Рудиса, зевнула и принялась тормошить Рудиса, но он опять уснул.

Янка поднялся.

— Так я пойду на берег, Рудис, — произнес он.

— Да. Возьми два полуштофа, — промямлил в ответ Рудис.

— И папиросы «Рига», большую пачку, — напомнила женщина.

— У тебя деньги есть? — пробудившийся Рудис взглянул на Янку.

— Найдутся.

— Олрайт. А потом мы сходим к капитану.

Янка вышел в коридор. Облако угольной пыли, взвившееся из первого люка, было ничто по сравнению с воздухом, стоявшим в кубрике. Незнакомая девушка все еще стояла на прежнем месте.

— Знаете что? — обратился к ней Янка. — Поезжайте лучше домой, потому что вам вряд ли удастся сегодня поговорить с вашим братом. Вы приехали в неудачный день. Ведь не всегда бывает так, как сегодня.

И для Янки этот день оказался неудачным. Впрочем, не все моряки жили так, как эти. Вероятно, Рудис и брат девушки в другое время были порядочными ребятами, с которыми приятно работать. Но Янке пришлось в самом начале раскрыть наиболее мрачную страницу жизненной книги моряков. Заглянув в нее, он не захотел читать остальные.

— Вы еще останетесь? — спросил он у девушки.

— Надо подождать, может быть, он выйдет, — ответила она.

Но в тот момент, когда Янка уже собирался уходить, из другого кубрика вылез кочегар, такой же пьяный, как все матросы. Шагая через порог, он качнулся в сторону девушки и, расслабленно улыбнувшись, спросил:

— Деточка, о чем плачешь? Заходи к нам.

Удивленная и испуганная, она взяла свой чемодан и последовала за Янкой. Они вместе сошли с корабля. Грузчики обменивались на их счет циничными замечаниями.

— Кто же это в конце концов — люди или скоты? — заговорила девушка, когда они выбрались из этого ада.

— Как когда, — ответил Янка. — Иногда это порядочные и славные ребята, а иногда такие, как сегодня. Вытрите лицо, мы черны как трубочисты...

«Какие впечатления унесет с собой эта девушка? — думал Янка. — Что она расскажет родителям, братьям, сестрам?»

Он не пошел в монопольку за водкой для магарыча, не вернулся на судно и не представился капитану. Рудису Сеглиню он послал открытку: «Мне подвернулась более выгодная работа. Остаюсь на берегу».

Пока «Нейбад» разгружался и принимал новый груз, Янка ходил по лавкам. Он купил поперечную пилу, шведский стальной топор и так называемые сапоги якорщиков.

Возвратившись домой, Янка не объяснил никому причину своего возвращения и со всеми покупками сразу же отправился к Карлу на Болотный остров.

3

На Болотном острове летом изрядно поработали, и поэтому кое-что здесь уже изменилось. Окруженный трясиной, омываемый водами реки, этот остров все же походил на жаждущий влаги песок пустыни, жадно впитывающий в себя каждую каплю пота, тяжкий труд крестьянина и последний заработанный сантим. Ему все было мало. Как только сделано одно, он звал на другую работу; потребность за потребностью всплывали из его топей. И человек трудился не разгибая спины: копал, корчевал, рубил, пахал, сеял. Зачастую у него не хватало даже времени на то, чтобы утереть пот с лица, и он, как слезы, щипал глаза.

Весною поставили сруб жилого дома из толстых досок с тесовой крышей и вывели трубу. В свободное время Карл настелил черный потолок, засыпал его опилками и выстрогал доски для пола. Дальше дело не двигалось. Чтобы поселиться в новом доме, нужно было сложить плиту и печь, вставить три окна и двери. Для этой работы надо пригласить мастеров; это стоило денег, а их у Карла и Сармите не было.

— Придется жить еще одну зиму в сарайчике, — сказал Карл.

— Ничего, нам не привыкать! — улыбнулась Сармите.

И вот в те дни к ним пришел Янка — настоящий работник, отправившийся на отхожий промысел с мешком за плечами, с пилой под мышкой. Он приготовился к серьезной работе. Узнав планы брата и осмотрев его хозяйство, он сказал:

— Ты думаешь, я, как Робинзон, буду спать в хижине? Тогда мне не было смысла приходить на остров.

Он сел за стол и взял карандаш и бумагу. Измерив оконные и дверные проемы, он определил их стоимость и отослал Карла к столяру: не позже чем через две недели двери и рамы должны быть готовы!

Картофель был выкопан, хлеб обмолочен, а озимую рожь Карл посеял еще раньше. Братья наточили топоры и взялись за работу.

— Надо строить так, чтобы потом не пришлось переделывать, — сказал Янка.

В доме они возвели две капитальные стены, затем отделили кухню и будущее подсобное помещение. Стены

делали из дюймовых досок в два ряда, оставив между ними пространство в полфута; его засыпали опилками и залили раствором извести. Жилое помещение временно оклеили всякой бумагой — штукатурить было поздно, не успеет высохнуть и потрескается. Это пришлось отложить до будущей весны, когда стены как следует просохнут. Потолки тоже обили простыми тонкими досками, чтобы потом оштукатурить их. Подошла очередь пола, и тут у братьев дело застопорилось, так что в конце концов им все же пришлось пригласить на помощь плотника. Общими усилиями они за две недели настолько продвинули отделку кухни и одной комнаты, что можно было уже вселяться. Но Янка заупрямился — необходимо покрасить пол и подождать, пока он высохнет. За это время они поставили остальные перегородки в доме и сделали дверные проемы. Окончательно заделать эти стены еще нельзя было — не хватило опилок. Но это Карл мог спокойно закончить в будущем году. Всего предполагались в доме три комнаты, кухня, коридорчик и кладовая.

— В комнатах тебе обязательно нужно делать изразцовые печи, — сказал Янка брату. — В большой комнате не мешало бы даже соорудить камин.

— Может быть, еще и паркетный пол положить, — засмеялся Карл. — И панель из красного дерева по стенам.

— А почему бы и нет? — удивился Янка. — Неужели только те там, в Риге, имеют право на такие вещи? Конечно, тогда ты должен действовать осмотрительно, с расчетом. И вот на Болотном острове появится благоустроенный дом. Покажи этим обитателям дымных лачуг, как живет культурный крестьянин. А в случае необходимости прижми немного Эрнеста. Сколько скота ты думаешь прокормить, когда все луга будут возделаны?

— Да голов шесть.

— Неплохо, — согласился Янка.

Так они между делом мечтали. И живее стучал молоток, легче скользил рубанок и вгрызалось в дерево долото. В глубине души они даже верили в свои мечты, только стеснялись признаться в этом.

Янка прожил на Болотном острове три недели. Наконец наступил день, когда новосел праздновал маленький Юрьев день. Из сарайчика все пожитки перетащили

в новый дом, а в сарайчике устроили курятник. Разве это не был праздник, светлый, чудесный? Сармите хлопотала у новой плиты. Карл похаживал из кухни в комнату и из комнаты в кухню. Под ногами твердый, гладкий пол. Ребенок может ползать и вставать на ноги, держась за скамейку, а кот — греться на лежанке. Вечером никому не хотелось спать. Все было слишком непривычно, хотя и взлелеяно в мечтах и построено собственными руками. Но все это нужно было еще обогреть живым человеческим дыханием.

— А что мы теперь будем делать? — заговорил Янка на следующее утро. — Этой зимой в наших местах не будет заработков.

Сбережения Янки растаяли, потому что он платил столяру, покупал стекла, гвозди и другие строительные материалы. Следовало подумать о зиме.

— В других местах уже рубят лес, — продолжал он. — У меня нет товарища, а то я бы отправился в лес.

— Если бы кто-нибудь помог Сармите по дому, я пошел бы к тебе в товарищи, — сказал Карл.

— Ты пошел бы? — переспросил Янка.

— Почему же нет? Разве помешает лишний лат?

— Я посмотрю, разузнаю, — сказал Янка. — Ты ведь ничего не будешь иметь против, если я оставлю свои вещи здесь? Мне не по душе, что они лежат у Эрнеста. Кто знает, что этому шельмецу может прийти в голову.

— Вези сюда, —сказал Карл.

В понедельник утром Янка запряг лошадь Карла и уехал на побережье. Он возвратился поздно вечером со своими узлами, а вместе с ним приехала и Эльга. У нее не было никаких пожитков, она лишь держала маленький сверток в руках. Эльза и Кланьгис старались уговорить девочку, чтобы она осталась на мельнице, но у Эльги словно выросли крылья. Наконец условились, что она останется на Болотном острове до тех пор, пока не придет с заработков Карл. Теперь у Сармите появился помощник и товарищ и Карл мог отправиться вместе с Янкой в лес. Заготовив дрова для дома и завалив землянку для скота свежим дерном, братья ушли. Им предстояло пройти изрядное расстояние, пока они доберутся до ближайшей просеки.

4

Как летело время! Янка и Карл не имели представления ни о буднях, ни о праздниках; некогда было заглядывать в календарь и газеты. Единственное, что они считали, — это срубленные деревья и количество напиленных кубометров. Лес был густой, чистый, деревья — стройные. До самой макушки ни одного сучка, только наверху небольшая метелочка. Несколько ударов топором — и бревно очищено. Повалив и очистив от сучьев целую гору деревьев, братья разводили костер, согревали котелок чаю и на вертеле поджаривали по кусочку копченой свинины, пока она не подрумянивалась и из нее не начинал капать жир. Никогда в жизни до и после этого Янка не ел ничего более вкусного, чем это поджаренное мясо с ломтем ржаного хлеба. Это была замечательная еда, лучше всех лакомств мира. Что делало ее такой вкусной? Зверский аппетит и тяжелая работа на свежем воздухе.

Закусив, они бросались на работу с такой ненасытностью, словно боролись с каким-то бедствием. Каждый лат приходилось зарабатывать горьким потом, руками, покрытыми саднящими мозолями. Они рубили и пилили до тех пор, пока в чаще можно было хоть что-нибудь видеть, а когда становилось темно, разводили костер и жгли накопившиеся за день сучья и хвою. Искры сыпались на волосы и вязаные свитеры, тлела одежда, и лица лесорубов становились серыми от золы. Дым ел глаза и вызывал слезы.

Когда они кончали работу, на соседних вырубках уже давно царила тишина. Над лесом во всем великолепии сияла луна. Лесорубы уже успевали поужинать и лечь спать, когда братья возвращались домой.

Лесорубам отвели жилье в старом каменном доме. У них была большая, неуютная комната с разбитыми окнами, заткнутыми тряпьем; вдоль одной из стен тянулись широкие нары, застланные полугнилой соломой. В углу стояла громадная кирпичная печь. Дым валил в комнату из многочисленных щелей.

Здесь ютилось шестнадцать латгальцев, рижан и видземских крестьян. Иногда по вечерам они играли в карты, в воскресенье пьянствовали и дрались. Ничего

удивительного не было в том, что Карл и Янка старались как можно меньше находиться в комнате.

Вначале Янка не очень спешил на работу и охотно поспал бы лишний часок. Но Карл не давал ему покоя:

— Вставай, брат, пора в лес!

Первое время он один подсекал все деревья и очищал их от сучьев, пока Янка наконец не привык к неумолимому ритму труда и смог работать с братом наравне.

Так продолжалось полтора месяца, почти до самого рождества. Потом работа здесь окончилась, лесорубам выплатили деньги и многим пришлось искать новые лесосеки. Сортировщик леса шепнул Карлу, что в лесах под Аллажи еще нужны рабочие, — работы хватит до весны, и лес там не хуже. Братья сразу же закинули за плечи вещевые мешки. Янка обернул пилу вокруг туловища наподобие металлического пояса, и они поспешили туда, пока не набежали другие. И опять пела пила, которую они прозвали виолончелью, шумели падающие деревья и под вечерними звездами пылал ароматный костер. На этот раз им удалось получить отдельную комнатку в крестьянском доме. Как ни скромно расходовали они деньги на питание, как безжалостно ни выжимали из себя соки на этом рабском труде, — запас заработанных латов увеличивался очень медленно. Поэтому братья решили на рождество не ехать домой, а продолжать работу все праздники.

Карл написал Сармите письмо, сообщил, как у них идут дела, и заодно послал немного денег.

Так они проработали до середины марта. Карл не мог дольше оставаться в лесу — скоро надо было начинать весенние работы, а Сармите после пасхи опять ожидала ребенка. Янка долго соображал, что ему предпринять: ехать с Карлом или остаться здесь? Наконец решили, что до того, как начнут шить невод, у моря делать нечего и месяца два он может поработать на Гауе на сплаве леса. У него ведь были сапоги якорщика! Оставив себе на питание несколько десятков латов, Янка остальные деньги отдал Карлу.

— Спрячь у себя, а если нужно, употреби в хозяйство. Сейчас они мне не нужны.

— Но когда же я тебе отдам? — усомнился Карл.

— Когда разбогатеешь. Я процентов не требую. Купи вторую корову и постарайся к осени построить коровник.

Да вот еще что: пусть Сармите посмотрит, что там нужно Эльге. Мне неприятно, что она ходит как огородное пугало. Купите ей что-нибудь за мой счет. Лучше всего, если бы Эльга осталась у вас, конечно, если вы с Сармите не имеете ничего против.

— Да, но сколько я тебе теперь буду должен? — подсчитывал Карл. — Пятьдесят и восемьдесят пять — всего сто тридцать пять латов.

— И за трехнедельную работу на постройке дома, — засмеялся Янка. — Стоимость дверей, оконных рам и всего остального. Не смеши! Может, хочешь выписать вексель? Или ты боишься, что я потребую себе долю в Болотном острове? Ведь я не Эрнест.

— Нет, ты на самом деле не такой, — признался Карл. — Ты еще не знаешь цены деньгам.

Карл уехал с большими планами. Он уже думал не только о второй корове, но и о нескольких поросятах. Это все теперь можно было сразу приобрести. Пусть Янка придет осенью, он увидит новый хлев. И ржи Карл посеет три пурвиеты, картофельное поле тоже будет не меньше, а за домом зазеленеют молодые яблоньки. Такова будет награда за его тяжелый труд.

Тем временем Янка, посвистывая, шагал по направлению к Гауе. Его несли добротные сапоги, которые не пропускали воду. Весна уже приближалась. Он чувствовал это, и сердце наполнилось непонятным беспокойством и тоской.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Примкнув к какой-то группе сплавщиков, Янка две недели проработал на берегу реки, куда был свезен лес для сплава и где заготовляли материал для плотов, шесты и снимали кору с крепежного леса. После пасхи, когда река очистилась от льда, лес спустили в реку, и у сплавщиков началась скитальческая жизнь. Следуя за лесом, уносимым течением, они продвигались все ближе к устью реки — это был один из притоков Гауи. Сплавщики, рассеявшись по всему берегу, заботились о том, чтобы в излучинах реки не образовалось заторов.

Эта работа была не слишком тяжелой, но требовала умения и ловкости. Прежде чем Янка научился перебегать с одного берега на другой по отдельным бревнам, удерживаться на скользком бревне и не падать, когда нужно было изо всей силы тащить застрявшие бревна, он успел несколько раз искупаться в холодной воде и первые дни ходил совершенно мокрый. Каждое купание встречалось веселым смехом и шутками товарищей, и тут ничего нельзя было поделать. Разве они сами, эти товарищи, не мокли в воде, пока приобрели нужные навыки, и разве еще и теперь иной безупречный мастер, сорвавшись, не мерил глубину реки? Находились даже такие хитрецы, которые, умышленно поскользнувшись, основательно намокали и отправлялись домой сушить одежду, — человека в мокрой одежде не заставишь работать. У других очень часто ломались рукоятки багров. Голыми руками не растащишь затор; нечего делать — приходилось идти в лес за новой рукояткой. Пока ее искали и очищали от коры, опять проходил день. Руководитель работ смотрел на происходящее сквозь пальцы, не желая ссориться с рабочими. Если у них не хватит рабочих рук, сплавщики сами установят порядок.

Большинство сплавщиков были рижане. Вечером они выпивали свою норму, иногда даже не одну; если поблизости оказывалась корчма, не обходилось без шума. Другие играли в карты на деньги.

Самая трудная работа начиналась позже, когда спадала полая вода. На реке появлялись мели, и бревна застревали там. Приходилось брать багры и перетаскивать бревна по одному.

В конце апреля Янка попал на такое место. Несплавленного леса здесь было много, и Янка должен был оставаться тут до тех пор, пока все бревна не будут сняты с мели, после чего можно отправляться на Гаую вязать плоты. До тех пор Янка редко задерживался на месте больше двух-трех дней. Здесь он пробыл две недели.

Руководитель работ подыскал сплавщикам жилье в крестьянском доме, в полукилометре от реки. Янка прибыл на новое место работы с утра и весь первый день проработал на реке. Ныли плечи и саднило руки, когда он вечером вместе с товарищами отправился на ночлег. Кожа на ладонях покрылась глубокими трещинами, в

широком промежутке между большим и указательным пальцами зияла настоящая расселина, как в земной коре после землетрясения. Не помогало ни частое мытье, ни глицерин, ни мази, — все сплавщики страдали от таких язв. Янка уже начал подумывать о том, чтобы закончить работу и отправиться на побережье. Достаточно скитался он всю зиму; теплая весна влекла к более свободной жизни. «До праздников еще продержусь, — решил он. — Получу заработанные деньги и сломаю свой багор».

Но он выдержал гораздо дольше и багор использовал позже на Гауе, при вязке плотов. Может, его одолела жадность? Может, раны зажили и руки уже не болели? О нет, дело совсем не в этом. Придя вечером на новую квартиру, Янка захотел пить и первым делом зашел в хозяйскую кухню поискать воды. Молодая девушка, хлопоча около очага, готовила пойло скотине. Янка сказал:

— Добрый вечер. Нельзя ли у вас попросить воды? Очень пить охота...

— Добрый вечер, — ответила девушка и пошла в угол к чану — там был березовый сок.

В кухне царил полумрак, и Янка только тогда увидел лицо девушки, когда она протянула ему кружку с соком. Они взглянули друг на друга и густо покраснели.

Перед Янкой стояла Айя, девушка из сибирских землянок. Они не виделись два с половиной года.

2

Это была та самая Айя, которая под заснеженными елями тайги подарила Янке первый поцелуй. Но теперь это была совсем другая девушка. В карантине в Резекне Янка простился с бледным, усталым, потерявшим надежду существом, рядом с которым он чувствовал себя большим и могучим. Теперь он протянул руку вполне расцветшей молодой женщине, с изумлением отметив ее красивую фигуру, блестящие карие глаза, которыми она уже смотрела не смущенно и покорно, как раньше, а как равная на равного. Около рта Айи не виднелось глубоких морщин скорби. И когда прошло первое замешательство, она так мило улыбнулась. Айя казалась

такой приятной, свежей, что Янка мигом забыл всю дневную усталость.

— Разве не удивительно, что мы так встретились?.. — сказал он, не выпуская теплой руки Айи.

— Ты хотел пить, — напомнила она.

— Да, правда, мне очень хочется пить, — Янка выпил сок и отдал кружку. — Тебе сейчас, наверно, некогда болтать, а мне хотелось бы о многом услышать — как тебе жилось? Что с тобой произошло?

— После ужина можешь зайти ко мне. Я буду свободна.

— Хорошо. Мне тоже надо привести себя в порядок. Ну, если уж мне довелось быть гостем в твоем доме, то я воспользуюсь гостеприимством: не можешь ли мне дать немного теплой воды?

— Сколько — ведро или бочку? — рассмеялась Айя.

Какие у нее красивые зубы! Как темно алеет кровь под тонкой кожей и какая легкая, упругая походка!..

Янка вошел в общежитие и первым делом достал бритву. Приведя себя в порядок и сменив одежду, он наскоро поужинал. Затем устроил себе постель в углу комнаты и некоторое время наблюдал, как товарищи играют в карты.

— Ты не сыграешь с нами? — спросил кто-то.

— Я встретил старых знакомых, — ответил Янка. — Надо зайти побеседовать.

Когда в комнате поднялся обычный шум, он тихо выскользнул на кухню. Айя уже ждала его.

— На улице холодно и грязно, — сказала она. — Пойдем лучше ко мне в комнату.

У нее была крохотная каморка рядом с кухней, оконце выходило в сад. Тут стояла маленькая деревянная кровать, покрытая полосатым домотканым одеялом, столик у окна, простая скамейка, а на подоконнике — глиняная кружка с полураспустившейся сиренью. Здесь было тесно, но уютно, и Янке, всю зиму скитавшемуся из одного чужого дома в другой, ютившемуся в больших, наполненных народом комнатах, этот тихий, уединенный уголок внушил давно забытые отрадные чувства.

Ему пришлось первому рассказывать о себе. То, что он ничего особенного в жизни не достиг, немного возвысило Айю в собственных глазах; она смелее смотрела на Янку, смелее разговаривала с ним. Кем она теперь

была? Ни батрачка, ни член семьи в Упличах. Хозяйка — сестра матери Айи. Вернувшись из России, Айя сразу же приехала сюда и нашла здесь не только приют и кусок хлеба, но и человеческое радушие. Правда, ей приходилось делать всю домашнюю работу, и нельзя сказать, чтобы ей тут принадлежало больше, чем другим батракам, но, когда пришло время, тетка отправила ее на ученье*, одела и дала всем понять, что Айя — член ее семьи. Маленького брата Айи усыновила какая-то дальняя родственница; у нее была булочная в Сигулде, муж работал плотником, и у них не было детей. От имущества родителей ничего не осталось, за исключением шести пурвиет земли вблизи станции и маленького, запущенного домика. Хозяин Упличей подыскал на него покупателя и половину вырученной суммы — триста латов — положил в банк на имя Айи. Вторая половина причиталась брату.

Об остальных сибиряках Айя ничего не знала. Янка кое-что рассказал о них. Например, о Бренгулисе, Силинях, мяснике Блукисе и своих родных. Но о Ниедрах он не сказал ни слова, хотя Айю это интересовало больше всего.

— Ты когда-нибудь встречался с Ниедрами? — с кажущимся равнодушием спросила она.

— Я не знаю, где они живут, и ничего о них не слыхал, — так же равнодушно ответил Янка.

Глаза Айи сразу сделались ярче, и голос зазвучал громче. Ее близость, вечерний сумрак и струившийся в открытое окно весенний воздух будили в Янке неясную тревогу. Ему хотелось коснуться руки Айи, ощутить тепло ее плеча и потрогать темную волну ее волос. Но он тут же устыдился своих желаний.

— Долго ты собираешься работать в нашей местности? — спросила Айя.

— Недели две или немного дольше.

— А потом?

— Пойду на Гаую плоты вязать.

— Дома у тебя никакого дела нет?

— Нет. Я могу задерживаться, где мне угодно и сколько захочу. Меня никто не ждет.

— Ты еще не думаешь об оседлой жизни?

— Стоит ли об этом думать? Буду пока жить, как живется. Если когда-нибудь подвернется случай, будут

подходящие обстоятельства, можно будет подумать. Самое приятное, что я сам себе хозяин, — как хочу, так и живу. Да ты и сама это знаешь, у тебя такое же положение.

— Да, еще недавно у нас были родители. Теперь своя голова на плечах, свой ум. И разве мы не умеем жить?..

— Жизнь нас учит твердо стоять на ногах. Это так же, как с плаванием: будешь бояться глубины, за кого-то держаться, никогда не научишься. А однажды откажешься от поддержки, бросишься в воду — сразу постигнешь это искусство.

«Интересно, что она сделает, если я ее поцелую?»

Не успел он об этом подумать, как ему захотелось осуществить это. И внезапно появилось сомнение: а потом?

«Боится он или не хочет?» — спрашивал взгляд Айи. У нее не было никаких сомнений.

«Она ничего бы не сказала».

«Он, наверно, забыл прошлое...»

Если бы кто-нибудь из них произнес только одно слово или хоть улыбнулся в робком призыве! Но они молчали и боялись пошевельнуться.

— Надо ложиться. Завтра рано вставать, — сказал Янка и крепко сжал пальцы Айи.

Она встала и, не противясь смущенному пожатию Янки, пошла с ним к дверям старого платяного шкафа, где пространство было узким; им пришлось прижаться друг к другу и пробираться боком до дверей. Волосы Айи коснулись лица Янки, он почувствовал близко, близко от себя ее дыхание и, ни о чем не думая, ничего не спрашивая и не давая себе отчета, вдруг взял руку Айи повыше локтя и притянул ее к себе. Он почувствовал, как напряглось тело Айи и как она словно отшатнулась от него, может быть, от неожиданности или по врожденной женской осторожности. Но это тут же прошло, и, тихая, нежная и покорная, она прильнула к Янке. Он поцеловал ее один раз, потом еще много раз, и ему больше не захотелось уходить. Робко, немного неумело отвечали губы Айи. Наконец он опомнился и торопливо вышел из комнаты; услышал, как щелкнула задвижка, и глубоко, радостно вздохнул. Ему было хорошо.

Благоухала сирень, и от земли поднимались теплые испарения. В темноте перекликались запоздалые птицы.

Когда картежники кончили последнюю партию и в доме все затихло, два человека еще не спали. Они не могли уснуть до утра.

3

На следующее утро, когда сплавщики отправились на работу, Янка намеренно медлил и остался последним. Ему хотелось встретить Айю, узнать, что она сейчас чувствует. У него самого было какое-то странное ощущение. Не то тревога, не то страх, стыд, сомнение — что-то приятное и сладостное и вместе с тем напоминавшее об опасности волновало его грудь.

Пока Янка, делая вид, что приводит в порядок сапоги, задержался в комнате рабочих, Айя наблюдала за сплавщиками. Не заметив среди них Янки, она поняла, что он еще дома. Взяв веник, Айя пошла прибирать комнату рабочих.

— Ты еще не идешь на работу? — спросила она.

— Ничего, я догоню их, — ответил Янка.

Оба чувствовали неловкость и избегали смотреть друг другу в глаза.

— Это твои вещи? — спросила Айя, указывая на постель Янки, где лежал его вещевой мешок. Подобно остальным сплавщикам, он спал на полу на старой соломе.

— Больше у меня ничего нет, — улыбнулся Янка. — В любое время могу взять одр свой и идти*. Так. Теперь я в порядке. Надо улепетывать на реку, пока не явился хозяин.

Айя была близко, такая же прекрасная, как вчера, но Янка не ощущал сейчас потребности поцеловать ее. Большие окна и близость двора, где находились люди, оправдывали его сдержанность.

— Так, значит, — произнес он, выходя. — Вечером увидимся?

Айя принялась подметать пол. Пол был загрязнен комками земли и соломой, повсюду валялись окурки.

...В тот день Янка усердно работал, беззаботно болтал с товарищами. Минутами он даже забывал про Айю.

Вечером Янку ожидал маленький сюрприз: чайная кружка и эмалированная миска были вымыты, нож и вилка начищены до блеска, и неизвестно откуда появившееся домотканное одеяло застилало соломенное логово. Порывшись в своем мешке, он обнаружил, что исчезло грязное белье и на пятках старых носков больше не зияли громадные дыры.

— Гм... — хмыкнул он и опять подумал об Айе. Ничего особенного не произошло, так, мелочь — немного внимания, но эта мелочь внесла в его быт уют, и именно его-то и недоставало Янке уже продолжительное время. Сейчас он больше чем когда-либо почувствовал, что значит забота женщины, какое очарование кроется в ее незаметных хлопотах и почему те, кто привык к удобствам семейного очага, уже не могут обходиться без них.

Но разве это было все? О нет. Глаза Айи всегда видели, в чем он нуждается. Она знала, что молоко и хлеб приедаются, если только этим питаться несколько недель подряд. Теперь Янка в ее комнате всегда находил что-нибудь горячее. Она не приносила это тайком, потому что тетке на другое же утро было рассказано, что этот сплавщик — почти свой человек и много помогал Айе по дороге на родину. Возможно, заботливая тетка смекнула кое-что и сама и сразу же оценила значение этой дружбы. Вечерами она освобождала Айю от домашних работ, и никому не приходило в голову удивляться тому, что Айя среди недели надевала праздничное платье. Янка тоже этому не удивлялся. Ему только было неловко, что на нем такая поношенная одежда. Но разве она из-за этого задирала нос, стыдилась его? «Нет, мой друг, теперь ты сам видишь, насколько велика моя привязанность. Какой бы я нарядной ни была и каким бы ты ни был серым, мне ты всегда дорог».

Никогда ни один человек так не заботился о нем, как Айя. Конечно, мать тоже любила его, но он был не единственным и забота матери распространялась одинаково на всех детей. Айя же создавала привилегированное положение для него одного; впервые в жизни он чувствовал, что его балуют. Среди сплавщиков и по соседству жило много молодых парней, которые ни в чем не уступали Янке. Но разве Айя замечала их? Разве у нее оставалась хоть одна ласковая улыбка для другого?

Нет, для нее в целом свете существовал только он единственный, Ян Зитар, и никто больше ей не нужен.

Айе двадцать лет, у нее стройная фигура и красивые плечи; черными волосами и карими глазами она немного походила на цыганку. Что же удивительного, если Янка пленился ею.

4

В субботу явился кассир фирмы и выплатил сплавщикам заработанные деньги. Те, у кого была надежда получить в городе хорошую работу, сразу взяли вещи и уехали.

Оставшиеся собрали деньги и послали парня помоложе в корчму за водкой. И несмотря на то, что до корчмы было несколько километров, посланный вернулся очень быстро, и в большой людской комнате послышался звон стаканов. Любители картежной игры устроились за отдельным столом и после каждой партии утоляли жажду глотком сивухи.

Янка знал, что последует за этим: сначала будут играть на сантимы, потом ставки вырастут и на столе появятся бумажные деньги. К тому времени, когда некоторые игроки успеют потерять весь недельный заработок, водка будет выпита, и им захочется еще. Тогда тот самый расторопный парень отправится в корчму вторично, а в ожидании его оставшиеся начнут сводить старые счеты: громкие крики, перебранка, может быть, даже драка, и под конец примирение за полным стаканом. А в понедельник, когда кое-кому нечего будет есть, он хмуро обратится к денежному товарищу:

— Старина, не дашь ли несколько латов взаймы?

И опять целая неделя тяжелой работы, мокрая одежда, саднящие руки, мужественное обещание никогда больше не пить и не играть на деньги и ребяческая уступчивость старым слабостям, как только в кармане вновь появляются деньги.

О том, чтобы спать в такие ночи, нечего было и думать, и приходилось томиться и слушать бессмысленную галиматью, пьяные бредни и дикие выкрики игроков.

— Схожу в лес, посмотрю — не найду ли рукоятку для багра, — сказал Янка, поужинав.

Это была только уловка. Янка и не думал идти в лес — рукоятка у него была в полной исправности. Он ушел к реке и бродил вдоль берега, пока не стемнело. Временами он присаживался и пытался думать о том, что будет делать летом, какие сети свяжет для осеннего лова и как далеко продвинулись хозяйственные дела Карла. Но в то же время он не мог не заметить, что вода в реке уже стала чистой и прозрачной, кусты оделись листвой и повсюду разносились весенние ароматы. Постепенно, однако, ему становилось все тягостнее, на него напала непонятная тоска, причины которой он не знал. Янке казалось, что он жертва, страдалец, птица со связанными крыльями, но какая именно обида терзала его, кто обидчик, этого он не мог сказать.

— Жить страшно трудно, — говорил он себе порою. Но минутой позже признавал, что жизнь все-таки дьявольски прекрасна и каждый миг, в который ты дышишь, видишь, чувствуешь, — целое богатство, больше, чем горы золота и самая огромная слава. Может быть, он был болен, подобно многим людям, которых в это время года мучило странное беспокойство? Возможно, причиной его волнения была большая, беспредельная свобода. Освободившись от всех уз, связывавших его с определенными людьми, нарушив все обещания, данные себе или другим, он оставался одиноким. И вдруг испугался этого одиночества. Он чувствовал себя, как корабль без руля, несущийся по воле течения и ветра.

Ему было двадцать три года. Думая об Айе, он чувствовал неукротимое желание покорить ее. Янка не замечал, что Айя сама соблазняет его, заманивает и что он похож на одурманенную птицу, которая, отзываясь на свист охотника, приближается к опасному месту. Нет, он воображал, что он сам охотник и умно, решительно преследует избегающее его существо; если он настигнет ее, то приобретет многое, но сам ничего не потеряет. Да и что вообще он мог потерять? Не было у него надежд, которые он лелеял бы, и нечего больше ждать. Он никогда не будет ничем другим, как только рабочим, ничего в жизни не достигнет. А для такого Айя была слишком хороша. Марта Ремесис учится в университете и скоро уйдет очень далеко, так что до нее не долетит и простой привет. О Лауре он в тот раз не подумал — она вышла замуж и потеряна для него.

Возвратясь к себе, Янка остановился во дворе. В комнате рабочих горела лампа. На столе стояли бутылки, тарелка с нарезанными огурцами, куски колбасы, слышалась косноязычная речь...

— Шесть латов в банке! Дели скорее!

Янка долго вытирал ноги в кухне. На другом конце дома царила тишина — там уже, вероятно, спали. Янка подошел к каморке Айи и тихо, нерешительно нажал ручку. Дверь оказалась закрытой на задвижку. Тогда он постучал.

— Кто там? — отозвалась Айя.

— Я, Янка, — тихо ответил он. — Ты еще не спишь?

— Подожди чуточку, я... сейчас оденусь.

Немного погодя Айя впустила его. Она сразу же опять забралась в кровать и укрылась до подбородка. Свет она не зажгла.

— Куда ты сегодня вечером пропал?

— Ходил гулять. Чудный вечер, Айя...

Он подошел к окну и остановился.

— Твои товарищи гуляют, — сказала Айя. — Ты не пойдешь к ним?

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Нет, что ты. Сегодня не дают уснуть — шатаются тут всякие. Мне пришлось закрыть дверь на задвижку.

— А я все-таки вломился, — улыбнулся Янка.

— Ты... — он чувствовал, что она улыбается. — Тебя нечего бояться, ты знакомый.

— А если сейчас кто-нибудь войдет?

— Почему ты не закрыл дверь на задвижку?

Янка вернулся и запер дверь.

— А если кто-нибудь услышит, что мы здесь разговариваем? — заметил он снова.

— Можно говорить тише. Мы услышим, если в кухне кто-нибудь будет ходить.

— Но тогда мы сами не услышим друг друга.

— Садись ближе.

Он присел на край кровати, отыскал руку Айи и некоторое время молча играл ее пальцами. Чтобы ему было удобнее сидеть, Айя отодвинулась к стене.

— Айя... — заговорил он немного погодя. Но в горле словно что-то застряло, и ему пришлось откашляться. — Мне не хочется идти к товарищам.

— Ну не ходи. Завтра воскресенье, мы можем поболтать подольше.

Он наклонился и поцеловал Айю. Никакой болтовни не получилось. Не было и борьбы, и Айя не сказала «нет». Ведь он был красивый парень и ее первый возлюбленный...

В воскресенье утром, когда они проснулись, в кухне уже были люди и Янке пришлось уйти через окно. Впоследствии он часто так делал: входил в двери, а выходил через окно, будто никто так и не знал, что он ночью был здесь. Айя только улыбалась его предосторожности. Ей она казалась излишней: что там скрывать, когда все и так понимали, что происходит? И вообще нужно ли это скрывать?

5

Так продолжалось всю неделю. Наконец лес был сплавлен, и Янке в Упличах больше нечего было делать. Опять забросил он за плечо вещевой мешок и вместе с товарищами отправился дальше. В последний вечер Айе удалось уговорить его зайти на хозяйскую половину и поближе познакомиться с ее родственниками. Янка не понимал, зачем это нужно. Хозяева были простыми, сердечными людьми, но безразличными Янке. Почему ему следовало сдружиться с ними, рассказывать о своей семье и в конце концов обещать, что он навестит их в троицу? Конечно, это было очень приятно, что ему одному из всех сплавщиков оказали такое внимание. Но какое это имеет значение? Исключительное положение, в которое его поставили любезные хозяева, заставило его кое о чем задуматься. Янка обеспокоился, когда почувствовал, что ему что-то угрожает, от чего можно избавиться, только сделав решительный шаг. Но сделать этот шаг мешало ему тихое присутствие Айи и бесконечное ее доверие. Ни слова не говоря, она, светло улыбаясь, давала понять, что полагается на него и на что-то надеется. И ему было жаль обмануть эти надежды, разрушить доверие Айи и показать себя хуже, чем она считала его.

— Ты ведь напишешь, когда приедешь на новое место? — спросила Айя.

— Конечно, — сказал он. — Но ты должна сразу же ответить, потому что я не знаю, как долго я там пробуду.

— Я слышала от вашего сортировщика, что работы хватит до Иванова дня.

— Так долго я не смогу остаться. Мне до Иванова дня нужно вернуться на побережье, там надо шить невод.

И последний вечер Янка провел в каморке Айи. Утром, когда он по старой привычке хотел уйти через окно, Айя сказала:

— Перестань дурачиться. Будь хоть раз смелым и иди через кухню. Чего тебе бояться?

И он сказал, что у него хватает смелости, и пошел через кухню. У очага хлопотала тетка Айи. Он хотел бойко и беззаботно приветствовать ее, а вместо этого получился робкий шепот. Хотя пожилая женщина серьезно ответила на его приветствие и не затрудняла Янку разговорами, ему казалось, что она все понимает, видит его насквозь и смеется над его смущением. Он опустил глаза и скорее проскользнул в комнату рабочих.

Когда сплавщики уходили, хозяйка сказала Айе:

— Ты не проводишь своего друга?

Айя тотчас же оставила работу и проводила Янку до границы Упличей. Они шли, чуть поотстав от остальных рабочих, и почти не разговаривали. Янка не знал, как быть: поцеловать или не поцеловать. Она, вероятно, ждала этого, да и ему хотелось бы. Было бы хоть место не таким открытым, а товарищи не оглядывались. Выбрав наконец удобный момент, когда товарищи увлеклись спором, он быстро обнял Айю и, поспешно поцеловав, сказал:

— До свидания. До отъезда домой я тебя навещу.

— Я тебя буду ждать, — улыбаясь, ответила она. Это хорошо, что она не поддалась чувствительности и не прослезилась. Янка улыбнулся, ободряюще кивнул Айе головой и ушел. И, точно поняв его ободрение, девушка беззаботно кивнула в ответ и весело улыбнулась. Пройдя несколько шагов, Янка обернулся назад и с веселой улыбкой, как бы предостерегая, погрозил пальцем. Айя ответила ему тем же, оба рассмеялись и весело разошлись, каждый в свою сторону.

На Гауе Янка проработал до середины мая. Получив

в последний раз заработанные деньги, Янка подарил одному из товарищей свой багор. У высоких сапог основательно истрепались подметки, от рабочей одежды тоже почти ничего не осталось. Но в записной книжке Янки хранился весенний заработок — двести латов. Если присчитать сюда те деньги, которые даны взаймы Карлу, то с таким «капиталом» уже можно кое-что начать. Один пай в неводе стоит триста латов. На остальные деньги нужно купить подержанную лодку и запастись несколькими сыртевыми сетями. А там можно будет поговорить со старыми Галдынями о покупке домика Микелиса.

Раздумывая так, Янка возвращался в Упличи. У него не было никакого определенного намерения, он не знал, ради чего, собственно, проделывает этот крюк. Он, правда, обещал навестить Айю до отъезда на побережье, но ничего особенного не случилось бы, если он прислал бы только письмо: «Очень занят. Мало времени. Мы, возможно, увидимся в другой раз...» Но времени было достаточно, а после многомесячной, тяжелой работы приятно было несколько дней побездельничать. И Янка с легким сердцем разрешил себе этот маленький отпуск.

Под вечер он пришел в Упличи. Айя ушла в лавку за газетами, и Янка больше часу проболтал с хозяйкой, которая держалась по отношению к нему так же доброжелательно и приветливо, как прежде. Заметив, что Янка скучает, она ввела его в комнатку Айи и принесла несколько книг.

— Полистайте, может быть, так скорее дождетесь... Вы ведь сегодня вечером не уходите?

— Если не прогонят... — улыбнулся Янка.

— Ну что за разговор, — ответила хозяйка и оставила его одного.

Пришла Айя, и теперь он больше не чувствовал себя лишним в этом доме. Ужин ему подали в комнату Айи, и никто не спрашивал, где для него стелить постель, — было вполне естественно и понятно всякому, что он останется у Айи. Этот простой взгляд на вещи ему нравился, и он почувствовал себя хорошо.

Позже, когда на усадьбу спустилась тихая летняя ночь, Айя сказала:

— Как же теперь будет...

— О чем ты? — спросил Янка.

— Да так. Нам бы следовало серьезно поговорить. Все равно все уже знают, и тетка советует нам долго не тянуть.

Янка молчал. Тогда Айя продолжала:

— Что особенного нам нужно? Если оба мы думаем одинаково, то все остальное пустяки. Как же другие начинают безо всего?.. Если бы дядя не продал родительский домик... и если бы тебе по душе пришлась крестьянская работа, мы могли бы сейчас поселиться там. В Упличах ведь ты не захочешь оставаться?

Она говорила так спокойно и с таким глубоким убеждением, что, если бы у Янки и имелись возражения, он уже не посмел бы заикнуться. Ведь их отношения настолько очевидны, что об этом и говорить нечего. Все естественно и просто, и так же естественно и просто то, что должно теперь произойти. Самый главный вопрос — думает ли Янка вообще жениться и возьмет ли он ее в жены — Айя обошла. Это имело формальное, чисто внешнее значение. У двух человек, настолько близких между собой, не может быть различных мнений о таких мелочах.

— Не лучше ли, если на осень... — заикнулся было Янка. — Я бы еще кое-что заработал — легче будет начинать.

— До осени ждать будет... трудно.

— Ты думаешь?

— Ты же не захочешь, чтобы крестины были в один день со свадьбой?

Этого Янка совсем не предвидел.

— Ну тогда уж... — ответил он Айе.

— Завтра мы можем поехать зарегистрироваться, — сказала Айя. — О свидетелях подумаем потом.

Янка прожил в Упличах еще две недели и за это время вполне привык к своему новому положению. Потом они поженились. Свадьба была скромная. Двумя днями позже Янка с молодой, сияющей от счастья женой уехал на побережье.

6

Их появление привлекло большое внимание не только родственников, но и всей ближайшей округи. Янке это совсем не нравилось. Всякий мало-мальски знакомый

считал своим долгом расспрашивать его о семейных делах, утруждать полуироническими пожеланиями счастья. Все считали, что, женившись, он совершил большую глупость, о которой будет жалеть. Самые близкие люди смотрели на него как на конченого, потерянного человека, точно он внезапной женитьбой утопил себя и сжег все мосты к будущему. Зитары из трактира глубокомысленно качали головами. А Мартын как-то сказал:

— Разве я не говорил, что из него ничего не выйдет? Теперь вы сами видите.

Миците казалось, что двоюродный брат продал себя за чечевичную похлебку, и в связи с этим высказала много умных суждений о женщинах, забывая, что она тоже женщина. Эрнест во всем видел только пошлую сторону и своими циничными замечаниями опротивел Янке, Эльза заявила, что все это хитрости Айи, но пусть она не воображает, что Кланьгисы будут дружить с чужим человеком.

— Бедный брат! И где у него был ум...

Тогда Ян Зитар сказал жене:

— Раз они так заносчивы, ответим им тем же. Только об одном прошу тебя: не пытайся перед ними заискивать. Не будь надменной, как они, но сохраняй свое достоинство.

Айя предпочла бы лучше столковаться с новой родней даже в том случае, если бы это потребовало известных уступок. Что особенного — изобразить покорность на лице, чуточку уступить капризам родных и в конце концов получить милостивое прощение за то, за что даже не требовалось прощения. Янка и слышать об этом не хотел.

— Как до сих пор обходился без них, так и впредь обойдусь.

Он опять снял дом Микелиса Галдыня и в первое же воскресенье пошел с Айей на Болотный остров. Там нисколько не удивились его женитьбе, и им не пришлось выслушивать ни сочувственных вздохов, ни заумных советов. У жителей Болотного острова были совсем другие заботы: маленький Андрей уступил свою колыбельку сестренке.

— Мы хотели назвать дочку Сармите, но Айя тоже хорошее имя, — сказал Карл.

— Нет, Сармите звучит красивей, — утверждала

Айя, — Если у меня когда-нибудь будет дочка, я обязательно назову ее Сармите.

— Разве нельзя назвать обоими именами? — предложил Янка. — Айя-Сармите, Сармите-Айя.

Так и решили, и новый отпрыск Болотного острова получил двойное имя.

Весной Карл обнес пастбище изгородью, и в загоне у него теперь паслись две коровы. В другом, меньшем загончике хрюкала свинья с выводком поросят. Он поставил сруб нового хлева и крышу покрыл толем. В доме стены одной комнаты и кухни были оштукатурены и оклеены обоями.

— До осени надо постараться отделать еще одну комнату и обшить дом снаружи, — рассуждал Карл. Они обошли с Янкой картофельное поле, пашню, спустились к реке и полюбовались зеленым травостоем на лугу. Труд человека совершил здесь поистине чудеса: кислые травы понемногу исчезали и уступали место клеверу; травы были густые и мощно разрослись.

— Посмотрим, как будет с отавой, — сказал Карл. — Может, удастся купить еще одну корову. Прошлой весной сено осталось, — и, словно колеблясь, продолжал: — У тебя теперь своя жизнь. Деньги понадобятся. Из того, что ты дал, я половину сохранил наличными. Вторую половину тебе придется подождать... может быть, до осени.

— Ты говоришь, что сена хватило бы еще на одну корову, — перебил его Янка. — Почему же ты не купил третью корову?

— Постройка...

— А деньги лежат в чулке неиспользованными! — удивился Янка. — Ты странный человек. Вот что я тебе скажу: приобретай еще одну корову. Пусть это будет для Эльги. А остальные деньги я не потребую раньше, чем в них появится крайняя необходимость. Сейчас я обойдусь. И не привязывайся ты ко мне с этими сантимами, пока они тебе самому нужны. Эльза не брыкалась, когда Эльга не вернулась обратно в Кланьги?

— Для виду поворчала немного.

Над Болотным островом сияло солнце, в скворечнях возились скворцы, а в доме раздавались голоса детей. Здесь рассеялись подавленность и застенчивость Янки, угнетавшие его с тех пор, как он сделал в жизни первый решительный шаг к самостоятельности. Совершенное уже не казалось таким необычным. Почему? Потому, что он встретил людей, у которых этот шаг не вызвал изумления или сожаления. Они его поняли, сделанное признали правильным и вдохнули в него то здоровое, естественное мужество, без которого немыслима никакая борьба. Он вернулся домой с высоко поднятой головой. Встретив на дороге Марту Ремесис, он лишь слегка покраснел, подметив испытующий взгляд, каким она окинула Айю.

«Потерян ты, погиб, Ян Зитар, — казалось, говорила смущенная улыбка Марты. — Если в тебе и таилась какая-то светлая сила, то теперь она потонула в буднях и семейной жизни. Теперь я знаю, что из тебя ничего не выйдет».

И на долгие годы из ее сознания исчез образ Яна Зитара и память о нем. Он оказался недостойным того, чтобы о нем думали и следили за его жизнью. И она не вспоминала о Янке до тех пор, пока он вдруг не доказал, что ничего не потеряно. Но это произошло позже. Сейчас начинались будни и суровый труд, как и у всех остальных потомков Зитара. Возможно, лишь Ингус стоял вне этих будней. Но все считали его погибшим, поэтому при оценке семейных судеб никто не вспоминал последнего моряка старого моряцкого рода.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Над маленьким приморским городком шел первый снег. Раньше это был не город, а местечко, широко известное своим мореходным училищем и многими судоводителями, вышедшими отсюда. После войны мореходное училище закрылось, и городок лишился значительной доли прежней романтики. Летом сюда изредка заходили грузовые пароходы за крепежным лесом, в определенные дни прибывал маленький пассажирский пароходик, а зимой связь с внешним миром осуществлялась по узкоколейной железной дороге. Тихое, забытое место, без особых перспектив на будущее. А если у местности нет будущего, ее жители примиряются с

настоящим и убаюкивают себя воспоминаниями о днях былой славы. Более неугомонные отправляются скитаться по свету, ищут золотое руно на чужбине. Некоторые из них возвращаются домой, горько разочарованные, другие находят свое счастье и никогда больше не возвращаются. А те, кто оставался на месте, продолжают обыденное дело, начатое отцами, и не утруждают себя мучительными загадками. Каждый в свое время бывает немного беспокойным, немного надеется и немного тоскует, пока жизнь не откроет ему бесплодности этой тоски. После этого он успокаивается и честно закидывает сети в море, обрабатывает землю и растит новое поколение, которое унаследует его работу, скромность и тоску.

А сейчас шел снег. Это означало, что наступила поздняя осень, середина ноября, и пароходик местного сообщения скоро прекратит рейсы до весны. У городка станет одним важным событием меньше, и его дни сделаются еще тише и серее. Снег кружил и над лачугами рыбаков и домами крестьян — вдоль всего побережья, предвещая покой на пляжах, пустые ряды кольев для просушки сетей и вымершие поля, где пахарю нечего больше делать. Рыбаки усядутся за починку разорванных сетей; в тех домах, где еще не разучились прясть, женщины возьмутся за прялки и из клетей в комнату внесут ткацкие станки. А в других домах не будет и этого, ибо современный человек не захочет соревноваться с машинами. Может быть, на Мартынов день кое к кому нагрянет кучка ряженых, пошумит, подурачится немного.

Помните ли вы еще Лилию Кюрзен, молодую девушку, которая летом 1915 года ехала на одном пароходике с Ингусом Зитаром, когда он отправлялся в Архангельск? В Риге, на набережной Даугавы, они простились и сказали друг другу «до свидания». Теперь наступил 1926 год — они не виделись одиннадцать лет. Последнее письмо от Ингуса Лилия получила осенью 1917 года. После этого он ушел в море и перестал писать. Позже люди рассказывали Лилии, что его корабль погиб вместе со всем экипажем. Другие утверждали, что через год после гибели судна встретили Ингуса в Англии живым и невредимым. Она не знала, кому верить. Но так как человек склонен скорее поверить слабой надежде, чем безнадежной правде, то Лилия поверила в то, что ей было приятней. Ингус обещал вернуться и осуществить мечту юности. Оба они были первыми друг у друга, и Лилия еще не встретила второго. Поэтому она ждала. В годы войны, когда в мире царила неразбериха, продолжительное молчание Ингуса не вызывало никаких подозрений: может быть, он писал, а письма в дороге затерялись, и, не дождавшись ответа, Ингус решил, что ее здесь больше нет. После этого он, очевидно, больше не писал. Позже, когда окончилась война, а от Ингуса по-прежнему не было вестей, Лилия нашла другое объяснение его молчанию: он, вероятно, не хочет возвращаться домой, пока не кончится срок призыва на военную службу. Вот исполнится ему тридцать лет, тогда приедет. Так поступали многие моряки. Пробыв всю войну на море, испытав встречи с подводными лодками и минами, они не имели ни малейшего желания менять свободную жизнь моряка на солдатские казармы, пусть даже у себя на родине.

Но Ингусу исполнилось тридцать лет, а он все не показывался. Годы шли. Проходила весна, начиналось лето, и Лилии все чаще приходилось слышать вопрос своих близких:

— Долго ли ты думаешь так жить? Чего еще ждешь?

Она знала, чего ждет, но никому об этом не рассказывала. И, вероятно, ни один не подозревал истинной причины того, почему эта миловидная женщина еще не вышла замуж. Возможностей было немало. По-прежнему бодрая и живая, Лилия вместе с житейским опытом приобрела скромное женское достоинство, которое исходило от сознания своей независимости. Ей не приходилось выклянчивать у людей уважение. Единственный брат Лилии погиб на войне, отец умер во время немецкой оккупации, и несколькими годами позже болезнь свела в могилу старую Кюрзениете. Теперь Лилии одной принадлежал небольшой родительский дом и кое-что из рыболовных снастей. Еще при жизни отца ей приходилось вести скромное хозяйство Кюрзенов, потому что мать была женщина болезненная и почти не помогала мужу. Таким образом, Лилия рано привыкла к самостоятельной жизни. Но лишь теперь она по-настоящему поняла, какую ценность представляла

эта жизненная школа, и не видела причины, почему ей нужно отказаться от своей независимости ради какого-то чужого человека — мужчины, которого она не ждала и не приглашала.

Но они приходили, нежданные и незваные, сватали ее и удивлялись, когда эта молодая, одинокая женщина отвергала их лестные предложения. У некоторых было громадное самомнение; другие воображали, что проявляют настоящее самопожертвование, спасая созревшую женщину от участи старой девы и обеспечивая усадьбу Кюрзенов хозяином; были еще и такие, которые пытались завоевать ее расположение смиренной кротостью.

Почему она всем отказывала? Разве некоторые из них не были бравыми и красивыми мужчинами, хорошими ремесленниками и честными людьми? Кто же ей был нужен, если из стольких предложений она не могла выбрать ни одного? Может быть, она просто сама не знает, чего хочет?

Наконец Лилия стала задумываться. Ей исполнилось тридцать лет, а Ингус Зитар все еще не подает о себе никаких вестей. Может быть, он и в самом деле не вернется? Может быть, Ингуса Зитара уже нет и она напрасно ждет его?

Прошел еще год, и Лилия приметила одного человека. Прежде она его вовсе не замечала, хотя он и жил здесь рядом уже десять лет и ей каждый день приходилось с ним встречаться. Ему в городке принадлежала лавка, куда Лилия ходила за покупками и где получала почту. Это был Аугуст Лицис, семью годами старше Лилии, не слишком богатый, но и не бедный; не очень красивый, но довольно приятный, а главное — серьезный и энергичный человек. Этой весной он зачастил в Кюрзены, и Лилия переносила его присутствие гораздо легче, чем присутствие других, посещавших ее с теми же намерениями. Иногда они вместе ходили на вечера, и Лицис вскользь замечал в разговоре, что рождество — самое подходящее время для свадеб. Лилия не говорила ни да, ни нет. К осени Лицис стал нетерпеливее, потому что с нового года он собирался расширить торговлю и ему нужна была хозяйка в доме. Она попросила дать ей возможность подумать.

А сейчас шел липкий первый снег. Дорога тонула в грязи, и Лилии не хотелось сегодня вечером идти в городок за газетой. Может быть, причиной тому была ненастная погода, а может, и другое: срок, предоставленный на размышление, подходил к концу; каждую минуту можно было ожидать вопроса Лициса (кольца он уже купил), а Лилия еще ничего не решила.

Внизу за лугами волновалось море. Если бы оно не было таким большим, можно было подумать, что это озеро, потому что на берегу не было дюн и обширного песчаного пляжа. Тоскливо кричали чайки, смешавшись в пестрой стае вместе с воронами.

«Нет, я не пойду в лавку», — решила Лилия.

Поздно вечером во дворе залаяла собака. Она сразу же умолкла, узнав пришедшего. И скоро раздался уверенный стук в дверь.

Это был Лицис. Мокрый, продрогший, он снял в передней калоши и последовал за Лилией, которая впустила его в большую комнату.

— Что же вы так поздно? — спросила она.

— Я принес вашу газету, — сказал Лицис и подал ей бандероль.

— Ради газеты не стоило идти по такой слякоти, — улыбнулась Лилия. — Я получила бы ее утром.

— Это верно, но у меня были кое-какие причины, по которым я предпринял это путешествие, — Лицис выждал, не спросит ли Лилия, что это за причины, и, не дождавшись, продолжал: — Я сегодня ночью еду в Ригу, поэтому думал, что нам не мешало бы потолковать. Может быть, что-нибудь нужно привезти?

— Писем не было? — спросила Лилия. — Я жду письма от двоюродной сестры.

Она знала, что Лицис ждет ответа и пришел сегодня за ним, — поездка в Ригу тоже была связана с этим ответом. Наверно, он хотел сделать в Риге закупки к свадьбе и надеялся, что Лилия поедет вместе с ним.

— Простите, — сказал он, — я чуть не забыл.

Пошарив в карманах, он вытащил и передал Лилии письмо.

Лилия внимательно осмотрела конверт, и вдруг ей больше не захотелось разговаривать с Лицисом; на письме была английская марка, а этот почерк она

узнала бы среди тысяч других. Таким почерком обладал один-единственный человек — тот, кто молчал девять лет.

2

Если бы не было Лициса, Лилия сразу прочла бы письмо. Присутствие постороннего человека в этот момент мешало больше чем когда-либо. Оно не давало Лилии проявить свою радость, заставляло сдерживать восторженный трепет и бурное биение взволнованного сердца. Сердце колотилось в груди как безумное, гнало к щекам предательский румянец и не давало мыслям задерживаться ни на чем другом, как на письме. Что там написано? Какую неожиданность готовит ей послание Ингуса: обещает ли оно счастье или несет мрачное разочарование? Все остальное — Август Лицис, ненастный вечер, хозяйственные заботы о завтрашних делах — теперь не имело никакого значения. Долгих девять лет душа Лилии дремала, словно окутанная смолистой оболочкой почка, и ждала, когда весна пробудит ее к новому цветению. Теперь этот момент наступил.

Догадался ли о чем-нибудь Лицис? Он должен был почувствовать возбуждение Лилии, заметить, как она изменилась, взяв письмо, и понять, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Но он, вероятно, не был достаточно наблюдательным.

— Ну, так как же — поедете со мной в Ригу, или мне придется ехать одному? — спросил Лицис.

Широко раскрытыми глазами Лилия смотрела на него, словно только сейчас заметила, что в комнате, кроме нее, находится еще человек. Почему он здесь? Чего этот чужой мужчина ищет в ее доме, и почему он держится так самоуверенно, точно его присутствие естественно, необходимо и неизбежно?

— Не знаю, — ответила она Лицису.

— Это значит, что вы хотите меня еще раз оставить в неизвестности. Но сегодня ночью я должен ехать в Ригу, и я надеюсь, что вы понимаете, насколько важно выяснить все до отъезда.

Она понимала, но для нее это было не так важно, как для Лициса. Немного подумав, Лилия ответила:

— Поезжайте завтра ночью.

— Тогда я приеду в Ригу в субботу. По субботам плохо делать закупки — все еврейские лавки закрыты.

— Вы можете ехать в понедельник. Несколькими днями раньше или позже — это ничего не значит.

— Милая Лилия, — улыбнулся Лицис. — Оставим шутки и поговорим серьезно.

— Я все время говорю серьезно, — ответила Лилия.

— Не играет ли в этом деле какую-то роль письмо, которое я вам принес?

— А если это в самом деле так?

— Тогда... тогда лучше б я не приносил его сегодня вам. Отдал бы завтра.

— Это было бы нечестно с вашей стороны.

— А это честно, что вы мне расстроили поездку в Ригу? — пошутил Лицис.

— Она еще не расстроена, — ответила Лилия. — Поезд уходит после полуночи. Если вы сейчас отправитесь домой и станете собираться в дорогу, я еще успею прочесть письмо и обдумать ответ. Если я скажу «нет», я пришлю к вам человека с письмом, и вы еще вполне успеете на поезд.

— А если вы скажете «да»? — спросил Лицис.

— Тогда я явлюсь сама и... поеду с вами в Ригу. Сейчас еще только девять часов — я успею собраться.

На этот раз Лицис не в силах был скрыть самодовольную улыбку. Теперь ему было понятно, что Лилия только дразнит его, заставляет до последней минуты мучиться в неизвестности и наконец с театральным благородством протянет ему руку. Ах ты, плутовка! Хорошо же! Если тебе хочется играть — играй, но я знаю, какой будет результат, и заранее говорю спасибо.

Он сразу же поднялся и собрался уходить, чтобы Лилия действительно успела приготовиться в дорогу.

— Буду дома до полуночи, — сказал Лицис.

— Хорошо, вы получите ответ самое позднее в половине двенадцатого.

— До свидания, Лилия.

— Всего хорошего, господин Лицис.

Лилия проводила Лициса до прихожей и, как заботливая хозяйка, закрыла наружную дверь на ключ, когда

гость ушел. Затем она вернулась в комнату, села за стол и долго, долго смотрела на синий конверт, который таил в себе разгадку ее будущего. Ей хотелось смеяться и плакать. Дрожащими пальцами надорвала она конверт, но, прежде чем вынуть письмо, еще раз внимательно прочла адрес. Это, во всяком случае, был почерк Ингуса, но рядом со знакомым росчерком заглавных букв в глаза бросалась несоразмерность строчных букв и слишком неровные строки. Раньше он так не писал. Девять лет, девять лет...

— Ингус, Ингус, милый, — шептала она, вынимая письмо. Глаза неизвестно почему наполнились слезами, и ей пришлось их вытереть.

«Кардифф, 28 октября 1926 года.

Я не знаю, дойдет ли это письмо до тебя и будешь ли ты та самая, какую я знал. Я пишу прежнему другу, с которым расстался одиннадцать лет тому назад, встретив его еще раз. Два раза я находил тебя и дважды терял. Если судьба будет благосклонна, то состоится третья наша встреча.

Прежде всего несколько строк о тех долгих днях, что мы провели в полном неведении друг о друге (я не знаю, может быть, тебе кто-нибудь обо мне и рассказывал?). Твое последнее письмо получил летом 1917 года, незадолго до ухода в дальнее плавание. Но я не ушел на «Канадиэн Импортер», как писал, и потому избег смерти, пароход погиб в Атлантике вместе со всей командой. Когда я узнал об этом, то поспешил написать тебе и домашним, но ответа не получил. Позже я узнал, что немцы заняли Видземе и моя семья уехала в Россию. Так как ты не ответила, я подумал, что и ты уехала или случилось несчастье. За эти годы мне жилось по-разному — были и хорошие дни, но трудных было больше. Однажды со мною случилось большое несчастье, после которого я до сих пор еще не оправился, и мне пришлось отказаться от профессии моряка. Из-за того же несчастья я стал скрываться от всех своих, не писал тебе. Я не хотел доставлять разочарования людям, которые мне дороги. Если бы все осталось без перемен, то и ты, милая Лилия, никогда не получила бы этого письма и никогда не встретилась

бы с Ингусом Зитаром. Но позднее произошла маленькая перемена, и я чувствую, что получил право напомнить людям о своем существовании и, может быть, на что-то надеяться в жизни.

Милый друг! Я часто о тебе думал, и теперь мне стало понятно многое, мимо чего я прежде проходил как слепец. Знаю, какое у тебя доброе сердце, какая тебе присуща прелесть и как я должен был тебя лелеять, чтобы никогда не потерять. Теперь я не уверен, имею ли я право напоминать тебе о прошлом. Ничего особенно плохого я не делал, но и не совершил ничего, что давало бы повод надеяться на чудо.

Долгие, долгие годы, неизвестность... Не будет ничего удивительного в том, что ты за эти годы устроила свою семейную жизнь и Ингус Зитар навсегда остался для тебя далеким воспоминанием, которое становится все бледнее и незначительнее перед впечатлениями новой жизни. Если это так, то прости меня. Если нет... Напиши.

У меня к тебе большая просьба. Будь добра, разузнай о моей семье. Ехать к нам в волость тебе затруднительно, но ты можешь написать письмо в волостное правление и запросить эти сведения. Если окажется, что мои родные возвратились из России, напиши им и сообщи, что я еще жив. Здесь, внизу, мой теперешний адрес, он не изменится до самого моего отъезда домой. Ты, может быть, удивишься, почему я сам не пишу домой? Мне сейчас трудно говорить об этом, но главное, — я узнал от одного из своих друзей о том, что ты живешь все там же, и поэтому решил выяснить все таким путем. На этом кончаю письмо. Если ответишь, буду очень рад каждой твоей строчке.

Всего наилучшего, Лилия. Может быть, до свидания.

Ингус».

3

Это была необычная ночь в Кюрзенах. В десять часов, когда весь дом спал, Лилия постучала в дверь одной из комнат. Сонно отозвался старый Юрис — дядя

Лилии с материнской стороны, который уже двадцать лет жил в Кюрзенах и руководил рыбной ловлей.

— Что случилось, Лилия? — спросил он, выходя через некоторое время на кухню. — Моторку мы вытащили на берег, так что волны ее не достанут.

— Моторной лодке ничего не сделается, — поспешила Лилия успокоить дядю. — У меня к тебе просьба: не сходишь ли ты в город и не передашь ли это письмо лавочнику Лицису?

— Так поздно? — удивился Юрис. — Там уже все спят.

— Не спят. Лицис сегодня ночью едет в Ригу, и мне ему надо кое-что сообщить.

Теперь Юрису все стало ясно: Лилия, верно, хотела поручить лавочнику что-нибудь привезти из Риги. Только странно, как она об этом не подумала, когда здесь был Лицис.

— Придется сходить, — проворчал дядя.

Он надел теплую тужурку, натянул высокие сапоги и отправился в путь. До городка было недалеко — с километр, не больше, но ненастье и грязь затрудняли ходьбу. Несколько раз Юрис пытался закурить трубку, но тяжелые, мокрые хлопья снега гасили ее. Наконец он рассердился и оставил трубку в покое.

— Ну и головы у этих женщин. Ни о чем вовремя не подумают. Теперь беги среди ночи из-за их глупости.

Правда, Юрис только первый раз мог упрекнуть племянницу в непредусмотрительности, но и эта возможность вознаграждала его за неприятное путешествие. Лицису он, конечно, ничего не сказал, хотя язык у него так и чесался сказать что-нибудь по поводу ограниченности женщин, — ходили ведь слухи, что лавочник метит быть хозяином Кюрзенов. Юрис проворчал что-то насчет отвратительного норд-веста, отдал письмо и спросил, ждать ли ответа. Однако какими странными глазами посмотрел на него Лицис! Точно перед ним не Юрис, а какое-то чудовище. Он даже не хотел принять письма — этот человек, который, бывало, не знал, как угодить Лилии. Лицис пробормотал что-то насчет неуместных шуток и, кусая губы, повернулся к Юрису спиной.

«Дорогой господин Лицис!

Я все обдумала и решила остаться в своем прежнем положении. Простите, что разочаровала вас, но иначе я не могу. Больше меня не ожидайте — я никогда не стану другой.

Искренне уважающая вас *Лилия Кюрзен.*

P. S. Не подумайте, что давеча я шутила, сказав, что, возможно, поеду с вами в Ригу. Тогда я еще действительно не знала, что буду делать. Теперь знаю — и точно. Не ищите со мной встреч. Я не боюсь, что вы можете изменить мое решение, но просто хочу, чтобы меня не беспокоили, — у меня есть веские причины желать этого. Всего хорошего.

Л. К.»

Если бы не было этой приписки, Лицис действительно отправился бы вместе с Юрисом в Кюрзены. Теперь же он не мог этого сделать. Разочарованный, но не убитый окончательно, он заходил по комнате. Вспомнив, что Юрис все еще стоит, пододвинул ему стул:

— Минутку обождите. Я напишу ответ.

Только спокойно, без пафоса и сентиментов!

«Дорогая Лилия! Ваше решение меня удивило, ибо последнее время вы давали мне повод надеяться на другое. Я не знаю причин этой внезапной перемены и пока не буду допытываться. В Ригу этой ночью не поеду. Вообще ничего не стану предпринимать. Если окажется, что ваш сегодняшний шаг — простая оплошность, я всегда буду рад помочь вам исправить ее. Вот поэтому я думаю, что мне не следует обижаться и сжигать все мосты.

С искренним уважением *Аугуст Лицис».*

— Как, еще и ответ? — удивилась Лилия.

И тут произошло то, что совсем смутило Юриса и что позже, когда об этом узнали жители городка, доставило Лицису много неприятных минут: Лилия разорвала письмо и нечитанным бросила в печку.

И потом случилось так, что всю зиму Лилия не ходила в лавку и Лицис не появлялся в Кюрзенах. Городские ясновидцы сразу сделали вывод, что у них дело расстроилось, но не могли точно определить, кто кому натянул нос. Лицис не вдавался в разговоры на эту тему и предоставлял людям думать, что произошла

небольшая ссора, какие часто случаются между влюбленными. Эту вероятность как будто подтверждало и поведение Лилии; она совсем не выглядела убитой горем, а, наоборот, расцвела, как цветок после живительного дождя. Если бы свадьба на самом деле расстроилась, то зачем бы она именно теперь закупала полотно, шила приданое, вышивала? Зачем в Кюрзены были приглашены плотник и маляр и квартиру Лилии перестроили так, что ее не узнать? Все комнаты освежили, стены оклеили новыми обоями.

Это что-нибудь да значило. Когда слух об этом дошел до ушей Аугуста Лициса, он стал реже улыбаться. Он-то знал, что большие радостные приготовления в Кюрзенах к нему никакого отношения не имеют.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Прошло два с половиной года с тех пор, как Янка Зитар привез домой жену. Это было серое, ничем не приметное время. Янка и Айя поселились в домике Микелиса Галдыня, и их жизнь ничем не отличалась от жизни многих других рабочих семей. Их отношения с остальными Зитарами оставались прежними. Они встречались только с Карлом и Сармите, у которых все еще жила Эльга. Эльза напрасно ожидала, что Айя станет дружить с ней и что младший брат явится на мельницу засвидетельствовать почтение старшей сестре, как это обычно делают бедные родственники. Этот упрямец не замечал великолепия Кланьгисов и был счастлив, что богатые родственники оставили его в покое. Возможно, у него совсем не было времени думать о таких вещах. Разве у молодого главы семейства мало забот? Увеличивающаяся семья требовала все большего упорства в борьбе за существование. Здесь было необходимо все, начиная от рыболовецкого инвентаря, одежды и хлеба насущного и кончая элементарным уютом жилья. И если такой человек за несколько лет не видел ничего, кроме работы, вечных забот и совсем мало отдыхал, может случиться, что у него возникнет жажда к иной

жизни и он вспомнит горы книг, которые когда-то прочел и которые еще предстоит прочесть — если бы только книги эти были и можно было выкроить время на их чтение. Кое-как устроив жизнь, он начинает делать глупости: тратит зря деньги на книги и, вместо того чтобы отдохнуть после тяжелого трудового дня, утомляет себя, зачитываясь до утра. Это приводит к тому, что порой не хватает денег на покупку одежды и ему приходится носить старый, выцветший костюм, а жена не знает, как свести концы с концами. Иногда у них из-за этого бывают размолвки, и Янка обещает исправиться. Но разве способен исправиться этот испорченный человек — смесь практического ума и детских мечтаний! Ну хорошо, мы все в свое время мечтали — это помогает на время забыть однообразие жизни. Но почему он свои фантазии записывает? Почему день и ночь думает о них, не может забыть даже в часы самого напряженного труда? Это болезнь, непростительное ребячество. Думай о деле, Янка, о салаке и судаке, о новых занавесках и картофеле на зиму, потому что в этом смысл твоей жизни! Самый ничтожный улов все же стоит несколько латов. А какая цена твоим фантазиям? Значит, ты не смеешь тратить время на такие пустяки. Никто не будет успокаивать ребенка, когда ты в воскресенье садишься за стол и что-то мараешь карандашом. Лучше б ты дров наколол или воды принес! Здесь у них с Айей не было согласия. Во всем остальном они ладили хорошо.

Когда осенью у них родился сын, названный Карлом, Янку навестили Анна из корчмы и Миците. Эльза не пришла, и еще на несколько лет после этого существование младшего брата и его семьи было предано в Кланьгях забвению.

А тем временем в родительском доме в Зитарах жизнь шла своим чередом. Молодой хозяин Эрнест жил припеваючи. Он не утруждал себя ни заботами, ни тяжелой работой. Первые два года его еще иногда видели или с косой на лугу, или с топором в руках во дворе. Теперь этого больше не наблюдалось, потому что Эрнест нашел способ обходиться вовсе без работы: луга он отдавал косить исполу, землю сдавал в аренду лачужникам с побережья с условием, что они обработают хозяйский огород. Земля пришла в упадок, луга

постепенно превращались в болото, и на запущенных постройках проваливались крыши.

— На мой век хватит, — рассуждал Эрнест.

Ради развлечения Эрнест понемногу шарил по соседским усадьбам. Иногда исчезала копна клевера, в другой раз в поленнице появлялись пустоты, и полные вентеря рыбы, оставленные вечером рыбаками в воде, утром значительно убавлялись в объеме. Он делал это не из нужды, о нет, это был только спорт, чтобы не забыть старые привычки.

Соседи сердились и зорко следили за каждым шагом Эрнеста, но поймать его не удавалось, и люди примирились со всем этим, как с неизбежным злом.

Чтобы в Зитарах не было затишья и чтобы получить хоть какой-то доход с пустующих помещений, Эрнест нашел новый источник дохода: он пустил в дом цыган. О, каким это было испытанием для соседей! Как они чертыхались! Как ругали Эрнеста и бегали в полицию жаловаться! Но с ним ничего нельзя было сделать — дом принадлежал ему и он мог распоряжаться собственностью по своему усмотрению.

Когда цыгане поселились в Зитарах, старый Криш ушел на Болотный остров к Карлу. Но и там душа его не находила покоя, и через две недели он возвратился в Зитары. Теперь Криш был уже не так нужен Эрнесту, потому что мелкие хозяйственные работы выполняли новые постояльцы.

— Иди туда, откуда пришел! — сказал хозяин старому батраку. — У меня людей достаточно.

Один раз он прогнал Криша. Тот вернулся обратно. Прогнал во второй раз, но старый батрак опять нашел дорогу в Зитары, и после третьего безуспешного изгнания Эрнест разрешил ему остаться. Что связывало Криша с Зитарами? Только привычка и воспоминания. Весь свой век прожил он в этом доме и уж никак не мог привыкнуть к другому месту. На Болотном острове с ним обходились, конечно, гораздо лучше, но что-то неудержимо тянуло его обратно.

Отвоевав свой прежний угол в людской комнате, Криш затеял борьбу с цыганами. Бедный старик надеялся, что сумеет выкурить их из Зитаров. Но цыгане только посмеивались над ним. Иногда они злили его, дурачились, показывали Кришу краденые вещи. Молодые цыганки раскладывали карты и предсказывали Кришу самое мрачное:

— Крестовый туз — твоя смерть...

Мальчишки скакали по кухне и горланили, старые цыгане по вечерам устраивали настоящий содом, а Эрнест не переставал улыбаться, потому что его величали теперь господином.

Увидев, как Эрнест ведет хозяйство, знатная родня поняла, что так не может долго продолжаться. Мартын Зитар неспроста отпускал Эрнесту напитки в кредит и изредка выручал деньгами; он считал, что это поможет ему прибрать к рукам Зитары: от аукциона не уйти, и тогда у него будет иск, первая рука.

Но то же самое думали и Эльза с Кланьгисом. Давая в кредит Эрнесту, они старались перещеголять корчмаря. «Когда долг достигнет определенной суммы, мы опротестуем векселя и возьмем усадьбу за бесценок». Все они предугадывали исход этого дела, только Эрнест не хотел ничего понимать. Довольный тем, что на него снизошло такое благополучие, он наслаждался жизнью.

Вечером в сочельник, когда в церкви зажигали елку, Зитары получили большой и приятный сюрприз. Эльза и Кланьгис тоже приехали в церковь и, как обычно, лошадь оставили в Зитарах. По дороге они завернули в лавку купить папирос, и продавец, зная Эльзу, передал ей письмо. Оно было адресовано семейству Зитаров.

Эрнест решил, что письмо адресовано именно ему — ведь как глава семьи он представлял всех Зитаров.

— Дай сюда, я вскрою, — сказал он.

— Нет, не отдам, — ответила Эльза. — Твое имя здесь не упоминается.

— Но и твоего тоже нет, — обрезал Эрнест. — У меня как у старшего больше прав.

— Сначала позовем Янку, — настаивала Эльза. — Если там такое, что нужно всем знать, он сообщит Карлу и Эльге.

Делать нечего. Эрнест послал цыганенка к Янке, и, пока тот не вернулся, Эльза не выпускала письма из рук. Кланьгис посмеивался, что они из мухи делают слона и им самим потом будет неудобно. Не думают ли они, что в конверте лежат деньги?

Появление Янки положило конец спорам. Эльза вскрыла конверт и прочла письмо вслух. Не доверяя

сестре, Эрнест встал позади нее и через плечо заглядывал в строки. Послание гласило:

«Это письмо пишет женщина, которую один из вас еще вспомнит, а другие, вероятно, совсем не знают. Много лет назад я приезжала к вам, чтобы встретиться с вашим братом Ингусом, но он ушел после конфирмации вместе с отцом в море и мы не увиделись. Ваш брат жил у нас, когда учился в мореходном училище, потом мы долго переписывались. Во время войны в газетах появилось сообщение, что его пароход погиб со всем экипажем, и я, так же, вероятно, как и вы, думала, что он погиб. Но недавно я получила от него письмо. Он не был на том пароходе во время рокового рейса и жив по сей день. Ваш брат Ингус просил, чтобы я узнала о его родных и, если они окажутся дома, сообщила им. Я хотела писать в ваше волостное правление, но один из местных жителей, который этим летом был в ваших краях, сказал, что вы возвратились из Сибири. Посылаю вам это письмо и в конце его — адрес Ингуса. Он живет в Англии и собирается домой. Больше ничего особенного не могу сообщить, но он вам все сам опишет, когда будет писать ответ. Посылаю свой сердечный привет. Желаю всем радостных рождественских праздников. Думаю, что это известие сделает их действительно радостными.

Лилия Кюрзен».

В тот вечер никто не пошел в церковь на елку, и Кланьгис, слушавший письмо вместе с другими, уже не зубоскалил. Некоторое время царило молчание, полное волнения и лихорадочных мыслей. Ингус жив! Человек, смерть которого давно оплакана и образ которого сохранился лишь в туманных воспоминаниях, вдруг точно восстал из гроба.

Эльза первая обрела дар речи.

— Мой дорогой брат!.. Со мной он дружил больше всего. И теперь я его увижу снова!

Когда улеглись первые волнения, Эльза еще раз вернулась к письму, и ее лоб сердито нахмурился.

— Лилия Кюрзен... Кто она такая? Тоже нашлась посредница! Как будто Ингус без нее не мог бы найти своих.

Не зная, как придраться к чужой женщине, которая

угрожала ее монопольному праву на дружбу брата, Эльза издевалась над почерком Лилии.

— Гусыня какая-нибудь. Посмотрите, как она пишет заглавное К. Ни одна запятая не стоит правильно.

— Тебя, кажется, больше интересует почерк и запятые, чем содержание письма, — заметил Янка.

— Уж и сказать нельзя! — обиделась Эльза. — Не понимаю, как мог Ингус с такой переписываться. Теперь она бог знает что воображает. Но пусть только Ингус приедет, он натянет ей нос.

— У него теперь денежки водятся, — сказал Эрнест.

— Разве он все годы войны был на море? — спросил Кланьгис.

— Да, штурманом, — ответила Эльза. — Он получал большое жалованье. Одинокий человек, на всем готовом.

— Он, должно быть, страшно богат, — Эрнест облизал губы. — Сможет купить судно и стать капитаном.

— Я думаю, он достаточно плавал и захочет отдохнуть, — решила Эльза. — Так они все делают. И имеют на это право. О, как мы дружили...

— Больше всего Ингус дружил с Карлом, — заметил Янка.

— И ты думаешь, поэтому он будет жить на Болотном острове? — засмеялась Эльза. — Что там есть? Комары да змеи. У нас, на мельнице, он сможет жить сколько ему захочется. Мы отдадим ему большую комнату, которая выходит в сад.

— Хм... — проворчал Эрнест. — Мельница далеко от моря. Ингус не захочет жить вдали от воды. Я отдам ему обе комнаты в верхнем этаже.

Эльза беспокойно усмехнулась.

— Так Ингус и полезет в твой цыганский табор! Нашел пристанище.

— Летом цыгане будут жить в кустах, — пояснил Эрнест. — Так что Ингусу не придется идти в чужую семью.

Поднялся спор, где Ингусу лучше жить — в Кланьгях или Зитарах. Обе спорящие стороны считали, что знают вкусы Ингуса, и грызлись с таким жаром, точно объект спора, богатый брат, находился здесь и пассивно ожидал исхода разговора, чтобы отдать себя и свое богатство в руки той стороны, которая победит в этом

словесном поединке. Теперь выяснилось, что и Эрнест горячо любил потерянного брата и лил слезы о его судьбе, но Эльза тут же усомнилась — вряд ли Эрнест в состоянии кого-либо любить. И вообще есть ли кто-нибудь для Ингуса дороже доброй, преданной сестры!

Янка и не подумал о том, что и ему следовало участвовать в этом состязании в любви к брату. Он с презрением наблюдал, как алчность Эльзы борется с еще большей алчностью Эрнеста. «Делят шкуру неубитого медведя», — подумал он. Когда спорящие, войдя в раж, начали говорить друг другу грубости, Янка встал и заявил:

— Эрнест, не забывай одного.

— Чего именно? — отозвался Эрнест.

— Того, что Ингус — старший сын и ему принадлежит право на отцовский дом. Если *он сам* захочет хозяйничать в Зитарах, он останется здесь и никакого другого жилища ему не понадобится.

Янка ушел, и сразу прекратился спор. Младший брат словно холодной водой окатил Эрнеста. Он в один миг исцелился от чувства любви к Ингусу. В самом деле, он совсем не подумал об этом.

Эльза с Кланьгисом, распрощавшись холоднее, чем обычно, уехали домой. В ту же ночь Эльза написала Ингусу длинное слащавое письмо, обрисовала страшную разруху, царящую в Зитарах, и советовала не начинать тяжбы с Эрнестом. «Там нечего брать. Когда будешь выезжать, извести, мы приготовим тебе помещение и вышлем за тобой на побережье лошадь». Она не упустила случая уязвить Лилию: «Та девица, через которую ты прислал письмо, могла бы вести себя приличнее. Рыбаки, которые весной уходят на рыбную ловлю, видали ее и говорят... Впрочем, зачем я буду писать тебе глупости? Ты сам скоро все увидишь».

Весть о том, что Ингус нашелся, вскоре разнеслась повсюду. Для Эрнеста она имела роковые последствия: соседи открыто давали понять, что не считают его хозяином Зитаров. Корчмарь Мартын больше ничего не отпускал в кредит. Кланьгис вдруг сделался скупым. И Эрнест наконец понял, что ему грозит опасность. В его сердце проснулась ненависть к человеку, от которого исходила эта опасность. Он хотел, чтобы Ингус никогда не возвращался, чтобы с ним в дороге что-нибудь случилось. Он старался использовать остающиеся дни своего величия и расточал добро Зитаров напропалую, чтобы потом не жалеть об упущенных возможностях.

3

На мельнице что-то не ладилось. На самой мельнице, правда, все было в порядке, мукомольные и пеклевальные жернова вертелись исправно, работы хватало, но любезный Кланьгис реже шутил, а голос его жены стал резким, и редкий день обходился у них без ссоры Какая тому была причина? Может быть, та, что сын Эльзы на масленицу заболел — как оказалось, скарлатиной — и умер. Может быть, виною были волосы Кланьгиса, поседевшие вскоре после свадьбы, старческое увядание и ноющие кости? Один сожалел о потерянной свободе, другая — о молодости, принесенной в жертву недостойному. Обоим было плохо. Медовый месяц кончился сразу после свадьбы, не оставив никаких сладостных воспоминаний. Кланьгису шел уже шестидесятый год, а Эльзе было только тридцать два. Да к тому же она была из рода Зитаров!

У Эльзы не было сколько-нибудь сильного материнского инстинкта, но все же, когда она слышала о племянниках, видела малышей Карла или встречала на побережье Айю, которая шла с девочкой на руках, ведя за собой мальчика, ее одолевала зависть и неясная тоска. Может быть, ее прельщало не столько существование самих детей, как особое положение матери. В такие моменты ей хотелось, чтобы и у нее было маленькое живое существо, которое можно водить за руку, показывать и наряжать, как куклу. В некоторых случаях дети бывают очень уместны в жизни и дополняют обстановку, как картина над диваном в гостиной или ваза с фруктами на столе, — собачки и кошечки не могут их заменить, каких бы редких пород они не были. Маленький Саша до сих пор довольно хорошо выполнял эту роль, но Эльза поняла его значение, только потеряв его. Теперь Саши больше не было, и Эльза сразу же почувствовала, что в ее жизни недостает важного украшения. Временами она даже грустила, но

грусть эта носила эгоистический характер: всех матерей считали святыми, она тоже хотела быть святой. Но судьба лишила ее этого исключительного положения. Не помогал ни толстый кошелек Кланьгиса, ни нетерпение Эльзы — природа не прощала человеку его ошибок.

Другой женщине в подобных обстоятельствах оставалось бы примириться с невозможным и отцвести пустоцветом. Эльза была не из таких. Обладая практическим умом и изворотливостью, она находила компромиссы в любых обстоятельствах. В данном случае компромисс заключался в том, что она присвоила себе недозволенную свободу. Однако она не хотела наживаться односторонне и сознавала, что и потерпевший имеет право получить удовлетворение в виде какого-то полезного эквивалента. Если один занимается запретным, то и другому следует позволить то, что ему было запрещено, — мы квиты, господин Кланьгис, и вы не имеете права упрекнуть меня. Но, чтобы положение ее было еще устойчивее, Эльза устроила так, что Кланьгис первый переступил границу дозволенного. После этого в ее руках оказалось сильное оружие против всех упреков мужа:

— Ты первый обидел меня!

С самого начала супружеской жизни Эльза держала Кланьгиса в ежовых рукавицах и достигла того, что трактир — этот зеленый оазис, где мучимый жаждой верблюд чувствовал себя замечательно, — стал для него запретным местом. Каждый раз, как только мельник тайком ускользал в трактир, Эльза устраивала ему такую головомойку, что у горемыки надолго пропадала охота повторить проделку. Теперь она сделалась удивительно терпимой, и гнедой жеребенок, однажды безнаказанно побывавший в овсяном поле, не замедлил попытать счастья вторично. Когда и в этот раз Эльза ничего не сказала, Кланьгис стал смелее и через вечер отправлялся в трактир. Вскоре он полностью вошел в прежнее русло, и Мартын Зитар не без причины радовался возвращению заблудшей овцы, которая после долгих скитаний вернулась в отечески охраняемое им стадо.

В это время скучающая хозяйка мельницы как умела коротала одинокие вечера. Иногда она бывала не совсем одинокой. Случалось и так, что ночью, когда усталый мельник смиренно стучал у дверей своего дома, на противоположной стороне его открывалось окно и в сад выскакивала гибкая фигура мужчины. Это был один из молодых Марцинкевичей, которые жили у Эрнеста. Подождав, пока он дойдет до дороги, Эльза шла открывать мужу.

— Опять налакался, как боров! — приветствовала она его. Но голос ее звучал ласково, и Кланьгис сразу чувствовал, что Эльза шутит.

— Ну что ты, голубка, сердишься? — шутил и он. Они ладили между собой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Как-то однажды около середины мая, когда пароход местного сообщения уже возобновил рейсы вдоль видземского побережья, лодочник свез на берег пассажира. Это был мужчина лет тридцати пяти в синем бостоновом костюме и зеленоватом макинтоше; по морской привычке он английскую жокейку носил сдвинутой на затылок, так что из-под козырька выбивались темные, слегка вьющиеся волосы. Цвет лица его был таким же темным, как у рыбацких парней, но руки изнеженные и пальцы гибкие. Одет он был изысканно, и в каждой мелочи его туалета чувствовалось, что это иностранец. Сойдя на берег, приезжий осмотрелся, словно стараясь вспомнить что-то. При ходьбе он опирался на трость. «Красивый парень, только слишком рассеянный и скупой на слова», — подумал лодочник.

У приезжего был и багаж — большой чемодан, морской мешок и еще что-то в черном клеенчатом чехле, вероятно гармонь. Узнав, что у лодочника есть лошадь, он попросил отвезти вещи в Зитары и тут же уплатил за доставку. Лодочник начал внимательно присматриваться к незнакомцу, и у него мелькнула догадка.

— Вы не сын Зитара? — спросил он.

— Да, — ответил незнакомец. — Я долго отсутствовал. А как вас зовут?

— Фриц Витынь. Отец мой работает кормчим на не-

воде. Но вы меня, вероятно, не помните. Когда вы уезжали, я был еще маленьким.

— Трудно вспомнить, — сказал Ингус. — Сколько лет прошло...

Он подождал, пока возчик сложил его вещи на подводу, затем последовал за ней какой-то странной, нерешительной походкой. В одном месте он споткнулся о корень сосны, немного дальше чуть не налетел на дерево. После этого он пошел еще медленней и осведомился у возчика, не проходит ли теперь дорога через дюны в новом месте.

— Не помню, чтобы она когда-нибудь пролегала иначе, — ответил Фриц Витынь. — Вам теперь, наверно, все кажется чужим?

— Совершенно чужим, — согласился Ингус.

Он выглядел растерянным и неловким, его сильная фигура двигалась неуверенно, как будто он ступал по льду. Полуденное солнце светило ему в лицо, и он все время щурился.

Когда подвода въехала во двор Зитаров, никто ее не встретил. На зов Фрица неизвестно откуда вылезли два цыганенка и сказали, что хозяин уехал в волостное правление, а Криш ушел с каким-то рыбаком вытаскивать сети.

Моряк задумался.

— Вы знаете, где мельница Кланьгиса? — спросил он.

— Еще бы! Сколько раз бывал там.

— Отвезите меня туда. Я заплачу сколько следует.

— А что мы будем делать с вашими вещами?

— Возьмем с собой. Здесь все равно негде оставить. Потом привезем обратно... если понадобится.

Вещи уложили так, что можно было сесть на них, и поехали дальше. Накануне прошел дождь, поэтому дорога не пылила и изящный костюм Ингуса не пострадал. До самой мельницы никого не встретили. В Кланьгях все разошлись по своим делам, грохот мельницы заглушал шум колес въезжавшей во двор подводы. Ингус выбрался из телеги и, слегка прищурившись, осматривал двор.

— Где у них главный вход? — спросил он немного погодя.

— Вон тот, что напротив, — показал Фриц на крыльцо.

Ингус остановился у ступенек крыльца, нащупал тростью первую ступеньку, затем медленно начал подниматься наверх. В передней было полутемно. Вероятно, ослепленный дневным светом, Ингус не мог сразу привыкнуть к полумраку и наткнулся на шкаф. Наконец он нащупал дверь комнаты и постучал.

— Кто там? — отозвался сонный женский голос откуда-то издалека. Ингус вошел в комнату, закрыл дверь и остановился посреди комнаты.

— Госпожа Кланьгис дома?

В соседней комнате послышались шаги, и в дверях показалась слегка растрепанная Эльза — она только что встала после дневного отдыха.

— Что вам? Разве вы... О! Ингус! Братик! Это ты? А я думаю, кто там стучит.

Улыбаясь, он ждал, когда сестра подойдет к нему, и в следующий момент оказался целиком в ее власти, словно мышь, пойманная голодной кошкой. Как она его обнимала! Как целовала, бормоча бессвязные, ласковые слова! От радости голос Эльзы дрожал, как виброфон, и из глаз брызнули неизвестно откуда взявшиеся слезы.

— Входи! Садись, отдыхай... — Она уцепилась за локоть брата, провела его в другую комнату. — Ты навсегда? Как хорошо, что сразу приехал к нам. Где твои вещи?

— На подводе.

— Я сейчас скажу, чтобы их внесли.

Усадив Ингуса на диван, Эльза поспешила во двор и сама помогла Фрицу Витыню внести багаж в одну из пустых комнат. Когда все было улажено и возница уехал, она вернулась к Ингусу.

— Как ты хорошо выглядишь — почти так же, как перед отъездом. Только немного постарел. Меня, наверно, совсем не узнать?

— Голос у тебя глуше стал, — ответил Ингус.

— А лицо, Ингус? Разве ты не видишь, какой я старухой стала?

— Я больше не доверяю своим глазам.

— Но глаза ведь никогда не обманывают.

— Если они здоровы.

— Разве у тебя... что-нибудь не в порядке?

Ингус горько улыбнулся:

— Я должен тебе кое-что рассказать. Всегда лучше, если такие вещи узнаешь с самого начала. Тогда... не возникает недоразумений.

— Но, милый Ингус, неужели ты думаешь, что я не знаю?

— Что именно?

— Что ты писал письмо какой-то девушке и, может быть, даже собираешься на ней жениться. Я бы могла рассказать тебе кое-что о ней, но мне ужасно хочется слышать, как ты жил это время. Погоди, кажется, муж идет, — Эльза вышла в прихожую и столкнулась с Кланьгисом — он только что вернулся с мельницы.

— У нас гость! — покраснев от волнения, сообщила она. — Ингус возвратился. Только что приехал. Он, вероятно, останется у нас. Причеши немного волосы.

— Ну и как? — спросил Кланьгис. — Он действительно выглядит богатым, как мы предполагали?

— Фрицу Витыню за подводу заплатил пять латов,— сообщила как нечто невероятное Эльза.

— Тогда конечно... — произнес ее супруг и стал тщательно приводить в порядок свой костюм.

2

Когда закончился обмен первыми, ничего не значащими фразами и состоялось знакомство, Ингус начал рассказывать о прожитых днях.

— Вы уже знаете, что первые годы я служил вместе со своим товарищем по мореходному училищу и лучшим другом Волдисом Гандрисом. Наше первое судно «Пинега» потопила торпеда, выпущенная немецкой подводной лодкой. Нас спасло английское судно и отвезло в Ливерпуль. Затем нас назначили на новое судно. Это был «Таганрог». Он курсировал между Архангельском и Англией, а в зимние месяцы возил боеприпасы на Средиземное море. «Таганрог» постигла судьба «Пинеги». После этого мы оба с Волдисом выдержали выпускной экзамен в английском мореходном училище и разошлись в разные стороны. Я нанялся штурманом на английское судно, а Волдис получил

место капитана. Парню повезло, но он заслужил это — недаром окончил мореходное училище с золотой медалью. Я сделал несколько рейсов между Америкой и Средиземным морем. В то время дела мои были на высоте. Штурманское жалованье пустяк по сравнению с тем, что я зарабатывал контрабандой. Через полтора года я вновь возвратился в Манчестер, откуда начал свой продолжительный рейс. У меня появились деньги, много одежды. Я был здоров — словом, ничего лучшего не оставалось желать. Можно было безбедно прожить, ожидая окончания войны. Но именно тогда, когда я считал, что достиг вершины благополучия, случилось то роковое, что все перечеркнуло. Со мной произошло несчастье. Однажды вечером, вернувшись из города на судно, я спустился в машинное отделение взять теплой воды и по ошибке повернул рукоятку парового крана. Струя горячего пара ударила мне в лицо и обожгла... глаза. Три месяца пролежал я в больнице. Оттуда меня, почти слепого, перевели в приют для моряков, и я два года жил там вместе с другими инвалидами моря. Вначале не было ни малейшей надежды на выздоровление. Я хотел покончить жизнь самоубийством. И не сделал я этого только благодаря Волдису. Он разыскал меня, повел к какому-то известному глазному врачу. Тот сказал, что еще есть небольшая надежда, нужно сделать операцию. Волдис, можно сказать, насильно поместил меня в клинику. У него не было времени ждать операции, но, уезжая, он взял с меня честное слово, что я не наделаю никаких глупостей и дождусь его из плавания. Этот рейс продолжался полгода. Операция прошла благополучно — по крайней мере, настолько, насколько это было возможно в моем положении. Полтора месяца я провел в темной комнате, затем мои глаза стали постепенно приучать к свету. Вначале я ничего не видел, кроме белого чешуйчатого тумана. Потом этот туман сделался прозрачнее и сквозь него уже можно было различить контуры более крупных предметов. В конце концов мое зрение настолько улучшилось, что я теперь на расстоянии десяти шагов могу различить все предметы — в пасмурный день яснее, чем в солнечный. Лучше всего я вижу в вечерние часы, сразу после заката солнца. Тогда я даже могу узнать человека и, пристально всматриваясь, вижу стрелки

стенных часов. На улице я вижу встречных, уступаю им дорогу, но лица не различаю. Читать не могу, письма кое-как пишу, не разбираю написанных мною букв, но строчки вижу. Вот и все. Дальнейшего улучшения ожидать нельзя, и никакие очки не помогут. Моряком быть я не могу.

Ингус на минуту прервал повествование и закурил папиросу. Кланьгис откашлялся и вопросительно посмотрел на жену. Лицо Эльзы вытянулось и сделалось серьезным, она больше не улыбалась.

— Но как же ты обходился эти годы... если не мог работать? — спросила она.

— Довольно хорошо, — ответил Ингус. — До этого несчастья у меня были накоплены деньги. В первый раз мне ничего не нужно было платить за больницу — все расходы покрыло пароходство. Приют моряков содержало государство, там все для нас было бесплатно. За операцию заплатил Волдис Гандрис. Это странный человек — он чуть меня не поколотил, когда я хотел вернуть ему деньги. Он взял меня из Манчестера, увез с собой в Барридок и устроил в пансионе моряков, хозяином которого был латыш. Там я играл для моряков на гармони, и мне за это платили; потом стал ходить по судам, играл то в Барридоке, то в Кардиффе, и, должен признаться, — это довольно доходное занятие. Во всяком случае, нужды я никогда не испытывал и всегда мог прилично одеваться. Со своей участью понемногу примирился. И хотя у меня нет и никогда не будет богатства, но нетребовательному человеку много и не надо. Свой уголок в спокойном месте, свой кусок хлеба — чего мне еще желать.

Эльза закашлялась и беспокойно переглянулась с Кланьгисом. На лицах обоих можно было прочитать заботу.

— Ты приехал домой совсем или только навестить родных? — спросила Эльза.

— Посмотрим, как выйдет. Может, останусь, а может быть, опять уеду.

— Конечно, тебе виднее, — согласилась Эльза. — Здесь жить — радость небольшая. У нас тоже всяко бывает.

— Да, — улыбнулся Ингус.

— Тебе нужен покой, а на мельнице всегда возня

и шум, — продолжала Эльза. — Здоровому человеку и то трудно выдержать, не то что больному.

— Да, — опять улыбнулся Ингус.

— Но ты можешь поселиться в Зитарах. Пусть Эрнест прогонит цыган и отремонтирует верхний этаж. Там тебе будет спокойно. Если Эрнест заартачится, ты скажи нам. Мы с мужем поможем тебе.

— Разве Эрнест такой плохой?

— Этого нельзя сказать. С тобой он поладит, потому что ты старший брат и можешь потребовать усадьбу себе.

— Какой уж я хозяин?

— Ну, не скажи. Если ты пожелаешь, то в Зитарах у тебя надежный приют на всю жизнь.

— И кусок хлеба тоже, — добавил Кланьгис.

— Из милости я хлеб не буду есть, — ответил Ингус. — Он мне не нужен.

— Конечно нет, — поспешила согласиться Эльза. — Ты потребуй свою долю и не упускай ничего. Тебе полагается часть наследства. Если Эрнест не отдаст по-хорошему, подавай в суд.

— Я подумаю.

Пока Кланьгис ходил на мельницу посмотреть, как идет работа, а Эльза приготовляла ужин, у Ингуса было время поразмыслить. За ужином он вдруг спросил, нет ли у Кланьгиса свободной лошади.

— Хоть две, — гордо ответил мельник.

— Нельзя ли свезти мои вещи в Зитары? — продолжал Ингус.

— Почему же нет, — сказала Эльза, радостно подмигнув мужу. — Но сам оставайся у нас ночевать.

— Не знаю. Эрнест может обидеться, если я не навещу его в первый вечер.

— Ну, если так...

Сразу же после ужина работник Кланьгиса отвез Ингуса в Зитары. Всю дорогу Ингус не проронил ни слова, только улыбался так странно, словно думал о какой-то веселой шутке, которую собирается сыграть. Временами лицо его вздрагивало от сдерживаемого смеха и плотнее сжимались губы, и тогда его улыбка казалась холодной и презрительной.

Эльза, оставшись наедине с Кланьгисом, облегченно вздохнула.

— Слава богу. Чуть было не влипли на всю жизнь.

— Брат все-таки остается братом, — отозвался Кланьгис.

— Ты, надеюсь, не хочешь, чтобы я нянчилась со слепым нищим? Ведь за ним надо ухаживать, как за маленьким. Изредка помогать — это мы можем, но посадить себе на шею и обслуживать... Нет, пусть о нем заботится Эрнест.

3

В жизни человека бывают темные и светлые дни, когда одна за другой постигают его неудачи и неприятности или, наоборот, приходит избыток счастья. Такой темный день наступил сегодня у Эрнеста. Но разве мог он с утра это предвидеть? Совсем нет. Так уж повелось, что беда приходит без предупреждения. Да и зачем ей предупреждать? Радостный и полный надежд, хозяин Зитаров запряг лошадь и поехал в волостное правление, собираясь получить там ссуду. Он не просил слишком много, только двести латов. Но банковские дельцы, проводившие в тот день очередное недельное заседание, покачали головами и сказали, чтобы он зашел в другой раз, — им нужно все это хорошенько взвесить. Упорнее всех противился предоставлению ссуды трактирщик Мартын, тоже состоявший в правлении банка. И Эрнесту пришлось вернуться домой с пустыми руками. Здесь его ожидала новость: приехал Ингус и хотел остановиться в Зитарах, но, так как хозяина не было дома, он отправился на мельницу.

«Хорошо, если ему понравится на мельнице, — подумал Эрнест, — тогда он с моих плеч долой».

Но где тут! Не успел еще хозяин как следует прийти в себя после неудачной поездки, как во дворе послышался шум подъехавшей подводы и Ингус уже стучал в дверь.

— Проклятье... Войдите! Смотри, какой гость!

По-мужски, без слащавых излияний, они обменялись рукопожатием, поговорили о погоде и сразу же стали прощупывать друг друга.

— Верхние комнаты свободны? — спросил Ингус.

— Если б ты немного раньше приехал, пока я не впустил жильцов... — ответил Эрнест.

— Ну, хоть внизу-то найдется какой-нибудь свободный угол?

— Сам я живу в задней комнате. Только веранда еще не занята, но там выбито несколько стекол. Я думал, ты сегодня переночуешь у Эльзы.

— Можно принести немного соломы. Хуже не будет, чем в богадельне для моряков.

— Как? Ты жил в богадельне?

— В свое время, Эрнест. Или ты думаешь, я ради развлечения приехал домой? Без необходимости никто не будет менять привычного образа жизни.

Будь Эрнест цветком, он поник бы, как от мороза. «Бедняк, голодранец, подыхает с голоду, а я теперь заботься о нем!»

— Я что-то не пойму, — пробормотал он. — Ты же плавал штурманом и хорошо зарабатывал.

— Это было раньше. Теперь я уже давно не плаваю и, наверно, никогда больше ничего не заработаю. Человек предполагает, а бог располагает. Все мы игрушки в руках судьбы.

Ингус рассказал о своих глазах, и Эрнесту все стало ясно. Его охватило мрачное предчувствие. До сего времени он надеялся, что богатый брат великодушно махнет рукой на отцовское наследство: «На что мне эти пустяки? У меня без того денег достаточно». Полуслепой нищий, у которого ничего, кроме одежды, нет, посмотрит на это иначе. Полдома и пожизненное обеспечение — вот чего он потребует. А что ему ответить?

— Это печально, Ингус, — сказал Эрнест. — Жаль, что я небогат, не то мы как-нибудь прожили бы. Но ты ведь сам понимаешь, как мне живется. Из долгов никак не могу выпутаться.

— Откуда же взялись долги? У отца их никогда не было.

— Но мне же пришлось начинать все сначала. Как выглядели Зитары, когда я их принял? Все запущено, разрушено, до последней вещички растаскано. Вот и завелись долги.

— Да, Эрнест, ты много потрудился. Сколько у тебя нынче хлеба посеяно?

— Я сдал землю в аренду.

— Значит, ты ловишь рыбу?

— Этим делом мы уже не промышляем. Не оправдывает себя — сети дорого стоят.

— На какие же средства ты живешь?

— Перебиваюсь кое-как. Получаю немного за аренду, постояльцы платят несколько латов, остальное собираю по крохам.

— Но ведь ты бы мог сам обрабатывать землю.

— Сейчас этот тяжелый труд не оправдывает себя. Я уже пробовал, и пришлось оставить это дело.

Ингус улыбнулся.

— А что, Эрнест, если бы мы стали с тобой хозяйничать?

— Разве ты способен работать?

— В Англии я зарабатывал игрой на гармони. Играл на судах, и мне за это платили чаевые. Может быть, Мартын позволит мне играть в корчме. Свой заработок я буду вкладывать в нашу общую кассу, так что на жизнь хватит. Ты предоставишь мне приют и уход, а я откажусь от дома в твою пользу, и нам обоим будет хорошо.

— Не знаю, что из этого получится. Мне некогда ухаживать за тобой.

— Разве ты жениться не собираешься?

— Холостому лучше.

— Тогда я женюсь, и моя жена будет нам готовить обед.

Эрнест чуть не подпрыгнул от досады. Если бы свидание после многих лет разлуки не обязывало быть вежливым, он показал бы этому слепому нахалу. Вот он куда метит: мало того, что ему дают из жалости кусок хлеба, он еще мечтает о женитьбе.

— Тогда лучше я сам женюсь, — резко ответил Эрнест.

— Это верно, — согласился Ингус. — А так как оба мы, вероятно, не сможем жениться, мне придется остаться холостяком. Как ты думаешь, где мне лучше всего поселиться?

— Лучше всего у Янки. У него две комнаты.

— А он согласится?

— А почему нет. Ты ему очень пригодишься, потому что у Айи нет никого, кто присмотрел бы за детьми.

— О, это я смогу. Я буду им играть на гармони и

стану рассказывать о своих приключениях. Эрнест, ты не проводишь меня к Янке? Так оно будет приличнее, если я в первый день навещу родню.

— Здесь недалеко. Только нужно идти сейчас, пока они не легли спать. Погоди, я позову кого-нибудь из цыганят, они тебе покажут дорогу.

Эрнест вдруг стал таким деятельным, что приятно было на него смотреть. Но Ингус улыбался.

Старый Криш пошел вместе с Ингусом и помог ему отнести морской мешок; гармонь Ингус повесил себе на плечо. Большой чемодан, который остался в Зитарах, был закрыт патентованным замком, и Эрнест не мог поддаться злому искушению. Когда Ингус ушел, он осмотрел чемодан и попробовал поднять его. «Что в нем может быть — тряпки да безделушки. Так всегда бывает, когда человек не умеет жить...»

А Ингус шел за Кришем и думал: «Как странно устроен мир? Эрнест и Эльза — родные мне люди, брат и сестра, а на поверку — они чужие. А вот этот седой старик, который не приходится мне ни братом, ни отцом, во сто раз ближе и роднее их обоих. Он рад моему возвращению, хотя я ему ничего не привез».

— Хороший ты человек, — сказал он Кришу. — По правде говоря, именно ты имеешь право жить в Зитарах, а не Эрнест. Ты настоящий хозяин этого дома.

Криш смущенно промолчал.

— Жизнь не баловала нас, — продолжал Ингус. — Ты теперь стар, а я... — он нервно махнул рукой. — Но все равно, мы еще поживем.

— Обязательно, — отозвался Криш. — Ты только не вешай голову.

Остальную часть пути они прошли молча.

4

Если для Эрнеста этот день был мрачным, то Янка мог о себе сказать совсем иное. Первые утренние шаги принесли ему сюрприз: в старую, изношенную сыртевую сеть попался лосось — сорокафунтовая серебристая самка. Эта рыба в такую раннюю пору стоила четыре лата фунт. А после полудня почтальон принес письмо и какую-то книгу. Письмо было от известного латышского

писателя, которому Янка за несколько недель до этого отослал два рассказа. Теперь этот человек сообщал, что рассказы ему понравились и их напечатают в толстом журнале, который он редактирует. Наряду с указаниями на некоторые ошибки в рукописи письмо содержало дружеское поощрение, совет продолжать начатую работу и обещание использовать все годное. Книга оказалась последним номером толстого журнала, и там среди многих известных всему народу имен Ян Зитар впервые нашел и свое имя. Это его так взволновало, что он забыл о пойманном лососе и весь день ходил как пьяный. У него есть талант! Если бы это сказал кто-нибудь из рядовых людей, можно было еще сомневаться, но как можно усомниться в мнении человека, который занимал одно из первых мест в литературе своего народа и был известен другим народам, суждения которого суровы и колючи. Недаром Янка, мучимый сомнениями, избрал для оценки своих писательских способностей самого строгого судью. Успешный исход взволновал его и перевернул всю его жизнь. Одиночество кончилось. С этого момента Ян Зитар приобрел много знакомых и незнакомых друзей и еще больше врагов. Позднее он убедился, что дружба и вражда — неизбежные спутники всякой публичной деятельности и что удовлетворению всегда сопутствует известная доля горечи. Единственное, что писатель приобретал в данном случае, — это сознание полезности своей работы. Если тысяча хвалит и сотня ругает, становится ясно, кому нужен его труд. Задача писателя состоит вовсе не в том, чтобы понравиться всем читателям, так же как публика не обязана принимать всех писателей или все труды одного писателя.

Позже, когда Криш привел Ингуса, Янка от души обрадовался брату, хотя тот был полуслепой и его отказались принять в двух местах. Он не спросил, долго ли думает Ингус оставаться здесь и какие у него планы на будущее. Само собой разумелось, что, если у брата нет крова, он должен найти его здесь, в семье Янки.

— У нас только эти две комнаты, но к осени я дострою третью. Если возня детей тебе не помешает, оставайся у нас.

С этим все было в порядке, и об этом больше не говорили. Ведь было много другого, о чем следовало

побеседовать: о путешествиях Ингуса, о жизни семьи в Сибири, о смерти отца и матери. Это были необычные повествования, мрачные, как и все прожитое, но на сердце теплело при этих рассказах, хотя в них не было ничего веселого. Так становится тепло двум одиночкам, встретившимся в зимнюю непогоду. Они защищают друг друга от ветра — им тепло от взаимной близости и от сознания, что они больше не одиноки.

Айя постелила Ингусу на диване, но спать в эту ночь не пришлось. Братья проболтали до утра. Янке нужно было отправляться в море за сетями. Ингус вышел с ним и долго сидел в дюнах. Потом снял чехол с гармони и впервые заиграл. Какая эта была радость для младших Зитаров! Еще вечером маленький Карл держался на почтительном расстоянии от чужого дяди, а малютка Сармите пряталась за спиной матери, теперь же они не отходили от Ингуса ни на шаг, и, когда дядя позволил им потрогать клавиши, дети замерли от восторга. Но самая большая радость и удивление ожидали их после полудня, когда из Зитаров принесли чемодан Ингуса.

Собрав около себя всю семью Янки, Ингус открыл чемодан и стал вынимать подарки. Этот момент вызвал в памяти прежние, счастливые времена, когда старый капитан и Ингус возвращались домой из дальнего плавания. Все было так же, как тогда, — красивые безделушки, шелк, перламутр и серебро, пестрые матросские платки, нарядные шкатулки для рукоделия, флаконы с французскими духами и пенковые трубки; тут был даже раздвижной бинокль с компасом. Каждый получил подарок, и каждый по-своему радовался.

Когда подарки были розданы, Ингус поинтересовался семейством Карла, и они отобрали подарки для жителей Болотного острова. Эти гостинцы отложили отдельно.

На Болотный остров Ингус пошел утром в воскресенье. Старый Криш снова провожал его.

На острове за эти годы не произошло больших перемен. Из-за нехватки денег Карлу так и не удалось достроить жилой дом. Нечеловеческим трудом приходилось отвоевывать у болота каждый кусочек луга и полоску пашни. Карл по-прежнему не мог прокормить больше двух коров, а едоков в семье стало больше.

Покорителю Болотного острова все еще приходилось несколько месяцев в году батрачить то в Пурвмалах, то в другой богатой усадьбе. Непосильный труд и нужда давно уже наложили свой отпечаток на лицо и фигуру Карла: щеки его ввалились, вокруг рта залегли глубокие морщины, а когда-то статная, пышущая здоровьем фигура ссутулилась и согнулась, словно на плечи человека легла непосильная тяжесть.

Приветливо и радушно встретили здесь Ингуса. В честь свидания Сармите принесла из чулана последний кусочек свинины и несколько яиц и приготовила гостю такой обед, какой бывал здесь только в большие праздники. Потом Карл повел брата по своим владениям и показал все, что здесь построено и возделано. И, когда все было осмотрено, Ингус, вздохнув, сказал:

— Трудно тебе, брат, живется.

— Раньше было еще труднее... — отозвался Карл. — Бывали минуты, когда хотелось махнуть на все рукой и бежать. Но куда? Где остров счастья на этой несчастной земле? Толпы негодяев и паразитов только и знают, что выжимают соки и душат. Сегодня Латвия принадлежит таким людям, как Кланьгис и трактирщик Мартын. Все делается лишь для того, чтобы обеспечить им обильную пищу.

— А народ?

— Народ с их точки зрения — это удобрение. Пот и кровь народа, по их мнению, удобряют землю и умножают богатства.

— Почему же народ терпит это? Почему не прогонит этих негодяев?

Лицо Карла помрачнело, глаза потемнели.

— Не вечно так будет. Народ когда-нибудь скажет свое слово. Переполнится чаша народного терпения.

— Ты ждешь, что это произойдет? — спросил Ингус.

— Да, надеюсь и жду, — ответил Карл. — Это чувство дает силы выносить мрак и духоту. Если б этого не было, не стоило бы жить.

— А если тебе придется ждать всю жизнь?

— Не дождусь я, дождутся мои дети. К тому же... — голос Карла сделался тише. — К тому же недостаточно только ждать... полагаться на других, надеяться, что это произойдет само собой. За правду и справедливость надо бороться, Ингус.

— Ты настойчивый и упрямый яхтсмен — пусть против ветра, но всегда вперед, — Ингус улыбнулся. — Так поступают некоторые моряки у мыса Горн. Но разве тебе не одиноко жить и мучиться в этом мрачном углу?

— Я не одинок, — возразил Карл. — Во-первых, у меня семья. Моя жена разучилась петь. Но когда она по вечерам спорит с детьми, а малыши не хотят ложиться, то это такая музыка, прекраснее которой не услышишь во всем мире. И это еще не все. Даже если бы у меня не было жены и детей, я все же не был бы одинок. Все те, кому живется плохо на этой земле и кто установит когда-нибудь здесь новую справедливость, — мои братья и товарищи. Нет, Ингус, я не чувствую одиночества.

Казалось, что каждое слово Карла шло из самых сокровенных глубин его души. Если бы он мог видеть себя в зеркале, он заметил бы, что на почерневшем от копоти и мучительных трудов лице показался румянец. Может быть, он в этот момент забыл, что непосильная схватка уже надломила его, что побаливает рука в плече и он часто покашливает. Надломлено было тело, но не дух.

И Ингус сказал:

— Счастливый ты человек, твоя жизнь полна большого смысла. Ты еще чего-то можешь ждать от будущего, тогда как я...

Не окончив фразы, он вздохнул. И Карлу тоже вдруг сделалось грустно.

5

Ингус пробыл на Болотном острове несколько дней. Здесь было так тихо, и в этой суровой обособленности Ингус чувствовал прелесть одиночества, которое испытываешь на море в дальнем плавании.

Все относились к Ингусу хорошо, ни на минуту не давая почувствовать, что он обременяет их. Карл всегда находил время поговорить с братом. Вечером они усаживались на скамейку у дома и рассказывали друг другу обо всем, что произошло за время долгой разлуки. Иногда к ним присоединялись Сармите или Эльга. В каждом обращенном к нему слове он чув-

ствовал родственную близость, и каждый час, проведенный здесь Ингусом, приносил ему что-то теплое и желанное: ты наш и находишься дома, ты часть этого маленького мирка, который создан нами, он принадлежит и тебе. Если ты останешься здесь и никогда больше не уйдешь, это будет вполне естественно. Казалось, такое положение было предусмотрено еще в самом начале жизни, — все знали, что именно так и будет, и присутствие Ингуса только осуществляло давно ожидаемое и само собой разумеющееся.

И все же чего-то не хватало. В первые дни Ингус еще не замечал этого. И следующие дни не давали повода это почувствовать, так как ничто не изменилось ни в нем самом, ни в близких ему людях. Каждое утро они вставали в определенный час и начинали обычные дневные дела. Непоколебимым и вечным казался ритм их жизни, похожий на бег времени, непрестанную смену ночей и дней. Они неуклонно стремились к своей цели. Это было долгом их жизни. У каждого существа есть такой долг, и каждый сознательно или инстинктивно старается его выполнять, — кто как умеет.

И у тебя, Ингус, он есть, и ты должен его выполнять. Как ты это сделаешь?

Вот это его смущало и заставляло чувствовать какую-то неудовлетворенность. Он не был в состоянии принять участие в делах на Болотном острове и в жизни Янки. Ну, а если он не мог повлиять на эти дела, значит, он был лишним.

Это сознание наполняло Ингуса жгучей болью. Он понимал, что его существование в данное время неоправданно и, приняв гостеприимство одного из братьев, он станет паразитом. Девяносто человек из ста согласились бы на эту жалкую и бесправную роль в большой жизненной игре, но Ингус был одним из тех десяти, которые не могли принять этого. Жизнь его была надорвана, он понимал, но это еще не давало ему права быть обузой для других. Если человек желает, он еще способен на что-нибудь. Сколь бы ограниченными ни были перспективы Ингуса в борьбе за существование, нужно было найти какую-то возможность самостоятельного бытия.

Как-то он сказал Карлу:

— Мне нужно проехать вдоль побережья в местечко, где я когда-то учился в мореходном училище. Хочется навестить старых друзей. Пароход идет завтра.

Чтобы не опоздать на пароход, Ингус в тот же вечер ушел с Болотного острова и переночевал у Янки. Наутро он уложил свои вещи в морской мешок. Большой чемодан со всеми вещами он оставил у брата. И когда пароход приблизился к устью реки, лодочник отвез Ингуса в море. Он уехал на север, но не сошел на берег, хотя пароходик и пришвартовался в порту. Ингус еще у Янки написал письмо, и на другое утро, когда пароход собирался в обратный рейс в Ригу, он дал лат мальчику и попросил снести письмо к Кюрзенам. Сам он не осмелился туда пойти.

Вечером Ингус уже находился в Риге и играл на гармони на одном из больших торговых пароходов. Матросы накидали ему денег. В следующие вечера он играл на других пароходах. Иногда ему платили, иной раз только кормили, но он всегда был доволен. Знакомые с побережья, встречавшие его изредка в порту, говорили, что ему живется хорошо.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Пароход дал третий гудок, когда мальчик с письмом пришел к Кюрзенам. Отдав письмо Лилии, он сразу же хотел уйти.

— Кто тебе его дал? — спросила Лилия у мальчика. — Ответа он не велел ждать?

— Ответа? — мальчик растерялся. — А как же я его передам? Тот человек остался на пароходе и уже уехал. Он еще наказал мне, чтобы я не шел сюда до тех пор, пока пароход не выйдет в открытое море. А мне некогда так долго ждать, — мы сегодня ставим сети в море, нужно помочь отцу.

Лилия отпустила мальчика и вошла в комнатку. Она узнала почерк Ингуса, и только неясно было, кто передал мальчику письмо. Казалось странным, что кто-то избегает встречи с ней. Тогда зимой, получив письмо Ингуса, Лилия написала ему подробный ответ, из которого он должен был понять, что в Кюрзенах его

ждут, что здесь ему принадлежит место на веки вечные и он всегда будет дорогим, желанным гостем. Ингус не ответил, и Лилия не знала, где он находится, потому что ее второе заказное письмо вернулось обратно с пометкой, что адресат не найден.

Лилия поднялась наверх и села на балконе, перестроенном так, что он напоминал капитанский мостик на пароходе, — не хватало лишь компаса да штурвального колеса. И пока маленький пароходик в виду берега описывал полукруг, поворачивая в море, она прочла письмо Ингуса.

«*Лилия, милый мой друг!*

Как видишь, я вернулся на родину и живу здесь уже несколько недель. По дороге домой у меня была лишь одна мысль: скорее увидеть тебя. Эта мысль не оставляла меня и позже, когда я жил у своих. С таким намерением я вчера сел на пароход и отправился сюда. Но время, проведенное у родных, и поведение некоторых людей заставили меня посмотреть на вещи другими глазами. Я начал сомневаться (не в тебе, Лилия, ты выше всего этого), и, чем ближе подходил пароход к твоему городку, тем меньше у меня оставалось смелости. В конце концов я понял, что было бы большой бестактностью утруждать тебя своим присутствием. У меня не было бы таких сомнений, если бы мы были только друзья или случайные знакомые. Тебе пришлось бы сказать «да» или «нет», а я чувствую, что в теперешних обстоятельствах тебе было бы трудно сказать «да», потому что я уже не полноценный человек. Тебе также тяжело и неловко было бы отвергнуть меня, и я боюсь, что ты из жалости (в которой я не нуждаюсь) сделаешь то, что тебе не следует делать. Это было бы с твоей стороны жертвой, принять которую я не имею права. Поэтому я решил остаться на пароходе, не показываться тебе, а этим письмом известить тебя о своем состоянии. Теперь ты сможешь спокойно все обдумать и взвесить. Сейчас чувства обострены, и ты можешь прийти к неправильному решению. Все это я делаю не ради себя, Лилия, а ради тебя. Обдумай все по-настоящему. Попробуй привыкнуть к мысли, что Ингуса Зитара больше не существует, — может быть, тогда ты найдешь новые ценности и новые обещания в другом месте.

Теперь обо мне. Прежде всего ты должна знать, что я приехал из-за границы таким же голым, как уехал. У меня нет никакого имущества и нет никаких перспектив когда-нибудь приобрести его. Больше того, у меня нет даже того, что заменяет другим неимущим людям достаток и дает возможность строить перспективы на дальнейшую жизнь, — нет здоровья. Мои глаза никуда не годятся. К морской службе я не годен, а крестьянской работы не знаю. Единственное, на что я еще способен, — перебирать лады гармони. Но это профессия нищих, и с нею дальше богадельни не уйду. Видимо, мне надо теперь подыскать маленькую обезьянку, которая бы кривлялась под музыку, и какую-нибудь скромную женщину, которая водила бы меня с парохода на пароход и из корчмы в корчму, когда я совсем ослепну. Теперь ты все знаешь. Я понимаю, что я многим доставил разочарование. О, Лилия, если бы ты видела, как беззастенчиво отмахнулись от меня некоторые из моих родных. И это вполне естественно. Разве я могу ожидать иного? Другие были более гуманны и предложили приют. Я мог бы поселиться у них и жить сколько мне захочется. И все же я понял, что и для них оказался бы такой же обузой, как для тебя, Лилия. Поэтому я ухожу с вашей дороги без горечи и досады. Желаю тебе всего наилучшего. Будь счастлива и, так же как и раньше, ясно гляди на жизнь — она полна тумана и невидимых скал. Один неверный шаг — и твой корабль разбит. Но нет такого дока, где можно было б починить человеческую жизнь. В опасных местах лучше ехать тихо, осмотрительно.

С сердечным приветом *Ингус*».

Серая блестящая поверхность моря походила на расплавленный свинец. Не было ветра, который бы разогнал полосу дыма, оставленную удалявшимся пароходом. Она тянулась до самого берега, похожая на белую тесьму, которую мальчуганы привязывают к игрушечным корабликам, чтобы они не уплывали слишком далеко в море. Если бы это была тесьма, Лилия не замедлила бы потянуть ее, и маленькому пароходику пришлось бы снова пристать к берегу. Но это был только дым, пустое облако, иллюзия в пустом сердце. Он быстро рассеялся. Но не рассеялась оставленная им горечь. Прошли недели, месяцы, год, но она чув-

ствовалась, о ней думалось, и едкая горечь вселяла в сердце тревогу. Так же как и прежде, Лилия жила в своем доме, работала с утра до вечера и мелкими хлопотами заполняла дни. Но где-то оставалась пустота. Нехорошо человеку быть одному. Это чувствовала не только Лилия, это можно было прочесть на лицах всех близких; это, казалось, выражали даже старые постройки Кюрзенов и тихий шелест колосьев на окружающих дом нивах: «Где твой настоящий друг?»

А человек, которого она ожидала долгие годы, не смел прийти — он уже не был прежним. И все-таки это был он, и Лилия не могла его забыть.

Так прошел год. Лилии понадобилось поехать в Ригу купить новые сети и навестить родственницу, живущую в городе. Она ехала налегке, поэтому села в автобус, который курсировал здесь с весны.

2

В последние годы Лилия редко ездила в Ригу. Каждая поездка хотя и вносила некоторое разнообразие, но доставляла много хлопот и беспокойства. Из-за пустяков не стоило совершать такой путь. К поездке у Лилии всегда накапливалось столько неотложных дел, что в один день она еле успевала их сделать, и каждый раз вместо приятно проведенного времени она к концу дня валилась с ног.

Родственница Лилии — ее двоюродная сестра со стороны матери — жила в Задвинье. Не очень удобно было возить покупки на окраину, а затем опять на берег Даугавы, где останавливался пароход. Однако жить в гостинице или на постоялом дворе было еще неприятнее. Муж сестры работал на фабрике, и один из трех сыновей их был крестником Лилии. Понятно, что каждый раз крестной приходилось привозить подарок. Лилия никогда об этом не забывала, так же как двоюродная сестра никогда не забывала спросить, когда им можно будет приехать на свадьбу в Кюрзены. Иногда, если муж двоюродной сестры был дома, разговоры на эту тему затягивались и принимали то серьезный, то шутливый характер. Нередко во время ее приезда у родственников вдруг появлялись знакомые сестры и товарищи ее мужа по работе. У Лилии создалось впечатление, что ей их специально показывают. Но двоюродная сестра напрасно старалась — Лилия по-прежнему продолжала оставаться безучастной ко всему этому. Тогда родственники решили, что ей чужды женские интересы, и перестали заботиться о ее будущем.

Весь день Лилия ходила по городу и вечером, оставив купленные сети у родственников, вздумала пойти в кино. Пароход ее уходил завтра после полудня. Ни у кого не было времени сопровождать Лилию, и она отправилась одна. Переехав через понтонный мост, она вышла из трамвая и решила зайти на пароходную пристань узнать о времени отправки парохода. Против Рижского замка стоял большой норвежский пароход. С него только что сошла группа моряков, и среди них был человек с гармонью через плечо. Если бы не было гармони, Лилия не обратила бы на этих людей внимания. Но инструмент напомнил кого-то, чья судьба переплелась с ее собственной судьбой. Взволнованная, она внимательно присмотрелась к незнакомцу. Эта фигура, сильно поношенная и замусоленная одежда, походка, волнистая прядь волос, выбивающаяся из-под козырька жокейки, голос вызвали в памяти что-то бесконечно близкое и знакомое. Лилия не знала, он ли это, но она желала, чтобы это было так. Все остальные мысли вдруг рассеялись, и она забыла, зачем пришла на пароходную пристань. Возбужденная, растерянная, она не в силах была оторвать глаз от этого человека.

Если бы это действительно оказался Ингус!.. Может быть, это он? Долгие, бесконечные годы — и наконец она видит его! Может быть, даже единственный и последний раз! В этот миг она не думала о том, что означает эта встреча и почему она ее так желает.

Никому не было дела до незнакомой женщины, которая так внезапно ушла с набережной. Перейдя через рельсы, Лилия опередила моряков и у столба трамвайной остановки стала ожидать, когда они пройдут мимо. Теперь она ясно видела лица этих людей и наконец узнала того человека. Это был Ингус, правда, постаревший и более усталый, чем в тот раз, когда они надолго расстались на набережной. Но все же это был тот же Ингус, немного грустный и немного беспечный, дорогой и не забытый до сегодняшнего дня. Вот он увидел меня, смотрит сюда, прямо на меня. О, хоть бы

сердце не стучало так в груди. И почему так горят щеки? Неужели он в самом деле не узнает меня... пройдет мимо! Он больше не смотрит сюда, он так близко, почти рядом, и даже вынужден посторониться, чтобы не задеть меня углом гармони.

— Ингус!.. — сорвалось с губ Лилии.

Она не решилась загородить ему дорогу, да это и не нужно было: он услышал ее возглас и обернулся.

— Вы что-то сказали? — спросил он, прищурив глаза, потому что заходящее солнце светило прямо в лицо.

— Да, я... Но это ведь ты, Ингус Зитар, не правда ли? — торопливо переспросила Лилия.

— Совершенно верно, — ответил он и остановился.

— Разве ты меня больше не узнаешь? — спросила Лилия и подошла к нему, нерешительно беря его за руку. — Ну, а сейчас ты видишь меня, не правда ли?

Теперь покраснел Ингус. Его рука скользнула по пиджаку кверху, словно намереваясь поднять воротник: полосатая сорочка была нестирана и воротничок совсем смят.

— Come![1] — крикнул один матрос, махнув Ингусу рукой. Они направлялись в кабачок. — Let us go![2]

— Wait a bit, — сказал Ингус. — I shall come later[3].

Моряки пошептались, засмеялись и пошли дальше.

— Тебе нужно куда-то спешить? — спросила Лилия, и неизвестно почему к горлу ее подступил комок.

— Я им обещал сыграть, вот и все, — ответил Ингус. — Но они еще не платили, так что я могу и не ходить.

Спазмы еще сильнее сжимали горло Лилии; она с трудом удерживала рыдания.

— Где бы мы могли посидеть? — спросила она. — Я думаю, нам о многом надо поговорить. Хорошо бы найти такое место, где меньше народу.

— Здесь на берегу нельзя. И потом мне надо снести гармонь.

— Гармонь можно оставить на пароходике, у меня там есть знакомые... — сказала Лилия. — Потом возьмешь.

— Мне не хочется им показываться.

[1] Идем! (*англ.*).
[2] Пошли! (*англ.*).
[3] Погодите немного. Я приду позднее. (*англ.*).

— Я снесу.

Они перешли через рельсы на набережную, и, пока Лилия относила гармонь пароходному эконому, Ингус ждал ее у конторы.

— Мы можем посидеть в будке ожидания, — заметил Ингус, когда Лилия вернулась. — В теплую погоду публика туда не заходит.

— Ты лучше знаешь, — согласилась Лилия.

Будка действительно была свободна, и все время, пока Ингус и Лилия разговаривали, никто их не беспокоил. Это было хорошо, потому что разговор их был совсем необычный.

3

— Я получила твое письмо, — сказала Лилия. — То, что ты послал с мальчиком.

— Я помню, Лилия. Тогда тебе должно быть все ясно.

— Да, Ингус. Но теперь я знаю, что ты немного лгал.

— В каком смысле?

— Ты писал, что твои глаза больше никуда не годятся. Как же ты мог написать письмо?

— По привычке, Лилия. Попробуй когда-нибудь писать с закрытыми глазами, и ты увидишь, что кое-что получается.

— Давеча я видела, что, когда тот матрос махнул тебе рукой, ты заметил это и ответил ему.

— Сколько-то я еще вижу. Но на море уже не гожусь. Если мне приходится продолжительное время смотреть пристально, я скоро слепну и не вижу ничего, кроме чешуйчатого тумана.

— Тебе не стало хуже с тех пор, как ты приехал?

— Нет, Лилия, но и лучше не стало.

— Расскажи мне, как это с тобой произошло.

Ингус рассказал. Они долго молчали. Полные воспоминаний о прежней близости, они не осмеливались прикоснуться друг к другу, ибо каждое прикосновение было бы вопросом, а они еще сами не знали ответа. Человек, потерявший всякую надежду, обретает покой в том, что примиряется с потерянным. Он знает, с каким трудом приобретен этот покой, и поэтому не желает терять его ради новых, робких надежд. Повторяющиеся страдания

уже не так остры, но они гораздо мучительнее, ибо человек заранее может предусмотреть все фазы их.

— Где ты сейчас живешь? — спросила наконец Лилия.

— Везде и нигде, — впервые улыбнулся Ингус. — У меня нет жилья, и я без него отлично обхожусь. Ведь в порту всегда стоит какое-нибудь судно. Только зимой, когда закроется навигация, мне придется думать о крове. Прошлой зимой я устроился музыкантом в какой-то корчме. Весною мы расстались друзьями, так что на будущую зиму у меня есть возможность вернуться на прежнее место.

— Ты доволен этой жизнью?

— Милая Лилия, покажи мне хоть одного человека, который был бы доволен тем, что у него есть. А если бы даже такое чудо нашлось, я не позавидовал бы ему, потому что у этого человека что-нибудь не в порядке. Как бы мне ни жилось, я все же знаю, что другие ненамного счастливее меня. Ну вот, например, ты удовлетворена своей жизнью?

— Нет, Ингус, мне многого недостает.

— И, ручаюсь головой, ты переносишь это гораздо тяжелее, чем я. Мое положение приучило меня к скромности. Твои желания неизмеримо больше моих, и их гораздо труднее выполнить. Собачке достаточно кости, чтобы она почувствовала себя счастливой, а какие богатства могут осчастливить сильных мира сего?

— Может быть, у них совсем нет желаний.

— Тогда они беднейшие из беднейших. Желать — значит жить. Кто ничего не желает, тот больше не живет.

— Ты *желаешь* играть в корчме и жить нищенским подаянием?

— Нет, Лилия, но это вытекает из какого-то другого желания — из желания жить. Играть и попрошайничать — это только средство к тому, чтобы выжить и существовать. Вот почему это дело мне нравится.

— А если б ты мог обеспечить свое существование по-другому и тебе не пришлось бы больше веселить чужих людей, — ты и тогда захотел бы заниматься этим?

— И тогда, Лилия. Разве могу я прожить всю жизнь, ничего не делая, не принося хоть какой-то пользы?

Человек должен приносить пользу каждую минуту, если не в большом, то хоть в малом деле. Иначе его жизнь бессмысленна.

— В этом я с тобой согласна, — сказала Лилия. Рука ее нечаянно нашла руку Ингуса и сжала ее. — Но если возможны большие дела, то мелкие можно оставить. Ты с этим согласен?

— Ко мне это не относится. Я уже не однажды все продумал.

— Абсолютно все, Ингус?

— Да, Лилия.

— Не только то, что есть, но и то, что было и опять могло бы быть?

— И это.

— Есть вопросы, которые человек не имеет права решать один. Бывает, что нужно выслушать мнение других.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду.

— Если бы ты смог быть откровенным, ты бы узнал это.

— Попытаюсь, Лилия.

О, как это было трудно — женщине говорить о вопросах, в которых инициатива обычно принадлежит мужчине! Эта активность признавалась за мужчиной потому, что это преимущество сильнейшего партнера. Если б Ингус из-за болезни не стал слабым и неполноценным, Лилия никогда не взялась бы за эту миссию. Но сейчас она была сильнее. И ее превосходство не только позволяло, но даже обязывало взять на себя роль, которая в иных условиях принадлежала бы ее другу.

— Ты когда-то любил меня? — начала Лилия.

— Да.

— А теперь?

— Что было дозволено тогда, того нельзя теперь.

— Почему?

— Потому что возлюбленные должны быть достойны друг друга.

— Разве я больше не достойна тебя?

— Ты достойна, но я не равноценен тебе.

— А если я думаю иначе?

— Ты не можешь так думать. Простейшая логика противоречит этому.

— И все-таки это так. Ингус, будь откровенным и скажи, стал бы ты меня разыскивать, если б вернулся таким, каким ушел?

Ингус вздохнул.

— Кажется, я это сделал бы.

— А теперь у тебя нет никаких причин, кроме того, что мы неравноценны?

— Нет, Лилия. Но они достаточно вески...

— Для того чтобы посмеяться над ними. Если то, что ты говоришь, правда, если ты и теперь будешь говорить «нет», ты просто упрямое дитя, капризный, избалованный мальчишка. Ты хочешь, чтобы тебя упрашивали.

— Я недостоин этого.

— И тем не менее ты этого добиваешься. Или, может быть, в Кюрзенах тебе кажется слишком скучно?

— Нет, Лилия, я еще не настолько испорчен.

— Ты так испорчен, что и не узнать тебя.

— В каком смысле?

— Почему ты меня не поцелуешь? Мало того, что мне обо всем нужно говорить самой, ты еще ждешь, что я первая брошусь тебе на шею?

— Ах, ты думаешь, что я на это уже не способен?

Они за это время ничуть не стали благоразумнее. Ингус так и сказал, и впервые за долгие, долгие годы раздался лукавый смех Лилии:

— А какой толк в слишком благоразумных?

И они порадовались, что самое большое несчастье миновало их: они не превратились в черствых эгоистов, и жар ранней юности не был ими растрачен в годы разлуки. Они сберегли его на то время, когда меняется климат и людям становится холодно.

4

Вместо предполагаемых двух дней Лилия задержалась в Риге больше двух недель. Чтобы дядя Юрис не тревожился, она послала ему письмо, сообщая, что ее задерживает в городе важное дело и чтобы Юрис до ее приезда как-нибудь справлялся один. Хотел ли Ингус того или не хотел, но на следующий день ему пришлось пойти с Лилией в надлежащее учреждение и

выполнить одну формальность. После этого они ходили по лавкам и тратили деньги. Гордая и счастливая тем, что ей представилась эта возможность, Лилия одела Ингуса с головы до ног и настояла на том, чтобы в день свадьбы он надел мундир морского офицера с золотыми нашивками и блестящими пуговицами, — пусть видят, что Ингус — капитан дальнего плавания.

Двоюродная сестра и ее муж глаза вытаращили, когда их пригласили свидетелями. В этот день они впервые увидели Ингуса, и огорчение сестры сразу же заметно уменьшилось.

— Довольно красивый мужчина... — шепнула она Лилии. — Я бы на твоем месте поступила так же. Ему очень идет капитанский мундир.

Лилия сама знала это лучше других. Когда они на следующий день отправились на пароход, чтобы ехать домой, Ингус опять был в форме морского офицера с нашивками. Он резко выделялся в толпе пассажиров и не одного любопытного соседа заставлял держаться на почтительном расстоянии. Первый, кого они встретили на пристани, был лавочник Лицис. Бедный малый сразу заметил обручальное кольцо на руке Лилии, и это так его поразило, что он забыл даже поздороваться.

Дома Лилия разыскала дядю Юриса и сказала:

— Это мой муж. Теперь он будет распоряжаться и управлять Кюрзенами.

Да, усадьба Кюрзенов наконец дождалась хозяина. Он пришел без шума, без музыки, не сопровождаемый криками пьяных гостей; появился внезапно, тихо, полный скромного достоинства. Он не спешил взять в руки бразды правления и пока оставался в стороне от домашних дел. Лилия, как и прежде, делала все сама, но всякий раз ссылалась на мужа. Когда ей нужно было решить какой-нибудь важный вопрос, она говорила:

— Я посоветуюсь с мужем.

Потом она приходила к Ингусу и излагала ему свои заботы.

Ответ Ингуса всегда был один:

— Ты сама знаешь это лучше.

То, что Лилия во всех делах считалась с его мнением, понемногу пробудило в нем веру в себя. Он перестал

чувствовать себя лишним и бесполезным. Чего не смогли внушить ему люди и не признавал он сам, того добилась мудрость женской любви.

Как-то вечером дядя Юрис, убирая во дворе сети, подслушал странный разговор. Ингус и Лилия сидели на балконе, и Лилия читала ему вслух газету. Вдруг Ингус указал рукой вдаль и спросил:

— Там светится что-то голубое, это не море?

Лилия взглянула и покачала головой:

— Нет, Ингус, это небо.

— Я тоже подумал, что море так высоко не может быть, — проговорил Ингус.

Дяде Юрису пришлось долго размышлять над его словами. Позже он рассказал об этом Лицису, и бравый лавочник сразу понял, что Лилия отказала ему из-за полуслепого человека. Значит, она ему натянула нос не ради блестящего мундира, а ради настоящей любви, против которой бороться бесполезно. Осознав это, Лицис навсегда примирился со своим поражением.

Да, Ингус Зитар был теперь хозяином Кюрзенов, настоящим хозяином, слово которого имело вес и который мог свободно распоряжаться в своем доме. Только в одном вопросе Лилия категорически ограничила его.

— Ты никогда больше не будешь играть на гармони по желанию других, — заявила она сразу после возвращения из Риги. — Теперь ты будешь играть, только когда сам этого захочешь. И, может быть, иногда для меня, если я тебя попрошу.

Странная женщина! Она относилась ревниво к искусству своего мужа и не хотела, чтобы кто-нибудь, кроме нее, наслаждался этим искусством.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Прошло еще два года. У иного старого тигра выпали зубы, у иного молодого петушка вырос гребень, но течение жизни осталось таким же пестрым и необозримым, как всегда.

Издавна говорят: не возжелай слишком много, и ты будешь счастлив. Это простая, тысячекратно проверенная мудрость, она признана как великими умами, так и мелкими людишками. Но трактирщик Мартын за свою долгую жизнь не усвоил этого и на старости лет дал такого маху, что пострадал не только он, но и вся его семья. Он — спокойный и уравновешенный торговец — увлекся модой. Ему показалось мало того, что он зажиточен и состоятелен, что в трактире установили пятиламповый радиоприемник и по совету Миците летом нанимали двух официанток. Обязанности в приходе, волостном правлении и обществе взаимного кредита для широкой натуры казались слишком незначительными. Он жаждал деятельности в государственном масштабе. И когда осенью происходили выборы в сейм, в одном из многочисленных списков можно было прочесть имя Мартына Зитара. Он агитировал за свою партию среди посетителей трактира, и, видя его старания, можно было надеяться, что эти труды будут вознаграждены почетным мандатом депутата. Мартын достаточно хорошо умел поносить противников, волноваться по поводу незначительных мелочей, закрывать глаза на слона, топчущего посевы, и обещать невыполнимое — настоящий талант политикана. Но народ оказался весьма неблагодарным — он поскупился на голоса и лишний раз подтвердил правоту старинного изречения: нет пророка в своем отечестве*.

Эта неосуществившаяся мечта стоила Мартыну немало денег. Но его огорчил не столько затраченный капитал, сколько насмешки окрестных жителей. Разве это плохо, что он хотел вершить историю, назначать и свергать министров и издавать законы для народа? Ведь с этим так плохо справлялись предыдущие представители народа. Но его не поняли, и все кругом смеялись над его благородными намерениями, издевались, не давали покоя. Мартын боялся показываться даже в трактире. Если б это зависело от него, он вывесил бы над буфетом надпись: «Строго воспрещается поминать старое!»

Это была одна беда. В другой тоже был повинен Мартын и отчасти Анна, а страдать пришлось Миците. Кое-как с большим трудом окончила она среднюю школу. Потом одну зиму училась петь, на следующую

зиму поступила на драматические курсы, на третью весну махнула на все рукой и влюбилась в Яна Ремесиса, который к этому времени окончил медицинский факультет и работал ассистентом в одной из рижских больниц. Правду говоря, она любила своего избранника и раньше, но тогда ей не было ясно, чего именно она хочет от Яна Ремесиса, потому что флиртовать можно со многими, но выйти замуж — только за одного. А выйти замуж нужно было во что бы то ни стало, поэтому она теперь любила больше всех Яна. Здесь была надежная перспектива. И осенью жители побережья увидели бы блестящую свадьбу, если бы в ту весну один из еженедельных журналов не объявил конкурс женской красоты. В сердце корчмаря сразу же проснулся бес честолюбия. Мартын посоветовался с женой, и оба решили, что Миците должна участвовать в конкурсе:

— Не держи, дитя, свою свечу под спудом!

Для этой цели Миците специально сфотографировалась и тщательно ретушированную фотографию послала в жюри конкурса. Ее изображение получилось настолько приятным, что оригинал почти не узнал копию. Месяц спустя начался парад тщеславия: в каждом номере журнала одна страница была заполнена фотографиями красивых или считающих себя таковыми женщин. Блондинки и брюнетки, Гретхен и вампы*, пикантные головки под мальчика и мечтательные Миньоны, полные зовущей чувственности и сознания своей красоты. «Мы чудесные, божественные, неотразимые!» — казалось, говорили их улыбки, все они улыбались, и у всех на переднем плане сверкали зубы — с тех пор как зубная техника достигла современного высокого уровня, этот объект начал играть особенно видную роль в истории фотографии. И все они ожидали премию, считая себя красивее своих соперниц.

Премию получили пять человек. Миците не было среди них — она собрала совсем мало голосов. Она, конечно, не стала из-за этого хуже, чем была, но Яна Ремесиса после неудачи Миците словно слепень укусил: посторонние, понимающие люди отрицали красоту его невесты, другим она не казалась заслуживающей внимания, следовательно, ничего особенного она собой не представляет. Многие женщины на этом

конкурсе оказались лучше Миците — почему же я должен восхищаться тем, к чему другие равнодушны? Молодой человек стал более критически смотреть на свою избранницу, и его чувства охладели. Не мог он жениться на женщине, которая не так красива, как другие, — ему стыдно на такой жениться.

Это была вторая беда.

Третья касалась Эрнеста Зитара. Ему отказали в кредите в банке и в лавке, и почтальон слишком часто приносил извещения о сроках уплаты долгов. Каждое такое извещение было для Эрнеста неразрешимой загадкой: где бы сорвать? Никто больше не давал ему ничего, а все только требовали. Они, вероятно, думают, что в Зитарах золотое дно. Тупость кредиторов раздражала Эрнеста, он рвал извещения и не обращал внимания ни на угрозы, ни на просьбы — другого способа отомстить этим глупцам не было.

На мельнице Кланьгиса царило совсем другое настроение. Там радовались затруднениям Эрнеста и с нетерпением ждали, когда в Зитарах ударит молоток аукционера. Впрочем, там ожидали и еще чего-то, и на этот счет супруги не всегда придерживались одного мнения: Эльза ходила на сносях и гадала, кто у нее будет — сын или дочь. На людях — в трактире и на мельнице — Кланьгис гордился предстоящим званием отца и уже приглашал гостей на крестины. Дома, когда вблизи не было батраков, он говорил другое, потому что совсем не был настолько ограниченным, каким его считали люди. Он терзал жену, попрекал ее Марцинкевичем и другими парнями и грозил разводом, если мальчик не будет похож на него. Это был настоящий северный Отелло, но, так как его темперамент не стремился к кинжалу, Эльзу не особенно тревожили приступы ревности мужа. Пусть поворчит, пусть поломается — долго ли проживет еще этот старый хрыч. Насчет ребенка у нее были свои соображения: он необходим, чтобы после смерти мужа родственники Кланьгиса не стали оспаривать ее права на наследство. Если Кланьгис смог полюбить маленького Сашу, про которого все точно знали, что он сын другого человека, то он также полюбит и этого, и в конце концов все обойдется хорошо.

2

Это на самом деле было чудно: тысячи чужих людей читали произведения писателя Яна Зитара, а окружающие не имели ни малейшего представления о том, что он занимается подобными делами. Подозрения появились лишь тогда, когда он понемногу отошел от старого рыболовного дела и продолжал как-то существовать. Чего только тогда люди не выдумывали! Некоторые считали, что он занимается контрабандой, другие решили, что молодому Зитару посчастливилось в лотерее Красного Креста или он нашел спрятанное в дюнах морскими пиратами сокровище, лежавшее там веками. Недаром он так усердно читал и изучал книги и так замкнуто жил в своем маленьком домике.

В такой неизвестности ему удалось прожить почти три года. Это были годы безумного, непрерывного труда, поиски путей, отказ от всех жизненных интересов ради одной цели. Когда-то он сам эту цель осмеял и опорочил, а теперь она, словно в отместку, подчинила его целиком своей власти. Долгое время он не знал, успешна ли его работа или он, как Дон-Кихот, бесплодно борется с ветряными мельницами. Артист узнает о качестве своей игры сразу же после спектакля, потому что игра его все время протекает в непосредственном, почти физическом общении с публикой; успех атлета ясен и неоспорим уже в тот момент, когда он совершается; успех или неудачу пахаря обнаруживает осенний урожай. Но кто может установить читательскую признательность или неодобрение, когда читатели — это тысячи далеких, незнакомых людей, которых даже никогда и не встретишь? Можно лишь догадываться, воображать, но никогда нельзя знать точно.

Первая книга Яна Зитара разогнала эти сомнения. Но выхода этой книги ему пришлось ждать несколько лет. И только тогда он убедился, что у него много друзей и что его работа нашла в народе более широкий отклик, чем он ожидал.

Марта Ремесис первая выведала правду о деятельности Янки. Скоро об этом знали все, и отношение окружающих к младшему Зитару резко изменилось. Для старых знакомых Яна это было большой неожиданностью. Те, кто еще недавно уклонялись от дружбы

с простым рабочим, теперь пытались возобновить знакомство с писателем Зитаром. Они с изумлением наблюдали за тем, как этот человек выбирается из темноты, в которой он, согласно всем жизненным законам, должен был неизбежно погрязнуть. Он догнал тех, кто завоевал положение в обществе, — правда, с опозданием, но совершенно определенно, и волей-неволей приходилось уступать ему место рядом с собой. Плохо только, что он не отвечал им такой же горячностью, — за долгие годы он привык к одиночеству, и дружба, в которой ему до сих пор отказывали, сейчас оказалась лишней и ненужной.

Айя не могла теперь отделаться от любезностей Эльзы, ибо, к великому удивлению, хозяйка мельницы обнаружила, что писатель Ян Зитар, о котором повсюду говорили, приходится ей братом, к тому же любимым, и что она к нему всегда чувствовала симпатию. Янке это открытие не доставило особой радости, поэтому на мельнице он появлялся так же редко, как и прежде. Когда у Эльзы родилась дочь и она пригласила Яна быть крестным отцом, он отказался от этой чести и посоветовал обратиться к Эрнесту.

— Он старше меня и ни у кого еще не был крестным.

Янка больше всего дружил с жителями Болотного острова и, насколько позволяли обстоятельства, материально поддерживал их. Именно поэтому его так глубоко встревожил внезапный удар, обрушившийся на это семейство в середине зимы: однажды ночью дом Карла Зитара окружила толпа полицейских и айзсаргов. Позже стало известно, что среди них находился и Кланьгис. Они обыскали все уголки, обшарили чердак, погреб и дровяной сарайчик и, не найдя ничего компрометирующего, в конце концов все же арестовали Карла и увезли в Ригу. Несколько месяцев спустя его судили вместе с несколькими другими членами Видземской организации Коммунистической партии Латвии. Карла приговорили к двенадцати годам принудительных работ за антигосударственную деятельность.

Только теперь Янка понял, что за человек его брат. Он восхищался этим тихим, твердым человеком, который — единственный в семье Зитаров — отважился бороться за справедливость на земле не только для себя, но и для всего народа.

«Хороший, сильный Карл. Ты шел дорогой борьбы, в то время как я только умел брюзжать и иронизировать над могущественными мира сего. И хотя ты попал в тюрьму, тебе нечего стыдиться своей жизни, тогда как мне... мне, Яну Зитару, еще нужно искать настоящий путь. Почему я не знал этого раньше? Мы могли бы быть не только хорошими братьями, но и верными товарищами...»

Нисколько не считаясь с тем, что́ об этом могут подумать соседи и охранка, Янка часто ездил в Ригу, в Центральную тюрьму, на свидания с Карлом, отвозил продукты, посылал книги и вносил в тюремную канцелярию на имя брата деньги. Когда Кланьгис как-то заикнулся о том, что он этим вредит своей репутации в глазах государственных учреждений, Янка попросил его меньше заботиться о нем и больше о мельнице, от которой Кланьгису перепадает кое-какой доход.

После этого Кланьгис больше не докучал советами.

Теперь Янка еще чаще посещал Болотный остров и еще больше, чем до сих пор, помогал Сармите и деньгами, и советами. Сам он сделался задумчивым. На его книжной полке появились такие книги, каких там прежде не было, а вечерами он все чаще настраивал свой радиоприемник на московскую волну.

Не сразу — о нет! — постепенно Ян Зитар нашел свой путь и свое настоящее место в обществе. И пришло время, когда он смог встать в строй борцов и заполнить брешь, образовавшуюся в тот день, когда Карла Зитара насильно вырвали оттуда. Прекратилось одиночество Яна Зитара, наступил конец всем сомнениям и догадкам, и жизнь стала содержательной, как никогда прежде.

3

Ни для кого на побережье уже не было секретом, что судьба старой усадьбы Зитаров должна решиться в ближайшее время. Трактирщик Мартын и Кланьгис давно делили шкуру неубитого медведя, но, когда старое моряцкое гнездо наконец посетили таксаторы и вскоре после этого в газетах появилось объявление о

продаже дома с аукциона, даже Эрнест понял, что пришел конец его хозяйничанью.

— Ну, наконец дождались! — радостно сказал Кланьгис жене.

То же самое сказал трактирщик Анне. Полные радостных надежд, оба семейства ждали аукциона. На последней неделе перед торгами не проходило дня, чтобы в Зитарах не появился человек, желающий осмотреть дом. Однако все они уезжали, не сказав ни одного обнадеживающего слова. Поняв, что собственности не удержать в руках, Эрнест пытался выжать из нее все, что можно. Дом был оценен в восемь тысяч латов, такова же была и сумма долга. Если на аукционе не дадут этой суммы, Зитары останутся за банком. Если же Эрнест найдет до торгов покупателя, который заплатит больше, разница останется ему и трактирщик Мартын с Кланьгисом зря поедут в Ригу. Обширные залежи, истощенные поля и чахлые луга, где зелень молодой травы не могла закрыть желтизны прошлогодней нескошенной отавы, мало прельщали покупателей. Тот, кто теперь купит Зитары, первый год будет без урожая. Настоящих любителей земли эта покупка не могла соблазнить. Оставалась единственная надежда на спекулянтов. Но среди тех, кто приезжал осматривать дом, их, по-видимому, не было. Тогда Эрнест скрепя сердце отправился на мельницу к Кланьгису.

— Не дай меня разорить, — сказал он. — Подбрось тысячу-другую и бери дом.

Но Кланьгис предполагал, что на аукционе он приобретет Зитары дешевле, и не обещал ничего. То же сказал и Мартын.

— Не могу. Делай как знаешь, — ответил он. — Если б ты не был мне должен, я вовсе не ездил бы на аукцион. Теперь земля дешевая — за восемь тысяч можно купить самое лучшее хозяйство.

И вот наконец все отправились в Ригу: Мартын и Анна — на своем грузовике, Кланьгис, Эльза и Эрнест — на автобусе. На месте торгов они, к великому изумлению и огорчению, увидели Янку.

— Смотри, и ты здесь!.. — удивился Кланьгис.

— Да, — усмехнулся Янка. — Хочу посмотреть, что вы тут сотворите.

Эльза сразу поинтересовалась, не слышно ли что-нибудь о других конкурентах.

— Никого из чужих, вероятно, не будет, — успокоил ее Янка.

— Слава богу, — вздохнула Эльза. — Пусть лучше Зитары достанутся кому-нибудь из своих, чем чужим.

Трактирщик Мартын поспешил согласиться:

— Только поэтому я и приехал. В таких случаях своим нужно держаться вместе.

До начала аукциона в их беседах проявлялось удивительное единомыслие. Так и казалось, что их привела сюда единственно лишь забота о старинной собственности семьи, а не коммерческие соображения. Ты ли, я ли — главное, чтобы усадьба осталась за своими. Они с радостью готовы были уступить друг другу Зитары и успокаивали Эрнеста: пусть не горюет, будущий владелец усадьбы вспомнит о своем предшественнике, особенно если ему удастся дешево купить Зитары.

— После аукциона пойдем все в ресторан, — сказал Мартын. Это очень успокоило Эрнеста.

Начался аукцион. Уже самое начало рассеяло спокойное настроение родственников, и лица Мартына и Кланьгиса вытянулись: их было не двое! Этот хитрец Янка сидел здесь не зря, а с бесстыдным намерением угрожать своим родственникам в честной торговой сделке. Самым ужасным было то, что никто не знал его настоящих возможностей.

Вначале он только наблюдал за упорной борьбой Кланьгиса и Мартына. Торг начался с восьми тысяч латов, и оба благородных человека были того мнения, что всякий прибавленный лат будет чистым убытком. На восьми тысячах пятистах латах они уже начали колебаться, пожимать плечами и переглядываться с женами.

— Восемь тысяч пятьсот латов — раз... Восемь тысяч пятьсот латов — два и...

Кланьгис уже считал себя почти хозяином. Но в тот момент, когда аукционист поднял молоток для третьего удара, Янка впервые вмешался в торги.

— Девять тысяч.

Эльза нервно усмехнулась. А взгляд Мартына выразил горький упрек: можно ли так шутить в серьезных

делах? Дважды ударил молоток, и перед третьим ударом послышался хриплый шепот Кланьгиса:

— Девять тысяч сто.

Затем некоторое время состязались трактирщик с мельником, они прибавляли по пятьдесят, по двадцать пять латов. На девяти тысячах пятистах латах они опять растерялись. Затаив дыхание, и на этот раз Мартын ждал третьего удара. И опять его предотвратил спокойный голос Янки:

— Еще пятьсот латов!

Мартын тревожно переглянулся с женой. Кланьгис зашептался с Эльзой.

— Если Янка хочет получить дом себе, пусть он заплатит за него как следует, — шепнула Эльза.

— Только так, — согласился Кланьгис и поспешно крикнул:

— Еще двести латов!

Поняв, в чем дело, и Мартын постарался не отставать.

— Прибавляю сто латов.

За десять минут сумма поднялась до двенадцати тысяч. Последним набавил трактирщик. Янка молчал, когда аукционист возвестил: «Двенадцать тысяч латов — раз!» Он не произнес ничего и тогда, когда молоток вторично стукнул по столу. Мартын вспотел от волнения и почти с мольбой смотрел на Янку. Ну, набавляй же. Почему ты молчишь? Но Янка молчал. И молоток ударил в третий раз. За двенадцать тысяч латов усадьба перешла к трактирщику. Это было по крайней мере вдвое больше действительной стоимости.

Мартын заявил:

— Я отказываюсь.

— Тогда вы теряете внесенный залог, — пояснил аукционист.

— Пусть пропадает... — проворчал Мартын. — Лучше потерять сотни, чем тысячи.

Милые родственники в тот день поехали домой в самом мрачном настроении. Все сердились на Янку — этот бесстыдник подложил им свинью. Но Янка остался в Риге и не слышал, какими нелестными эпитетами наделяли его отъезжающие родственники.

Двумя неделями позже назначили новые торги, и усадьба за сумму долга осталась за государственным земельным банком — ни один спекулянт не дал больше.

4

Оглядываясь на свой жизненный путь, Янка видел: он достиг многого, почти всего, о чем когда-то мечтал, и больше любого из Зитаров. И это еще не предел, ведь ему только тридцать лет. Теперь он уже кое-что значил в обществе. Он знал, как это достигнуто, и мог почти смело предвидеть, что будет дальше, неясным оставалось одно — судьба самого дорогого человека; тогда он вспомнил о данном когда-то обещании: навестить на троицу девушку. Этой девушкой была Лаура.

Прошло уже десять троиц, а он так и не выполнил своего обещания. И вдруг сегодня прошлое, словно радуга, засияло над ушедшими годами. Опять было больно, щемило сердце, появилась полная тревоги тоска о невозвратном.

А что если поехать туда?

Как только он подумал об этом, желание стало для него необходимостью. Янка удивился, почему он раньше этого не сделал.

Отправляясь в путь, Янка не имел ни малейшего представления, кому нужно это запоздалое посещение. Он даже не подумал, как могли расценить этот шаг окружающие и имеет ли он какое-либо моральное оправдание. Настал один из тех моментов в жизни человека, когда рассудок молчит и дорогу ему указывает особое чувство, — это похоже на поступки лунатика, мечтателя. Разве Янка не был таким мечтателем? Ведь жизнь отказала ему в осуществлении самой прекрасной его мечты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

По оконным стеклам вагона катились капли дождя, и навстречу Яну Зитару бежал мокрый и серый мир. Маленькие пастушки в старой одежде взрослых дрожали от холода около своих стад. Запоздалый пахарь шагал по мокрой борозде за плугом. Мимо скользили, бесконечно сменяясь, реки, голые поля, кустарники и леса. Но Ян их не замечал. Проехав несколько часов, он сошел на большой сельской станции.

Было послеобеденное время. Еще недлинный путь по грунтовой дороге — и он у цели своего путешествия. На станции было много людей, которые ожидали поезда с газетами и почтой, но напрасно Янка искал в толпе знакомые лица. Он не встретил никого из семьи Ниедр. Но должны же быть здесь соседи, которые знают об их судьбе. И Ян подошел к старушке, которая, получив газету, собиралась уходить.

Ниедры? Ну, конечно, она их хорошо знает. Но к которым Ниедрам он идет, — здесь их несколько.

— Я когда-то знал тех, что перед войной уезжали в Сибирь, — пояснил Ян. — Мы там были соседями. Долгие годы не встречались, и, так как у меня случились дела в этих краях, хочется заодно навестить старых знакомых.

— Вы не тот землемер, что будет перемерять землю имения? — спросила женщина.

— Нет, я занимаюсь другой работой.

Разговаривая, они дошли до большака и свернули в сторону от станции. Женщина рассказала, что старший брат Ниедра живет здесь неподалеку в своем хозяйстве, а младший женился на единственной дочери какого-то хозяина и ушел в примаки в соседнюю волость. Остальные рассеялись кто куда.

Осторожно, стараясь сохранить напускное равнодушие, Ян расспрашивал женщину обо всех членах семейства Ниедр и получил вполне исчерпывающие сведения, потому что ему посчастливилось встретить одну из тех ежедневных ходячих хроник, которые в уединенных местностях заменяют газеты и информационное бюро. Обо всех он расспрашивал совершенно спокойно, но, когда заговорил о Лауре, его голос разом охрип и он стал запинаться.

— Лаура, это не младшая ли? — спросила женщина.

— Кажется, да, — закашлялся Ян.

— Ну, чем ей плохо? Вышла замуж за хорошего человека и теперь хозяйка.

— Давно?

— Лет пять, пожалуй, будет. Постойте, как это выходит... — женщина начала высчитывать. — В то лето, когда сгорел сарай в имении... нет, свадьба была на другой год, когда в наш приход назначили пастора. Так и есть, господин, пять лет тому назад.

— А которая же из дочерей Ниедры вышла замуж на следующее лето после возвращения из России? — растерянно спросил Ян.

— Это была вторая, Вилма. Младшая же прожила еще четыре года, а потом вышла за Грантыня.

Ян Зитар крепко стиснул зубы. Четыре года... Какое страшное недоразумение, и этого уже нельзя исправить. Виноват Фриц Силинь, который тогда рассказал о свадьбе Лауры, спутав ее с Вилмой. Он поверил словам друга, и жизнь его пошла по неправильному руслу. А ведь Лаура ждала его почти пять лет. Он не пришел, ничего не сообщил о себе, и Лаура перестала ждать. Если кто-нибудь делает ошибки, мы огорчаемся, но все же прощаем им. Если мы ошибаемся сами, то никогда не прощаем себе и потом страдаем всю жизнь.

Равнодушное повествование незнакомой женщины было для Яна Зитара словно землетрясение: он был оглушен, потрясен и возненавидел себя. Имел ли он право продолжать разыскивать Лауру? Чем мог он оправдать себя? Своим легковерием. Если бы тогда, после военной службы, он приехал сюда — все было бы иначе и он не ходил бы, как вор, по запрещенной дороге.

Немного успокоившись, он спросил:

— А эти Грантыни далеко живут?

— Километров шесть будет, — ответила женщина. — Он лесник, и дом у них стоит посреди леса. Порядочный кусок, полчаса ходьбы от большака. На том месте увидите столб с указателем.

Ян поблагодарил женщину и дальше отправился один. Он не спешил. Ненастье ему не мешало. Подняв воротник плаща, засунув руки в карманы, шагал он устало, словно прошел громадное расстояние. Когда навстречу ему ехали крестьяне или у дороги виднелся дом, Ян собирал все силы, встряхивался, а потом опять погружался в тяжелое раздумье и забывал об окружающем мире. Он увидел издали хозяйство брата Лауры, но не свернул туда. С наступлением сумерек он стоял у столба с указателем и читал надпись: «К хутору Грантыни».

Затем он достал расписание поездов и убедился, что сегодня он уже не сможет возвратиться в Ригу. Это хорошо. Ян Зитар не свернул в лес, а прошел по большаку еще несколько километров вперед. Там опять

стоял столб с указателем на Грантыни — отсюда можно было пройти туда с другой стороны. И вблизи ни одного дома. Почему он не мог оказаться заблудившимся путником, опоздавшим на поезд? Такому не отказывают в ночлеге...

Он курил папиросу и размышлял. Все было так просто. Приближался вечер, дождливая ночь. «Еще сегодня увижу ее...»

Наконец он свернул в лес и по изрытой корневищами дороге направился дальше. Немного погодя послышался лай собак, и за деревьями обрисовались темные очертания построек. В одном окне горел свет. Отгоняя палкой собак, Ян Зитар вошел во двор и постучал в дверь. Все еще шел дождь.

2

На крыльцо вышел серый босой мужчина, длинный, согнутый, встревоженный.

— Кто там? — неприветливо спросил он.

Ян подошел ближе и произнес:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — проворчал мужчина, недоверчиво глядя на незнакомца. — Что вам нужно?

Лесник, наверно, думал, что его пришел беспокоить запоздалый охотник или сортировщик леса — такие гости в Грантынях не были редкостью.

— Я шел на станцию, заблудился и опоздал на поезд, — сказал Ян. — Не можете ли вы сказать, где здесь поблизости есть гостиница или... приют для туристов? (Он знал, что гостиниц и официальных ночлежек в этой местности нет.)

— Не знаю. Здесь, по-моему, их нет... — пробормотал лесник. — Туристы здесь не бывают. Может быть, вы получили бы комнату в трактире?

— Далеко это отсюда?

— Восемь километров. Можно и у нас, но мы не привыкли к этому. Сами понимаете, — такое позднее время, и мы вас совершенно не знаем.

— Это верно, — согласился Ян. — Но вряд ли я сумею найти трактир. Мне эта местность совершенно незнакома.

— Так-то оно так, — лесник задумался. — Ума не

приложу, как вам помочь. Вы знаете, какие подозрительные люди теперь кругом ходят. Ты его впустишь, а утром смотришь — он уже исчез и прихватил с собой на память какую-нибудь хозяйскую вещь. Да у нас и помещения такого нет.

— Я могу переспать хоть в коровнике, лишь бы под крышей, — сказал Ян. — А чтобы вы были спокойны, отдам вам свой паспорт и...кошелек с деньгами. Тогда уж мне никак не убежать.

Они рассмеялись.

— Обождите немного, я переговорю с женой, — сказал лесник и вошел в дом.

«Теперь он говорит с Лаурой», — думал Ян Зитар, прислонившись к столбу крыльца. На него текло с крыши, но он не замечал этого. Большая лохматая собака пыталась украдкой обнюхать его и неизвестно почему дружелюбно завиляла хвостом.

«Они говорят обо мне, не зная, кто я такой. И Лаура решит, дать мне приют или прогнать прочь».

Он горько улыбнулся. Скоро открылась дверь, и лесник вышел на крыльцо.

— На сеновале над конюшней есть немного соломы, — сказал он. — Вы не курите?

— Я оставлю спички у вас, а то действительно может случиться, что не выдержу, — ответил Ян. Он вынул и отдал паспорт, кошелек с деньгами, коробок спичек.

— Как-то странно получается, но что поделаешь, — немного сконфуженно произнес тот, забирая вещи Яна. — Береженого бог бережет... — Кошелек с деньгами он вернул назад.

— Совершенно верно, — согласился Ян. — У меня тоже есть дом, возможно, и я поступил бы так же, как вы. Гостеприимство вещь хорошая, но и осторожность нужна.

— Пока не познакомишься, — заметил лесник. — В следующий раз, если вам доведется зайти, мы, может, будем разговаривать иначе.

Человек, если б ты знал... если бы ты знал...

Лесник проводил Яна до конюшни, показал лестницу и разъяснил, в каком углу больше соломы. Потом он дождался, пока гость расположится, и пошел обратно в дом. Нельзя сказать, что это посещение ему понравилось.

Ян постелил на солому плащ и снял ботинки. Убаюкивающе барабанил по крыше мелкий дождь, временами налетали порывы ветра. Яну не хотелось спать. Обхватив руками колени, он сидел в своем логове и думал: чем кончится это сумасбродное приключение? Что принесет утро и неизбежная встреча с Лаурой? Теперь ему уже не миновать этого. Его пугало возможное разочарование, а еще больше — подтверждение своих неясных предположений. Если бы Лаура оказалась не той, что сохранилась в его воспоминаниях, тогда после короткой минуты грусти пришло бы примирение с невозвратным и снова потекла бы тихая, бедная мечтами жизнь. Но если Лаура появится в прежнем очаровании, с преображенной годами, но все же неисчезнувшей притягательной силой, тогда каким окажется он нищим и уже всю жизнь не сможет забыть ее! И это будет тяжело, очень тяжело. Но как бы там ни было, он сам искал этой встречи, и ему нужно выстрадать все до конца.

Вдруг он вспомнил, что в паспорте было несколько его визитных карточек:

ЯН ЗИТАР
писатель

Они обязательно будут разглядывать паспорт и найдут визитные карточки. После этого...

Вдруг в доме хлопнула дверь, и во дворе раздались поспешные шаги. Ян Зитар понял: ему не суждено встретить утро над конюшней. Это должно произойти еще сегодня.

— Господин Зитар, вы еще не спите? — раздался внизу, у лесенки, голос. Этот голос! Он его забыл, но теперь вспомнил: он был таким же, как когда-то.

— Нет, — отозвался он. — Вы хотите мне что-то сказать?

— Пойдемте в дом. Почему вы сразу не назвали себя? Вам во всякое время нашлось бы место. Нам так неудобно...

— Как, разве вы меня... знаете? — Ян сделал вид, что удивлен, и потихоньку нащупывал дорогу к лесенке. — Я здесь очутился совершенно случайно. Если бы я знал, что у меня здесь знакомые, я... — дальше притворяться было неудобно, и, смущенный, он спустился по лесенке. Отряхнув с одежды соломинки, он

смотрел на Лауру. В вечернем сумраке виднелись только очертания ее фигуры, выбившаяся прядь волос и руки, придерживающие на груди свободно накинутое пальто.

— Добрый вечер, — произнес он охрипшим голосом и протянул Лауре руку.

— Приветствую вас, Ян Зитар, — прошептала Лаура. Жесткая, огрубевшая от работы рука ее дрожала в руке Яна. Он долго держал эту руку в своей и не знал, что еще сказать.

На противоположной стороне двора скрипнула дверь. На крыльце показалась сутулая фигура лесника; он кашлянул. Лаура нервно пожала руку Яна. Чуть слышно шепнула:

— Пусть остается так, что ты зашел случайно. Он не должен ничего знать, — затем она громко, с веселым оживлением продолжала: — Господин Зитар, мы не можем допустить, чтобы такой знатный гость ночевал на сеновале.

— Если бы вы только знали, как мне там было хорошо, — в тон ей ответил Ян, следуя в дом. — Я и так доставил вам беспокойство, появившись в такой поздний час. Теперь хлопоты увеличились.

— Таким хлопотам можно лишь радоваться, — весело возразила Лаура. — А теперь я на минуточку оставлю вас одних, — добавила она, когда они дошли до крыльца. — Петер, ты займись гостем. Я пойду на кухню, позабочусь об ужине.

И, прежде чем Янка успел предупредить, чтобы о нем не беспокоились, она уже вышла.

— Очень интересно... — сказал лесник. — Мы вас встретили как разбойника, а выходит, что вы даже знакомый человек. Мы ведь все читаем ваши книги.

«Он, наверно, еще не знает, что Лаура знакома со мной не только по книгам», — подумал Ян.

— В жизни бывают разные истории, — ответил он. — Случается иногда так, что сам разговариваешь о себе с другим человеком и он этого совсем не знает. И это хорошо, потому что только таким образом можно узнать, что другие о тебе думают.

Они опять посмеялись, и лесник пригласил гостя в комнату. Это было просторное помещение, предназначенное для семейных праздников и приема гостей. Рога

оленей и косуль на стенах указывали на занятие хозяина. В углу комнаты, напротив чучела совы, стояло чучело ястреба, обе птицы словно смотрели друг на друга — одна зло и презрительно, другая со строптивым упрямством. На видном месте среди охотничьих трофеев висели два скрещенных ружья. Простой письменный стол, диван, несколько стульев и этажерка с книгами. На этажерке Ян увидел свою фотографию, и эта мелочь вдруг заставила его покраснеть. На полке стояли все его книги. Значит, он все время пребывал здесь, если не физически, то своими произведениями, мыслями и их отзвуками. И Лаура думала о нем. Это должно было обрадовать его, а он почувствовал печаль. Милая, далекая, самая близкая...

Он говорил с лесником о его работе, рассказывал что-то о себе. Говорил и внимательно изучал этого человека, а тот и не подозревал, какую роль играл в судьбе гостя. Он был несколькими годами старше Яна, заурядной внешности и нрава, без особых недостатков, но и без выдающихся достоинств — обычный тип честного трудового человека. Он спокойно и добросовестно работает, пользуется расположением начальства и уважением соседей, для своей семьи хороший кормилец, не слишком добродушный, но и не тиран. Обыкновенный человек... далекий от всех бурь и треволнений, маленькая, но устойчивая опора общественного здания. О таких много не думают, но без них нельзя обойтись. Зная себе цену, они не кичатся этим, но и не дают себя в обиду, а подчас становятся опасными из-за своего упрямства — они не гонятся за большим и поэтому не желают терять даже самое малое.

В кухне гремит посуда. В дальней комнате заплакал и сразу замолчал ребенок.

Когда Лаура, накрыв на стол, пригласила Яна к ужину, лесник Грантынь попросил извинить его; завтра с утра ему нужно пойти на дальнюю делянку проверить работу — там подготовляли землю для посадки молодых сосен. Он ушел в свою комнату. Ян с Лаурой остались вдвоем.

— Он на самом деле так устал или... ушел из вежливости? — спросил Ян.

— Он нелюдим... — пояснила Лаура. — Разговаривать с незнакомым человеком — для него большое мучение.

Я уверена, что сейчас он чувствует себя виноватым в том, что взвалил эту обязанность на меня одну.

Ян в обед почти ничего не ел, но и сейчас он ограничился только куском хлеба с маслом и стаканом молока. Напрасно Лаура уговаривала его поесть. Он смотрел на нее и в глубоком удивлении спрашивал себя, как он мог потерять эту женщину, так долго не думать о ней, найти ей замену. Однажды, уже разыскав ее после трехлетней разлуки, он дрожал, охваченный боязнью: будет ли Лаура такой, какой он лелеял ее в своих мечтах? В тот раз свидание рассеяло все его сомнения и наполнило сердце изумлением и радостным удивлением. Теперь он встретил ее спустя десять лет, и это удивление было еще больше: ни время, ни жизнь не смогли уничтожить обаяния Лауры, — мечта Яна Зитара была вечной и неизменной. Но он знал также, что это всего лишь мечта и ему суждено видеть ее на короткий миг, чтобы потом с новой болью в сердце продолжать свой одинокий путь. Она выглядела не совсем такой, как десять лет назад, но ей была присуща способность всякую перемену обращать в свою пользу. Взгляд ее не был уже таким блестящим, о нет, эти глаза хранили в себе тени тихой грусти, в глубине их таились темные отблески неразгаданных страданий, а две резко обозначившиеся около рта морщинки рассказывали Яну Зитару о чем-то мрачном. Голос Лауры приобрел резкий, жесткий оттенок, улыбка ее казалась полной беспокойства и словно таила в себе невысказанные мысли. И все же это была она, неповторимая и единственная. То, чего искал Ян во всех встречавшихся женщинах и что в каждой из них находил лишь в каких-то мелочах, здесь было собрано воедино, цельное и гармоничное: ты моя, я твой... Так звучала эта вечная истина.

«Ты моя, я твой...» — думал Ян Зитар. Так должно быть. Но так не было. И это не соответствовало правде жизни. Поэтому в мире так много несчастных людей, поэтому в жизни так много лжи, порока и зла.

«Ты моя, я твой...» — вновь и вновь думал Ян Зитар, не сводя глаз с женщины, которую чужой называл своей женой.

«Я твоя, ты мой...» — думала Лаура, лаская взглядом человека, который принадлежал другой женщине. И

вот теперь вместо двух счастливых живут четверо несчастных.

И они двое вынуждены сейчас равнодушно и холодно рассказывать друг другу о своей жизни, работе и о своих детях. Два благоразумных человека беседовали и сгорали от душившей их изнутри силы, которая толкала их друг к другу, а они не смели ее послушаться. «Милый, милая...» — говорили их взгляды и сердца, а с губ слетали другие слова. Так проходили часы. Ян Зитар вписал посвящения в свои книги, стоявшие на полке Лауры. Одну он перелистал. Из нее выпало несколько засохших цветков сирени. Покраснев, Лаура улыбнулась.

— Это цветы моего счастья. Я знала, что ты когда-нибудь приедешь, Ян Зитар, они мне это предсказывали. Почему ты не пришел раньше?.. Каждую весну я надеялась на чудо: в этом году он придет. Искала цветы счастья и хранила их. А ты исчез, но появились твои книги. И я узнала, что ты еще существуешь, но... уже было поздно. Я все же продолжала надеяться, ждала тебя, и нынешней весной у меня было такое предчувствие, что ты придешь. Не смейся, Ян, я не суеверна, но на этот раз мне хотелось верить в чудо.

Он и не думал смеяться. Сокрушенный судьбой, он еще осознавал, какую страшную силу эта самая судьба вложила в его руки: если бы он хотел, то мог бы разбить две семьи — свою и Лауры, одним единственным движением смог бы отомстить за несправедливость, нанесенную им обоим. Если бы он позвал: «Пойдем!» — Лаура последовала бы за ним, и позади них остались бы две выжженные пустыни. И что же дальше? Были бы они счастливы? И состояло ли их счастье в непосредственной, неразрывной близости? Может быть, они не созданы были для такого обыденного счастья и все очарование таилось именно в его недоступности?..

А может быть, они опять совершают ошибку?

Потом он лежал в темной комнате, много курил и думал. Он понимал, что теперь уже ничего нельзя изменить, их жизни связаны с другими людьми. Сила его сознания, стойкость, закаленная трудной жизнью, не позволяли губить жизни других.

На следующее утро Ян Зитар встал рано и сразу собрался в дорогу. Завтракал он вместе с мужем

Лауры — тот еще не ушел на делянку и, по-видимому, не собирался никуда идти.

— Вам следует поторопиться, если хотите поймать утренний поезд... — сказал лесник. — Следующий пойдет только после полудня.

— Я поеду первым, — ответил Ян.

Так он и сделал. К утру дождь перестал, и на рассвете мокрая трава засверкала в лучах солнца, точно зеленый, усеянный бриллиантами убор. Мычали коровы лесника, лес звенел голосами птиц, и полосатая гадюка ползла в поисках сухой кочки, чтобы отдохнуть.

Поблагодарив за ночлег, Ян простился с лесником и Лаурой. Муж остался в комнате, а Лаура вышла вслед за гостем и проводила его до дороги. Проходя через прихожую, где никого, кроме них, не было, Лаура в первый и единственный раз прильнула к Яну:

— Милый... благодарю тебя за это посещение.

И, так же как тогда в карантине в Резекне, ее рука с легкой лаской коснулась руки Яна. У дороги они остановились и сделали вид, что серьезно о чем-то разговаривают, потому что в окне появилась фигура лесника.

— Ты придешь еще когда-нибудь? — спросила Лаура.

— Может быть, дорогая...когда ты позовешь.

— И опять пройдут годы, зимы и лета...

Вспыхнул ли в ее глазах огонь минувших дней или это лишь блеснувшие на солнце слезы?

— Ты... его любишь? — спросил Ян, кивнув головой на дом.

— Любить можно только одного... ты знаешь, кто он... Моя жизнь — кошмар, и нет надежды даже проснуться. Поэтому я избегаю думать об этом.

Человек, беспокойно ходивший по комнате, постучал в окно. Но Лаура не спешила. Человек подождал немного и открыл окно.

— Ребенок плачет. Иди, Лаура, мне не успокоить его...

Ребенок действительно плакал, пронзительно, капризно, и Яну показалось, что в его голосе звучит эгоистичный зов этого маленького, находящегося под угрозой мирка: «Не покидай нас».

Короткое, внезапно оборвавшееся прощание — и они пошли каждый своей дорогой.

В комнате лесник недовольно сказал Лауре:

— Не понимаю, о чем можно так много говорить с незнакомым человеком.

Лаура побледнела и, ничего не ответив, крепче сжала губы, да вокруг рта резче обрисовались две глубокие морщины. Она подошла к колыбели, взяла ребенка. Он перестал плакать.

3

...Идет снег, и цветут яблони, и опять идет снег, и опять цветут они, и каждый день новый, не похожий на минувший. И люди новые, но стар их род, их радости, печали, тоска и счастье. Седые сосны на дюнах шумят над старым моряцким гнездом, но там уже нет ни одного моряка. Далеко-далеко, одинокий и забытый, лежит старый капитан; летом на его могиле расцветают таежные цветы, завывают над ней зимние вьюги и засыпают ее сугробами снега. Последний моряк из Зитаров сидит на берегу, слушает шум моря, но не видит больше эту великую отчизну своих предков. У ног его дети возводят на пляже дворцы из песка, но это не его дети, и, когда он умрет, ни один Зитар не уйдет больше в море, хотя род их жив и днем и ночью неумолчно звучит зов моря.

В старой усадьбе хозяйничают чужие люди, ломают старое, строят новое. Спит на кладбище старый Криш; дети Яна и Карла Зитаров иногда посещают место его последнего отдыха и приносят цветы на могилу старого труженика. Не видно среди жителей побережья и Эрнеста: сразу же, после того как суд выселил его из усадьбы, он покинул край, чтобы постепенно зачахнуть в каком-нибудь забытом углу, как отломившийся от дерева сук. Тюрьма или дом умалишенных — не все ли равно, где он обитает? Никто о нем больше не вспоминает.

Томится в тюрьме Карл Зитар — человек, задумавший построить новый мир посреди болота, — но он не забыт. И хотя напрасным оказался его нечеловеческий труд на Болотном острове — там, так же как прежде, ползают змеи и дятлы долбят трухлявые пни, а кусты ольхи наступают на маленькие поля, отвоеванные у природы человеком, — но нет дня, когда бы не вспоминала о Карле маленькая, героическая женщина; она теперь одна растит своих детей.

— Когда папа придет домой? — спрашивают ее утром и вечером дети.

— Скоро, милые, теперь уже недолго ждать... — отвечает Сармите. А сама отворачивается и прячет набежавшие на глаза слезы, потому что много лет пройдет, прежде чем кончится срок заключения Карла Зитара. Нет, одинокими они все же не чувствуют себя никогда; об этом заботятся товарищи Карла, об этом хлопочут Ян Зитар и Айя. Они часто навещают Болотный остров, помогают Сармите в тяжелой жизненной борьбе, приходят на толоку весной, когда нужно обработать крохотные поля, и осенью, когда начинается уборка урожая. Каждый раз, когда Ян Зитар получает деньги за свои сочинения, часть он отдает Сармите, часть оставляет на нужды своей семьи, а остальное передает на такие дела, о которых еще нельзя говорить вслух на этой угнетенной и униженной земле. Да, в рядах борцов он занял место своего брата и по мере сил выполняет свой долг. Из-под его пера в последнее время выходят суровые и полные горечи слова, и хотя ему еще приходится говорить вполголоса, иногда — аллегорически, но народ понимает, что он хотел сказать! Часто Янке кажется, что всего этого недостаточно, хочется говорить в полный голос и называть вещи их настоящими именами; тогда он запирается в своей маленькой рабочей комнатке. Спустя некоторое время появляется нелегальное воззвание, прокламация, статья в подпольной газете «Циня»* или в зарубежном периодическом издании. Под ним не стоит имя Яна Зитара, но не имя играет роль в данном случае — важно то, что там написано.

Ян Зитар знает, что когда-нибудь придет время и он сможет здесь же, в Латвии, говорить в полный голос и не нужно будет прибегать к аллегориям, — это время, когда восторжествует справедливость и правда и Карл Зитар сможет свободным ходить по родной земле. Он верит, он знает, что так будет, поэтому у него хватает сил, чтобы жить и трудиться даже в том душном подневольном мире, в каком пока принужден жить он и весь его народ.

Должно же когда-нибудь наступить утро — ни одна ночь не может длиться без конца!

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ — «СИБИРЬ»

С. 69. *Волостной магазин* — существовавший начиная со второй половины (или конца) XVIII в. в каждой волости Российской империи склад, на котором хранились определенные (в зависимости от численности населения волости) запасы продовольствия (зерна) на случай неурожая. Взятое из волостного магазина взаймы зерно крестьяне после сбора нового урожая должны были возвратить с процентами. Для помещиков, а позднее — кулацкой верхушки волости выдача хлебных займов из волостного магазина служила дополнительным средством закабаления беднейшего крестьянства.

С. 74. *Пура* — старая латышская мера твердых (сыпучих) тел — примерно 3 пуда, или 50 кг.

С. 92. *Чернь* — алтайское название тайги, дремучего векового леса.

С. 107. *Берковец* (birkavs) — старинная русская, а также и латышская мера твердых (сыпучих) тел — 10 пудов, или 160 кг.

С. 123. *В Иванов день, когда... разносились песни Лиго...* — Иванов (Янов) день — день летнего солнцестояния, 24 июня (см. прим. к с. 62 первой книги), — латыши со времен языческой древности отмечали как народный праздник (праздник Лиго). В ночь под 24 июня люди, увенчав всех Янов венками из дубовых листьев, пили пиво, закусывая его тминным сыром, плясали вокруг костров и прыгали через них и пели народные песни из обширного цикла так наз. песен Лиго (после каждой строки повторялся припев

«лиго, лиго»). Песни эти пели и днем 24 июня. В настоящее время праздник Лиго связывается главным образом с началом нового цикла полевых работ (начало сенокоса) в колхозной деревне.

С. 126. *«Латышский национальный совет».* — Имеется в виду так наз. Центральное бюро Латышского национального совета Сибири и Урала (ЦБЛНССУ), созданное в марте 1919 г. в Иркутске на съезде представителей контрреволюционных латышских организаций с занятой колчаковскими войсками территории в результате слияния действовавшего с середины 1918 г. на Дальнем Востоке латышского Центрального бюро с учрежденным в октябре 1918 г. в Омске Сибирским латышским национальным советом. ЦБЛНССУ, действуя под непосредственным покровительством французского генерала Жанена — высшего военного представителя стран Антанты при штабе Колчака — и пользуясь финансовой поддержкой Франции, пыталось сформировать собственные воинские части в целях отправки их затем в Латвию для борьбы с революционным движением латышского народа.

— *...Имантский и Троицкий полки, которые формировали, чтобы потом морем отправить их в Латвию.* — В годы первой мировой войны сотни тысяч латышей были эвакуированы в глубинные районы России вплоть до Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, в этих районах начиная с середины XIX в. жило значительное количество латышей, которые переселились сюда, чтобы избавиться от гнета прибалтийско-немецких баронов. Главари латышских контрреволюционных организаций на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке (все эти территории находились тогда в руках колчаковцев), рассчитывая использовать этих людей в своих корыстных целях, в конце 1918 г. приступили, пользуясь финансовой поддержкой стран Антанты (главным образом Франции), к сколачиванию своих воинских частей, намереваясь на судах этих стран доставить их затем в Латвию, с тем чтобы они там приняли участие в борьбе за создание буржуазного Латвийского государства. Так наз. Троицкий полк (он же Латвийский стрелковый полк) формировался начиная с октября 1918 г. в Троицке (Оренбургская губерния), причем он практически входил в состав войск белочехов, вместе с которыми принимал участие в военных действиях против Красной Армии. Пройдя вместе с бегущими разгромленными частями Колчака через

всю Сибирь (при этом многие стрелки полка перешли на сторону Красной Армии), он весной 1920 г. перебрался в Маньчжурию и затем из Владивостока на английском пароходе был доставлен в Латвию. Имантский полк был создан в ноябре 1918 г. во Владивостоке и использовался там затем для несения гарнизонной и караульной службы. Часть его стрелков при этом также перешла к красным партизанам. В течение 1920 г. Имантский полк на нескольких английских пароходах был перевезен в Латвию.

С. 162. *Пурвиета* — старая латышская мера земельной площади, примерно 1/3 гектара.

С. 165. *В селе начался всеобщий Юрьев день.* — В Юрьев день (23 апреля), к началу нового хозяйственного года в деревне, в Латвии обычно истекал срок контрактов, заключенных между батраками и хозяевами, и батраки, как правило, нанимались к новым хозяевам. Поэтому в переносном смысле Юрьев день означает переезд на новое место жительства и хлопоты, связанные с этим переездом.

С. 166. *«Катеньки», «петеньки»* — царские кредитные билеты струблевого и пятисотрублевого достоинства с портретами Екатерины II и Петра I.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ — «ДОРОГА ДОМОЙ»

С. 189. *«Без вины виноватые»* — пьеса А. Н. Островского (1823—1886); написана в 1884 г.

С. 196. *«Сверчок на печи»* — инсценировка одного из «святочных рассказов» английского писателя Чарльза Диккенса (1812—1870).

С. 213. *«Уриель Акоста»* — драма немецкого драматурга Карла Гуцкова (1811—1878), рисующая судьбу вольнодумца, затравленного мракобесами-раввинами (действие пьесы происходит в XVII в. в Голландии). Написанная накануне революционных событий 1848 г. (в 1846 г.), драма Гуцкова способствовала распространению в Германии революционных настроений.

С. 224. *Малиена* — восточная периферия Видземе (латышской части Лифляндской губернии).

С. 239. *...Феликс Дзержинский в своем обращении...* — Имеется в виду обращение Ф. Дзержинского (наряду с постами председателя ВЧК и народного комиссара внутренних дел он

с апреля 1921 г. занимал пост народного комиссара путей сообщения) «Граждане! Железнодорожники!» с призывом к решительной борьбе со взяточничеством на транспорте, опубликованное в газете «Гудок» 6 декабря 1921 г. (см.: Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Изд. 2-е, доп. М., 1967, с. 308—309).

С. 244. *«Борис Годунов»* — народно-историческая музыкальная драма М. П. Мусоргского (1839—1881), созданная композитором в 1874 г. по исторической трагедии А. С. Пушкина.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ — «СУРОВАЯ ЖИЗНЬ»

С. 261. *Постолы* (пасталы) — легкая самодельная обувь латышских крестьян, изготовленная из цельного куска кожи без швов; на ноге закреплялась веревочкой или полоской кожи, продетой в отверстия по краям постол.

С. 272. *Айзсарги* («защитники») — члены существовавшей в буржуазной Латвии военизированной реакционной организации, созданной весной 1919 г. в ходе борьбы против сторонников Советской власти. Организация айзсаргов, так же как аналогичные организации в соседних буржуазных странах (кайтселийт в Эстонии, шаулисы в Литве, шюцкор в Финляндии), представляла собой ударную силу буржуазии в борьбе против революционного движения городского и сельского пролетариата, причем эта хорошо вооруженная и организованная в полки (по территориальному принципу) «вторая армия» превосходила по численности армию буржуазной Латвии. Оказавшись постепенно под безраздельным влиянием кулацкой по преимуществу партии «Крестьянский союз», организация айзсаргов явилась главной силой, которая осуществила в ночь с 15 на 16 мая 1934 г. фашистский переворот, приведший к власти в Латвии лидера этой партии К. Ульманиса, и в годы существования диктатуры Ульманиса (1934—1940) была основной ее опорой. В период Великой Отечественной войны бывшие айзсарги на временно оккупированной гитлеровскими захватчиками территории Латвии тесно сотрудничали с ними.

С. 278. *Юрьев день...* — См. прим. к с. 165.

С. 286. *Наслаждайся и думай о Вифлееме...* — По евангельской традиции, в Вифлееме (в Палестине, в нескольких километрах от Иерусалима) в пещере родился Иисус Христос.

С. 299. *Рассказ об Иосифе и жене Потифара.* — Имеется в виду библейский миф (кн. Бытия, гл. 39), согласно которому добродетельный и красивый Иосиф, будучи управителем в доме египетского царедворца Потифара, стойко отвергал домогательства его распутной жены, которая в отместку обвинила Иосифа в попытке покуситься на ее честь, в результате чего он был брошен в темницу.

С. 306. *Остров смерти и Пулеметная горка.* — См. прим. к с. 253 и 277 первой книги.

С. 307. *...получит какой-нибудь центр имения.* — После установления в Латвии в 1919—1920 гг. власти буржуазии в стране была осуществлена аграрная реформа. Целью этой реформы, буржуазной по своей сущности, было путем раздела имений прибалтийско-немецких баронов, с одной стороны, привлечь на сторону буржуазии часть деревенской бедноты и тем самым оторвать ее от революционного движения, а с другой — обеспечить буржуазии приобретение новых богатств, поскольку лучшие земли, притом большими участками (так наз. центры имений), предоставлялись лицам, активно участвовавшим в «борьбе с большевизмом», и другим представителям правящей верхушки.

С. 309. *В церкви венчали... с маршалами.* — По перенятой латышской буржуазией немецкой мещанской традиции, во время свадебной церемонии невесту, а иногда и жениха сопровождали их друзья, особенно нарядно одетые, с широкими цветными шелковыми лентами через плечо, иногда с рапирами в руке — так наз. маршалы (часто эту роль исполняли студенты-корпоранты, т. е. члены реакционных студенческих объединений).

С. 312. *Крестьянский союз* — крупнейшая, крайне правая партия латвийской сельской, а также и городской буржуазии. Созданная весной 1917 г., в буржуазной Латвии руководила большинством сменявших друг друга правительств. В 1934 г. лидер Крестьянского союза К. Ульманис установил в Латвии фашистскую диктатуру, которая просуществовала до 1940 г., когда была сметена революционными трудящимися массами.

С. 316. *Жидкая путра* — жидкая ячневая каша с простоквашей, национальное латышское блюдо.

С. 322. *Инструкторская рота* — в буржуазной латвийской армии подразделение, в котором из специально отобранных солдат готовили инструкторов (младших командиров).

С. 329. *Конфирмация.* — См. прим. к с. 130 первой книги.

С. 359. *Томас Чаттертон* (1752—1770) — юный английский поэт доромантического периода, выдававший свои произведения за якобы обнаруженные им в рукописи сочинения монаха Роули, будто бы жившего в XV в. Когда обман открылся, покончил жизнь самоубийством.

С. 367. *У Попова...* — Имеется в виду фирма по торговле скобяными товарами «Братья Поповы»; в досоветской Риге ей принадлежало несколько магазинов.

С. 383. *Андреевская гавань* — часть Рижского морского торгового порта у нынешнего морского вокзала и несколько ниже его по течению реки Даугавы.

С. 398. *...когда пришло время, тетка отправила ее на ученье...* — Имеются в виду проводившиеся пастором подготовительные занятия, которые предшествовали конфирмации (см. прим. к с. 130 первой книги).

С. 400. *...взять одр свой и идти* — перефразированное евангельское изречение («Евангелие от Матфея», гл. 9, 7).

С. 460. *...нет пророка в своем отечестве* — перефразированное евангельское изречение (там же, гл. 13, 57).

С. 461. *Вамп* (от *вампир*) — созданный голливудской кинопромышленностью в 20—30-х годах тип буржуазной светской женщины, неотразимо сексапильной, с «демоническими» чертами в облике и характере, руководствующейся в своем поведении и связях холодным расчетом и приводящей к разорению, а иногда и к гибели мужчин, встречающихся на ее пути.

С. 481. *«Циня»* («Борьба») — газета, главный орган латышского революционного рабочего движения. Основанная в 1904 г., выходила в подполье в период царизма и затем в годы диктатуры буржуазии, когда была центральным органом Коммунистической партии Латвии. Ныне — орган ЦК Коммунистической партии Латвии, Верховного Совета и Совета Министров Латвийской ССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. СИБИРЬ 5
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ДОРОГА ДОМОЙ 169
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. СУРОВАЯ ЖИЗНЬ 257
ПРИМЕЧАНИЯ 482

ВИЛИС ЛАЦИС
СЕМЬЯ ЗИТАРОВ
IV—VI

ИБ № 432

Редакторы С. ЛЕВИ, В. ПАРАМОНОВА. Художественный редактор Г. КРУТОЙ. Технический редактор М. АНДЕРСОНЕ. Корректоры Л. КУЗЬМИНА, З. ТРУКШАН.

Сдано в набор 29 июня 1974 г. Подписано к печати с матриц 28 апреля 1977 г. Бумага типогр. № 1. Формат бумаги 84×108/32. 15,25 физ. печ. л.; 25,62 усл. печ. л.; 26,48 уч-изд. л. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 90 к. Издательство «Зинатне». Рига, ул. Тургенева, 19. Отпечатано в типографии «Циня» Государственного комитета Совета Министров Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Рига, ул. Блауманя, 38/40. Заказ № 2999-Л.